

Александра Сергеева

**ПОПАЛИСЬ
И ПРОПАЛИ**

Однажды Руана упала с быка — со всяким случается. И потеряла память — случается не со всяким.

Заново изучая мир, она узнала о враждующих в нём магах. О том, что она не такая, как все. Что любит свою сестру. Что сестру всякий рад назвать женой, а сама Руана никому и даром не нужна. Хотя её заботит совсем другое.

Почему ей снится неведомый сказочный мир, где железные разноцветные кареты носятся сами по себе? А в белых узких шкафах замурован мороз.

Как ей выжить в войне магов?

И как спасти свою прекрасную сестру от похотливого императора.

— И эти потоки магического ДАРА пронизывают весь наш мир, — монотонно бубнил учитель, водя пальцем по расстеленной карте. — От северных берегов Безграничных вод до южных. И от восточных берегов до непроходимых Срединных гор. Которые горы, конечно, преодолевали: находились смельчаки. Однако обратно мало кто вернулся! — с непонятной угрозой в голосе провозгласил он.

Будто и сам был причастен к героическому путешествию. Глупцы — скривилась Руана — падки на чужую славу. Читают о героях древности и видят в них себя. Жалкие притворщики — покосилась она в сторону одного из таких любителей примерять на себя славные деяния других.

Впрочем, откуда у него взяться истинным подвигам? Всю жизнь повторяет, как попугай, чужие мысли. Описывает чужие открытия, ради которых истинные учёные преодолели тысячи препятствий на сотнях дорог. А сам с места не двинется — непроизвольно глянула Руана вниз, на крепостной двор, где жизнь была ключом.

Подоконник, на котором она угнездилась, слушая урок, был широким. Беда, что окно низковато. Даже встав на коленки и уткнувшись макушкой в верхнюю притолоку, внизу мало что разглядишь. Впрочем, там и любоваться-то не на что. Кроме разве что ворот с подъёмным мостом.

— И с древности все наши предки умели воспользоваться потоками ДАРА, — теребя явно засвербивший нос, прогундосил учитель.

Достал из рукава платок, высморкался, свернул его, убрал в рукав и... Всё равно чихнул.

— Приношу у таарии прощения за эту неловкость, — степенно извинился он, трижды качнув головой.

— Во здравие, достопочтенный учитель, во здравие, — пробормотала Руана, спустив с подоконника затёкшие ноги.

И решила, что с неё хватит. Бесспорно, учитель — кладезь полезных и не очень знаний. Но какой же он ограниченный и нудный! Сил нет терпеть его зудение — а главное, времени. Ей нужно срочно восполнить утраченную память. И разобраться с дикими снами, где она жила другой жизнью: невероятно увлекательной — просто сказочной.

— Учитель, ты много раз обещал рассказать: почему люди используют магический ДАР по-разному? Откуда пошло разделение на таких, как мы, тааров и яранов? ДАР наделяет тех, кому он даётся, одинаковой силой. Однако наши умения различаются.

Учитель деликатно почесал нос кончиком пальца и признался:

— На самом деле никто уже толком не может разъяснить сей казус. Хотя пытались многие.

— А ты как думаешь? — понукнула Руана несносного канительщика.

Он с подозрением покосился на высокородную ученицу: не насмехается ли таария над таким признанным учёным, как он? Она, конечно же, насмехалась: он был уморителен, свято веря в свою исключительность. Но лицо дочери хозяина поместья являло собой безупречную маску почтительности.

Несмотря на терзавшее Руану лютое раздражение. Ей до зарезу нужно знать: отчего маги поделились на две касты, черпая магический ДАР в одном и том же источнике. И это не праздное любопытство.

Таары — к которым принадлежала её семья — и яраны недолюбливают друг друга. О чём она узнала в числе первых новостей, хлынувших в девственно чистую после падения с быка голову. До смертельной вражды обе касты магов ещё не дожили, однако, та не за горами.

А уж тогда полыхнёт так, что закачается небо. Кастам есть, что предъявить друг другу. И лично ей крайне важно знать: что им делить?

Таары мирно растят хлеб, сады и скот в своих поместьях центральных, восточных и южных уездов империи. На своих исконных землях. У яранов своей полезной земли нет: они родом с северных пустошей. Зато именно они защищают империю: нет воинов свирепей ни в одном государстве известного мира. За это таары содержат своих защитников в достатке.

Все они просто обязаны мирно соседствовать, ибо зависят друг от друга в равной степени. Иначе империю раздерут на части жадные соседи. Так говорят все, кто называет себя родичами Руаны. И прочий народ, с которым она успела познакомиться после долгого пребывания в лихорадке и беспомощности.

В конце концов, её это лично касается. Женщины магов-тааров никогда не наследуют способность пользоваться ДАРОМ. Почти. Как говорится, раз в сто лет рождается такая счастливица. И не получает никаких привилегий, кроме доуки.

Лишь магам позволяется иметь землю: ими она и держится, и благоустраивается. Женщина — как и обычные мужчины — не может ею владеть. Если только она и сама не маг. Руана имела право на землю, хотя её способность использовать ДАР весьма посредственна. Однако закон есть закон.

Но есть и неприятная сторона: любая таария разделит судьбу всех магов касты тааров. Если между ними и яранами вспыхнет подлинная вражда, её, скорей всего, убьют. Северян по сравнению с прочими народами империи, живущими под властью тааров, что капля в море. Зато у них все без исключения маги: кто-то сильнее, кто-то слабей. Даже их женщины. И эти яраны без малейшего страха вступают в битву.

Размышления прервал звук какой-то возни и шуршания. Руана глянула на учителя — его холёные руки безотчётно разглаживали и без того ровный пергамент с картой. Он досадливо косился на девчонку, что сидела на подоконнике, болтала ногой и бессовестно игнорировала его присутствие.

Наверняка думает, что я просто маленькая злобная негодяйка — мысленно усмехнулась она. Насчёт негодяйки можно поспорить, а вот насчёт маленькой... В этом году ей стукнет четырнадцать. А девушки, как она успела вспомнить — или узнать — выходят замуж в пятнадцать-шестнадцать. Перед этим напыщенным болваном юная женщина, а не желторотая дурочка.

Но ему удобней думать иначе: так она гораздо дальше от него. Чем больше между ними расстояние, тем значительней он должен выглядеть в её глазах. Какая скука!

Видимо, учитель догадался, о чём думает ученица, и покривил губы. Поймав себя на опасной выходке, он постарался улыбнуться шире. Дескать, таарии померещилось. И поспешно осведомился:

— О чём твои мысли?

— Всё о том же, — с холодной, но безупречной вежливостью уведомила Руана. — Жду объяснений насчёт ДАРА. Который имеет одну и ту же природу для всех. Так? Так. Однако таары используют его в созидательных целях. В их руках он перестаёт действовать, стоит им попытаться что-то разрушить. Или кого-то убить. Яраны же наоборот: могут убивать или

разрушать, но не способны создать элементарный ручеек. Или избавить дерево от гусениц. Говорят, что пытаясь уничтожить гусениц, они убивают всё дерево целиком. Так, почему ДАР действует столь избирательно?

— Самая популярная теория трактует, — ровным заунывным голосом завёлся учитель, — что ДАР всё же неоднороден. И на севере, где вечный холод, его свойства меняются.

— Как они меняются? — перебив его, уточнила Руана и сама же ответила: — Созидательные обращаются разрушительными?

— Собственно, можно и так сказать, — поддакнул он, аккуратно сворачивая ставшую ненужной карту. — На тех, кто бесчисленный ряд поколений жил войной с её кровопролитием, ДАР воздействует одним образом. На мирных людей вроде нас, совсем другим. Поэтому теперь яраны могут использовать её лишь в разрушительных целях. А таары только для созидания.

— И тут возникает интересный вопрос, — вновь завернула ученица разговор в нужном ей направлении. — Почему яраны, просто не захватят империю? Не убьют нас и не поработят простых людей.

— Потому, — скользнула по губам учителя ухмылка превосходства, — что созидание тоже способно наносить вред. Яраны, конечно же, пытались захватить империю. О чём нынче неприлично вспоминать. И я тебе советую не поднимать эту тему...

— Не стану, — приняла к сведению ученица, — И что? Кстати, когда это было?

— Триста сорок лет назад. Война продлилась недолго. Хотя таары даже не сопротивлялись.

— Не сопротивлялись? — изумилась Руана, недоверчиво покачав головой.

— В том смысле, что не брались за оружие, — пояснил учитель. — Их оружием стала земля, по которой ходил враг. Она могла разверзнуться у них под ногами. Река, через которую они переправлялись, могла выйти из берегов. Ручей мгновенно высохнуть, лишая боевых быков водопоя. Травы, что становились вдруг ядовитыми, их отравляли. Деревья переставали плодоносить, отчего в погребах пропало вино. И яраны быстро поняли, что с вами лучше поладить миром.

— Насколько быстро? — усмехнулась Руана, обдумывая новую порцию знаний.

— За три года и два месяца. Неправы те, кто считает северян грубыми неотёсанными варварами, — не преминул учитель выдать нравоучительное замечание, которое вдалбливалось в головы всех подрастающих граждан империи. — Среди них, как и у нас, есть люди воспитанные, а есть невыносимые грубияны. Есть весьма образованные мудрецы, есть и неучи. Не говоря уже о неисправимых глупцах.

— Я одного не пойму, — проигнорировав его старания, опять свернула с темы Руана. — Почему яраны не обзаводятся поместьями? Думаю, для этого ещё возможно найти свободную землю. Но они продолжают жить, как бродяги. От этого, как я уже слышана, бывает большое неустройство. Когда они по данному им праву берут у нас всё, что захотят. Ещё и... блудодействуют.

— Ну, почему же, как бродяги? — проямлил учитель, смущённый осведомлённостью юной таарии о царящей среди северян свободе нравов.

Те действительно не желали оседать и заниматься мирным земледелием. Что, в принципе, понять можно: они же не владели созидательной магией. Не могли превратить

бесплодные пустоши в плодородные поля. Осушать болота или менять русла рек. Потому и жили днём сегодняшним.

Хотя кузнецы у них много лучше. Говорят, даже сравнивать глупо. Оно и понятно: сделать обычный боевой клинок трудней, чем самый лучший нож для разделки скотины. А доспехи? А луки? А боевая упряжь быков?

Такая же история с мастерами-кожевниками: яранские на десяток голов выше любых других. Кожа их выделки славилась во всех известных землях. И стоила баснословно дорого.

А вот что касается их нравственности... Один стыд! Как можно жить, считая всех детей рода своими? Без разбора на отцов и сыновей. Северяне иной раз вообще не знают, кто зачал того или иного ребёнка. Их женщины готовы отдаться любому, кто им приглянется. А порой заводят себе по два и даже три мужа. Вот уж воистину блудницы!

Руана отвернулась и приникла к окну. Чтобы учитель не увидел её неприлично ироничной усмешки. Судя по тому, как зарделись его щёки, отгадать мысли бедолаги нетрудно. Все они говорят одно, а желают другого. Обзывают северянок потаскухами, а сами только и мечтают залезть тем под подол.

Истово верят, что ярании умеют доставлять неземное наслаждение. Не то, что прочие бабы. Которые хороши лишь рожать да растить детей. Лицемеры!

— Ты судишь поспешно и поверхностно, — вновь угадал её мысли учитель, и оттого голос его был холоден. — А я не должен обсуждать с тобой подобные вещи. Юной таарии твоего происхождения не к лицу беседы о... всяких непотребствах.

— Открывай ворота! — проорал внизу десятник стражи. — Опускай мост!

Руана вздрогнула. Обернулась, нагнулась, приникнув к окну, и широко улыбнулась: наконец-то! Поддерживая подол платья, сползла с подоконника. Учитель выскочил из-за стола, засуетился, кидаясь то к двери, то к ученице:

— Насколько мне известно, тебе лучше не выходить навстречу отцу?

— Да, что ты говоришь? — ласково проблеяла она.

Обошла ретивого исполнителя воли хозяина крепости и ринулась прочь из комнаты. По крутой лестнице сбегала, как по ровной дороге: ни разу не споткнулась. Наплевав на смущение слуг, увидавших её ноги под задранной сверх положенного юбкой, вылетела в нижний холл. Где столкнулась с управляющим, обойти которого сходу не вышло.

Тот был не слугой, а родичем. Незаконнорожденным братом отца, которого дед признал ещё в младенчестве. То есть Руанаине Таа-Лейгард он был законным дядей. А повиновение старшим у благородных тааров почиталось делом непререкаемым.

— Ну, и куда ты направилась? — строго пропыхтел дядя, преграждая путь. — Что непонятного в приказе оставаться у себя и не высовываться?

После падения с быка — о котором ей уши прожужжали — Руана провалялась в забытьи три месяца. А когда пришла в себя — но не пришла, по мнению многих, в разум — первым увидела именно этого человека. Увидела и с первого же взгляда прониклась доверием.

Что-то в глубине души мешало ей поверить в историю с падением, длительной болезнью и беспамятством. Руана не чувствовала ни малейшего расположения к месту своего проживания с его жителями. Всё чужое, все чужие. А вот дядю полюбила. И радовалась этому чувству, как не знавший сладостей ребёнок первому в своей жизни засахаренному фрукту.

— Отец прибыл, — состроила племянница невинные глазки и попыталась обойти препятствие.

— Ослушница, — укоризненно покачал головой дядя, и ударил её по рукам. — Опустит подол, бесстыдница. Выставилась тут на посмешище. И что у тебя за манера объявилась? До болезни ты была стыдливой.

— Фу! — с деланной брезгливостью сморщила носик Руана. — Ведёшь себя, как дикий яран.

— А ты, как распутная ярания, — не заржавело за языкатым дядюшкой.

Он цапнул её за руку и развернул в сторону лестницы:

— Ступай к себе наверх. И не высовывайся, покуда не позовут.

— Я должна её увидеть, — взмолилась Руана, упираясь и пытаясь выдавить хотя бы одну слезинку.

Слёзы проигнорировали её призывы, как и дядя её фальшивые мольбы.

— Хруч! — заорал он совершенно неприличным манером на весь хозяйский дом. — Я кому велел её стеречь?!

— Только не это! — возмутилась Руана, тотчас бросив упираться. — Не зови это чудовище: я сама уйду.

— Будто бы? — позволил себе усомниться дядя, преотлично знавший цену выходкам племянницы, которые появились у той вместе с потерей памяти и стыда. — Дай слово.

— Ты что, меня не знаешь? — вытаращив честные-пречестные глаза, попыталась увильнуть Руана.

— Я так и думал, — удовлетворённо кивнул он и набрал в грудь воздуха.

Решил-таки призвать к себе дебиловатого стражника, морда которого надоела Руане хуже нотаций учителя.

— Слово! — зло выдавила она.

Ничегошеньки не помня о своей прежней жизни — даже собственное имя вылетело из разбитой при падении головы — она доверяла чувствам. И точно знала, когда лучше сдать назад.

— Ступай, детка, — одобрительно погладил дядя по макушке великовозрастную безобразницу.

Развернулся и преспокойно направился на двор встречать брата.

Ничего не поделаешь: она потелепалась наверх, связанная нерушимым обещанием, которым можно пренебречь лишь раз в жизни. Навстречу ковылял учитель: торопился скорей убраться в свои покои, дабы не встретить в намечавшуюся семейную склоку.

Руана прошла мимо с каменным лицом: разговаривать не хотелось. Вообще ни с кем.

В своей спальне она улеглась на кровать прямо в туфлях — за что служанки не уставали ворчать на госпожу, ставшую редкой засранкой. И принялась размышлять о переменах, что ворвались в её наново изучаемую жизнь. Поскольку появление мачехи — это очень крутые перемены. Неизвестно, куда они вывезут, когда у тебя непростой характер.

А его почти все обитатели крепости считали несносным. В связи с чем беспрестанно поминали, какой душечкой была таария до падения с быка — будь эта скотина трижды проклята. Руане же казалось, что душечкой она была лишь в их воображении. Память потерять можно, а вот избавиться от натуры — это, простите, бабьи сказки.

Скорей всего она отменно притворялась. Во-первых, ей и теперь это превосходно удаётся. Причём, притворство живёт в ней само по себе, словно родилось вместе с хозяйкой. Во-вторых, ни отец, ни дядя ни разу не помянули, будто в их девочке произошли разительные перемены. Она для них явно привычна.

Интересно, кто из них воспитал в сиротке, рано потерявшей мать, настолько рассудочную и даже слегка циничную девицу? А ещё интересней: откуда она знает о цинизме? И почему учитель так остерегается свою малолетнюю ученицу.

Кстати, почему она считает себя ребёнком и взрослой одновременно? То так, то этак. Странно.

Провалявшись в безделье и раздражении невесть сколько времени, Руана заснула. И очутилась в знакомой комнате с большим окном. Стекло в окне было идеально ровным и прозрачным — в прошлый раз она ушиблась, не заметив его и пытаясь высунуть руку наружу. Стены покрывали бумажные листы воистину гигантских размеров. На них художник с поразительной точностью выписал абсолютно одинаковых птичек и цветочки.

Но самым удивительным был высокий узкий белый шкаф, поделённый надвое. В верхней бóльшей половине прохладно: там стояла и лежала еда. В прошлый раз Руана опознала лишь сыр, колбасу и молоко в удивительной прозрачной, но не стеклянной бутылки.

В нижней половине ящика и вовсе настоящий мороз: мясо и рыба промёрзли насквозь. Маг, загнавший зиму в ящик, был великим мастером. Даже при открытых дверцах пленница никак не могла выбраться. Поразительное дело.

Руана открыла верхнюю дверцу и нерешительно дотронулась до узкой колбасы в тончайшей прозрачной кишке невиданного зверя. Колбаса не кусалась, и она всё-таки решилась её достать. Поднесла к носу свежим срезом и принюхалась: пахло отменно.

— Опять держишь холодильник открытым! — недовольно проскрипели за спиной надтреснутым женским голосом.

От неожиданности Руана вздрогнула, бросила колбасу в ящик и захлопнула дверцу. Та тихо чавкнула — за спиной скрипуче пропели петли двери.

Двери в её спальню: этот скрип она узнает из тысячи. Руану разбудило чьё-то вторжение. Она вытаращилась на появившуюся в дверях незнакомку — спросонья никак не могла понять: приснилось, или бестолочь Хруч опять куда-то отлучился?

— Прости меня за то, что вторглась бес спроса, — робко улыбаясь, прощепетала девчушка лет десяти и посмотрела на хозяйку спальни печальным взглядом просящего милостыню: — Я очень-очень-очень хотела тебя увидеть. Отец рассказывал, что ты удивительно умная. И бескрайне добрая.

— Бескрайне? — ошарашено проямлила Руана, пытаясь сообразить, кто у девчонки отец.

И какого демона она тут делает?

Она из рода таара — в этом ни малейшего сомнения. А в поместье до сих пор помимо неё таких не водилось. Стало быть...

Мачеха явилась в жизнь падчерицы не в одиночку.

— Ты дочь Катиалоры?

— Да! — невесть чему образовалась девчонка, осторожно переступив порог. — Меня зовут Атиалора. Но лучше Ати.

Она была прелесть, как хороша. Мало, что дивно красива, так ещё искренна и простодушна — сразу видать. Её огромные глазищи цвета старого мёда смотрели на свою новоявленную сестру с восхищением. Одна у матери — догадалась Руана, усевшись на краю кровати — и всегда хотела иметь сестру.

А она? Она сама хочет её иметь? Или лучше сразу поставить между ними стену отчуждения? Зачем ей лишние привязанности? К тому же приваживать дочь врага. А мачеха

ей враг, ибо может родить сына. И тогда поместье достанется ему. Хотя Руана, как маг, вправе претендовать на него — в таком случае никто не посмотрит на то, что женщина.

И всё-таки у неё не хватило духа выгнать внезапно объявившуюся сестру. Та как-то совершенно неожиданно тронула сердце: прелесть, что за малышка! Её простодушие сродни природной глупости, однако ничего отталкивающего в этом не чувствовалось. Хотя глупцов Руана терпеть не могла.

— Ты меня не прогонишь? — с такой надеждой в голосе взмолилась Ати, что тело само спрыгнуло с кровати.

— Зачем тебя прогонять? — мягко поинтересовалась Руана, поманив девочку к столику, на котором служанки оставили молоко и сладкие плюшки. — Ты голодна?

— Чуть-чутьочку, — застеснялась Ати, косясь на пышные сдобы, посыпанные сахаром, маком и карамелью.

— Садись, — отодвинула стул Руана, уже ощущая себя подлинной старшей сестрой. Будто так оно всю жизнь и было. И всю жизнь ей нравилось.

Бесстыдница

— Ох, ты ж мне! — здохнула от возмущения старая кормилица, шаря глазами вокруг себя.

Схватила скомканную на кресле ночную рубаху. Ловко скрутила её в тугий жгут и направилась к воспитаннице.

— Бесстыдница! — объяснила злобредная старуха причину своего недовольствия.

И вытянула Руану вдоль спины.

— Ай! — добросовестно вскрикнула та, нарочно опоздав увернуться.

Кормилица имела право получить удовлетворение: выкормила, вырастила, взлелеяла, а эта поганка чего удумала?!

Собственно, нечего такого уж крамольного Руана не удумала. Просто взяла и обрезала панталоны. Много лет в душе подспудно зрело ощущение досадного неудобства: панталоны ниже колен страшно удручали. Мешали, в конце концов. И кто вообще сказал, будто они должны быть такими ужасными?

А вот обрезанные почти под самые ягодицы они просто замечательно сидели на бёдрах. И ногам стало свободней, и... вообще.

Прошло шесть лет с того дня, когда она — по заверениям всех вокруг — свалилась с несущегося вскачь быка. Эти ездовые бестии здоровых мужиков сбрасывают, а тут какая-то тощая соплюшка. Словом, вылетев из седла на полном скаку, Руана разбила голову и потеряла память — дело не такое уж невиданное.

Но — как вечно ворчала кормилица — и память к ней не вернулась, и башка осталась пустой. Как вытекли мозги в дырку на темечке, так домой и не вернулись. Таария и прежде чудила — не успевали её ругать. А после падения да долгой болезни вовсе умишком повредила.

Что ни день — новая затея. Что ни затея — сплошное вольнодумство. А то и бесстыдство. Как нынче — насупившись, старательно отходила кормилица тряпкой своё детище.

Больно не было: старая склочница Урпахá любила свою девочку до умопомрачения. Но считала своим долгом продолжать направлять её неокрепшую в добродетели натуру вызревшей стервы. В принципе, глядя на них, любой скажет: яблоко от яблони. Ну, да на это у каждого свой взгляд.

Потирая задницу, Руана доковыляла до кровати, где лежало платье, которое она так и не успела натянуть до прихода кормилицы. Выставила напоказ свой так называемый позор, за что и схлопотала. Нырнув в нижнюю шёлковую рубаху, она, как ни в чём не бывало, осведомилась:

— Мамушка, ты не видела Ати?

— Как же не видела? — разворчалась та, аккуратно сворачивая послужившую орудием наказания ночнуху. — Что ж, у меня, глаз нет? Чтобы не видеть, кто тут у нас по дому с утра носится.

— Носится? — рассеянно переспросила Руана, застёгивая ворот. — Ати? Её кто-то укусил?

— Зачем укусил? — не поняла кормилица, вытаращившись на неё с предивным

изумлением.

— Ати, — извиняющимся тоном пояснила Руана, — никогда не носится. Она ходит чинно, как учили. Как подобает приличной невесте на выданье.

— Так, вот оно и есть, — отмахнувшись, пробухтела Урпах, согнувшись и складывая ночную в плательный сундук.

— Что оно? — на этот раз не поняла Руана, примеряясь для нырка в верхнее платье.

— То, что на выданье, — пояснила старуха, опуская крышку.

Замки петель на крышке звякнули. Кормилица, разгибаясь, крикнула. Руана, покосившись на неё, заметила:

— Она уж год, как на выданье. Ати ещё лет пять выдавать будут. Если мачеха так и продолжит всем отказывать. Моя сестра, конечно, чистое золото. Как ты там говоришь? С лица краса писанная, характер медовый?

— Ну, ты мне тут не очень, — хмыкнула Урпах, погрозив языкатой баловнице пальцем. — У неё-то истинно медовый. Подарок божий, а не девка. А ты злыдня и бесстыдница. Панталоны так и не сменила? Зубы заговариваешь, а сама блудодействуешь?

— Мамушка! — деланно опешила Руана, обидчиво вытаращив глаза. — Побойся бога! Какое блудодейство, если я ещё невинна?

— Ты?! — восхитившись, всплеснула та руками и уселась на сундук. — Невинна?!

И захохотала — словно ворона закаркала. Отсеялась, глаза утёрла и строго спросила:

— Панталоны сменишь? Или мне тебя запереть?

Она тяжело поднялась и направилась одевать любимицу.

— Не сменю, — ласково возразила Руана, нырнула в платье, вынырнула в широком вороте и добавила: — Взаперти тоже сидеть не буду. За что? Я свои панталоны никому показывать не собираюсь.

Шнуровавшая платье кормилица дала охальнице затрещину и продолжила её снаряжать. Кстати, куда — наконец-то сообразила Руана, что платье не будничное, а нарядное. Ещё и слова эти туманные про Ати.

— Мамушка, у нас гости?

— А то. они самые. Не крутись ты! Стой, как поставили.

— Ати сватать?

— Ну, не тебя же занозу.

Руану и вправду ни разу ещё не сватали. А ей уже двадцать. И вовсе не потому, что уродина или какая-то кривобокая. Конечно, до Ати ей дальше далёкого: сестра выросла дивной красавицей. Другой такой, как говорится, в целом свете не сыскать. И характер умудрилась сохранить по-детски лёгкий, светлый — добрая девочка, тихая.

Однако Руану сваты обходили не потому, что рядом с сестрой она выглядела бледновато. Даже не из-за её прославленного скверного характера. Просто она была таарией. С полным правом унаследовать землю мужа после его смерти. А кому из его родичей по мужской линии такое понравится?

— Кто на этот раз, — похихикав над подначкой Урпахи, осведомилась Руана.

— Не поверишь, — важно молвила та, затолкав баловницу в кресло и взявшись за её растрёпанную косу. — Сам Таа-Дайбер нас удостоил.

— Он же старый, — обалдев от невероятной новости, брякнула Руана.

— Бестолочь! — дёрнула её за волосы кормилица и наставительно пояснила: — Понятно, что не за себя сватает. Куда ему? Он же ровесник вашего отца. Хотя и вдовствует

пятый год. У него два сына младших неженатыми ходят.

— Какой молодец! — восхитилась Руана старым пройдохой, что служил императору одним из трёх верховных советников.

И был, по словам отца, подлинным столпом государства. Что не отменяло его поползновений в сторону усиления своего богатства и могущества.

— Он решил, что Катилора так и не родит сына, — сообщила Руана своему отражению в стоящем на столе зеркале.

Небольшом и мутноватом — не то, что зеркала в сказочной стране из её снов: огромные, гладкие, как поверхность стоячей воды.

— Видать, решил, — неодобрительно проворчала кормилица, расчёсывая спутанную гриву любимицы. — И оно может сбыться. Твой отец и с матерью твоей детишками не разжился: еле-еле за восемь лет тебя народили. И с новой женой, вишь, дело не клеится. Хотя она много моложе. Так что Таа-Дайбер вполне может заполучить наш Лейгард для одного из сынов. Если Ати сговорят за одного из них.

— То есть, во мне старый демон преграды не видит, не чувствует? — медовым голосом промурлыкала Руана.

— Оно и странно, — задумчиво пробормотала Урпах, всё вода и вода по волосам гребнем. — Тебя-то он куда отодвинет? Ты землям отца верная наследница. Если сына так и не родят.

— Может, убить задумал? — пожала плечами Руана, млея от неги, охватившей кожу головы.

— Да ну, куда там! — пренебрежительно фыркнула кормилица. — Будь ты простой девкой, тогда ему и удача в руки. Убил бы, да следы в воду. А как он убьёт таарию, чтобы не дознались? Твой ДАР остальным всю правду выложит. Дознаются, — с неколебимой уверенностью в голосе заявила она.

— Узнают, — задумчиво поддакнула Руана, пытаясь распутать неожиданно свалившуюся загадку.

Может, и не убьют, но как-то иначе устранить попытаются. За такую награду, как их обширные земли, и побороться стоит, и голову заложить. А как можно её устранить? Уговорить? Запугать? Подкупить? Ну-ну.

— А то ещё замуж тебя надумают вытолкнуть, — ответила проницательная старуха на её мысли. — Думаешь, отцу по сердцу оставить Лейгард на тебя? На свиристелку непутёвую.

— Почему это я непутёвая? — возмутилась Руана.

— Панталоны обрезала? — взялась перечислять кормилица, заплетая косу. — Обрезала. Штаны мужские носишь? Носишь. Старшим перечишь?

— Да, когда я...

— Ага! — поймала воспитанницу за язык ушлая наставница.

— Я тебе не перечу, — досадливо проворчала Руана, чувствуя себя мышью, свалившейся в кувшин. — Я...

— Вот и опять перечишь, — пресекла кормилица неуместную попытку оправдаться. — Так и выходит, что у отца надежды на тебя нет.

— Замуж не пойду, — хмуро пообещала Руана всем, кто покусится на её право оставаться себе хозяйкой. — Не заставят.

— Эх, деточка, — многозначительно вздохнула кормилица, закручивая ей косу в шишак

на затылке. — Ты и вполонину не знаешь, что над тобой умудрить способны. Так что не зарекайся.

На что способны таары, лишь бы урвать себе не просто пустынную землю, а отменное поместье, Руана знала. Нарочно изучила этот вопрос, вызнавая везде о подобных историях. Прослыла грязной сплетницей, однако общее представление поимела.

Её сородичи лишь с виду такие благовоспитанные да чтущие божьи заветы. На деле в недрах семей порой скрывают ужасающие секреты о нечеловеческой жестокости. А всё жадность — безотчётно скривилась она.

Возможно, и она сама ею заражена. По уму-то хозяином поместья лучше быть мужчине. Руана пыталась вникать в хозяйственные дела везде, куда допускали — и откуда гнали тоже. За шесть лет многому научилась, но и многое осознала: отец работал не меньше крестьян или мастеровых. Но попробуй, отними у неё поместье — будет драться почище ярана. Никому своего не отдаст.

Наверное.

— Всё, — пихнула её кормилица кулаком в спину. — Поднимайся и топай приветствовать гостей. Те уж в крепости.

— Уже? — оглядев своё лицо в зеркале, удивилась Руана.

— По утренним сумеркам явились, — вновь разворчалась старуха, взявшись поправлять скомканную постель воспитанницы. — Отдохнули, понятно, помылись, пригладились, да сейчас к завтраку и явятся. На невест полюбоваться.

— На невесту, — упрямо поправила она, натягивая туфли.

— А это уж как пойдёт, — не менее упрямо возразила злобредная старуха.

Руана обернулась к ней. Наткнулась на мрачный взгляд утонувших в морщинах глаз. Родных и умнющих на зависть многим. Бывшее некогда красивым лицо кормилицы и сейчас отличалось притягательностью. Руана не удивилась бы, узнай она, что у её пестуньи есть любовник. Вон и фигура у кормилицы ничуть не расплылась: подтянутая, как у девушки.

— Думаешь, отец задумал выдать меня замуж, чтобы не оставлять здесь хозяйкой? — прямо спросила она у женщины, которая сроду ей не врала.

— Не знаю, — покачала головой кормилица, так задумчиво разглядывая подушку в руках, словно та какая-то волшебная диковинка. — С Мáруша станется.

— Мамушка, это правда, что в молодости вы с отцом... занимались плотскими утехами?

Она сто тысяч раз хотела задать ей этот незадаваемый вопрос — и вот случилось.

Урпаха присела на край постели и очень внимательно посмотрела ей в глаза. Так пристально, будто пыталась залезть любимице в голову и пошарить там. А потом вдруг печально усмехнулась и призналась:

— Было. Но тебя это никаким место не касается. Знай, занимайся своими делами.

— Если честно, — пробормотала Руана, не знаю, куда деть руки, — меня это действительно не касается. Это ваше дело.

— Ты не впустую любопытствуешь, — с подозрением покачала пальцем кормилица. — Говори: что надумала?

— Твой сын, случайно, не брат мне? — оглянувшись на закрытую дверь и понизив голос, честно ответила Руана.

Кормилица рассмеялась, замахав на дурную придумщицу руками:

— Да, ну тебя! Бесстыдница!

— Это хорошо, — с облегчением выдохнула Руана.

— Почему, — вмиг бросила веселиться умная подозрительная старуха.

— Будь он мне братом, Таа-Дайбер мог бы его устранить. Чтобы отец не признал его.

— Не выдумывай, — строго приказала кормилица. — Будь он сыном твоего отца, родился бы тааром. Как твой злоязыкий дядька. Вот ему поместье достаться может. А тебе никогда. Так что забудь, — подвела она черту под надоевшей пустой болтовнёй. — Всё. Обулась? Ну, и ступай вниз. К завтраку уже дважды в колокол бренькали.

Действительно бренькали — поняла Руана, что её подспудно подгоняло. Отец не любил, когда опаздывали к столу, где должна собираться вся семья. Он всегда страшно занят — отбирать у него лишние минуты непозволительно. Да и просто некрасиво.

Она любила своего вечно хмурого неразговорчивого отца. Даже не имея таких намерений, он многому её научил. И никогда не обижал зазря. За дело, впрочем, тоже нечасто. Да и то на словах: руку на дочерей Таа-Лейгард сроду не поднимал.

Торопясь поспеть до третьего удара колокола, Руана не видела смысла чинно спускаться по лестнице. По привычке задрав подол выше принятого, она поскакала вниз. Подвернувшему слуге — что воровато зыркнул на ножки госпожи, лишь шикнула:

— Глаза выколю!

Тот хмыкнул и удрал: в угрозы грубиянки таарии никто не верил. При всём своём недопустимом для девицы злоязычии она слыла добрячкой.

В столовую Руана всё-таки вошла чинно-благородно. Мелкими шажками и опустив глаза. Сквозь ресницы оценила лицо отца: в духе или лучше не нарываться?

Сидя во главе стола Таа-Лейгард являл собой редчайшее зрелище: он добродушно улыбался. Тщательно причёсанные короткие сидящие кудри придавил к голове отличительный обруч мага: широкий, украшенный камнями. Не огранёнными, что указывало на их древнее происхождение. И непрерывность традиции передавать обруч из поколения в поколение.

Руана представила, как надевает его на себя, и символ хозяина поместья сваливается с головы на плечи.

— А вот и моя старшая дочь, — сочным грубоватым голосом провозгласил отец для гостей. — Как можете видеть, даже ради приличий не может не фыркать. Значит, опять придумала какую-то непотребную шалость.

— Маруш, — укоризненно бросила ему мачеха и благосклонно молвила: — Руана, полагаю, ты уже знаешь, кто нынче почтил нас визитом?

Это был законный повод поднять глаза на присутствующих — что она тут же и сделала.

Мачеха, как всегда, была безупречно одета и подкрашена. Хотя зачем ей себя размалёвывать? Ати неспроста получилось такой красавицей: вся в мать. Жаль, что замужние дамы закрывают волосы этим дурацким платом целомудрия. У Катиалоры ещё и волосы на зависть всем.

А всё оттого, что мужчины много говорят о своей отваге, но на деле просто трусы. Боятся, что «сладкое зло» — каким объявили женщин — станут ими верховодить. Если кто-то скажет, что плат целомудрия мешает женщинам с тем же успехом крутить мужиками, Руана ему в лицо рассмеётся. Тем, кто отчаянно страшится превратиться в подкаблучника, лучше самому оставаться до смерти целомудренным — вот уж воистину: целей будет.

— Да, матушка, — ровным приятным голосом подтвердила почтительная падчерица. — Мне доложили о визите господина Таа-Дайбер.

— А моих сыновей забыли? — пошутил гость, восседавший с другого торца стола на

почётном месте.

Знаменитый на всю империю верховник выглядел старым не по годам. Где там ровесник отца — пожалуй, его можно принять за его отца. Сухощавый невысокий седой старикашка с начисто бритым лицом произвёл на Руану отталкивающее впечатление. Почему? Либо потому, что она заранее обвинила его в попытке захватить её поместье, либо виной простая женская вздорность.

А вот тёмные вьедливые глаза Таа-Дайбера ей понравились: умные, цепкие, насмешливые. С ним, наверно, интересно поболтать. У такого человека можно многому научиться. Если он захочет тебя учить. А он точно этого не захочет — с какой стати?

— Мне сообщили и о ваших сыновьях, — вежливо качнула она головой, подходя к предназначенному ей месту за столом.

Рядом с высоким красивым парнем, бросившим на неё ироничный взгляд. Ещё один умник — наверняка весь в папашу. Ну-ну — ответила ему Руана равноценным ехидным взглядом — посмотрим, что ты за зверь.

— Полагаю, перед нами та самая знаменитая таария, что прослыла бесстыдницей? — всё-таки чересчур смело для гостя подначил её сосед.

Руана неспешно расправила вокруг стула подол платья. Чинно утвердила на краю стола запястья и молвила непередаваемо благонаправленным голоском:

— Надеюсь, вы здесь не для того, чтобы в этом убедиться?

— Руана! — гаркнул отец и пристукнул по столешнице ладонью.

Получилось так себе: он рассмеялся вместе с остальными мужчинами. Мачеха, следуя этикету, бросила на слишком вольно ведущую себя девицу укоризненный взгляд. Сидящая напротив Ати посмотрела на сестру с нескрываемым обожанием.

Которое не ускользнула от соседа Руаны:

— Кажется, твоя сестра Атиалора тебя любит.

— Как меня можно не любить? — с безукоризненным почтением к собеседнику осведомилась Руана, разглядывая парня, который торчал рядом с Ати. — Безупречней меня только мысли слепого монаха, никогда не видевшего соблазны.

— Дочь, можешь не стараться произвести впечатление, — пошутил отец, чего Руана давно от него не слыхала. — Сегодня гости не по твою душу. Не тобой станут любоваться.

— Вот я и стараюсь отец, — с непередаваемым почтением возразила липовая скромница. — Чтобы у них и впредь не возникало желаний мной любоваться.

Мужчины опять от души рассмеялись — мачеха насупилась. Она и без того не в восторге оттого, что падчерица вправе унаследовать землю. Всё ещё надеется родить сына. А тут эта змеища таария вылезла наперёд: отвлекает внимание от её скромницы доченьки.

Что тут скажешь? Дура. Ни один здравомыслящий мужчина не променяет прекрасную юную скромницу с богатым приданым на такую, как она. Хоть на голове стой и ногами дрыгай, сватать будут Ати. Надо бы, наконец, поговорить с мачехой начистоту. Только перед этим хорошенько обдумать: что сказать?

Господин Таа-Дайбер вытер глаза и внезапно буквально оглушил Руану своей похвалой:

— Маруш, я и не знал, что под твоей крышей распустился невиданный цветок.

— Ну, уж и цветок, — отмахнулся отец, бросив на старшую дочь ироничный взгляд. — Скорей, пустынная колючка. Боюсь, всего моего состояния не хватит, чтобы уговорить хоть кого-то её просватать.

Услыхав последнее слово, Руана насторожилась. Уставилась на отца, пытаюсь прочитать

по его лицу: шутить, или строит планы? Относительно её замужества ничего не отыскала. Зато обнаружила кое-что не менее серьёзное.

Знакомое до последнего волоска в бороде лицо выглядело не ахти. Бледное, осунувшееся. Под большими карими глазами не менее коричневые тени. Она, естественно, знала, что он вчера вернулся из дальней деревни. Где восемь дней подряд делал крестьянам новое поле. То есть опускал и поднимал землю. Покрывал её чернозёмом. Искал пласт грунтовых вод и выводил наверх родники.

Ну, конечно! Он крайне вымотался, а тут ещё гости нагрянули. Вон каким тёплым сочувствием лучатся медовые глаза Катталоры. Она искренне любит мужа — что шесть лет назад позволило Руане смириться с её присутствием. Мачеха всем сердцем желала бы повременить со сватовством. Дать супругу немного отдохнуть. Хотя лучше много.

Он так истощён, что сам на себя не похож. А ведь один из самых красивых мужчин, каких только встречала Руана. Таары вообще все красавцы, как на подбор. Встретить среди магов-созидателей уродов — то же самое, что среди яранов садовода. Видимо так действует на них ДАР. Странно, что северянам от него не досталось таких же благ: их мордами детей пугают.

Эти обыденные, на первый взгляд, размышления внезапно ткнули её носом в простую мысль, что раньше обходила таарию стороной. Если у отца — весьма сильного таара — созидание отбирает такую пропасть сил, что же оно сделает с ней? С обладательницей слабосильного умения пользоваться потоками ДАРА. Она же просто надорвётся в первую же попытку сотворить что-то необходимое крестьянам. Как мило с её стороны: и дело не сделать, и сдохнуть молодой. Блестяще прожитая жизнь!

Да уж — боролась с нагрянувшим чудовищным осознанием ничтожная мокрица, возомнившая себя драконом. И как раньше не приходило в голову, что её притязания на роль владычицы поместья нелепы. Понятно, отчего кормилица посмеялась над её фантазиями: она-то знает цену такому владению землёй.

Но, если не суждено стать наследницей отца... Тогда... Что она будет делать? Не станет же, в самом деле, ждать, когда хоть кто-то польстится на её приданое и возьмёт женой таарию. Какой-нибудь ничтожный, как и она, маг, не способный построить настоящее поместье.

Нет уж — лучше повеситься.

Подстрекательница

Руана зря рисовала себе унылые картины скучного завтрака, какие обычно устраивает мачеха. Вроде не дура, но воспитание подкачало: уж больно радеет о приличиях. Хотя вкус просяной каши не изменится от того, как ты держишь ложку.

Сегодня Катиалора могла лишь укоризненно смотреть на тебя, напоминая о чести хозяев дома. Причём, гостям такие взгляды не предназначались. Хотя господин Таа-Дайбер порой отпускал довольно фривольные шуточки. И вообще оказался весьма раскованным для верховного советника человеком.

Он засыпал комплиментами хозяйку дома и будущую невесту. Ах! Как они прекрасны — сил нет смотреть и не слепнуть. Руану за красоту резвый старичок не похвалил ни разу. Ати обиделась настолько, что переступила через свою неизжитую с детства робость: попеняла гостю на неучтивость.

На что Таа-Дайбер заявил без обиняков: у магов не принято осыпать друг друга комплиментами. Если юная таария не желает пользоваться ДАРОМ и останется просто женщиной — пускай скажет. И он тотчас наговорит ей гору комплиментов. Руана попросила его не беспокоиться на сей счёт: она обойдётся без живописных похвал.

$\frac{3}{4}$ То есть, я правильно понял? $\frac{3}{4}$ резко посерьёзнев, уточнил Таа-Дайбер, устремив на неё оценивающий взгляд. $\frac{3}{4}$ Ты намерена пользоваться ДАРОМ.

$\frac{3}{4}$ Во всю силу отпущенных мне возможностей, $\frac{3}{4}$ осторожно поддакнула бунтарка, покосившись на отца.

Тот был хмур, как обычно — лёгкость и весёлость, посетившие господина Таа-Лейгарда в начале завтрака, прожили недолго.

$\frac{3}{4}$ А ты выдержишь? $\frac{3}{4}$ с плохо скрытой иронией осведомился старший из двух младших сыновей Таа-Дайбера, сидящий напротив рядом с Ати.

Честно говоря, он с первого взгляда заинтересовал Руану. Во-первых, своей прямо-таки сказочной красотой — под стать Ати. Огромные чёрные глаза и лоснящиеся кудри по широким плечам атлета. Губы, нос, подбородок — всё идеально пропорционально. Фигура — просто бог. Причём, не просиживающий в креслах, а всю тренирующий тело на охотах и в прочих увеселительных затеях.

Однако собственная внешность мало занимала средненького сыночка верховника — лишь на пару-тройку лет старше Руаны. Он был небрежен в одежде, причёске, манерах. Не пытался привлекать к себе внимание — чем грешили многие таары. И что она терпеть не могла в мужчинах.

Во-вторых, Викрат Таа-Дайбер демонстративно не раскрывал рот всё время завтрака. Он слушал, присматривался, приценивался и явно мотал на ус. Что тут у них визнавать особо важного — Руане было непонятно. Обычное, хотя и обширное крепкое поместье. Рядовое семейство таара — ну, разве что наследником не обзавелись. Что намекает на возможность захвата земель через брак с дочерями.

Словом, Викрат весьма ей заинтересовал. Если Ати сосватают за него...

Руана пыталась отыскать в его глазах хоть искру интереса к любимой сестричке. То и дело пялилась на мужчину, не стесняясь и наплевав на приличия. Ни-че-го. Прелестная скромница интересовала Викрата не больше позапрошлогоднего улова крабов. А возможно и

меньше.

Нет — всё больше волновалась Руана — такой муж Ати не сдался. Она достойна большего, нежели прозябать красивой, полезной безделушкой. Пускай сестра и наивная простушка — некоторые вообще называют её дурочкой — она вовсе не так глупа, как кажется. Просто с детства любима и оберегаема семьёй. Случись подвергнуть её серьёзным испытаниям, она ещё всех удивит.

А вот Юбейн Таа-Дайбер — что сидел рядом с Руаной — то и дело останавливал на Ати восхищённый взгляд. Красивый мальчик восемнадцати лет был не так эффектен, как брат. И явно не так же умён. Зато он точно знал, в чём главный жизненный выигрыш мужчины: заполучить в жёны прекрасную скромную девушку. Получившую, к тому же, отменное воспитание. Значит, умеющую вести дом, освободив мужа от столь утомительного прескучнейшего занятия.

Судя по тому, как мальчик краснел, поймав ответный взгляд Ати, этот скороспел даже успел влюбиться. Тоже не лучший выбор для сестры: сколько раз он так будет влюбляться с первого взгляда? Хотя...

Руана не исключала, что она просто слишком пристрастна. Заставь её искать для Ати мужа, бедняжка так и умрёт девственницей. Ни один мужчина не будет её достоин — прочитала сестричка в её глазах и лукаво вздёрнула кончики губ. Её глазки сверкнули в понимающей сердечной улыбке. Ну, и какая свинья считает её дурочкой?

$\frac{3}{4}$ Тебе нечего сказать? $\frac{3}{4}$ оторвал Руану от размышлений ироничный голос Викрата. $\frac{3}{4}$ Или ты не желаешь отвечать?

$\frac{3}{4}$ Сын, $\frac{3}{4}$ холодно одёрнул его господин Таа-Дайбер.

$\frac{3}{4}$ Простите, $\frac{3}{4}$ пожалала плечами Руана, ответив приставале слегка насмешливым взглядом. $\frac{3}{4}$ Задумалась. Понимаю, что девицу это не красит. Ну, так и не я здесь невеста: к чему мне украшаться? Тем более украшением, которого я не имею.

$\frac{3}{4}$ Чем же это? $\frac{3}{4}$ выразил до странного живейший интерес господин Таа-Дайбер.

$\frac{3}{4}$ Скромностью.

И гости снова оценили её чувство юмора непринуждённым смехом. Отец тоже сделал вид, будто смеётся. Но Таа-Лейгарду явно не до смеха. Странно — вдруг поняла Руана — сватают Ати, но отец беспокоится о старшей дочери. Он же не собирается подсунуть вместо сестры её?

Зачем наживать врагов на пустом месте? Вместо юной прелестной паиньки пытаться всучить старую стервозную деву. Особенно такому важному таару, как верховный советник императора.

Сей вопрос дёргал Руану до самого окончания завтрака. После которого Юбейн Таа-Дайбер отважно попросил разрешения прогуляться с прекрасной Атиалорой. Дабы, так сказать, насладиться «её обществом». Судя по благосклонному разрешению мачехи, в женихи прочили именно его. Что нравилось самой Ати — её мордаха просто светилась от счастья.

Если он её обидит, убью — самонадеянно пригрозила Руана, стоя на крыльце. И наблюдая, как внизу на брусчатке двора юной парочке подгоняют осёдланных быков для верховой прогулки.

$\frac{3}{4}$ А как ты относишься к такому времяпрепровождению? $\frac{3}{4}$ скучным голосом осведомился Викрат, выползая на крыльцо с видом человека, которому дали пинка под зад. $\frac{3}{4}$ Не хочешь прокатиться верхом? А то выглядишь какой-то унылой.

$\frac{3}{4}$ Только не говори, что тебя послали меня веселить, $\frac{3}{4}$ таким же скучным голосом поддела его Руана, даже не оглянувшись на гостя, которому должна угодать.

$\frac{3}{4}$ Почему ж не говорить, если послали?! $\frac{3}{4}$ окрысился бедолага. $\frac{3}{4}$ Хуже занятия не придумать: развлекать таарию.

$\frac{3}{4}$ Ну, и ступай своей дорогой, $\frac{3}{4}$ благосклонно дозволила Руана.

Поддёрнула подол и поскакала вниз по лестнице их высокого центрального крыльца. Все околачивавшиеся на дворе мужики — от старого конюха до сопливого поварёнка — выпучились на ножки госпожи, хотя выше колен там ничего не разглядеть.

$\frac{3}{4}$ Я понял: ты не бесстыдница, $\frac{3}{4}$ более живо прокомментировал дерзкую выходку таарии догнавший её Викрат. $\frac{3}{4}$ Ты подстрекательница. И часто ты этим занимаешься?

$\frac{3}{4}$ Бегаю, задрал юбку? $\frac{3}{4}$ уточнила Руана, миновав последнюю ступеньку и опустив подол. $\frac{3}{4}$ Каждый день. Кроме тех, когда приходится ездить верхом. Тогда натягиваю штаны. Ати! $\frac{3}{4}$ окликнула она сестру, которая уже двинула быка в сторону крепостных ворот.

Та обернулась: улыбка до ушей. Счастливая: глаза так и горят. Её спутник тоже оглянулся, досадливо заморгал: дескать, какого демона кому-то понадобилось их задерживать? Это и впрямь некрасиво — согласилась Руана и припустила к ним бегом. А добежав, поинтересовалась у будущего зятя:

$\frac{3}{4}$ Юбейн, я не вижу вашей охраны.

Он весьма натянуто улыбнулся и заверил:

$\frac{3}{4}$ Поверь: смогу защитить свою невесту.

$\frac{3}{4}$ Из нас троих, $\frac{3}{4}$ встрял подтянувшийся Викрат, $\frac{3}{4}$ он самый сильный таар. Но, Руана права: лучше взять кого-то. Брат, подожди за воротами, $\frac{3}{4}$ скомандовал он, хлопнув его быка по крупу. $\frac{3}{4}$ Я пошлю к вам десяток Угрюмого. Они вам не помешают.

$\frac{3}{4}$ Зачем всё это? $\frac{3}{4}$ всё с той же мальчишеской досадой процедил женишок.

$\frac{3}{4}$ Затем, что ты намереваешься стать владельцем нашего поместья, $\frac{3}{4}$ холодно заметила Руана, косясь на вмиг посерьёзневшую сестру. $\frac{3}{4}$ Думаешь, мало желающих забрать себе твою невесту?

$\frac{3}{4}$ Ты права, $\frac{3}{4}$ согласился Юбейн, на раздумья которого ушло несколько мгновений. $\frac{3}{4}$ И спасибо, что остановила, $\frac{3}{4}$ склонил голову юноша, искренно благодаря за преподнесённый урок. $\frac{3}{4}$ Рад, что у моей будущей супруги такая мудрая сестра.

$\frac{3}{4}$ Ага, $\frac{3}{4}$ иронично буркнула Руана и пожелала на прощание: $\frac{3}{4}$ Надеюсь, вы проведёте время с пользой.

$\frac{3}{4}$ В смысле? $\frac{3}{4}$ не понял будущий родич.

$\frac{3}{4}$ Сумеете понять: нужно вам быть вместе или лучше сразу отказаться. Чтобы после не было желания поубивать друг друга.

Сказанное не преследовало целью поддразнить мальчишку или даже оскорбить. Всего лишь небольшая проверка на способность мыслить здраво — и чуть-чуть на чувство юмора. Руана была абсолютно уверена, что им не обладают лишь дураки. Ибо так ей однажды сказал мудрый человек из сказочной страны её снов.

Тогда она оказалась в огромной зале, где ряды столов с лавками спускались от стены к стене лестничными ступенями. Руана в числе другим парней и девушек сидела за одним из столов и что-то писала. Не на пергаменте или скверной шершавой бумаге из тростника. На белоснежных неправдоподобно гладких листках, сшитых вместе. А уж то, чем она писала и вовсе не поддавалось описанию.

К сожалению, сон был недолог. Однако пожилой мужчина, что стоял у противоположной стены за длинным столом, успел сообщить много крайне интересных вещей. И не просто обо всём подряд. О том, что её интересовало больше всего: как добиваться от людей нужных поступков. И как самой себя правильно держать для достижения цели.

Ей снились и другие мудрецы сказочного мира. У них тоже удалось многое почерпнуть — жаль, что такие были крайне редки.

$\frac{3}{4}$ Я никогда не подниму на неё руку! $\frac{3}{4}$ тотчас распетушился мальчишка, который ещё не разуверился в том, что счастье может быть вечным.

$\frac{3}{4}$ Никогда не говори «никогда», $\frac{3}{4}$ вспомнила Руана сказанное одним из приснившихся мудрецов.

$\frac{3}{4}$ Согласен, $\frac{3}{4}$ несколько мрачновато поддержал её вернувшийся Викрат. $\frac{3}{4}$ А ты научись, наконец, принимать добрые советы, $\frac{3}{4}$ заворчал он на брата.

$\frac{3}{4}$ Хорошо! $\frac{3}{4}$ раздражённо отмахнулся Юбейн, старательно выпячивая грудь.

На него смотрит невеста — с грустью поддержала парня Руана — в её глазах он должен выглядеть мужчиной.

Она скоренько попрощалась с Ати, развернулась и поплелась обратно к крыльцу. Делать было нечего: в такое время они с сестрой обычно вместе читали, обсуждая прочитанное. Или помогали Катилоре по хозяйству. Или гуляли. Теперь общество сестры Ати предпочла первому встречному мальчишке.

Хотя... Руана вспомнила, что пару месяцев назад вся семья гостила в поместье друзей. Посетила большой праздничный приём, куда всегда съезжается куча народа. Лишь она осталась дома: очень уж не хотелось ехать туда, где тебе все не рады, и ты, собственно, всем не рада.

Где от злой скуки начинаешь всех задирать и провоцировать на скандал. Чтобы перестали приглашать на совместные завтраки, обеды, прогулки и разные посиделки. Скучать же удобней дома: здесь не нужно блюсти приличия. Во всяком случае, те, что доведены до идиотизма.

Возможно, Ати познакомилась с сыновьями Таар-Дайбера именно там. Пожалуй, что так: уж больно быстро они сговорились на совместную прогулку. Да и незнакомцами при этом не выглядели.

$\frac{3}{4}$ Можно узнать, куда ты направляешься? $\frac{3}{4}$ поддержала её под локоть крепкая мужская рука.

От неожиданности Руана подпрыгнула и чуть не сверзилась с лестницы. Нет, ну можно так пугать?

$\frac{3}{4}$ Ты задумалась, $\frac{3}{4}$ констатировал вцепившийся в руку Викрат, и не думая извиняться.

$\frac{3}{4}$ Отстань! $\frac{3}{4}$ на волне испуга нагавкала на грубияна робкая дева и попыталась вырвать локоть.

$\frac{3}{4}$ И не подумаю, $\frac{3}{4}$ нагло заявил развязный мужлан.

И потащил её вверх по лестнице: она еле попевала, стараясь не упустить подол одной рукой.

$\frac{3}{4}$ Я заору, $\frac{3}{4}$ предупредила Руана, косясь по сторонам.

Её несколько обескуражила наглость гостя, смело игнорирующего законы приличия у всех на глазах. Где это видано, чтобы лапать незамужнюю девственницу, которую ты и не думаешь сделать супругой.

$\frac{3}{4}$ Ори, $\frac{3}{4}$ согласился Викрат, продолжая своё бесчинство. $\frac{3}{4}$ Только не визжи. Терпеть не могу! $\frac{3}{4}$ брезгливо поморщился этот мерзавец, заволакивая добычу в приоткрытую створку массивной входной двери, обитой железом.

Руана тут же оцарапалась об неё и взбеленилась:

$\frac{3}{4}$ Пусти меня! Немедля!

$\frac{3}{4}$ Хорошо орёшь, $\frac{3}{4}$ одобрил Викрат, оглядывая холл в поисках чего-то или кого-то. $\frac{3}{4}$ Громко. Можешь командовать конной сотней.

$\frac{3}{4}$ Какой сотней? $\frac{3}{4}$ не поняла Руана, семена за ним к боковой лестнице наверх. $\frac{3}{4}$ Ими же яраны командуют.

$\frac{3}{4}$ А тебя это заинтересовало? $\frac{3}{4}$ нескрываемо удивился Викрат, заволакивая её по ступеням. $\frac{3}{4}$ Серьёзно?

$\frac{3}{4}$ Не болтай ерунду! $\frac{3}{4}$ хмыкнув, как-то разом перестала сердиться Руана. $\frac{3}{4}$ И сообщи, наконец, невинной деве, куда ты её тащишь. Учти, меня бесчестить нельзя.

$\frac{3}{4}$ Почему это? $\frac{3}{4}$ насмешливо осведомился он, затаскивая её в коридорчик, что вёл в кабинет отца, библиотеку и малую гостиную.

И когда успел тут у них всё изучить? Неужели по приезду сразу же понёсся на разведку? И зачем, спрашивается? Она только-только отказалась от мысли биться за поместье — он знать этого не мог. Или догадывался? Услыхал, что таария чересчур умна, и понял: если действительно не дура, сама дойдёт до мысли отказаться от непосильной ноши. Что ж, это объяснение.

Их нелепая прогулка наедине закончилась в библиотеке. Отец гордился, что сумел продолжить дело предков: не только сохранить, но и преумножить их сокровищницу мудрости. Руана вообще не уставала благодарить всех своих прапрадедов за такой подарок. Ей нечеловечески повезло родиться в крепости с таким богатством.

Викрат затолкал её в дверь библиотеки, вошёл следом и прислушался: не идёт ли кто следом? Затем плотно закрыл за собой дверь и предложил:

$\frac{3}{4}$ Поговорим?

$\frac{3}{4}$ Можно подумать, ты меня отпустишь, если я откажу, $\frac{3}{4}$ позволила Руана себе усомниться, опускаясь в единственное кресло.

$\frac{3}{4}$ Я-то отпущу, $\frac{3}{4}$ присев на край массивного стола, многозначительно заметил Викрат. $\frac{3}{4}$ Но ты не откажешь.

При этом его лицо как-то перестало казаться слишком уж красивым. Нос хищно заострился. Глаза горят, как у сумасшедшего. И тени под них залегли, какие бывают у пьяниц да больных. Или в библиотеке просто темновато: окон целых три, но и здесь они больно уж малы.

$\frac{3}{4}$ Рассчитываешь на моё неуёмное любопытство? $\frac{3}{4}$ насмешливо уточнила Руана, вольно откинувшись на высокую деревянную жутко неудобную спинку.

И вдруг закинула ногу на ногу, как позволяли себе только мужчины. На что они оба уставились с недоумением. Руана даже голову склонила: боялась, что глаза обманывают. Что это не она вульгарная кабацкая девка, а наведённый кем-то морок.

$\frac{3}{4}$ Ну, ты даёшь! $\frac{3}{4}$ как-то по-новому взглянув на неё, неподдельно восхитился Викрат. $\frac{3}{4}$ А я, честно говоря, не верил в твою... непохожесть на других.

$\frac{3}{4}$ Это, $\frac{3}{4}$ Руана ткнула пальцем в торчащее колено, $\frac{3}{4}$ случайность.

$\frac{3}{4}$ Правда? $\frac{3}{4}$ вкрадчиво протянул он. $\frac{3}{4}$ А почему сразу не убрала?

$\frac{3}{4}$ Знаешь, $\frac{3}{4}$ вдруг кое-что поняла она, $\frac{3}{4}$ мне так очень удобно. Будто всю жизнь так

делала.

³/₄ А делала?

³/₄ С тех пор, как начала жить заново, ни разу. Так, что там с моей непохожестью? ³/₄ вежливо осведомилась она, покачивая ногой.

³/₄ А что с ней? ³/₄ дурашливо округлил глаза Викрат.

Уселся плотней и тоже закинул ногу на ногу. Закачал носком высокого сапога, в каком обычно ездят верхом, а не шляют по дому. Тем более в гостях.

³/₄ Ты уезжаешь? Даже чаю не попьёшь? ³/₄ внезапно выскочила из неё идиотская фраза.

Выскочила и показалась ужасно родной. Она точно уже говорила так где-то кому-то — кому-то отлично знакомому.

Викрат закинул голову и расхохотался. Как показалось, не вполне искренно. Да и всё его поведение становилось похожим на подготовку к чему-то серьёзному — для него. Можно сказать: для прыжка — вон как напряжился под маской весельчака.

Собирается меня использовать в каких-то своих целях — сделала Руана неутешительный вывод. Само по себе намерение не преступное: люди вечно используют друг друга в корыстных целях. Проблема в том, что Ати, кажется, искренно влюбилась в мальчика. Да и тот весь такой пылающий — приятно посмотреть.

Но мальчик не сам по себе мальчик: брат того господина, что прекратил смеяться и уставился на неё жгуче придирчивым взглядом.

³/₄ Что тебе от меня нужно? ³/₄ решила она прекратить хождение вокруг да около. ³/₄ Ведь тебе что-то нужно?

³/₄ Тебе тоже, ³/₄ нехорошо усмехнулся Викрат.

Руана чуток поразмыслила и пришла к единственно похожему на правду выводу:

³/₄ Ати?

Он кивнул. Ну да, какой ему интерес в отце или мачехе? Те к его жизни отношения не имеют.

³/₄ Из-за того, что станет женой вашего миляги Юбейна?

³/₄ Наш миляга тут не при чём, ³/₄ поморщился Викрат. ³/₄ Твоя сестра в опасности независимо от того, за кого выйдет замуж.

Руана сглотнула. Ей стало по-настоящему страшно. А что делают дети, когда им страшно?

³/₄ Её отец защитит, ³/₄ не особо веря в это, заявила она.

³/₄ Брось! ³/₄ рассердился Викрат. ³/₄ Ты сама знаешь, что нет. Иначе я бы не стал перед тобой распинаться.

³/₄ А я, значит, смогу, ³/₄ прошипела Руана напуганной змеёй.

³/₄ У тебя может получиться, ³/₄ поправил он её не слишком уверенно.

Скорей уж с надеждой.

³/₄ Жизнь Юбейна тоже от этого зависит? ³/₄ догадалась она.

Он кивнул. Ну да, стал бы он так беспокоиться о чужой девчонке, не будь она связана с его братом. Ровно так же саму Руану не беспокоит судьба чужого мальчика: жить ему или умереть.

Во что же её втягивают?

³/₄ И всё же: почему я? ³/₄ прежде чем втянуться, желала она прояснить всё, что возможно. ³/₄ Тебе наверняка известно, что таария я так себе. Гору из земли не подниму. Самое большее: кочку. А мой отец очень сильный маг. Говорят даже: могучий.

$\frac{3}{4}$ Да, он могуч, $\frac{3}{4}$ уважительно поддакнул Викрат. $\frac{3}{4}$ Я восхищён тем, что он сделал из каменных пустошей на ваших восточных землях. Но одновременно твой отец очень уязвим.

$\frac{3}{4}$ Чем? $\frac{3}{4}$ обмерла Руана, едва не подскочив и не заорав в голос.

Потому что поверила в это сразу. Потому что привыкла чувствовать себя абсолютно защищённой, а оказалось: зря. Потому что отец... это отец. Не слишком щедрый на ласку и внимание, но главный человек во всём мире.

$\frac{3}{4}$ Тем, что предсказуем, $\frac{3}{4}$ довольно спокойно пояснил Викрат, будто рассуждал о чём-то обыденном. $\frac{3}{4}$ Понимаешь, у магов есть один весомый недостаток: они плохо приспособляются к чему-то новому. Тем более к тому, что вообще не могут сделать с помощью ДАРА.

$\frac{3}{4}$ К примеру, убить? $\frac{3}{4}$ пролепетала Руана, борясь с желанием удрать.

$\frac{3}{4}$ К примеру: убить, $\frac{3}{4}$ согласился он.

$\frac{3}{4}$ Думаешь, я смогу? $\frac{3}{4}$ показалось ей, что это попытка подбить молодую дурочку на что-то страшное.

$\frac{3}{4}$ Конечно, нет! $\frac{3}{4}$ раздражённо отмахнулся Викрат. $\frac{3}{4}$ Не болтай чушь.

И тут Руану озарило:

$\frac{3}{4}$ Моя непохожесть на других. Дело в этом? Я должна сделать то, на что другие женщины никогда не согласятся?

$\frac{3}{4}$ Не должна, а можешь, $\frac{3}{4}$ возразил он. $\frac{3}{4}$ Ты способна на поступок, которого от женщины ожидать не станут. Быть непредсказуемым, значит, вполнину выиграть схватку.

Тут уж от испуга Руаны и следа не осталось. Обзови женщину, непохожей, необычной, неповторимой, и она восстанет из мёртвых — лишь бы не пропустить ни словечка. А потом заставь её исполнить неисполнимое — побежит вприпрыжку и наисполняет троекратно. Некоторым их неповторимость слишком дорого обходится.

Викрат терпеливо ждал, когда мысли Руаны всласть набегаются кругами и вернут её к действительности. А заодно поставят на место перебаламученные мозги, вернув утраченное самообладание.

$\frac{3}{4}$ Скажи, $\frac{3}{4}$ даже не пыталась она хоть что-то разглядеть в его непроницаемых глазах, $\frac{3}{4}$ кто в большей опасности: Ати или Юбейн?

$\frac{3}{4}$ Оба, но по-разному, $\frac{3}{4}$ выдал он явно готовый ответ на ожидаемый вопрос.

$\frac{3}{4}$ Твой брат может погибнуть?

$\frac{3}{4}$ Он будет убит, $\frac{3}{4}$ с безупречным хладнокровием в голосе подтвердил Викрат.

Лишь дёрнувшееся веко предательски указало: он боится, как может бояться лишь сильный мужчина. Безгранично и в полной готовности наделать глупостей. Ей же никакие чужие глупости не нужны: ей сестру спасать. Если, конечно, это правда.

$\frac{3}{4}$ Чтобы заполучить Ати?

Он кивнул.

$\frac{3}{4}$ Тогда, в чём опасность для неё? $\frac{3}{4}$ придирчиво выспрашивала Руана, чувствуя, что это лишь жалкая попытка оттянуть неизбежное. $\frac{3}{4}$ Кроме разбитого сердца и слёз по любимому.

$\frac{3}{4}$ В том, что твоя сестра не пойдёт под венец после бесчестья.

Ну, вот и всё — мелькнуло в голове Руаны, пока она поднималась на дрожащие ноги. Больше не понадобится тратить время и слова на её уговоры.

$\frac{3}{4}$ Ты сможешь? $\frac{3}{4}$ спросила она у человека, который отнял у неё безбедную жизнь под отцовским крылышком.

$\frac{3}{4}$ Это я должен у тебя спросить: ты мне сможешь?

Его голос был сух и твёрд. Глаза и не пытались скрыть торжество победителя.

$\frac{3}{4}$ Когда и где?

$\frac{3}{4}$ Интересно, $\frac{3}{4}$ усмехнулся этот мерзавец, $\frac{3}{4}$ как тебе понравится твоя комната в императорской крепости?

И это он обозвал её подстрекательницей.

Умница

Свиданием в библиотеке дело не закончилось. Получив согласие Руаны вступить в сговор, Викрат потащил её в кабинет хозяина крепости. Отец и господин Таа-Дайбер расположились там за бутылочкой — почтительная дочь непочтительно принялась — чего-то вонючего и явно крепкого. Видимо, ядрёное пойло северян, которое в приличном обществе неизменно и громогласно осуждалось. Но втихомолку употреблялось не реже изысканных вин.

— Поговорили, — бросив на Руану косой и чуть расплывчатый взгляд, понял господин Таа-Дайбер.

— Договорились, — поправил его сын, дожидаясь, пока дама сядет.

После чего и он сможет опустить свою задницу... на что придётся. Ибо незанятым в кабинете оставался лишь колченогий табурет. Однако дама торчала столбом и не торопилась испытывать это убожество на прочность.

— Ты моя дочь, — посмотрел отец исподлобья каким-то непривычно тоскливым взглядом всё потерявшего человека. — Мой единственный ребёнок.

— Ати моя единственная сестра, — осторожно напомнила ему Руана, приготовившись драться за сделанный выбор.

— Да уж, — буркнул отец.

И принялся цедить бормотуху яранов. Как только не задохнётся от этой гадости — невольно поморщилась она. Вздохнула и аккуратно присела на табурет. Викрат напоказ шумно выдохнул — дескать, дождался — и шмякнулся прямо на пол у стены. Ещё и ноги вытянул, демонстрируя пренебрежение к удобствам — что для таара странновато.

— Полагаю, — сцепив руки на животе, пробормотал старший Таа-Дайбер, — ты понимаешь всю опасность предстоящего?

— Ни малейшего представления, — честно призналась Руана.

Верховник посмотрел на сына с недоумением — тот лишь плечами пожал:

— Я объяснил только результат нашего невмешательства. А саму... проблему...

— Опишу я, — согласился с его действиями Таа-Дайбер. — Может, — весьма благосклонно улыбнулся он замороженной девице, — ты предпочитаешь задавать вопросы?

— Предпочитаю, — тотчас ухватилась Руана за дельное предложение. — И не желаю дожидаться, когда будет подходящее время. Хочу ответов прямо сейчас.

— Имеешь право, — согласился верховник и на это. — Слушаю.

— Викрат намекнул на бесчестье, которое ожидает мою сестру. Я хочу знать имя ублюдка.

Таа-Дайбер с отцом переглянулись. Отец кивнул и верховник буквально оглушил:

— Император.

— Да ну! — оторопело выпучилась на него Руана, пытаясь поверить в сказанное.

— Именно, — совсем уж мрачно буркнул отец и процедил с немыслимой для него ненавистью: — Свинья.

И тут Руана почувствовала в себе непривычную холодную злую сосредоточенность. Которая и породила второй вопрос:

— Это яраны пытаются натравить на нас императора? Или он просто беспринципный

сластолюбец?

Пришла очередь Таа-Дайбера вытаращиться на невиданное прежде, казалось бы, невинное создание. Он пошлёпал узкими бледными губами и осторожно осведомился:

— Мáруш, ты её воспитывал или натаскивал?

— Ни то, ни другое, — проворчал господин Таа-Лейгард, покосившись на дочь.

В его взгляде Руана к своему удивлению обнаружила гордость за полученный результат. Надо же. И они ещё всю жизнь требовали от неё следовать пресловутым правилам приличия. Она старалась, как могла, однако не услышала ни единой похвалы. А тут разок явила себя наглой, чуть ли не разнузданной девкой — и вот нате вам: гордятся.

— Господин, вы не ответили, — пытаюсь скрыть смущение, напомнила Руана.

— Яраны тут не при чём, — деловито продолжил Таа-Дайбер, отставляя чарку, ибо пошёл серьёзный разговор. — Наш император действительно сластолюбец. Пожалуй, это единственный его недостаток. И обычно он никому не мешает. При дворе всегда полно девиц, готовых...э-э...

— Обрести особое положение при императоре, — помогла ему Руана, дабы старик не тратил время на пустую осторожность при выборе слов в присутствии дамы. — Кстати, быть шлюхой императора действительно выгодно?

— Ещё как, — хмыкнув, прокомментировал с пола Викрат. — И, кстати, не так уж позорно.

И вдруг на Руану накатило. Как с ней бывало изредка: откуда-то из немислимых, а то и несуществующих глубин памяти всплывало то, что она никак не могла видеть или слышать:

«Лариса Дмитриевна, не угодно ли вам ехать со мной в Париж? И полное обеспечение на всю жизнь. Стыда не бойтесь. Осуждения не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит. Я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать»

Походило на соблазнение девицы каким-то значительным человеком. Может даже императором — насупилась Руана, чувствуя, как внутри кристаллизуется ледяная расчётливая ненависть. Вот, значит, как. Императору перестало хватать придворных шлюх? Захотел...

Кстати, о «захотел».

— Послушайте. А где и когда император мог видеть нашу Ати?

— Ещё не видел, — хмуро пояснил отец, так же отставляя чарку. — Но увидит.

Увидит — согласилась она — когда молодожёнов по традиции притащат к нему за монаршим благословением — чтоб ему провалиться!

— И вы уверены, что император обязательно её возжелает? — закралась в душу крохотная полудохлая надежда. — При его-то возможностях и выборе?

— Он возжелает, — уверенно пообещал Викрат.

Руана оглянулась на пророка — тот ровнял ножом ноготь. Аккуратно и сосредоточенно — на неё даже не взглянул.

— А меня, полагаю, не возжелает, — уточнила она, заранее зная ответ.

— Таарию? — удивился Таа-Дайбер её разносторонности, ибо глупости в её речах пока не замечали. — Никогда. Хотя он и предпочитает умных женщин со скверным характером. Для таких даже внешность не преграда: обязательно окажутся... э-э...

— В его постели, — понятиливо кивнула Руана.

— Да уж, — опять встрял Викрат со своей невероятно привлекательной ироничной

насмешкой. — Вспомнить хотя бы госпожу Таа-Камбла. Вот уж была коровица. Задница, как...

— Сын! — прикрикнул на него папаша, воровато зыркнув на приличную девицу.

— Не отвлекайтесь на пустяки, — попросила та. — Как часто наш император меняет любовниц?

— Полностью или частично? — задал господин верховный советник сногшибательный вопрос.

— Да, так мы увязнем в подсчётах, — не сдержавшись, хмыкнула Руана.

— Дочь! — на этот раз повысил голос отец.

— Прости. Увлелась.

— Увлелась она, — проворчал господин Таа-Лейгард, с удивлением разглядывая незнакомую ему дочь. — Где и понахваталась-то? Вроде Урпаху у нас строга без меры.

— Очень строга, — поддакнула Руана и вновь не удержалась: — А, сколько всего у императора перебивало любовниц?

— Восемьдесят пять, — моментально дал ответ Таа-Дайбер.

— Ему же только сорок шесть лет, — опешила неопытная дева. — Когда он успел-то?

— Ну-у, — протянул старый верховник, вновь и вновь подбирая слова, — помимо фавориток и постоянных любовниц есть ещё и случайные... эпизоды.

— Любопытно узнать, во сколько обходятся империи... шалости её монарха, — проворчала под нос Руана, пытаясь осознать, кто управляет их государством.

— А вот в этом вопросе император достаточно благоразумен, — заступился за коронованного кобеля верный советник. — Больше того, что может дать, никогда не презентует.

— К тому же горничные, торговки и крестьянки обходятся дёшево, — не преминул высказаться Викрат. — Крестьянки, обалдев от его внимания, вообще могут ничего не потребовать.

— О чём ты задумалась? — с подозрением осведомился бдительный Таа-Лейгард у притихшей дочери.

— О нашей императрице, — охотно поделилась мыслями та, откинувшись на стену, у которой стоял табурет.

И так же произвольно закинув ногу на ногу. То и другое было вопиющим нарушением поведения, предписанного благородной девице. Уразумев это, благородная девица с неблагородными замашками вскинула глаза на отца. Тот даже не удивился. Кажется, он заранее приготовился ко всем возможным сюрпризам.

Впрочем, он и должен быть последовательным, раз позволяет втягивать дочь в мужские интриги.

— Наша императрица по традиции яrania, — напомнил Таа-Дайбер и бесстрастно пояснил: — Она родилась развратной. А с молоком матери всосала неутолимое сладострастие. После рождения второго сына супруг дал ей полную свободу. И не питает к жене иных чувств, кроме холодной дружбы.

— Это всех устраивает? — честно говоря, Руана не испытала сильного потрясения.

— Оба наследника являются сыновьями императора, — с непоколебимой уверенностью заявил ближайший к нему человек.

— Я тут подумала, — решила не скрывать она даже глупых мыслей. — Может, мне

обратиться к императрице? Понятно, что все считают яраний шлюхами...

— Дочь!

— Прости, отец. Считаю не слишком разборчивыми женщинами. Но всем так же известно, что за насилие над женщиной северяне безжалостно казнят. Для них это преступление затмевает все другие. Неужели императрица позволит мужу...

— Это она северянка, а не он, — решил Викрат, что глупости не обязательно выслушивать до конца. — Императрица не станет нарушать то равновесие, что установилось в её семье. Стоит ей потребовать у мужа отказаться от его намерений, он потребует того же. А императрица нынче завела сразу двух молодых любовников.

— А вы уверены, что благословение развратных монархов так уж необходимо нашей безгрешной Ати?! — не выдержав, окрысилась Руана на седовласых умников. — Думаю, она вполне обойдётся благословением двух присутствующих здесь отцов.

— Она да, — легко согласился Таа-Дайбер. — А вот не закреплённый монаршим вердиктом брак вправе оспорить кто угодно. Ати будет считаться не женой, а сожительницей моего сына. И любая сволочь может, так сказать, избавить её от сожителя. Чтобы сделать своей законной женой.

— А самому стать хозяином Лейгарда, — покивала Руана, дав знак, что всё поняла.

Затем немного помолчала, дабы привести в порядок мысли — мужчины терпеливо ждали окончания процесса, в который не особо верили. И зря: она всё осознала и верно оценила. К тому же, прислушавшись к себе, поняла: ради Ати пойдёт на что угодно.

Мало того, что это её сестра — обидеть хотят человека чистейшей души и добрейших помыслов. Беззащитного, как младенец. Ну, уж нет — сама собой преисполнилась решимостью душа женщины, то и дело удивлявшей саму себя. Нарушение всех мыслимых и немислимых правил с традициями давалось ей легче их соблюдения. Подумаешь: нарушит ещё несколько. Одним больше, одним меньше.

Когда снова подняла глаза на мужчин, Таа-Дайбер удовлетворённо кивнул и заметил:

— Маруш, кажется, твоя необычная дочь не только умна. Она ещё и отважна.

— Она глупа и труслива, — забрюзжал отец, наполняя чарку бормотухой.

— Чистая правда, — почтительно поддержала его Руана. — И в этом моя сила.

— Поясни, — внезапно сурово потребовал верховный советник императора.

Вообще-то она пошутила — даже растерялась Руана от такого напора. Однако взяла себя в руки и выполнила его требование:

— Если я не считаю себя слишком умной, значит, погибнуть от излишнего самомнения мне почти не грозит. Если я твёрдо уверена, что труслива...

— Значит, не умрёшь от излишней самоуверенности, — без малейшего намёка на неуважительную насмешку закончил за неё Викрат. — В голову бы не пришло, что я однажды скажу это женщине: ты действительно умна. По-настоящему.

По-нашему, по-бразильски — пришло в голову Руане, хотя она и не поняла, что это значит. Просто... пришло в голову и всё тут.

А следом туда же залетела превосходная идея.

— Ишь, как глазки загорелись, — тут же подметил Таа-Дайбер, принимая из рук хозяина и будущего родича наполненную чарку.

— Что-то придумала, — досадливо проворчал отец и приказал: — Говори, что там у тебя.

И она тут же выложила свою идею, подспудно ожидая похвалы — женщина она или

нет?

— Если императору по нраву умные женщины с дурным характером, почему бы ему не обратить внимания на меня? Мне кажется: я отвечаю его запросам. А, если, к тому же, очень постараюсь добиться некоторого уродства, то...

— Он затащит в постель обеих сестёр, — вновь помог ей Викрат.

И опять весьма серьёзно.

— Я его убью! — непроизвольно вырвалось у неё то, что ещё и на ум-то не пришло.

Но уже созрело где-то в глубине по-женски перепуганной души. Сколько можно — в конце-то концов! Неужели нельзя успокоить девушку? Навалились на неё, как прибрежные падальщики на китовую тушу.

— Не выйдет, — строго возразил Таа-Дайбер, ничуть не удивившись подобному порыву неискушённой души.

— Думаете, не смогу? — насупилась Руана.

Неизвестно, как там дальше, но сейчас она чувствовала в себе небывалую решимость. ДАР у неё созидательный? Так она и без него обойдётся. Возьмёт и отравит — это женщине по силам. Или зарежет, когда он заснёт и...

На этой героической мысли она слегка покраснела: заснуть в её присутствии император может лишь по окончании плотских утех. Причём, с нею. А она о подобном могла лишь громко заявлять — сделаться любовницей похотливого ублюдка на деле казалось жутко омерзительным. В душе всё протестовало против такого способа подобраться к нему поближе.

— Думаю, тебе не позволят, — ещё строже предупредил верховник.

— Кто?

— Прежде всего, я. И два других советника — насколько я их знаю. Прости, но даже позор моего сына не стоит того, чтобы убивать монарха. После таких непотребств империя погрузится в страшную гражданскую войну. Лучше уж я вообще откажусь от чести породниться с твоим отцом.

— Правильно, — одобрительно буркнул тот, не глядя на дочь.

— Отец!

— Замолчи, свиристелка! — нагавкал тот и обжёг её неумолимым взглядом человека, решившегося на что-то страшное. — Даже сама жизнь моих дочерей не стоит подобного кровопролития.

Вот сейчас Руана должна была смертельно обидеться. Но чуток подумала и не обиделась: они правы. Во всём и абсолютно. Значит, нужно найти другой способ уберечь Ати от позора. А то и смерти: малышка просто не выдержит и покончит с собой — с бедной дурочки станется.

— Ладно, — устало выдохнула Руана, поднимаясь с табурета. — Отец, я с твоего позволения пойду?

— Куда? — не понял тот, вытирая рот по-простецки ладонью.

Захмелел — тепло и печально подумалось ей — вон как усы в чарке искупал. Как же ему сейчас тошно — подумать страшно. Наверняка Таа-Дайбер ни один час его обрабатывал, прежде чем гордый таар согласился не устраивать войну с императором ради одной девчонки.

И отец уступил, уповая на ловкость второй его девчонки — вдруг окончательно дошло до неё. Руана улыбнулась ему самой ласковой своей улыбкой, изобразив твёрдость во взоре.

Он вздохнул и покачал головой: не верил, что у неё получится.

Что ж, посмотрим.

— Собираться, — с деловитым спокойствием пояснила она. — Мне ведь предстоит отправиться ко двору императора? Кстати, я так и не услышала: когда сей знаменательный день?

— Завтра, — на полном серьёзе обрадовал Викрат, поднимаясь с пола.

Даже штанов не отряхнул — он всё больше и больше ей нравился.

— Вы что, собираетесь поженить детей прямо сегодня?

— Мы поженим их, как и полагается, — заверил отец жениха. — То есть через месяц после нынешнего сговора. А тебе лучше предстать перед императором раньше.

— Прижиться при его дворе? — догадалась Руана. — Подыскать подходящих подручных из самых продажных придворных? Надеюсь, в средствах я ограничена не буду? Завлекать их своими прелестями не стану! Даже не надейтесь.

— Дочь! — на этот раз искренно возмутился отец. — Не будь вульгарной!

— Для самозащиты все средства хороши, — окончательно понесло Руану.

Какой-то сумасшедший кураж накрывал её всё больше и больше. Будто она возвращалась к себе забытой: чувство ожидания борьбы невероятно знакомое. И смелость — просто невероятная для той, кто двадцать лет просидел в крепости под защитой множества мужчин. Вот, так да! И откуда что берётся?

— Умница, — похвалил её уже довольно захмелевший советник. — Маруш, твоя дочь просто невероятна! Будь я помоложе... Ух! Давай выпьем за неё. За несуществующий, но великий женский ум.

Дальше Руана уже не слушала: выскочила за дверь. Да и что там слушать?

— Ну, что? Идём? — по-свойски поинтересовался Викрат, уставившись на неё с каким-то нетерпением.

— Куда?

— К тебе: собираться.

— Что?! — не поверила она своим ушам даже после всего услышанного сегодня. — В мою спальню? К девственнице? Ты сдурел?

— А что? — не понял причины её беспокойства мужчина, явно не страдавший смущением перед прекрасным полом.

Если вообще знал, каково это: смущаться.

— Сегодня я впервые была наедине с мужчиной, — напомнила Руана, всё больше чувствуя себя дурой.

— И что? — вновь ляпнул он, однако тут же сообразил: — Ты о том, что это тебя порочит? О, Создатель! — возвёл очи горе этот грубиян и язвительно предупредил:

— Даже не думай, что после этого кто-то заставит меня на тебе жениться.

— Вообще-то, и вправду бы не хотелось, — попросила Руана. — Но, боюсь, нас не спросят. Не знаю, как ты, но я перечить отцу не приучена. Да и не собираюсь учиться: я люблю его.

— Прекрасное чувство для дочери, — иронично похвалил Викрат. — Но при чём тут моя свобода?

Так, препираясь, они вышли из коридора на лестницу. На верхней ступеньке сидели два дюжих парня в жилетах с гербами наследственного дома Таа-Дайбер. Вообще-то жилетки носила обычная домашняя прислуга. Но у этих лакеев был самый бандитский вид. Явно

умеют пользоваться оружием — подумалось Руане — и весьма успешно.

— Лис, стрелой в наши покои, — скомандовал Викрат подскочившим мордovorотам. — Тащи к госпоже сундуки с её барахлом.

— Оба? — уточнил один из них, одарив таарию одновременно хитрым и оценивающим взглядом.

— Оба. И пошевеливайтесь!

— Сей момент, — не слишком почтительно проворчал второй мордovorот.

И они скатились с лестницы, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

— С моим барахлом? — полюбопытствовала Руана, покорно ведя искусителя в свою спальню.

И чистосердечно надеясь, что кормилица сейчас там. Какое удовольствие ей доставит зрелище избиения наглеца худосочной старухой — за такое наслаждение мало что пожалеешь отдать.

— Ты же не думала явиться ко двору в своих крестьянских обносках? — издевательски ухмыльнулся опытный придворный, приноравливаясь к её шагам по лестнице.

Приходилось осторожничать: Руана отчего-то передумала снова задирать при нём подол. А без этих предосторожностей спуск по довольно крутым ступеням был долог и труден.

— То есть, вы презентуете мне придворный гардероб? — впечатлила её степень их заинтересованности в провинциальной девице.

— Естественно, — несколько развязно подтвердил Викрат, подхватив её под локоть.

Руана наступила на подол и чуть не полетела носом вниз. Какая морока с этими приличиями! Неужели при дворе её ждёт такая же собачья жизнь?

— Это подкуп? — съязвила она.

— Вопрос чести, — возразил он. — Мы не можем заставить твоего отца платить за лишние хлопоты. Тем более за спасение от смерти нашего малыша Юбейна.

— Неужели он отважится броситься на самого императора? — как-то не верилось Руане.

У такого мудрого предусмотрительного и осторожного отца не мог вырасти настолько безрассудный отпрыск. Во всяком случае, Викрата можно со всей основательностью считать сыном своего отца.

— И отважится, и бросится, — разом посмурнел тот. — Что взять с романтического сопляка? Начитался романов о благородстве выдуманных витязей... придурок. И теперь просто свирепствует в вопросах чести с достоинством.

— А ты не свирепствуешь? — вдруг обиделась за Юбейна та, что видела его первый раз в жизни.

— А я предпочитаю побеждать, а не умирать из-за пустяков, — сухо ознакомили Руану со своими принципами. — И защищать честь таким образом, чтобы та не пострадала ещё больше.

— То есть, успеть её защитить до того, как тебя убьют? — вдруг поняла сказанное женщина, прежде ни разу не задумавшаяся над подобной проблемой.

Викрат искоса прищурился на неё, словно изучая:

— Хорошо, что ты умна. Не придётся контролировать каждый твой шаг при дворе.

— Или наоборот, — съязвила Руана, удивлённо округлив глаза.

Пару сундуков с «её барахлом» уже подтащили к дверям спальни, куда она провожала

мужчину, не будучи его женой. И теперь уже четыре мордоворота чесали в затылках, пытаясь сообразить: как втащить через узкую дверку сундук, что в полтора раза шире.

А и вправду: как?

Щеголиха

Руана считала себя слишком разумной, дабы трепетать перед нарядами восторженным попугайчиком. Даже чуть-чуть гордилась этим, находя в своём превосходстве почву для шуток. Верней, подшучивания. Над той же мачехой: вот уж кто вечно беспокоился над тем, как она выглядит в чужих глазах.

Катиалора умна и даже неплохо образована в том, что можно считать образованием для женщин. Нельзя её назвать и ненасытной сорокой, с жадностью летящей на всё блестящее. Просто дочь и супруга тааров должна блюсти свой статус госпожи. Чем нарядней она, тем больше почёта мужчине, способном подать её в лучшем свете.

Мало того, что сама поклонница этой смешной идеи, так и Ати забила голову той же чепухой. А вот падчерице не успела: слишком поздно вошла в её жизнь. Оттого Руана искала в одежде не богатства, а удобства.

Но даже представить себе не могла, что можно ходить в том, что приготовил для неё господин верховный советник императора.

— Это носят избранные? — начисто обалдев от первого же платья из подаренного сундука, позорно пролепетала она.

— Это при дворе носят все, — не скрываясь, наслаждался её провинциальной обескураженностью глава службы королевской охоты Викрат Таа-Дайбер. — Ты что, струсил?

— Конечно, струсил! — расвирепела Руана, прожигая насмешника взглядом сказочной огнеглазой ведьмы. — Тебя в такое засунь, ты бы тоже струсил!

— Во-первых, — невозмутимо парировал он, — одежда не может быть поводом для страха. Это всего лишь тряпки. А во-вторых, это всего лишь дело привычки. Конечно, в таком платье, уже подол не задрать.

— В таком платье и трёх шагов не ступить, — выплеснув спонтанно родившуюся злость, она почувствовала себя убитой. — Оно весит, как полный доспех конного латника. Который даже яраны не могут носить без помощи ДАРА. А я в нём даже на ноги не встану. Да и ползать вряд ли смогу.

— Чушь! — фыркнул галантный придворный и сделал даме комплимент: — На такую корову, как ты, можно навьючить с десятков мешков зерна. Хватит ныть! Ступай за перегородку и облачайся. Ты зря тратишь моё время.

— А ты куда-то торопишься? — с приторной лаской в голосе осведомилась оскорблённая девица благородных кровей. — Так ступай. Тебя никто не держит.

— Уйду, — тем же манером одарили её слащавой улыбкой, — как только смогу убедиться, что ты правильно экипируешься.

— Моя девочка никогда не наденет платье задом наперёд! — гордо провозгласила доселе молчаливая кормилица. — Её воспитывала благородная женщина.

— Правда? — восхитился Викрат. — Я поражён результатом. Никогда не видал настолько бесстыдной, наглой девицы с гигантским самомнением.

— Это да, — согласилась Руана, ибо редко обижалась на правду.

А все возводимые на неё хулы, честно говоря, неподражаемо талантливо пропускала мимо ушей.

— Поторопись, — раздражённо поморщился наставник в вопросах придворного жития-бытия.

— Куда можно торопиться в чужом доме? — поинтересовалась Руана уже из-за перегородки, куда уволокла Урпаху и платье.

— Взнудать одну непутёвую тёлку, — преедовито посвятила её кормилица в намерения высокого гостя. — Что перед каждым мужиком раскрывает свои потаённые закрома.

— Он собирается опрокинуть на спину Кролю-давалку? — аж захлебнулась насмешкой Руана, помогая стаскивать с себя платье.

— Кого ж ещё-то? Других шалав в крепости не водится.

— Мамушка, — наслаждалась мщением задетая за живое женщина, — не суди его строго. Кроля поразительно достоверно умеет изображать целомудрие.

— Неплохо, — одобрил Викрат, судя по голосу, ничуть не смутившись. — Во всяком случае, за одно я спокоен: ты не дашь себя в обиду при дворе. Не придётся тебя вечно защищать от наших дам.

— А ваших тамошних дам есть, кому защитить? — пренебрежительно проворчала старуха, связываться с корой боялся даже грозный командир крепостной стражи.

— От твоей воспитанницы? — хмыкнув, уточнил Викрат.

Руана не могла понять: ему просто нравится с ними пикироваться, или он её и вправду проверяет на стервозность? Если последнее, то обидно: она сроду не была стервой. И никогда никого не обижала первой.

А защищаться от нападков велел сам Всемогущий Создатель. В книге божьих поучений и наставлений, которую она одолела лишь до половины. Да и то лишь потому, что читать было нечего, когда её заперли в наказание на целых пять дней.

— Да, куда ты руку пихаешь, бестолочь? — воркотала Урпаху, натягивая на деревенскую простужку придворное платье. — Ниже бери.

— Это же рукав, — пропыхтела Руана, застряв в каком-то отверстии на лифе.

— Это ложный рукав. А тот, что рукав, ниже. Да, ты пройму-то не плющ, не плющ. Я ж тебе её нарочно оттягаваю. Скоро рукав начисто оторву.

Стоило ожидать очередной порции насмешек, однако Викрат молчал. А когда платье всё-таки оказалось на своей хозяйке, деловито уточнил:

— Досточтимая Урпаху отправится с тобой?

Хороший вопрос — раздосадованно признала Руана, что об этом-то и не подумала. Высокородная таария не может явиться ко двору в одиночку — как будто притащилась наниматься кухаркой. Ей нужны служанки. Понятно, что мамушка никакая не служанка — грех такое и думать! Она родней родного — чем Руана дорожила от всей глубины души.

Но приходилось признать и другое: во всей крепости у неё так и не нашлось служанки, завоевавшей доверие. Дуры и пустомели — зло поджала она губы, признав поражение в таком важном вопросе.

— Понятно, — невозмутимо констатировал Викрат. — Ты права: если слугам не доверяешь, тащить их в крепость императора нельзя. Там их купят с потрохами при первой же надобности. И они тебя с лёгкостью продадут. Что самое смешное: за сущие гроши.

— Совершенно не смешно, — поддёргивая слишком низкую пройму рукава, выползла из-за перегородки великая спасительница чести рода с дыркой в башке.

В которую безвозвратно утекла память многих лет жизни. Что мучило Руану все эти шесть лет. Потому что её не оставляло чувство: там, за непроглядной теменью беспамятства

осталось нечто крайне важное.

— Оставь рукав в покое, — велел знаток придворных вкусов, придирчиво разглядывая результат.

— Я же почти голая! — возмутилась она, и не думая бросить борьбу за крохи скромности, что отпустила ей природа. — Чуть шевельнусь, и оно с меня свалится. Вся грудь наружу.

— Не свалится, — отмахнулся он и склонил голову: — Урпах, моё уважение. Так быстро на моих глазах ещё ни разу не одевали ни одну придворную щеголиху.

— Ничего, — бесстрастно возразила лишь каплю польщённая комплиментом старуха, что-то поправляя на спине воспитанницы. — Приноровится, так ещё быстрее станет одеваться. Моя девочка не какая-то ваша придворная кривляка. Она у меня вовсе не балованная. И правильно воспитанная, — ткнула пальцем в голое плечо строгая надзирательница за девичьей нравственностью. — Это ж и вправду безобразия. В это ваше декольте руку сунуть можно. И легко достать до пупка.

Викрат Таа-Дайбер загоготал, как ненормальный. Даже слёзы выступили. Женщины переглянулись и решили подождать, пока этого весельчака не попустит. Тот, впрочем, недолго испытывал терпение. Угомонившись и промокнув глаза белоснежной манжетой рубахи, он кивнул на сундук:

— Там есть и поскромней. А есть вообще привычная вам дерюга под горло.

— Дерюга? — вздёрнула брови Урпах.

— Бархат, дорогуша. Самый дорогой. Не то, что эта вшивая парча.

Руана склонила голову, впервые осознав, что на ней и вправду дорогушая золотая парча. Тяжёлая и скверно гнущаяся. Она покосилась на кормилицу ироничным взглядом противника всяческих ограничений для тела.

— Срамотища, — поддакнула та.

— Оно же для бала, — с невыносимой скукой в голосе простонал Викрат и вскочил на ноги: — Всё, больше не могу. Это невыносимо. Вы тут сами разбирайтесь, а я пошёл.

— Прошлой зимой Кролю-давалку лечили от дурной болезни распутниц! — ударила его в спину Руана отменной издёвкой.

Гордец не оценил, отмахнувшись от ябеды, как от вонючей мухи. Даже дверью хлопать не стал: видите ли, пренебрегает сельскими дурочками. Ну-ну. Он ещё попомнит. Впрочем, сейчас не до мелочных мстительных фантазий.

Она отошла подальше от стола: попыталась попасть в зеркало хотя бы по пояс. Попала, а толку? Отражение получилось: оторви и выбрось. Руана беспомощно развернулась лицом к кормилице и пожаловалась:

— Что же делать? Оно деревянное, а и без того танцую, как колченогая курица. Какая выгода позориться? А если я захочу кого-нибудь охмурить?

— Тебе и без танцев там никого не охмурить, — с преисполненным безнадёги вздохом посетовала Урпах. — У них при дворе такие павы прохаживаются, что здесь у нас таких и не видывали. Разве твоя мачеха им под стать. Да и то сомневаюсь. Она женщина серьёзная, хозяйственная. Ей глупостями баловаться некогда. А ты не дело задумала, — ворчливо осудила кормилица беспутство воспитанницы.

— Мамушка, я пошутила, — отмахнулась Руана, осторожно усевшись на стул.

Отчего шитая золотом юбка встала на дыбы.

— Точно пошутила? — придирчиво осведомилась Урпах, взявшись расшнуровывать лиф.

— Ой! Ну, какая из меня соблазнительница?! — встопорщилась юная дева, знавшая о придворном этикете лишь понаслышке.

— Никакая! — обрадовалась её признанию кормилица.

— Вот спасибо, — хмыкнула Руана. — Даже ты меня ещё так никогда не хвалила. Я у тебя что, совсем пропащая?

— Ты у меня честная девочка, — хмуро процедила злобная старуха и отвесила ей подзатыльник: — Вот ещё удумала: всяких кобелей соблазнять. Много чести!

— А как же Ати? — удручённо пробормотала Руана, кусая губу.

— А что Ати? — сурово переспросила кормилица.

Вцепилась в края декольте и буквально сорвала с неё лиф.

— Ай! — подскочила со стула Руана и чуть не свалилась носом в пол.

— Не айкай, — буркнула Урпах, сминая юбку, чтобы воспитанница могла из неё выбраться. — И не дёргайся, как припадочная. Не девка, а наказание, — волоча платье к сундуку, бухтела она больше для порядка, чем по делу. — Прочие платья смотреть будешь? Щеголиха! — насмешливо подкусила старая язва.

— Только не мерить, — попыталась отбрыкаться Руана, с тоской покосившись на окно. — Погулять бы.

— Обойдётся! — отрезала Урпах, направившись к ней с другой обновкой. — Их, может, ещё подгонять придётся.

— Тогда зачем спрашивать? — недовольно зафыркала благовоспитанная девица.

— Так положено, — выдала старуха один из самых веских своих аргументов.

На примерку ушло море времени. Казалось, это никогда не кончится. А Руане припомнилось, что сегодня должна телиться подружка её любимца Мордатого — лучшего быка во всей империи. В чём её никто не разубедит.

— Ишь, запрыгала, — издевательски проворкотала кормилица, мигом сообразив, что так взбудоражило баловницу. — Дотерпи уже. Последнее платье. Я вот тут в боках булавками прихвачу, и отпущу тебя. Хотя не дело это: благородной таарии толкаться на скотном дворе. Да ещё во время отёла.

— Я пойду, — на всякий случай набычилась невероятно благородная дева.

— А то ж. Обязательно пойдёшь. Если тебя не связать да в уголке не положить. Стой смиренно! Егоза непутёвая. А то сейчас так булавкой колбану — ты у меня туда не пойдёшь, а полетишь.

Всё когда-нибудь кончается — закончилась и эта пытка. Избавившись от последней обновки, Руана достала своё дворовое платье — на такой случай, как сегодня. Собственно, обычное крестьянское — разве что отделкой чуть богаче. Да юбка чуть длинней: у простых баб она почти до колен, чтоб в подоле не путаться. А у благородной тарии лишь до середины щиколотки. Срамотища — по словам кормилицы — зато удобно.

На ноги — дабы не сверкать голыми лодыжками — простолюдинки натягивали толстые чулки или высокие сапоги. Руана обзавелась и такими — благо, отец не запрещал дочери «рядиться чучелом». Скрутив на голове тугой шишак и убрав его под сетку, благородная таария, наконец-то, вырвалась на волю. Скатилась по лестнице весенним паводком и вылетела из господского дома, не заботясь о репутации.

Тем более что бдительный дядюшка отъехал ещё пару дней назад. Мачеха возилась с

нарядами Ати: всё-таки дочь замуж выдаёт. А отцу не до своенравной старшенькой, вздумавшей покуситься на мужское право носиться, где вздумается.

На скотный двор она примчалась в самый раз: как раз всё началось. Едва влетела под каменную арку ворот, один из скотников не преминул забрюзжать на вертихвостку, показывая, кто тут власть:

— Мордатый на выпасе! Вы не упреждали, что нынче будете выезжать!

Руана отмахнулась и свернула в сторону сарая с коровьими стойлами.

— Гутька отелилась? — на бегу тыркнула кулаком парнишку, что тащил бадейку воды в том же направлении.

— Неа! — счастливо расплылся тот, получив от госпожи знак высшей степени признательности. — Но вот-вот! — поспешно добавил уже в спину.

В обширный полный света, запахов и звуков сарай высокородная таария влетела заполошной растетёхой — как поругивала её Урпах. И сразу кинулась к стойлу с Гутькой, готовой родить отпрыска её Мордатого.

При зачати хозяйке знаменитого быка пятилетки поприсутствовать не дали. Хотя на подобные весёлые события обычно собирались все обитатели крепости: с пивом, с закуской, с сальными шуточками. Зато сегодня её никто не прогонит — пускай только попробуют!

Гутька стояла посреди широкого стойла почти по колено в грудях плотно уложенной чистой соломы. Виновница торжества меланхолично двигала челюстями и косилась на своё неподвижное брюхо. Скотница Туйка — молодая крепкая, как мужик, красotka — оглаживала её седалище и правый бок. Обернувшись к подбежавшей госпоже, она благодушно предупредила:

— Вы ближе-то не лезьте. В сторонке встаньте. Вона пробка отошла: большая-то какая! — почти восхитилась скотница. — Сроду столько слизи не видала. Сейчас у неё, вишь, потуги. Вот-вот ляжет. Воды отойдут, тогда и подойдёте, раз уж приспичило.

— Приспичило, — по-господски величаво поддакнула Руана, вытягивая шею. — Гутечка, красавица. Ты потерпи миленькая. Туйка, а почему у неё живот не шевелится? С теленком всё в порядке? — забеспокоилась она, теребя пальцами подол фигуристой крестьянской жилетки.

— Всё у них ладно, всё хорошо, — нараспев тянула скотница, уминая пальцами широкую ложбину между хребтом и бугром тугого бедра. — Всё просто замечательно. Всё, как надо.

Руана отошла в сторонку и опрокинула пустую бадейку. Пуком соломы обтёрла дно и уселась: тут она точно никому не помешает. Опершись спиной о дощатую перегородку, уже вполне привычно закинула ногу на ногу. Скрестила на груди руки и замерла: она любовалась.

Любовалась на такое прекрасное, такое совершенное творение Создателя, как корова. Кто-то считает, что скаковые быки гораздо красивей: поджарые, тонкие и гибкие в брюхе, длинноногие. Всё их тело состоит из перевитых пластов мышц, что при малейшем движении бугрятся и едва ли не лопаются от налитой в них силы.

Не то, что расплывшиеся в боках коротконогие неповоротливые самки. Но Руане отчего-то нравились именно они. Особенно их длинные изящные морды. Чуткие ноздри, аккуратно утопленные щёчные впадины. Огромные выпуклые блестящие глаза: невероятно красивые и умные.

Быки что — быки вздорные и себе на уме. А у коров манеры поблагородней, чем у

большинства высокородных дамочек из господских родов тааров — не говоря уже о слишком раскованных яраниях.

Иногда Руана прибегала сюда лишь для того, чтобы поваляться в соломе рядом с коровами. Прижаться к такой вот степенной фигуристой красотке ухом. Внутри огромного горячего тела ворочалась и дышала сама жизнь. Непобедимая и нескончаемая, как небо.

— Когда потуги, вишь ты, хвост подымается, — продолжала размеренно поучать госпожу Туйка, всё оглаживая и оглаживая разбухший белоснежный бок. — Тут видишь? — мяли её пальцы ложбину меж хребтом и бедром. — Внутрь западает. Это у неё схватки. Ой, до чего ж всё хорошо идёт!

— Отлично вижу, — вежливо поддакнула Руана, проигнорировав тот факт, что её приняли за свою и обратились к таарии на «ты». — Знаешь, что меня больше всего поражает? Гутька бесподобно спокойна. Словно это мы с тобой телиться будем, а не она.

Туйка расхохоталась, замахав на госпожу ладошкой: дескать, брось, не смеши под руку. Тут к Гутьке поскакала девчонка-подросток. Повисла на шее, норovia заставить корову улечься.

— Слезь с неё! — вполголоса, дабы не пугать роженицу, рывкнула скотница. — Зараза! Повисла камнем, так что впору топиться.

— Туйка, давай лучше я, — недовольно проворчала Руана, покинув бадейку. Решительно пошлёпала к Гутьке, бесстыдно задирая юбку и увязая в снопах.

— Неужто сама? — поражённо пропищала девчонка, уступая место у головы с интересом наблюдавшей за ними коровы.

— Иди уже! — весело фыркнув, приказала Руана.

И провела ладонью по тёплой шершавой морде. По сопящему влажному носу. Руки так и тянулись оглаживать, ласково трепать, похлопывать — лишь бы снова и снова прикасаться к той, что сейчас на её глазах свершит самое обычное чудо.

Гутька улеглась сама, без понуканий: когда захотелось, тогда и опустилась на солому. Руана подсунула ей под морду лишний сноп и переползла ближе к хвосту. Как раз вовремя: показалось белоснежное копытце. Такое чистенькое, такое точёное — будто вырезанное из драгоценного камня.

А через несколько мгновений выскочило и второе: теленок закинул ножку на ножку. Так скрещенными они и выходили, нежно раздвигая материнскую плоть. Скотница ухватилась за них — как показалось Руане — слишком грубо. Но Гутька не возражала.

Туйке было нелегко: она упиралась и кряхтела, помогая телёнку покидать мамкино чрево. Его тёмная влажная мордочка, казалось, намертво приклеилась к выползавшим голяшкам. И вдруг на ней раскрылся огромный чёрный глаз. Прекрасный, как и у мамы. Ещё ушки не вышли, а этот глаз уже осмысленно таранился на скотницу, то и дело помаргивая.

А уж когда показались ушки, дело и вовсе пошло веселей.

— Не вставай! — гаркнула на роженицу Туйка. — Ишь! Чего удумала.

И Гутька покорно кивнула. Умница знала, что вокруг возятся не ради собственного удовольствия: ей помогают, зная в этом деле толк. И всем сердцем желая ей добра.

Наконец, теленок вывалился на солому, окропленный выплеснувшей жидкостью, чуть подкрашенной кровью. Его безвольное мокрое тельце ещё только готовилось шевельнуться, а глазенки уже всюю зыркали по сторонам.

Скотница отирала его мордашу, залезла пальцами в рот, выбросив оттуда сгустки слизи. — Кто? Бык? — в нетерпении понукала её Руана, помогая вытирать передние ножки

малыша. — Что пупочек?

Туйка привычно решительным рывком перевернула телёнка на спину:

— Нормально оторвался. Вишь, мальчонка у нас.

— Бычок, — удовлетворённо хмыкнула Руана, продолжая оттирать от слизи дрожащие влажные бока.

Вскоре теленок лежал у белого испятнанного кровью материнского бока. Гутька спокойно и довольно бесцеремонно вылизывала новорожденного. Тот похрюкивал и слегка попинывал мать копытцами. Слабенький и философски взиравший на окружавший его мир.

Туйка раздаивала корову, что-то ворча под нос. А Руана меняла изгвазданную слизью и отошедшими водами подстилку, когда за её спиной раздались отчётливые хлопки. Кто-то кому-то аплодировал — похоже, с издёвкой.

Она покривилась и нехотя обернулась.

— Я впервые дважды ошибся на счёт женщины, — с лёгким укором объявил Викрат Таа-Дайбер, какого-то демона забредя на скотный двор.

И подарил удивлённо хлопавшей глазами Туйке взгляд мужчины, сражённого её красотой в самое сердце. Та — баба не промах и далеко не дура — зарделась, потупилась, как соплюха нецелованная. Будто собственных двоих деток ей подкинули, а не помогли занять в жаркой супружеской постели.

— Твой муж гораздо лучше, — весьма серьёзно заявила Руана, не допуская и намёка на шутку.

Туйка опомнилась мгновенно — недаром сльвёт умницей. Окинула залётного таара ироничным взглядом бывалой молодухи, отгонявшей от себя блудливых кобелей с тех пор, как на груди проклюнулись пипки.

— Ты мне всё портишь, — не менее серьёзно попрекнул таарию обманутый в своих надеждах бабник.

— Зачем ты пришёл? — раздражённо осведомилась она, бездумно вытирая руки о длинный крестьянский передник.

— Ты неисправимая щеголиха, — попытался отыгаться Викрат, демонстративно оглядев её с ног до головы, но вдруг передумал: — Пошли: отец зовёт.

— Твой или мой?

— Твой.

— Тогда пошли, — согласилась Руана, что это серьёзный повод оторвать её от новорожденного.

Ученица

— Госпожа Таа-Нугвор не была госпожой Таа-Нугвор, когда на ней остановился влюбчивый взгляд нашего императора, — как-то скучно, без огонька и попытки заинтриговать слушателей излагал Викрат Таа-Дайбер то, что, по его мнению, Руане полезно знать. — Малышка Сти... Простите, достопочтенная Урпаха. Малышка Стиалора была дочерью весьма уважаемой наставницы сестры нашего императора. Которая слыла бедной, однако неподкупной дамой строгих правил. В коих и воспитала дочь.

— Её невинность с неопытностью и соблазнили бедного императора? — голосом, полным законопослушания и почтения к монарху, уточнила Руана.

Они ехали верхами... верней, тащились на быках, которые при такой скорости умудрялись дрыхнуть. Хотя старый неторопливый битюг был только под кормилицей: она вечно не доверяла легкомысленной молодёжи. А пара иноходцев молодых заговорщиков просто загляденье: за таких скакунов убивают.

Темп каравану задавали пять крытых возов, битком набитых всякой всячиной. Во-первых, и главное: подарками венценосцу от счастливых подданных той провинции, где проживало семейство Таа-Дайбер. Во-вторых, подарки провинции, где находилось поместье Лейгард, представительницей которого впервые за его историю стала женщина.

Императорские подарки — как их принято называть — не являлись актом неблагородного подхалимажа, свойственного плебеям. За неимением в империи налогов для знатных сословий магов — ибо это унизительно — те делали добровольные пожертвования в казну.

Размер и форма пожертвований строго регламентировались. Ты не мог прислать в подарок императору курей и сена. Это добро в изобилие производили его собственные обширные поместья — практически десятая часть империи. Ему в подарок шли только золото, серебро, заморские специи, парча, мех, отменное оружие и прочие дорогие подношения — кто что имел и производил на своих землях.

Затем императорские подарки превращались в подарки императора: он щедро раздавал их в оплату и награду особо отличившимся. Причём, независимо от статуса и положения: в обязанности монарха входят справедливость и щедрость. Здесь главная проблема: избежать позорной ошибки. Не вручить какой-нибудь меч именно тому владетельному таару, что прислал в казну этот самый меч. За подобный «позор» приходилось доплачивать.

Наконец, один из возов целиком состоял из предметов имущества верховного советника Таа-Дайбера. Ибо у того в колоссальной цитадели императора был свой домишко. И его требовалось содержать достойно. Хотя старик Таа-Дайбер — по прозвищу Вездесущий хорь или Вездехорь — слыл человеком скромного образа жизни.

Как и его средний сын Викрат по прозвищу Засранец — Руана от души восхищалась демократичностью придворных нравов. Старший и младший сыновья Вездехоря чурались придворной службы, предпочитая жить на приволье в родовом поместье. А этот был прямо-таки рождён для грязных делишек и борьбы с такими же засранцами.

— Точно, — одобрительно кивнул Викрат. — Невинность и неопытность юной Сти соблазнили нашего бедного императора. Не слишком устойчивого к соблазнам такого рода.

— Юной? Это сколько же бесстыднице было? — любила придирается к мелочам

Урпаху.

Старуха восседала на быке с величием самой императрицы ярании, слывшей непревзойдённой наездницей.

— Бесстыднице было двенадцать, — хмыкнул Викрат, возразив: — И бесстыдницей она ещё не была. Я помню её: как раз в тот год явился ко двору. Она старше всего на три года.

— Ей сейчас... — понукула его Руана.

— Двадцать девять. А мне, если тебе так интересно, двадцать шесть.

— Ни капли не интересно! — мигом отгавкалась она.

— А ну! — прикрикнула на баловников кормилица. — Цыть! Ишь, какие петухи. Вы ещё подеритесь на забаву обозным. Вы мне, господин Викрат, вот что объясните: неужто наш император не мог найти себе шлюху помоложе? У вас там, при дворе, говорят: каждая вторая потаскуха.

— А каждая первая? — не удержался от подначки Таа-Дайбер, стараясь не заржать.

— А каждая первая: старая потаскуха, — безапелляционно заявила деревенская старуха, обладавшая строгим нравом и языком без костей. — На которую уже никто и не облакомится.

Викрат плохо старался: так и прыснул по-мальчишески — аж скакун под ним проснулся и заплясал. А Руана пояснила:

— Ой, мамушка, у императора тех молодых, что мышей в наших кладовых. Он же бабник.

— Так, чего ж мы тебя везём к этакому развратнику?! — всполошилась старуха. — Маруш совсем стыд потерял?! Отдал свою лапушку...

— Никому он свою лапушку не отдал, — вмиг посерьёзнев, успокоил её Викрат.

Они с Руаной переглянулись: отделаться от кормилицы не вышло, но в истинную причину поездки воспитанницы её пока не посвятили. Решили делать это постепенно: по ходу событий. Видимо, сейчас как раз первое — кивнула Руана, позволяя Таа-Дайберу кое-что объяснить, пока Урпаху не учинила скандал. И не завернула караван — для неё это раз плюнуть.

— Император, конечно, развратник, — степенно молвил Викрат, прямо-таки по-стариковски укоризненно качая башкой. — Но благородных девиц силком в постель не тянет.

— Те сами туда прыгают, — преспокойно констатировала кормилица, точно так же качая головой. — Не трудись, не утешай меня грешную. Я уж поняла, что зазря погорячилась. Моя кровиночка не такая, — гордо покосилась старуха на свою воспитанницу. — Она девушка с понятиями.

— Потому отец её и отпустил, — подхватил Викрат с самым серьёзным выражением на физиономии. — Знает, что Руана не замарает честь семьи подобным позором. К тому же она гостя верховного советника: да её пальцем никто не тронет.

— Ладно-ладно, — проворчала Урпаху, хитро подмигнув потупившейся и сжавшей расплывающиеся губы воспитаннице. — Ишь, застрекотал кузнечиком. Что там с этой твоей юной Сти?

— Сти не просто любовница императора, — продолжил просвещать провинциалок придворный проходимец. — Она его фаворитка. То есть, родила императору сына. Который, в случае смерти законных наследников, без всяких условий и церемоний перестаёт считаться бастардом. Становится законным сыном и наследником.

— У него сейчас три фаворитки, — задумчиво пробормотала Руана, похлопав по холке всхрапнувшего Мордатого.

Видать, приснилось что-то.

— И три бастарда, — многозначительно поддакнул Викрат. — Ты верно уловила суть главной императорской проблемы. Точней сказать: проблемы императрицы. Которую та решает с неизменным успехом.

— Обеспечила своих мальчиков надёжной защитой?

— У императрицы шесть братьев, — с непонятной немного злой усмешкой пояснил Таа-Дайбер. — Все очень сильные яраны. Возможно, самые сильные в империи. И не просто боевые маги: все шестеро назлы.

Назлы — это яраны безупречно владеющие всеми тремя боевыми техниками: атакующий, защитник, лазутчик. Даже на овладение одной из боевых техник у большинства яранов уходят годы — бывает, что и вся жизнь. Две техники — считай, что перед тобой великий воин. Три — непревзойдённый.

Непревзойдённые атака, защита и способность обвести вокруг пальца — при таких дядях законным наследникам вряд ли угрожает опасность умереть раньше срока. А фавориткам протащить своих мальчиков в наследники.

— Кто из трёх фавориток до сих пор в фаворе? — поинтересовалась Руана, раздумывая о шансах использовать их против императора. — А кто лишь числится таковой?

— Ты быстро учишься, — удовлетворённо заметил Викрат.

— А ты отлично учишь, — вернула она комплимент, и тут же из неё выскочил следующий животрепещущий вопрос: — Кстати, кого император выделяет? Не может же он любить всех трёх одинаково.

— Он их одинаково разлюбил, — последовал в принципе, ожидаемый ответ.

— Плохо, — лягнула начинающая интриганка, следуя своим мыслям.

— Если ищешь, кого использовать, то вот тебе на выбор ещё три красотки. Те, что сейчас занимают все мысли императора. И отвлекают его от дел поважней волокитства с любовными проказами.

— Ты что, его осуждаешь? — поразил её крайне недовольный тон наставника.

— Я не могу его осуждать. Потому что...

— И сам ходок, — помогла Урпаху господину таару в его попытке сохранять хотя бы внешние признаки благопристойности.

— Ходок, — со вздохом признался тот. — Но свои обязанности исполняю неукоснительно. Кстати, трачу на них гораздо больше времени, чем на дам.

Он так потешно оправдывался — словно желал соблюсти в их глазах образ приличного человека.

— Ох, девочка, и странные у тебя нынче наставники, — проворчала кормилица, недовольно зыркнув на бесстыдника. — Чую, вы что-то скрываете.

И не успела Руана, честно округлив глаза, отнекаться, как пронизательная старуха объявила:

— Вам, видать, нужно поговорить с глазу на глаз. Ну, так я отъеду, пристроюсь на возу. Что-то притомилась трястись на этом бирюке, — ласково погладила она шелковистый мерно вздымавшийся бок. — А ты гляди у меня, — пригрозила магу отважная старуха. — Не вздумай учить мою лапушку всяким вашим непристойностям. Узнаю, так не помилую.

И она залихватски ударила пятками в широкие бока. Бык страшно удивился. Даже попытался скосить взгляд на полоумную старуху, которой взбрело в голову испортить ему необременительную прогулку. Но Урпаху подобными ужимками не пронять. Так что пришлось старому лентяю пробежаться вслед за уплывшим вперёд обозом.

— Продолжай, — невольно улыбнулась им вслед Руана и потребовала: — Только постарайся меньше отвлекаться на попытки остаться приличным человеком. Меня твоя нравственность волнует так же мало, как прошлогодний снег в Срединных горах.

Шутка о прошлогоднем снеге показалась до боли знакомой. Хотя она могла поклясться, что прежде ни от кого подобного не слыхала. Викрат поприветствовал её остроумие привычным гоготом поверхностно воспитанного мужлана. После чего, наконец, продолжил:

— Итак, три нынешних пассии императора. Те, кто могут воспротивиться его новому увлечению... скажем, Атиалорой. Те, кто с большей вероятностью будут услышаны. Первая только-только сдалась на милость победителя. И нещадно пользуется возможностью подзаработать на приданное. Ибо малютка Анулия родом с далёкого юго-востока. Из одного мелкого царства. Откуда её отец бежал со всей семьёй, успев прихватить лишь то, что успел. А дочерей у него целых семь. И всех нужно пристроить.

— Опиши её в нескольких словах, — попросила Руана. — Только, не вдаваясь в ненужные мне подробности о женских прелестях.

— Ей пятнадцать. Как ты понимаешь, жгучая брюнетка. С невероятно сказочно томными чёрными глазницами. Всё, как поётся в балладах о тамошних девицах. Не слишком умна, но чертовски хитра. Умеет выклянчить желаемое. Отец говорит, что она успела содрать с нашего бедного императора уже третье приданое. Торопитесь позаботиться и о сёстрах.

— Добросердечная девочка, — согласилась Руана. — С цинизмом и беспринципностью всё понятно. А что у неё с жестокостью? Говорят, эти восточные южанки тычут во всех ножиками, если что-то им не по нраву. Поклясться не могу, но чувствую, то сама способна на это. Если кто-то попытается тронуть мою Ати.

— Не знаю, что с остальными, но эта девочка крайне осторожна, — твёрдо отверг подобные домыслы Викрат. — А подобные кровавые страсти возможны лишь при наличии пламенной любви. С не менее пламенной ревностью. Но малютка Ану любит императора... избирательно.

— Только его казну, — хмыкнув, догадалась Руана. — А кто вторая?

— Дочь не слишком безупречного таара.

— В каком смысле?

— В самом прямом: он страстно желает уложить дочь в императорскую постель.

— Серьёзно? — даже поёжилась она, на миг представив, что могла родиться у такого отца.

— А что? — заметив её гримасы, пожал плечами опытный придворный. — У её отца серьёзная, можно сказать, кровопролитная тяжба за наследство. И если девочка проникнется интересами отца больше, чем собственной стыдливостью, у него всё получится. Видишь ли, к императорскому двору в основном стекаются не самые приличные люди. Приличные, вроде твоего отца или моего старшего брата, сидят в своих крепостях. Занимаются хозяйством, растят сады и детей.

— Ты хочешь сказать, — решившись, задала Руана прямой вопрос, — что при дворе мужчины торгуют своими дочерьми?

Это ей показалось знакомым. Словно кто-то уже рассказывал о столь низменных пороках, которые не приветствовали даже яраны с их свободой нравов. Или она где-то о таком читала?..

Однако абсолютно точно нет: не рассказывали, и не читала. Откуда же в ней ощущение знакомства с этой неприглядной стороной жизни? Но, что удивительней, она вполне спокойно реагировала на существование подобных дрянных людей с их грязными делишками.

— И дочерями, и не только, — задумчиво вещал Викрат, как-то странно искоса разглядывая собеседницу. — Некоторые не слишком щепетильные мерзавцы торгуют даже своими жёнами. В чайнии снискать великих и богатых милостей. Кстати, не только у императора, но и у его приближённых.

— У твоего отца?

— Видела бы ты его лицо, — и сам брезгливо поморщился он, — когда ему пытаются подsunуть очередную девочку. Отца аж трясёт от бешенства. После он старается найти способ отыгаться на её бесстыжем папаше. Только вот новых искателей благ это не останавливает.

— А почему их должны смущать подобные пустяки? — вырвалось у Руаны. — Каждый из них искренно считает остальных неудачниками. Ведь именно его дочь завоюет сердце влиятельного холостяка.

— Может быть, — пробормотал Викрат, вновь одарив её непонятым взглядом.

— А как зовут эту несчастную девочку? — поспешила она сменить тему, ибо эти его взглядики и коробили, и пугали.

— Блиарата. И я бы не назвал малютку Бли такой уж несчастной. Она вполне толково ускользает от домогательств. Во всяком случае, до моего отъезда к вам, у Бли это получалось.

— Действительно спасается? Или разжигает аппетит? — вновь выскочило из Руаны довольно циничное замечание.

— Слушай! — не выдержал Викрат, опять разбудив подпрыгнувшего под ним скакуна. — Кто из нас учитель? А кто вообще ничего не видел в жизни дальше ворот своей крепости?

— То есть, ты мною доволен, — в подражание мачехе невозмутимо констатировала девица с двойным, а то и тройным дном. — Не люблю разочаровывать. Я, знаешь ли, тщеславна. Слегка.

— Что-то с тобой не так, — вновь погрузился в размышления господин маг и командующий императорской охотой. — Мы с отцом исподволь расспрашивали всех, кто знает тебя хоть немного. Кстати, интересно, что о тебе думает твой бывший наставник? Которого ты бесовестно выжила из крепости.

— Неинтересно, — равнодушно отмахнулась она.

— А интересно, кто нас горячо уверял, будто ты очень необычная девушка? Большого ума и неженской выдержки.

— Кто? — тут же купилась Руана на эту приманку.

— Катиалора.

— Мачеха?

— Ты удивлена?

— Не то слово.

— Она о тебе очень высокого мнения. Считает, что кроме тебя никто не защитит её обожаемую девочку. Ибо ты не только умна, осторожна и бессовестна, но и любишь сестру. То есть кровно заинтересована в её благополучии.

— Ладно, — поморщившись, скрыла довольную улыбку Руана. — Рассказывай о последней пассии нашего неутомимого монарха. Дай угадаю: ещё одна малютка?

— Малютка Нала-яри.

— Ярания?

— Чему ты удивилась? Сама же пеняла мужикам на их похотливую страсть к яраниям.

— Я удивилась тому, что любителя юных недотрог привлекла девушка не слишком строгих правил. Я что, неверно отгадала пристрастия императора? Разве не поэтому вы с отцом записали Ати в число будущих жертв его домогательств? Уж она-то у нас всем недотрогам недотрога.

— Угадала ты верно, — не скрывал досаду учитель, в сущности, довольно прожжённой особы. — Императора недотроги влекут. Неправа ты в другом: ярании вовсе не распутницы. Тем более, все поголовно. Брак для них действительно не то же самое, что для вас. Но одно для северянки незыблемо: если она кого-то не хочет, значит, точно не хочет.

— Безусловно и бесповоротно? — как-то не верилось Руане.

И не совсем справедливо: о северянках она знала лишь по скабрёзностям, что любили пересказывать те, кто ни разу не имел с ними дел.

— Ярания способна убить того, кто ей докучает, — ещё больше раздосадовало учителя. — А ты поменьше верь грязным сплетням. Иначе попадёшься в ловушку собственного недомыслия. И провалишь всё дело.

— Ты прав, — легко согласилась Руана. — Провинциальное мышление. Что ты хочешь?

Вот опять! Кажется, намертво законопаченная память о прошлом поистрепалась и пошла дырами. В последнее время из неё то и дело выскакивало явно известное когда-то и незнакомое теперь. Может, так возвращается память? Только бы всё не испортить, пытаюсь насильственно доискиваться правды. Пускай всё идёт, как идёт — решила она.

— А ты мне определённо нравишься, — на этот раз выскочило из Викрата явно нежеланное признание.

— Ты мне тоже, — наконец-то, смогла произнести Руана. — С тобой безумно интересно.

— И всё? — с весьма неприличным сомнением уточнил он.

— Если ты о девичьих грёзах, то нет: я не влюблена. Пока, — не смогла удержаться она от лёгкого укуса.

После которого галантного мужчину, почитавшего себя дамским угодником, перекосило. Неужели его любовницам нравится такое хамское поведение — удивилась Руана. Или он становится другим, стоит даме согласиться на интрижку?

В то, что Викрат соблазняет невинных дев, совершенно не верилось. И дело не в пресловутом благородстве — оно у него довольно своеобразное. Просто этот самовлюблённый повеса панически боялся попасться на крючок: променять свободу на сомнительные удовольствия женатого мужчины.

— Ты начал рассказывать о Нале, — нарочито загадочно улыбнувшись, напомнила Руана.

— О Нала-яри, — строго поправил её учитель. — Никогда не сокращай и не коверкай имена яраний. Если только не желаешь кого-то оскорбить. И нарваться на законную виру.

Учти, задев одну яранию, ты восстановишь против себя и остальных.

— Затравят? — приняла Руана к сведению крайне важное замечание.

— Не то слово. Так вот, о Нала-яри: эта малютка не желает стать развлечением для своего монарха. Хотя по достоверным сведениям уже не девственница.

— То есть, она ещё и не любовница?

— Она добыча, — хмыкнув, пояснил командующий императорской охотой. — За которой наш ненасытный монарх гоняется всё свободное от дел время. Ну, и от других женщин.

— А что у Нала-яри с характером? — поторопила его Руана.

Ей уже обрыдло выслушивать вроде бы нелицеприятные эпитеты распущенному императору, в которых ни капли осуждения. Такое чувство, что отец и сын Таа-Дайбер гордились похотливым нравом своего господина.

— Она умна, злоязыка, но прямолинейна. Довольно сильная ярания, оттачивающая технику атакующего. Хитрость не её стезя. Ко всему прочему Нала-яри даже не пытается изображать невинность. И когда император начинает ей чрезмерно докучать, бесстыдно сстраивает его с фаворитками. Которых он по-прежнему нередко посещает. И ссориться с ними не желает не при каких условиях.

— Похвальная привязанность, — съязвила Руана, подустав от затянувшегося урока безнравственности и придворных манер. — Кстати, ты так и пояснил один момент.

— Какой именно? — безо всякого интереса уточнил Викрат, засмотревшись на крестьянок, полощущих бельё в реке, по берегу которой они проезжали.

Поддёрнутые юбки на согнутых пополам женщинах являли взору молодого повесы довольно лакомое зрелище.

— Госпожа Таа-Нугвор не была госпожой Таа-Нугвор, когда на ней остановился взгляд императора, — напомнила она.

— Да. И что? — нетерпеливо пробормотал беспринципный бабник, явно собираясь завернуть быка с тракта на бережок.

— Объясни, что ты имел в виду, и можешь убираться, — холодно и решительно потребовала Руана, чувствуя, что пора привыкать к подобному тону.

Викрат оценил новшество. Одарил её уважительным взглядом и выполнил требуемое:

— Госпожа Таа-Нугвор стала госпожой Таа-Нугвор после рождения императорского отпрыска. Который не может оставаться сыном обычной шлюхи. Фаворитка должна получить статус приличной дамы. Поэтому ей подыскивают не слишком щепетильного мужа. Которому выделяют поместье и отправляют его обживать. А мать императорского сына остаётся при дворе.

— Под надзором? Чтобы не вздумала воспользоваться бастардом... как-то неправильно?

— Ты меня пугаешь, — задумчиво покачал головой учитель, но тут же встрепенулся: — Думаю, мы слишком заболтались. Кажется, у моего быка жажда. Спустишь-ка я к воде.

— У твоего быка хозяин кобель, — отважилась на грубость Руана.

Очень уж хотелось посмотреть, как он прореагирует.

Он довольно заржал, запрокинув голову и распугав галок, объедающих придорожные ягодные кусты. После чего покинул ученицу, даже не пообещав вскоре вернуться.

Новоявленная

То, что принято называть императорской крепостью, на деле переросла таковую лет сто назад. Нет, сама крепость никуда не делась: по-прежнему торчала на вершине бескрайнего почти круглого холма со срезанной макушкой. Но теперь она уже называлась императорской цитаделью. Вокруг которой разросся самый большой в империи город. Когда его обнесли своей стеной, получилась столица.

Если смотреть издалека, красиво. Но въехав через восточные городские ворота, Руана брезгливо поморщилась: грязно и воняет. Отец бы сто шкур содрал за такое свинство. Да и сами обитатели их родовой крепости не лишены стыда и гордости за свою крепость. Как можно гадить там, где живешь? Где бегают твои подрастающие детишки. Куда к тебе приезжает погостить деревенская родня.

Крепость таара не просто центр всего его поместья, сколь бы широко оно не раскинулось: некоторые поместья больше мелких царств на востоке и юге. Крепость — сердце его земель. А тут?

Если этот город — сердце империи, то можно себе представить, какова её задница. Такие мысли не красят благовоспитанную девушку — кривилась Руана, проезжая бок о бок с Викратом по широкой, забитой народом улице. Но пребывание в таком месте её красит ещё меньше.

Даже городские дома — размерами не идущие ни в какое сравнение с крестьянскими — гораздо невзрачней. Стены обшарпаны и заляпаны так, будто в них нарочно швыряют комки грязи. Сточные канавы под стенами забиты всякой дрянью и благоухают. Мусор с одной стороны улицы сметают, а с другой тут же растаскивают ногами, копытами и колёсами.

А дамы — вот уж новость, так новость — ходят, задрав подола. И после этого её обзывают бесстыжей — покосилась Руана на спутника.

— Что, не нравится? — нагнувшись к ней, усмехнулся придворный, полжизни проведший в столице.

— В цитадели такой же свинарник? — брезгливо осведомилась она.

И покосилась на грязную толстую разносчицу чего-то съедобного. По её лотку ползали жирные мухи — Руана даже на расстоянии могла разглядеть их прозрачные крылышки и жадные хоботки.

— В цитадели полный порядок, — заверил Викрат, выпрямляясь в седле. — А в нашем домишке тем паче. Отец терпеть не может беспорядка. Если тебя воротит от нашей просвещённой столицы, не смотри вниз. Смотри поверх голов и только вперёд. А не хочешь, могу сунуть тебя в возок к Урпахе.

Руана пренебрежительно фыркнула и приняла к сведению разумный совет. Помогло. Отчасти. Путь до ворот цитадели показался вечностью.

Зато ворота монаршего гнезда потрясли своей невероятной высотой. А стены — своей немислимой толщиной. Императоры умели себя защищать. Хотя за последние лет триста до их цитадели не добрался ни один вражеский воин. Северяне, конечно, весьма неприятный народ. Но своё дело знают: умеют, когда надо, стоять насмерть.

Отец уверял, что империя для них истинный дом: яраны вовсе не чувствуют себя наёмниками. Что ж — согласилась Руана — похоже на правду: так самозабвенно можно

защищать лишь собственную вотчину.

Сразу за воротами открывалась гигантская, отменно вымощенная площадь: камушек к камушку. Без зазоров и торчащей из них травы. Далеко впереди высился императорский замок, не представлявший собой ничего выдающегося. Кроме размеров: всё-таки пять этажей. И, пожалуй, непривычно высоких широких окон, обналиченных цветными камнями.

Грубость серых стен из плохо отшлифованного камня скрашивали сплошные водопады плюща. И расставленные на всевозможных выступах каменные вазоны с пышными разноцветными клумбами. Интересно — подумалось Руане — как за ними ухаживают садовники? Неужели их вывешивают из окон на верёвках?

Всю площадь окружали столь же грубо сложенные, но украшенные плющом строения. Дома придворных — пояснил Викрат — и различные чиновничьи службы. Их обоз протащился почти до самого замка, где свернул вправо к одному из каменных склепов.

Домишко верховного советника Таа-Дайбера был именно древней каменной коробкой-гробницей. Которую сложили для защиты от ворвавшегося в крепость врага. Далёким предкам славного магического рода в голову бы не пришло, что когда-то подобная нужда отпадёт. Поэтому чистая функциональность здания заменила собой все остальные нужды: к примеру, приукрасить своё жилище.

Заросли плюща, конечно, скрашивали унылость стен. А вот окна приводили в двойное уныние: они ещё меньше, чем в отцовском доме. Значит, опять жить в потёмках — раздражённо прикусила губу Руана.

— Внутри он гораздо лучше, — спрыгнув с изнурённого быка, пообещал Викрат.

Откуда не возьмись, появилась целая толпа слуг. Они облепили возы и потащили их куда-то за дом. Господин стащил с седла гостью, и быков увели вслед за возами. Туда же, ругаясь, на чём стоит свет, засемила Урпах: она требовала вернуть сундуки с их личным барахлом. За кормилицей ковылял низенький щуплый старичок и уговаривал не волноваться.

— Это наш управитель Брублок, — пояснил Викрат, стягивая перчатки. — Не волнуйся, он разберётся с вашими сундуками.

— С какой стати мне волноваться? — проворчала Руана, продолжая разглядывать гробницу, в которой предстояло провести целый месяц. — Этим занимается мамушка. Если обе станем волноваться, только помешаем друг другу.

— Не собираешься войти? — хмыкнув, поинтересовался гостеприимный хозяин и вдруг весь подобрался, неожиданно зло добавив: — Лучше сделать это побыстрее!

Топот копыт по брусчатке за спиной, объяснил его внезапную перемену. Руана решила не оборачиваться. Она, конечно, провинциалка, и это не скрыть. Тем более глупо изображать из себя завязую горожанку. К тому же роль деревенской простушки гораздо выигрышней: можно кому угодно, что угодно высказать, и тебя не осудят. Ну, лягнула дурица — и что? Ей простительно: она же вылезла из навоза.

— Мы кого-то боимся? — невинным голоском осведомилась она, вытаращив глаза, полные недоумения.

— Хорошо, — так же внезапно успокоившись, одобрил Викрат её ужимки. — Не знай я тебя, поверил бы.

— Вы только полюбуйтесь! — издевательски прощепетали за спиной чуть хрипловатым женским голосом. — Наш господин главнокомандующий обзавёлся новой потаскухой. И опять подобрал её где-то на городских задворках.

Топот копыт уступил место глухим сдержанным мужским смешкам. А Викрат одарил гостью из провинции внимательным изучающим взглядом. Словно чего-то ожидал от неё — так, во всяком случае, поняла Руана. И решила, что пора познакомить обитателей императорского гнёздышка с дочерью Таа-Лейгарда.

— Потаскухой? — осведомилась она всё тем же тоном непревзойдённой невинности и закутила головой: — Где она?

— Это ты, — ласково обрадовал её Викрат.

— Я потаскуха? — выдала Руана чистейшей воды искреннее изумление. — Не успела въехать в ворота цитадели и уже? Разве для этого не нужно... э-э... сделать ещё кое-что?

— Что? — еле сдерживая смех, уточнил он.

— Ну, хотя бы задрать юбку, — раздумчиво предположила новоявленная придворная тоном весьма начитанной провинциальной девственницы.

На этот раз мужской смех за спиной не отличался сдержанностью.

— Клянусь своей отрыжкой: отменно сказано! — сочным басом высказался какой-то громогласный грубиян.

— Фу-у! — картинно поморщился Викрат. — Что за манеры? Что бы сказал твой высокочтимый отец?

— Предложил бы взять дрын потяжелей? — доверительно уточнила у него послушная ученица. — И отходить им любого, кто осмелится надо мной посмеяться?

Гогот за спиной стих. Пора — сказала себе Руана. Нащупала ближайший поток ДАРА и обернулась.

— Ни хрена себе! — выдохнул обладатель баса и хамских манер.

Невысокий сухощавый яран в дорогом кожаном камзоле с перевязью, сплошь инкрустированной серебром. Его жидковатые светлые волосы были собраны в хвост на самой макушке. В ушах болтались здоровенные золотые кольца. А голенища сапог почти упирались в пах.

— Да уж, — согласился второй всадник. — Вот это новость, так новость.

Этот был статен, красив и так же щегольски одет. Он знал, что красив, поэтому предпочитал носить на лице маску презрительной насмешки. Которую, впрочем, тут же припрятал. Ибо глаза девицы, которую в его присутствии обозвали потаскухой, горели белым магическим огнём тааров.

Красный огонь яранов в женских глазах не был редкостью, а вот белый...

— Думаю, — с неприкрыто издевательской ухмылкой оглядела Руана мелкого хама, — тебе стоит убрать из ушей эти кольца.

— Зачем? — не понял тот, как-то не по-мужски обалдело хлопая глазами.

— Вставь их себе в нос, — холодно посоветовала таария.

Такое проделывали только с самыми тупыми и вздорными тягловыми быками. Скакунам кольца не требовались: у них есть мозги. А предложение вставить кольцо в нос, адресованное человеку, считалось наихудшим оскорблением.

— Только попробуй, — ласково предупредила Руана расвирепевшего ярана, опередив напряжинившегося Викрата. — Ноги переломаю.

— А сможешь? — сухо осведомился третий всадник.

Натуральный гигант с каменным грубым лицом самоуверенного негодяя. Так, во всяком случае, Руане показалось. Правда, ей внезапно понравились его слишком тёмные для северянина волосы: длинные, густые и слегка волнистые. А вот глаза не понравились

категорически: он смотрел на неё, как на деревянную чушку, на каких крестьяне рубят дрова.

Она слегка струхнула, но отступать и не думала. Полыхнула на него белым огнём глаз и вежливо спросила:

— Хочешь проверить?

Он подумал и отказался:

— Не хочу. А ты, — зыркнул громила на Викрата ледяным неприязненным взглядом, — Должен был предупредить, что у вас гостит благородная таария. Тогда оскорбление не было бы нанесено, — бросил он, как показалось Руане, пренебрежительный взгляд на языкатую спутницу. — В этом оскорблении не только её вина.

Спутница была яранией и ослепительно красивой женщиной лет двадцати двух-трёх. Сейчас она досадливо кусала губы, явно прикидывая, как бы выкрутиться из щекотливой ситуации. Оскорбление мага считалось наихудшим из преступлений. И оскорблённый мог потребовать у оскорбителя любое искупительное взыскание.

То есть, абсолютно любое. К примеру, зарезаться у оскорблённого на глазах. Если оскорбитель откажется, он потерял для общества себе подобных. А яраны могли своего преступника и убить за такое небрежение честью. Уж изгнание-то его ожидало в любом случае.

Однако оскорблённый, заявивший столь непомерное требование за какой-нибудь пустяшный проступок, сам становился изгоем. Его не прогоняли, но так жёстко и неприкрыто игнорировали, что он сам уходил куда подальше.

Словом, Руане предстояло выдумать для обидчицы какое-то наказание. Самое жестокое из возможных. Она уже решила, кем предстанет перед императорским двором: холодной расчётливой и лживой стервой, способной на многие гадости. Такая точно не заинтересует императора. И возможно, заставит того призадуматься: стоит ли домогаться Ати при такой-то сестрице? Недаром же его считают большим умником.

— В этом оскорблении виновата лишь неизмеримая глупость твоей спутницы, — бесстрастно заявила гиганту новоявленная придворная заноза. — И её язык без костей.

Вот снова! Эта фраза выскочила из памяти, не будучи туда заложена: Руана нигде ни от кого подобного не слышала.

— Смешно, — хмыкнул статный красавец, тряхнув шикарной белобрысой гривой.

У северян вообще поголовно замечательные волосы — некстати подумалось Руане. А у этой — бросила она косой взгляд в сторону зашипевшей ярании — они просто неповторимы. Ей ни разу не доводилось видеть по-настоящему золотые волосы. Те даже искрились на солнце, словно и впрямь отлиты из металла. И глаза медового цвета — паршивка просто неопишимо прекрасна!

И кстати, возможно, не так уж глупа. Что, если Викрат её и сам некогда оскорбил. Что, если она по неким щекотливым обстоятельствам даже виру потребовать не может? И оттого ненавидит этого паршивца — покосилась Руана на Таа-Дайбера.

Тот просто сиял от счастья. Его несказанно восхитила грубая изворотливость подобранной в провинции подручной. Он торжествовал! А гигант, заметив это, явно сделал для себя пометку. Судя по взгляду, каким яран одарил ликующего таара, они, как минимум, враги. А, как максимум, смертельные враги.

Что ж, будем иметь в виду — сделала для себя пометку и залётная провокаторша. После чего решила обескуражить яранов ещё больше. Подошла к быку ярании, взялась за повисший повод. Прямо посмотрела златокудрой красавице в глаза и молвила со спокойным

достоинством чистокровной аристократки:

— Я не считаю сказанное тобой оскорблением. Будь нрав моего... доброго друга Таа-Дайбера иным, тогда я не смогла бы найти оправдания твоим словам. Но что-то мне подсказывает: у тебя есть основания для подобных слов.

Ярания, конечно же, опешила. Немного. И постаралась это скрыть за понимающей усмешкой. После чего с выдавленным через силу дружелюбием пообещала:

— Я не забуду твоего великодушия. И приятно удивлена, что встретила такую умную девушку. К тому же настоящую таарию. Никогда таких, как ты, не видела.

— Но ты, кажется, неприятно удивлена, что встретила меня у дома Таа-Дайберов?

— Это моё дело, — сухо отрезала красавица и всё-таки не удержалась от вопроса: — Ты их родственница? Вездесущий... Прошу прощения. Господин верховный советник никогда не упоминал, что у него в родне выросла таария.

Руана почти ждала подобного повода, для того, чтобы выдать провокационную новость:

— Мы не родня. Но скоро породнимся.

Ради чего? Да потому что вдруг обнаружила интересную подробность о своём прежде не используемом таланте. Во всяком случае, используемом по пустякам. К примеру, обратить в пыль несколько камней стенной кладки, дабы слегка расширить окно в своей спальне. Превратить в труху кусты, когда они с Мордатым весьма неудачно брали штурмом овраг. И прочие шалости, на которые смотрели сквозь пальцы.

Но сейчас в Руане возникло нечто новенькое. Твёрдое убеждение, что неприветливая ярания овладевает боевой техникой защиты. Самовлюблённый красавчик тоже. Мелкий сквернослов — лазутчик, а вот гигант... Это был назлом. От него так и шарашило невероятной силищей. Страшной, тёмной и, казалось, неукротимой даже для него самого.

Способностью угадывать таланты яранов — о которой Руана прежде ни от кого не слышала — мог наделить только ДАР. Во всяких там гадалок с прорицателями она, как всякий нормальный человек, не верила. Тем более в собственные фальшивые таланты на этой стезе. Значит, всё-таки ДАР. Который в ней проявился неординарно и без всякой пользы. На первый взгляд.

Но обдумывать сей казус сейчас некстати, как никогда — затаив дыхание, косилась она в сторону назла. Тот явно что-то замыслил: уж больно пристально разглядывал то её, то Викрата. Заподозрить в них будущих бунтарей ему в голову не придёт — с чего бы? Таа-Дайберы верноподданные служаки — этого у них не отнять.

Выходит, ей не показалось: гиганта весьма заинтересовало появление в доме верховного советника незнакомой девицы — к тому же тарии. И этот интерес напрямую касался Викрата. Она даже успела заметить в глазах назла проблеск злорадства — прежде, чем тот стронул с места недовольно фыркавшего быка.

— Увидимся, — кивнул Руане красавчик, последовав за спутником.

— А ты ничего, — в своей плебейской манере пробасил лазутчик, сделав ей ручкой.

Ярания кивнула молча и тут же увела преувеличенно внимательный взгляд куда-то вперёд.

Викрат дождался, покуда яраны с их острым слухом не отъедут подальше. После чего одарил гостью кислой улыбочкой и раздражённо проскрипел:

— Премного благодарен.

— Рада, что сумела угодить, — съязвила Руана, попытавшись взять направление на дверь дома.

— Угодить?! — буквально взвыл этот псих, заступив ей дорогу. — Ты хоть знаешь, что натворила?!

— Если не прекратишь орать, так и не узнаю, — как всегда в подобные минуты, она взяла на вооружение ледяную бесстрастность мачехи.

Подействовало: он устыдился. Взял себя в руки, мощно выдохнул и пояснил:

— Тот здоровяк, который...

— Назл? — брякнула Руана, желая всего лишь сократить ненужное описание.

— Откуда ты знаешь? — насторожился Викрат, одарив её подозрительным взглядом человека, ожидавшего от малознакомой, в сущности, девицы чего угодно.

— Вижу, — буркнула она, поняла, что лучше объясниться и продолжила: — Ярания с высокомерным красавцем выбрали технику защиты. А хамоватый плюгавец обычный лазутчик.

— Ты это видишь? — с ударением на каждом слове переспросил ошарашенный таар.

И тут она впервые сконцентрировала внимание на нём. После чего уверенно заявила:

— Вижу так же хорошо, как и твой талант обнаруживать в лесу каждую мышь. А также моментально вырастить кустарник. Или выследить оленя. Или...

— Та-ак, — взмахом руки, остановив её излишества, протянул Викрат. — Значит, это правда.

— Это правда, — безотчётно поддакнула она и встрепенулась: — Что «правда»?

— Ну, эта способность. Вообще-то большинство тааров считают её нелепицей. Но есть такие, кто верит, что она действительно изредка проявляется у таарий.

— Что значит: нелепица? — удивилась Руана. — Раз о ней знают, следовательно, она существует. Существовала у кого-то когда-то. Но, это ладно. После разберёмся, — потребовала она. — Вернёмся к назлу. То, что этот мерзавец тебя ненавидит, мне понятно. А что конкретно я натворила?

— Он мой враг, — задумчиво подтвердил Викрат. — Смертельный враг.

— Будто бы! — не поверила Руана. — Если он твой враг, почему ты до сих пор жив?

— Потому что Радо-Яр из рода Яр-Туранов, к сожалению, слишком умён, — неожиданно ревниво забрюзжал Таа-Дайбер. — Этому облому неинтересно просто раздавить меня, как муху. Ему интересно наносить удар за ударом, и любоваться, как меня корчит.

— Свинья, — согласилась Руана, сочувственно погладив бедолагу по руке. — А я дура. Зря сболтнула, что скоро мы породнимся. Полагаю, он из шкуры вылезет, но помешает нам защитить Ати.

— Из шкуры вылезет? — хмыкнул Викрат. — Смешно. Где ты понахваталась этих своих прибауток?

— Сама бы хотела узнать, — проворчала Руана и тут её осенило: — Слушай, а он же решил, будто я твоя невеста!

— Невеста? — не сразу понял таар, но тоже сообразил: — Ну, да! Этот подонок не знает про свадьбу малыша Юбейна. А как мы ещё можем породниться?

— И чем позже этот упырь о ней узнает, тем лучше, — подвела черту начинающая заговорщица и уточнила: — Скажи: как он теперь поступит? Ну, чтобы тебе насолить. Надеюсь, не возжелает меня убить? Чтобы ты помучился.

— Яраны женщин не убивают! — искренно возмутился таар.

Будто речь о его самых близких друзьях, оскорбление которых отзывается в

благородном сердце нестерпимой болью. Или как там ещё поют в балладах?

— А женщин-преступниц?

— Тех убивают сами ярании.

— А этот ваш Радо-Яр случайно не бабник?

— Он?! — явно поразило Викрата нелепое предположение. — Этот женоненавистник? — и тут же он деловито уточнил: — А что? Намекаешь на попытку отбить у меня невесту?

— Ну-у, — смутилась Руана, не понимая, чем это спровоцировано. — Я просто не знакомых способов тебе насолить, используя меня. Либо убить, либо отбить. В смысле, затащить в постель, а после опозорить на весь свет.

— А тебя можно этим опозорить? — иронично осведомился циничный повеса.

Который вдруг подозрительно повеселел, хотя ничего весёлого в случившемся не наблюдалось. Как и не ожидалось в обозримом будущем. Уж кто-кто, а назл способен им помешать гораздо успешней любого другого мага.

— Кажется, нет, — призналась она, ибо уже задавалась этим щекотливым вопросом. — Знаешь, мне иногда кажется, что я родилась не таарией, а яранией. Большинство правил приличия, которые в меня вдалбливали, кажутся мне смешными или нелепыми.

— Это потому, что ты слишком умна, — тоном записного всезнайки выдал Викрат. — Поумней многих мужиков. Что весьма удобно.

— И не говори, — отмахнулась от сомнительного комплимента Руана, ибо её кое-что заинтересовало: — Если твой враг из рода Яр-Туранов, он что, родственник императрицы?

— Это один из её шести братьев, — как о чём-то незначительном пояснил этот ненормальный.

— Твой враг — брат самой императрицы? Ты сумасшедший?

— А ты, пожалуй, права, — вдруг удовлетворённо выдал не самый лучший представитель славного рода Таа-Дайберов.

— То есть, ты всё-таки безумен?

— То есть, этот мерзавец Радо-Яр тобой заинтересовался. Я сейчас вспоминаю его рожу и...

— Может, наконец, войдём в дом? — съязвила Руана. — Или ты намерен поселить свою невесту прямо во дворе? Надеешься, что не выдержишь и сбегишь?

Он снова беззаботно и заразительно рассмеялся. Весельчак — не сказать грубее. И этот человек вознамерился восстать против монарха.

Деревня

Далёкое мычание быков вливалось в её окно с первыми лучами солнца и птичьим щебетом. Не открывая глаз, Руана наслаждалась привычными звуками рассвета — точь-в-точь, как дома. Хозяйственные постройки начинались почти сразу за домами высокопоставленных придворных, заслуживших честь проживать в цитадели.

Напротив жилища верховного советника Таа-Дайбера располагались огромные каменные крытые загоны со стойлами для скакунов. Как раз сейчас их начинали чистить и кормить — вот быки и драли глотки с утра пораньше.

Руана открыла глаза и лениво обозрела стены отведённой ей спальни. Небольшой, но замечательно уютной. Занавешенной гобеленами от потолка до пола и от угла до угла. Гобелены так стары, что краски на них потускнели — местами так и вовсе стёрлись.

Но, в старину, как говорится, и солнце ярче светило, и речная вода была вкусней, и ткачи мастеровитей. Руана нарочно проверила их работу: ни один гобелен не пестрил шпошкой или дырами. Отменная работа: ещё лет двести провисят. А рисунки можно и восстановить.

Такой же старой, но отменной была массивная дубовая мебель. Которой могло быть и поменьше: в скромной комнатухе не протолкнуться. Вечером, занимаясь туалетом, Руана то и дело прикладывалась к твёрдым углам разными частями тела. Наверняка всё тело в синяках. Вздумай кто её раздеть и осмотреть, решил бы, что дочь благородного Таа-Лейгарда всю ночь валяли, как последнюю потаскуху.

С этой неподобающе вульгарной мыслью она окончательно проснулась и села. Валяться ни времени, ни смысла, да и никакого желания. До приезда в столицу Ати с Юбейном всего месяц — страшно мало для того, чтобы придумать, как бы уберечь молодожёнов от завидной судьбы.

Входная дверь грохнула, впуская в спальню звуки проснувшегося дома и воркотню кормилицы:

— Одёрни рубаху, бесстыдница! Добро бы ещё панталоны приличные надела, — попрекнула старуха воспитанницу, взгромоздив на угловой столик кувшин с водой. — Опять добро испортила, злыдня расточительная. Так на тебя никакого белья не напасёшься.

— Обрезала, и буду обрезать, — вежливо объявила высокородная таария свою господскую волю. — А станешь их прятать или выкидывать, так вообще буду сверкать голой задницей.

— А, и сверкай! — деланно восхитилась Урпах, присев отдышаться в старое кресло, выдавшее её прадедов. — Никого здесь таким непотребством не удивишь. Тут и без тебя процветает сплошное распутство, и с тобой его не прибавится. Взялась она меня пугать! Люди добрые! Вы только полюбуйте на эту пакостницу!

— С удовольствием, — раздалось от двери вместе со скрипом старых немазанных петель.

— Куда?! — возмутилась кормилица.

Нагнулась, стащила с ноги башмак и запустила в беспардонного визитёра. Викрат поймал тяжёлую крестьянскую обувь, с которой старуха упорно не желала расставаться. Не спросясь дозволения, впёрся в приют невинной девы и кивнул ей с самым развязным видом. После чего почтительно опустился на колени перед кормилицей и поставил на пол башмак:

— Таким и убить можно. Ты бы поосторожней ими разбрасывалась.

— А вы бы, господин лезли сюда, прежде спросясь! — отгавкалась добропорядочная женщина. — Это ж ни на что не похоже!

— Я придумала, — интригующим голосом поведала сообщнику Руана, указав рукой на кресло, что подпирало её узкую кровать.

Он плюхнулся на жалобно крикнущую рухлядь и уточнил:

— Придумала, как избавить Ати от домогательств императора? Держу пари, хочешь извазюкать её косметикой. До полной неузнаваемости. Так, чтобы от неё даже дворовые собаки шарахались.

— Что с этим не так? — слегка обиделась Руана на то, что её задумку не признали гениальной.

Викрат без какой-либо насмешки вполне серьёзно объяснил:

— В любом деле, которому ты отдаёшься с желанием и душой, в конце концов, становишься признанным мастером. Даже в том, что совершенно незаслуженно обзывают распутством. Поэтому я даже под самой густо намалёванной краской, под чудовищно подведёнными глазами и губами смогу разглядеть и уродку, и красавицу.

— Разумно, — не могла не признать Руана его правоту.

— Более того, — всё так же серьёзно продолжили её просвещать. — Увидав на лице женщины излишне намалёванную маску, я совершенно произвольно принимаюсь его разглядывать. Даже если прежде не имел такого намерения.

— Даже на старухе? — язвительно прокричала Урпах, сдерживая смехи.

— На старухе нет, — деланно удивился мастер своего неподобающего дела. — Зачем? На дам преклонного возраста мои устремления не распространяются. Так зачем стараться?

— У меня такое чувство, — пробормотала Руана, внимательно следя за выражением его лица, — что ты пришёл неспроста.

— Да уж, не для того, чтобы полюбоваться твоими ногами, — хлопнул шкодник по торчащей из-под покрывала девичьей ступне.

— Прекрати! — потребовала она, спрятав нисколечко, по её мнению, не соблазнительную конечность. — И переходи к делу.

— До приезда в цитадель наших молодожёнов, нужно сделать одно важное дело, — стал Викрат непривычно суровым и собранным.

— Подготовить побег? — неожиданно для себя прошептала Руана, покосившись на полуоткрытое окно.

— Убрать из цитадели тех, кто сможет его предотвратить.

— Невозможно, — разочарованно протянула она, откинувшись на подушки. — Мы не сможем выдворить отсюда всех яранов-лазутчиков. Думаю, их здесь немало обретается. А эти, говорят, могут отыскать иголку в стоге сена.

— Иголку в стоге сена? — хохотнув, просмаковал Викрат. — Оригинально. Пожалуй, они смогут и это. Но ты неправильно поняла мои слова. Видимо, от незнания.

— А чего тут непонятного? — проворчала кормилица, разглядывая дыру на какой-то кружевной тряпке. — Никакой нормальный яран не станет корчить из себя холопа. Они что, на побегушках у своего блудливого господина? Так-таки нет. Яраны славные воины древних корней. И не попустят тем, кто их принизит. Если у императора из-под носа сбежит девчонка, никто за ней не погонится. Это его дело: гоняться за своими потаскухами.

— Верно, — выслушав мудрую старуху, уважительно склонил голову господин маг. — Это касается почти всех яранов.

— Кроме, — начала догадываться Руана, — самых близких?

— Традиционно женившись на ярании, император вошёл в её семью, — взялся Таа-Дайбер за очередную порцию поучений. — Это в традициях северян. То есть её братья стали его братьями. Вот они-то могут ввязаться за его интересы.

— Шестеро назлов, — поёжилась Руана.

По спине пробежал табун мурашек. Внутри заёкало и застонало в предчувствие смертельной опасности. Достаточно вспомнить этого их Радо-Яра, чтобы представить рядом таких же пятерых бугаёв. Опасней которых, пожалуй что, нет никого. Кроме самого монарха.

Ибо только род императора время от времени производил на свет мальчиков с уникальным талантом. Таарами они считались по праву происхождения. И одновременно яранами по врождённой способности убивать.

Но, не так, как это делали северяне: император уничтожал людей силой мысли. Все в империи знали, что после этого под вскрытой черепушкой находили кашу из мозгов и крови. Чудовищный талант, который использовался крайне редко. Лишь в случае опасности для жизни самого императора или его семьи.

Вздумай венценосный монстр использовать свой талант в иных целях, на него поднимется вся империя. Во всяком случае, яраны его точно прихлопнут без разговоров. Так что каждого наследника, рождённого с императорскими способностями, воспитывали крайне строго. Держали в ежовых рукавицах, хотя его братьев и сестёр могли баловать, как обычных детишек.

По большому счёту, его братья-таары были гораздо сильнее и одарённой. Ибо своими талантами могли пользоваться, когда им вздумается. Так что самый могущественный маг империи был одновременно и самым никчёмным.

— И как же их отсюда выпереть? — озадаченно поинтересовалась кормилица, не прерывая штопки, за которую взялась по укоренившейся привычке не сидеть, сложа руки. — Они ж тут, почитай, как дома.

— К тому же ты сам говорил, — напомнила Руана, — что они защищают племянников. Не представляю, что должно случиться, чтобы дядья оставили без присмотра наследников.

— Так, и в погоню за нашими ребятами они кинутся не вшестером, — досадливо возразил Викрат, опять хлопнув её по ноге.

На этот раз в полную силу — так сказать, в наказание за нежелание шевелить мозгами. Руана поняла и сосредоточилась. При этом резко села, отчего покрывало слетело с плеч. И Викрат выпучился на неё с неподдельным недоумением.

— Что это? — ткнулся его палец в грудь невинной девы.

— Но-но! — прикрикнула Руана, невольно прикрыв грудь ладошками.

— Что на тебе за тряпка? Деревня ты неистребимая! — возмутился Викрат её глупой выходкой.

— Рубашка, — спокойно поведала Урпах и перекусила нитку: — Для сна. А ты, бесстыдница, прикройся.

— В таких тряпках у нас даже служанки не спят, — брезгливо скривился знаток придворного платья. — У вас в сундуке пара десятков отменных рубах для высокородной девицы.

Сам он, как обычно, блистал в дорогом длинном камзоле: напаянном, как попало и

расстёгнутом аж до пупа. Небрежность в одежде не спасала ни тончайшего шёлка рубаха, ни башмаки с серебряными пряжками.

— Отменных, — невозмутимо поддакнула кормилица, разглаживая на коленях заштопанную тряпку. — Да, уж больно неприличных.

— Та-ак! — хлопнув себя по коленям, поднялся господин Таа-Дайбер. — Сейчас я сам выберу для неё одежду на сегодняшний день. И если не обнаружу выбранное на ней, можете возвращаться домой. Я не намерен тратить время впустую на дурацкие споры.

— И не надо, — окончательно обнаглев, скинула с себя покрывало Руана и спустила ноги с кровати: — Я всё поняла. И сделаю, как надо.

Вскоре, приведя себя в порядок и наскоро перекусив, оба вышли из дома на площадь. Где, несмотря на ранний час, прогуливалось достаточно много народа. И почти все приветствовали господина командующего императорской охотой либо взмахом рук, либо кивком головы. Некоторые расцвечивали приветствия крепким или ехидным словом. Таа-Дайбер не пропустил ни одного знака внимания — всем ответил.

Руане тоже кивали, но молча и сдержанно. По уверениям Викрата по всей цитадели успели разнести весть о появлении настоящей таарии. Не будь она диковинкой, без шуточек над спутницей одного из самых знаменитых повес не обошлось бы. Пока же господа придворные не решили, как обращаться с неведомой зверушкой: неизвестно, что у той за талант. Испортит рожу, и будешь всю жизнь её тряпкой прикрывать.

— Почему здесь почти одни мужчины? — приступила будущая придворная к следующему этапу обучения. — А из женщин одни ярации.

В принципе, ответ очевиден: вся публика в кожаных колетах и таких же штанах. Значит, в такую рань они могли отправляться в единственном направлении: на охоту. Но отчего-то не торопились к быкам: толклись на западной оконечности площади неподалёку от загонов.

— Нужно объяснять? — уточнил Викрат, догадавшись, что её вопрос опередил работу ума.

— Нет, — извиняющимся тоном согласилась ученица, что глупа. — Но, следующий вопрос не такой дурацкий: чего они ждут?

— Не чего, а кого. Меня.

— Но ты одет не для охоты.

— Конечно. Ведь я никуда не еду. У меня в доме гостя, которую предстоит познакомить с цитаделью.

— Лучше я сама с ней ознакомлюсь, — предложила Руана. — Будет повод поприставать к людям. И показать, что я приятная во всех отношениях девица.

— Уверена? — поспешно уточнил он.

Слишком быстро для человека, вовсе не стремящегося погонять в лесу зверей, предпочитая её компанию.

— Вполне.

— Удачи! — неподражаемо легкомысленно бросил безответственный таар.

И скрылся в доме: понёсся переодеваться.

Первые несколько секунд Руана чувствовала себя голой. Хотя далеко не все господа охотники пялились на неё, вслух обсуждая манеры недотёп провинциалов. Дабы не выставиться перед ними дурой, она приняла вид глубоко задумавшегося человека. При этом не позабыла иронично кривить губы: дескать, ей тоже есть, что сказать, о господах придворных. А некоторые замечания даже вслух произнести — что её нисколько не

смущает.

С таким видом, будто на площади кроме неё торчат лишь камни, Руана преспокойно поплыла сквозь расступавшуюся толпу. Нарочито манерно сложив руки на животе: просто непревзойдённая скромница. Даже глазки долу опустила — жаль, что не увидеть себя со стороны. Потешное, должно быть, зрелище.

Досадовало только одно: надеялась уже с первых шагов показать себя столь же непревзойдённой злокой, но публика не давала повода. Она уже смирилась, что на сей раз ничего не выйдет, как вдруг одна юная охотница решила подшутить над провинциальной клушей. И внезапно выставила перед ней ногу.

К сожалению для себя, весьма топорно: её жест был замечен. Руана была настороже и отреагировала мгновенно. Поддела подол и со всей дури наступила на ногу в изящном сапожке тонкой кожи. Своим деревенским башмаком с грубой тяжёлой деревянной подошвой — нарочно надела их под дорогое модное платье для прогулок. Идиотского розового цвета с красной вышивкой везде, куда её только можно было прилепить. Птичий наряд — верно над ним посмеялась кормилица.

Дерзкая шутница взвыла так, что Руана чуть не оглохла. Однако и тут не сплеховала. Реакция девицы-воина сработала безупречно: её глаза мгновенно вспыхнули красным огнём. Вспыхнули и опасно притухли при виде встречного белого огня из глазниц таарии.

Сам по себе белый магический огонь яранию не испугал: и не такое видала! Её сразила реакция провинциалки: явно не случайная, а хладнокровно рассчитанная.

— Ох! Прости! — всплеснула руками опростоволосившаяся таария и нарочито извиняющимся тоном пояснила: — Господин Таа-Дайбер прав: деревня.

Кто-то попытался заготовать, но весельчака не поддержали. С чего веселиться, если их только что умыла какая-то... и вправду, деревня. Одни башмаки чего стоят. Да и небрежно свёрнутый на затылке пук, в который эта крыса вставила невзрачное перо — на смех курам!

— Ничего, — задвинув себе за спину шипящую яранию, вежливо объявил какой-то немолодой яран. — Бывает... с непривычки. Полагаю, госпожа скоро научится... осторожно передвигаться по цитадели.

— Думаете? — с нарочитой озабоченностью перепросила Руана, хлопая вытаращенными глазами.

Он владел отлично отработанными техниками атаки и защиты. Опытный воин, повидавший всякого. Судя по возрасту, выживший в последней кошмарной десятилетней войне с варварами из-за Срединных гор. К тому же не первый год отирается при дворе — интуитивно поняла Руана.

И всё же этот яран заметно растерялся. Верней, чрезмерно осторожничал с нею, пристально вглядываясь в лицо деревенской нахалки.

— Уверен, — натянуто улыбнулся он, коротко взмахнув рукой.

И перед Руаной расчистили коридор: то ли приказ старшего, то ли берегли ноги, считая её чокнутой.

— Я буду стараться, — со всем возможным кокетством пообещала она.

И потопала в сторону замка, старательно выстукивая башмаками по брусчатке. Всё-таки, какая умница её мамушка: как будто знала, что такая обувка произведёт на придворных неизгладимое впечатление. А Викрат ещё пытался её отобрать и бросить в камин. Дурачок.

Прекрасное начало. Однако нахальный кураж Руаны по мере приближения к замку подло сдувался. Как бы там ни было, ей достался в наследство недюжинный здравый смысл.

А тот подсказывал: императорский двор повидал всяких чудачек. И наверняка сумеет пощипать перья любой залетевшей сюда наглой вороне.

Быть ошипанной не хотелось, и потому следовало придерживаться золотой середины. Хамить, покуда публике это смешно. И вовремя затыкаться, когда совсем уж не до смеха. Главное: не зарываться — наставляла себя Руана, косясь на пятерых яранов весьма грозного вида, толкавшихся у широченного парадного крыльца замка.

Двое атакующих, которых по традиции предков северяне называли волками. И три великих мага, умевших одной рукой атаковать, а второй защищаться. Таких обзывали тиграми

Все облачены в исконно северное боевое снаряжение: сплошная кожа и немножко металла. Магам-воинам нет нужды таскать на себе пуды железа: они предпочитают свободу движений — именно в ней и проявляется смертоносность их талантов.

Яраны собрались у левого края лестницы — Руана предпочла сделать крюк, дабы подняться по её правому краю. В сущности, какого демона пятерым воинам цеплять некую девицу? Далеко не прекрасную ликом и вообще незнакомую. К тому же семенящую нелепой походкой, стуча деревянными подошвами по камням. И лишь слегка приподнимавшую подол, дабы не наступить на него. После чего не растянуться на виду у всех — вот будет позорище!

Словом, причин её замечать никаких. Но яраны и заметили, и двинули наперерез. Руана не собиралась сдаваться. Ещё выше поддёрнула подол и шустрей застучала башмаками по нижним ступеням.

— Отличная обувка! — поздравили её ироничной насмешкой, прилетевшей в спину.

Будь это просто безобидным уколом, она бы даже не обратила внимания. Но парочка яранов помоложе взлетели по лестнице, преградив ей путь.

— Отличное зрение, — отвесила Руана ответный комплимент, раз уж беседы не избежать. — А манеры ещё лучше. Кормилица права: нужно везде таскать с собой палку. Потяжелей.

— Палку? — расплылся в белозубой довольно приветливой улыбке симпатичный белобрысый волк. — Зачем?

— Собак отгонять, — вежливо пояснила деревенская простушка, церемонно склонив голову.

Под лестницей сдержанно похмыкали обоерукие тигры. Второй атакующий — коротко стриженный рябоватый шатен — беспардонно разглядывая незнакомую девицу, в тон ей заметил:

— Собак-то понятно. А чем станешь отгонять волков?

— Всё-таки интересно, — подхватил блондин, — каким же талантом наделил ДАР нашу редкую таарию?

— Редкую во всех отношениях, — проворчали у неё за спиной.

— Волков? — округлила Руана глаза в показном ужасе и прикинулась дурочкой: — Откуда же здесь волки? Когда вся цитадель битком забита псами.

— Неосторожное замечание, — сухо прокомментировали за спиной.

— Правда? — деланно изумилась грубиянка. — А по мне так простая констатация факта. Иначе, как объяснить, что слабой беззащитной девушке лают в спину? Причём на каждом шагу.

— Справедливо, — признали опять же из-под лестницы.

И к ней поднялся один из великих. На взгляд примерно ровесник Виктара. Высокий, весь какой-то настороженный — и вправду похож на тигра. Лицо обычное, а вот глаза нехорошие. Бесчувственные, как у зверя, принизывающие. Ощупывают высокородную девицу, как какую-то холопку.

Немудрено, что Руана слегка струхнула. Но с выбранного тона не сбилась. Вновь вытаращила глаза и выдала с прямолинейностью невоспитанного ребёнка:

— Я впервые вижу столько дурно воспитанных людей в одном месте. В книгах пишут о нескончаемых и неистребимых добродетелях высокородных тааров и яранов. На деле же крестьяне в нашем поместье гораздо учтивей и благородней. Странно. Может, здесь воздух особенный?

— Особенный? — переспросил яран-тигр, глаза которого внезапно чуток потеплели, став человечней.

— Вредный для магов, — нравоучительным тоном самоуверенной дурочки пояснила Руана. — Вы все просто надышались им, и теперь ведёте себя по-хамски. Видимо, всё-таки придётся носить с собой палку.

— Неужели твой талант не такой действенный, как палка? — весьма простецки и доверительно одновременно поинтересовался блондинчатый волк.

Даже чересчур простецки и доверительно. С этим он переборщил. Так что догадка, посетившая Руану, была обречена на успех:

— Хочешь узнать, каким талантом наградил меня ДАР?

— Э-э... — не подготовился он к прямому провокационному вопросу.

— Хочешь, — удовлетворённо протянула она. — Ещё и поспорил, что первым о нём узнаешь.

— Может, она читает мысли? — насторожённо пробормотал рябой волк.

— Невозможно, — отрезал блондин. — Даже для таарий. Что бы там про них не плели.

— Ну, вы тут гадайте, а я пошла, — осторожно обошла болтунов Руана по широким крутым ступеням.

— Куда? — от неожиданности брякнул рябой.

— Рыбу ловить, — беспечно проворковала она.

— Куда? — удивлённо переспросил обоерукий тигр, бессознательно поддерживая девушку под локоть.

Она осторожно высвободилась и с вежливой прохладцей в голосе попросила:

— Не нужно меня трогать.

— Руками? — весьма серьёзно уточнил он.

— Вообще, — учтиво кивнув, обозначила Руана своё требование.

И пошлёпала дальше, осторожно перебираясь со ступени на ступень. За её спиной царило гробовое молчание.

Зараза

Устройство императорского замка ей описал Виктор. Руана не поленилась исчеркать несколько листов бумаги, в очередной раз удивив учителя неженскими умениями. Сейчас она замерла в обширном холле, прикидывая, куда податься в первую очередь.

Прямо перед ней высокие резные двустворчатые двери в зал приёмов. По левую руку такие же двери-ворота в пиршественную залу: придворные таары обожали вкусно поесть в приятной компании. Шумные пирушки не редкость — тем более что оплатить такую может любой желающий. Именно в этом вопросе император не видел повода к собственной расточительности. Нравится пировать? Платите.

По правую руку дубовые двери гораздо скромней. За ними зал советов, куда большинству придворных вход заказан. Даже стража у дверей имелась: четверо молодых яранов. Пара атакующих волков и пара защитников, прозываемых росомахами. Взгляд привлекло их нешуточно серьёзное отношение к службе. И стояли вроде в небрежных позах, и свободно болтали, но вид такой, словно готовы броситься на любого, кто посягнёт. Интересно: на что там посягать — за этими дверями?

Поскольку холл в данный момент пустовал, Руана с решительным видом направилась к этой четвёрке. Они умолкли и следили за каждым её шагом. Правда, не могли оставаться безучастными к смешному стуку башмаков по каменным плитам пола. Хотя и сдерживали слишком нескромные ухмылочки.

— Желаю здравствовать и процветать, — поприветствовала их незнакомая девица в дорогом вычурном платье и дурацкой обуви.

— И тебе здоровья с процветанием, — иронично выгнув брови, ответил один из росомах.

Он выглядел чуть старше прочих. И был весьма привлекателен. Открытое лицо, отмеченное особой мужской красотой. Усы с короткой бородкой аккуратно подстрижены. А длинные русые волосы, покрывавшие плечи, так и вовсе восхитительны.

— Мне нужна помощь, — доверительно сообщила Руана, уже привычно хлопая глазами.

— Какая? — и не думал с ней шутить яран.

— Я здесь у вас впервые. Этот невежа Таа-Дайбер обещал провести меня по замку и всё показать. А сам бросил меня и умчался на охоту с вашими собратьями. Не могу же я бродить по замку, не зная здешних правил. Вдруг залезу, куда не надо? Не хотелось бы попадать впросак.

Она превосходно умела имитировать незатейливую речь простолюдинов. И не стеснялась давать повод к насмешкам. Любители злых насмешек неизменно страдают множеством больных уязвимых слабостей, которые тебе только на руку. При желании можно заставить их плясать под твою дудку.

О таких тонкостях она знала оттуда же, откуда и прочие умные вещи, что просачивались порой из тумана забвения. Стоило представить, сколько там ещё подобных сокровищ, и голова шла кругом. Когда она вспомнит всё позабытое, станет первым мудрецом империи — не иначе. Надежда, конечно, глупая и смешная, но воодушевляющая: а вдруг?

— Запрет один, — доброжелательно поделился росомаха, так и не сняв широкой обветренной лапы с рукояти меча. — Не пытаться проникнуть туда, где стоит стража. Там,

куда ты можешь входить свободно, нас нет.

— А где тут у вас интересней всего? — подавшись к ярану, доверительно прошептала простодушная провинциалка.

— Там, где интересней всего тебе.

Неглупо — одобрила Руана, закусив губу с видом человека, решавшего непосильную задачу.

— Я же не знаю, что мне здесь интересней всего. Нужно с чего-то начать.

— Начни с зала приёмов, — подал голос один из волков, не сумев скрыть насмешку.

Второй волк ткнул собрата в бок. Довольно сильно — на взгляд слабой девушки, не умевшей драться. Но получивший тычок яран даже не поморщился.

— Ты его наказал за непочтительность к даме? — задала она сногсшибательный по наивности вопрос. — Или вы тоже знаете обо мне?

Росомаха переглянулся с товарищами и не стал лукавить:

— Мы знаем, что в замке появилась таария.

— С чего вы взяли, будто это я? — изумилась она с похвальным простодушием.

Получалось всё лучше и лучше. Она просто рождена для притворства и лицедейства. И ответ получила выше всех похвал:

— Ну, вряд ли в замке появились сразу две... хм

— Дурочки?

— Гости, — с деланной укоризной протянул росомаха, — с такими простодушными манерами.

— Да, — не преминула согласиться Руана. — Здесь у вас сплошные кривляки, грубияны и распутники. Вы первые, кто ведёт себя со мной прилично.

Дверь за спинами стражи приотворилась с дичайшим скрипом. Нарочно петли не смазывают — догадалась она — чтобы никто не проник бесшумно. И тут же внутренне насторожилась. На пороге зала советов нарисовался господин Радо-Яр собственной персоной.

Назл буквально придавил Руану тяжёлым взглядом, способным обескуражить любого, кто к нему не готов. С ней убойный приём не прошёл: слишком много времени они с Викратом посвятили обсуждению этого человека. Господин Яр-Туран просто обречён встречать её во всеоружии всегда и везде. В чём тут же и убедился.

— Благодарю за помощь, — вежливо кивнула она страже и развернулась, дабы убраться прочь.

— Тебе нужна помощь? — вынужден был проворчать ей в спину нерасторопный назл.

— Уже нет, — непростительно пренебрежительно бросила Руана через плечо, удаляясь.

Он чуть замешкался — наверняка думал о том, как не потерять лицо перед сородичами. Затем всё-таки отправился за ней: видимо, очень надо. Знаем мы, что это за нужда — досадливо чертыхнулась она, заполошно решая, куда направиться дальше. К разговору с врагом Викрата не приотворилась — ни к чему и начинать. Лучше его избежать, дабы не опозориться.

Этот назл явно не прост. Было бы верхом легкомыслия почитать его тупым громилой. Маг, овладевший всеми тремя боевыми техниками, должен обладать недюжинным умом. И великолепной реакцией: такого трудновато обескуражить эффектными обманными позами.

Ноги сами собой понесли Руану к выходу из замка. Но тут случилась незадача: в холл как раз ввалилась толпа яранов. С десятков мужчин и столько же ранений. Они что-то шумно

обсуждали, гогоча на весь замок. Пройти сквозь строй людей, что не преминут к тебе прицепиться — это на сегодня чересчур.

Пришлось свернуть к залу приёмов. Тем более что и двери туда любезно приоткрыли — как нарочно для беглянок. Стараясь потише стучать подошвами, Руана торопливо добралась до них и юркнула в спасительную полумглу огромного помещения.

Даже не видя со свету, что здесь и как, она всем телом ощутила давящую громаду встретившего её помещения. Тем более что возносящиеся вверх колоссальные столбы всё-таки разглядела. Они уходили вглубь залы двумя рядами, поддерживая высокий потолок, над которым ещё несколько этажей. Трудновато удержать такую массу камня от обрушения. Да ещё не одну сотню лет.

Мысль об этом заставила её отступить обратно к дверям. И вновь отпрянуть от заткнувшего их массивного тела.

— Ты меня напугал! — возмутилась Руана, безотчётно замахнувшись.

— Прости, не хотел, — без тени желания извиниться, буркнул Радо-Яр.

И сделал несколько шагов к ней, заставив отступить от дверей.

— Уйди с дороги! — окрысилась Руана на беспардонного мужлана, вздумавшего давить на неё страхом перед своей силищей.

— А то что? — усмехнулся назл одними губами.

Ситуацию срочно требовалось переломить. Паника била наотмашь, перехватывая дыхание. Ещё немного, и она завизжит, как ненормальная. Что это с ней?

От постыдной истерики спасло вовремя всплывшее в памяти знание. Освоив все три боевые техники, назлы получали дополнительный талант угнетать душу страхом — как она могла о таком забыть? Впрочем, неважно: вспомнила и ладно. И сразу же остудила воспалённый мозг.

Заодно обнаружила, что стоит и пялится на ярана сощуренными глазами, в которых замочрело от подступающих слёз. Но те пока не нарисовали дорожек на щеках — и то подарок. Страстно хотелось шмыгнуть свербящим носом — она и шмыгнула. Громко — на весь тёмный провал бесконечной пустоты за спиной.

— Что с тобой? — самую малость, но всё-таки удивился Радо-Яр.

— Думаю, — процедила Руана, окончательно беря себя в руки.

— О чём? — безо всякого интереса осведомился он.

— О том, как убрать тебя с дороги, — зашла она с такого неотразимого козыря, как честность. — Кажется, это будет нелегко.

— Тебе кажется? — слегка ожило в насмешке его лицо.

Скупой свет факелов отразился в блеснувших глазах. Они у него синие — вдруг заметила Руана. Какая сочная синева — прежде такой видеть не доводилось. Почему раньше не обратила внимания?

— Что тебе нужно? — сумела она произнести вполне бесстрастно и даже чуток скучающе.

— Почему ты решила, что мне от тебя что-то нужно? — попытался он спрятаться за иронией.

Но явно не знал, что делать с загнанной в угол девицей. Не успел определиться, с какого бока навредить Викрату? Проверим.

— Собираешься меня задушить? — участливо поинтересовалась Руана, издевательски

усмехнувшись. — Или начнёшь лапать? Учти, я предпочту первое.

— Кто ты такая? — явно растерявшись и оттого рассердившись, процедил назл, оттеснив беззащитную деву ещё на пару шагов.

Руана послушно попятилась, уткнувшись спиной в ближайший столб. Ощувив безжизненный холод камня, она вдруг почувствовала бесшабашную смелость того, кому нечего терять.

— Я дочь Маруша Таа-Лейгарда, — безупречно вежливо представилась она. — Старшая. И, к тому же, таария. Но ты и без того всё это знаешь. К чему пустые вопросы? И с какой стати ты учиняешь надо мной насилие?

— Я?! — всё-таки прошибло его тренированную невозмутимость.

— Ты знаешь другое название происходящему? — с издевательской озабоченностью осведомилась языкатая зараза.

Что явственно читалось в его негодующем взоре. Который, однако, тут же притух, обретая прежнюю ледяную бесстрастность завязтого позёра. Судя по всему, потеря лица — худшее, что он может себе пожелать.

— Если не успел решить, что намерен сделать с беззащитной девушкой, не стоит загонять её в угол, — мило улыбнувшись, посоветовала Руана. — Чтобы не выглядеть дураком.

Он выдержал паузу, демонстративно внимательно разглядывая её безупречно простодушное лицо. Она ему не мешала. Наконец, уразумев, что собеседница не спасовала, господин Яр-Туран выдал и вовсе уж нечто несусветное:

— Ты вряд ли понимаешь, с кем связалась.

— Я? — на этот раз чистосердечно изумилась Руана. — Связалась? Ты серьёзно? Это я за тобой бегаю? Я тебя загнала в тёмный угол и припёрла к стенке? Яран, ты в своём уме? Допускаю, что в императорской цитадели весьма... свободные нравы. Однако я прежде не слыхала, чтобы над женщинами здесь совершали откровенное циничное насилие. Да ещё их же обвиняли в том, что они сами на себя навлекли эту... мерзость.

Он уже сообразил, что ляпнул глупость. Но выслушал её гневную тираду до конца. Зло щурясь и катая желваки. После чего нехотя признал:

— Я неправильно выразился.

— Можешь не продолжать, — отрезала Руана, понимая, что на этот раз взяла над ним верх.

Что, впрочем, не обещает и в дальнейшем сплошных побед. С этим назлом нужно держать ухо востро.

— Думаю, я неудачно начал, — выдавил Радо-Яр второе признание.

— Можешь не продолжать, — с нажимом повторила Руана, отважившись шагнуть прямо к нему и задрав голову. — Или немедля дай пройти, или убей прямо здесь. Потому что я устрою самый грандиозный скандал, на какой способна. И обвиню тебя во всём, что ты сделал и чего не делал. Но в моём больном воображении мог бы сотворить над беззащитной девушкой.

Он дышал над ней китом, которого Руана однажды видела в море с корабля. Казалось, ещё немного, и точно задушит. А уж как сверкали злобой его ошеломляюще синие глаза — просто загляденье. В какой-то миг, назл потерял над собой контроль: его лапищи сжали её плечи. Да как сжали — аж слёзы из глаз брызнули.

Руана даже не пикнула, закусив губы. Он заметил и опомнился. Не отпустил, а почти

отшвырнул её от себя. Она ударилась спиной о колонну и бесподобно зло прошипела:

— Свинья!

Радо-Яр окончательно взял себя в руки и криво усмехнулся:

— Ты ругаешься, как плебейка.

— А ещё могу быть такой же неразборчивой в средствах, — ответила она циничной и совсем не девичьей ухмылкой. — Чрезвычайно подлой в избранных способах мести. И к тому же неутомимо подлой. Ничего не напоминает?

— Ты о чём? — нахмурился яран, не понимая, к чему она ведёт, и оттого напрягаясь.

Руана почувствовала, что разумней оставить его без ответа.

— О твоих не слишком дружественных отношениях с её женихом, — раздался за спиной назла ядовито-медовый женский голос.

Как здорово — возликовала Руана, не сдержав торжествующей улыбки. Викрата всё-таки приняли за её жениха. Появляется призрачный шанс отвлечь неугомонного монарха от Юбейна с Ати. Вовлечь брата императрицы в мстительный круговорот, если тот всё-таки попытается сорвать их воображаемый брак с Викратом. А там, где один Яр-Туран, там и остальные — братья они или нет?

Кто знает, вдруг получится разыграть вокруг этого грандиозный скандал? Разве император сможет остаться в стороне? Ведь он их сородич. Вовлечённый в скандал со старшей сестрой Таа-Лейгард, он будет очень занят.

Замордованный распутник может и не заметить младшей сестры, представленной ему на церемонии благословения молодожёнов. Даже если отметит её красоту, поостережётся разводить тарарам ещё и вокруг второй дочери известного таара. Не идиот же он, в самом деле.

Хотя, вопрос спорный. В его собственной крепости такое творится — хоть святых выноси.

Каких святых — бессознательно подумалось ей. Кто такие эти святые? Разве можно помнить о том, чего вообще нет на свете? Не выдумала же она этих самых святых. Что творится в её голове? Может, она сходит с ума?

— Радо-Яр, ты настолько ей неинтересен, что, даже ругаясь с тобой, она думает о чём-то другом.

Руана оторвалась от несвоевременных размышлений. Сосредоточиваясь на происходящем, оглядела присоединившуюся к ним яранию. Старая знакомая — насторожилась она. Златокудрая красавица, которую некая провинциальная зараза успела зацепить своим языком, едва появилась в цитадели.

— Ты ошибаешься, — обескураживающе приветливо возразила Руана, словно встретилась с лучшей подругой. — Он мне настолько неинтересен, что мы даже не ругаемся.

Ярания звонко расхохоталась, пару раз хлопнув себя ладонями по бёдрам. Что у северян означало поздравления или восторг.

— У тебя невероятно красивые волосы, — с кристально искренней завистью посетовала залётная деревенщина. — Не устаю любоваться.

— И не только волосы, — многозначительно проворковала ярания, демонстративно проведя пальцем по щеке.

— Всё остальное я с лёгкостью переживу, — беспечно отмахнулась Руана. — А вот твои волосы... Сил нет, как хочется такие же, — возвела она глаза ко лбу, будто сию секунду рассматривая свои тёмные гладко зачёсанные пряди.

Такой незатейливый и такой много говорящий жест — красотке он понравился. Хотя та явно из породы женщин, не желающих добра никому.

— Багена, ты здесь лишняя, — сухо намекнул Радо-Яр, что не рад прекрасной соплеменнице.

— Лишний здесь ты! — капризно взъелась на него грубиянка таария. — Даже если сказал не всё, что хотел! Остальное я слушать не собираюсь. Можешь высказать недоговорённое стене, — и резко сменив тон, она с плохо скрытой затаённой надеждой в голосе попросила: — Госпожа Багена, ты не могла бы мне уделить немного времени?

— Хочешь обсудить со мной этого наглеца? — уточнила ярания, небрежно ткнув пальчиком в назла.

Тот набычился ещё больше — хотя казалось, больше некуда.

— Зачем? — безупречно искренне изумилась Руана. — Это неинтересно. Нет, я хотела кое-что узнать о жизни при дворе.

Это стало последней каплей. Радо-Яр резко развернулся и направился к двери. Которой хлопнул изо всех подаренных ему Создателем сил — аж колонны загудели. Багена усмехнулась и вернулась к заинтересовавшей её персоне:

— Разве Таа-Дайбер тебе ничего не рассказывал? Мне показалось, что у вас полное взаимопонимание.

— Именно, что взаимопонимание, — проворчала недовольная невеста, как бы в досаде теребя края повязанного под грудью пояса. — Я должна с пониманием относиться к его интересам. А он понимает лишь то, что мои интересы — это сугубо моё личное дело.

И вновь весёлый женский смех потревожил тяжёлый полумрак залы с наглухо занавешенными окнами. Угомонившись, ярания благосклонно заметила:

— А ты не так проста, как выглядишь. Молодец. Неплохая маскировка.

— Благодарю за лестную оценку, — скромно потупилась Руана.

— Вот только, — внезапно холодно продолжила Багена, — зачем?

Подловила — с досадой одобрила Руана приёмчик, который и сама гораздо использовать. Оттого и растерялась на несколько мгновений. Что, впрочем, успешно скрыла за маской глубокой задумчивости. Дескать, она вам не свиристелка какая-то: привыкла всерьёз размышлять над сказанным.

— Даже не пытайся, — укоризненно покачала головой ярания, ни капли не смягчив ледяного тона. — Меня ты своими проделками не проведёшь. Если продолжишь в том же духе, я просто развернусь и уйду.

В трещины глубоко законопаченной памяти сочился хладнокровный дух соперничества, от которого несло пугающим цинизмом. Руана вдруг ощутила, что может отхлестать эту дамочку такими словами... такими...

— А ты страшная штучка, — не стесняясь, отступала от неё женщина-воин.

И не просто воин, а почти законченная тигрица. Хотя на фоне блестяще освоенной техники защитника талант лазутчика выглядел пока блёкло.

Руана спохватилась и притушила в глазах огонь магии тааров.

— Прости, — пожала она плечами. — Я почти не практиковалась. Нужды не было. Так что могу ухватиться за поток ДАРА непроизвольно. Как за спасительную верёвку.

— Понимаю, — приняла объяснение и не думавшая расслабляться ярания. — Мы все через это проходим.

— Да?

— Да, — усмехнулась она. — Только в детстве. А тобой, судя по всему, в детстве никто не занимался. Странно: почему? Это весьма неблагоприятно. С ДАРОМ не шутят.

— Похоже, — решила Руана, что пора перейти в наступление, — тебе от меня что-то нужно. И вовсе не ради дурацкого пари о природе моего скрытого таланта.

— О, нет! — пренебрежительно отмахнулась лазутчица, всё-таки не слишком натурально изобразив насмешку над пустой забавой. — Я терпеть не могу проигрывать. А потому никогда не заключаю пари.

— У нас с тобой проблема, — вновь заговорила в Руане неведомая обладательница утраченной памяти. — Кто из нас первой объявит причину своего интереса к другой.

— Согласна, — невозмутимо приняла Багена предложенные правила. — Ну, и кто же это будет? Я люблю быть первой во всём. Но, не в этот раз.

— Ну, я никогда не боролась за первое место под солнцем, — вполне искренно призналась Руана.

— Серьёзно? — не поверила собеседница.

— А смысл? Сначала я была единственной дочерью. А после превратилась в старшую. Которой младшая и без того смотрела в рот.

— Смотрела в рот, — задумчиво повторила ярания, словно на что-то примеряя. — Остроумно. Наслышана о твоих каверзных шуточках. И несколько разочарована.

— Почему? — стало очень интересно Руане.

— Надеюсь, что ты окажешься не столь умной. И с тобой будет гораздо проще, — продемонстрировала Багена, что и сама не чужда цинизма.

Ну, и к чему мы пришли — напряжённо раздумывала Руана, понимая, что они зашли в тупик. Узнать, чего от неё добивается ярания, страшно любопытно. Но любая уступка ради достижения этой цели может стать непоправимой ошибкой.

— Знаешь, — всё-таки попробовала договориться она. — Может оказаться, что у нас с тобой совершенно разные интересы, — она кое-что вспомнила и добавила: — Я очень сомневаюсь, что у нас есть причина для соперничества. Кажется, нам нечего делить.

— Думаешь? — слишком безразлично для столь бойкого спора переспросила Багена.

— Надеюсь, — наоборот продемонстрировала Руана искреннюю заинтересованность. — И всё-таки сделаю первый шаг. На всякий случай. Пускай хотя бы одна возможная проблема развеется.

— И какая же?

— Мой брак с Викратом Таа-Дайбером может не состояться.

— А мне какое дело? — продолжала упорствовать Багена в показном равнодушии.

Но какой восхитительно женский вопрос. Говоришь, дела нет — мысленно усмехнулась Руана. Ну-ну.

В ответном взгляде ярания она тотчас прочла: вот же зараза!

Лазутчица

Остаток дня прошёл в блужданиях по цитадели и познавательной болтовне. Багена не оставляла новую знакомую ни на минуту. Повела много полезного. Накормила отличным обедом в небольшом павильоне, укрытом в отдалённом уголке парка за крепостной стеной.

Руана и не подозревала, что яраны столь романтичны. Обедом в замке они зачастую предпочитали разнообразные пикники. Видимо, сказывалась введённая в привычку перекусывать там, где застанет голод. Поскольку чаще всего он заставлял народ-воин в нескончаемых походах, свежий воздух стал непременным блюдом за каждым обедом.

За весь день им повстречалось на удивление мало народа. Багена пояснила, что придворные таары по большей части полуночники. Днём отсыплются, ибо предпочитают вечерне-ночную жизнь. Почему? Два потому что днём император занят государственными делами. Вперемешку с сердечными. А придворная жизнь без монарха — это даже как-то глупо.

Яраны наоборот встают затемно, ибо вечно в движении. Перво-наперво, ежедневные тренировки по отработке техник. Или охота — как нынче утром. Кроме того, все до единого северяне состоят на пограничной службе — даже придворные. Приятно провести время в цитадели, где они куролесят, как им в голову взбредёт. Но это всего лишь отдых от нескончаемых ратных дел.

Родовые земли тааров составляли костяк империи, занимая её центральную и некоторые восточные части. Всё остальное было присвоено: где-то мирным порядком, но чаще посредством наглого вторжения. Посему неугомонные новички — да и некоторые старожилы распухающего, как на дрожжах, государства — то и дело лезли на рожон. Бунтовали, получали по соплям, ненадолго успокаивались, копя силы, и всё по новой. Не понимали, как говорится, своего счастья.

Что уж говорить о неприсоединившихся глупцах, не особо веривших, что где-то на западе за Срединными горами зреет безбрежное беспощадное зло. И однажды оно обязательно прокатится по их землям, сойдя с горных хребтов ужасающими лавинами. Так что лучше держаться вместе: под могучей справедливой правящей дланью императора. А не грабить его границы, нарываясь на горячую встречу с воинами-магами.

Словом, яраны не просиживали штаны в бездействии, что рекомендовало их в самом наилучшем свете. И позволяло северянам с изрядной долей пренебрежения относиться к тонкокожим таарам. Этим неженкам — которые, между прочим, кормили всю их боевую ораву.

И так же чванливо относились к магам-разрушителям, только и умевшим, что громить всё подряд, не создав ничего путного. Даже ни одного самого плёвого городка у себя на севере не заложили. О чём тут ещё говорить?

— Признаться, я недалеко ушла от сородичей, — задумчиво каялась Руана Мордату.

— Му-у? — покосился тот на подругу большим умным блестящим глазом, меланхолично жуя и вздыхая.

— В своих суждениях о яранах, — пояснила она, перебирая перья мягкой травки, на которой сидела.

Любимца нашла за стеной на лугу. Куда её проводила Багена, прежде чем умчаться

прочь. Луг был усеян проплешинами: здесь уже почти всё подъели. Но, каким-то чудом Мордатого не угнали на дальние пастбища. Повезло.

— Знаешь, бродяга, укоренившаяся во мне надменность сегодня дала о себе знать, — озадаченно разбирала она итоги второго дня в цитадели. — Я и не подозревала в себе такого высокомерия. Страшно неприятно.

— Му-у?

— Потому что я встретила за день немало яранов. И ни один не произвёл на меня отталкивающего впечатления. Люди, как люди. Вовсе не тупицы и не развратники.

— Му-у! — презрительно осудил Мордатый столь поверхностное грубое суждение.

— А я тут причём? — обиделась Руана, бросив в него мелким камушком. — Такими их рисует пресловутая народная молва. Среди просвещённых крестьянских масс.

— Фыр-р-р! — насмешливо замотал башкой весьма образованный бык с тонкой душой поэта и замашками ленивого бунтаря.

— Ты прав, — вздохнула таария, так же считавшая себя достаточно образованной до сегодняшнего дня. — Даже Радо-Яр не вызвал дурных чувств. Со всем его высокомерием законченного сноба. Слегка раздражал, и только. Верней, раздражает то, что с ним приходится иметь дело. А не просто обходить стороной.

— Му-у, — сочувственно чавкал Мордатый, отфыркиваясь и хлопая себя хвостом по мускулистым бокам.

— Да уж, приятного, братец, мало, — тут же потянуло жаловаться старому верному другу. — Но я окончательно уверилась: затянуть его в скандальную историю вокруг своей персоны будет здорово. Император ни за что не рискнёт вовлечь в скандал сразу обеих сестёр Таа-Лейгард. Тем более что старшая явно невменяемая стерва.

— Му-у? — бросив жевать, изумлённо вытаращился Мордатый.

— Ещё, какая стерва, — слегка прихвастнула Руана. — Которую, кстати, нужно изображать получше, — тут раскритиковала себя самоуверенная лицедейка. — Досадно, что воспитание всё-таки берёт своё. Да, я весьма остра на язык. И откуда что берётся? Но я страшно стесняюсь выставлять себя развязной оторвой. А ведь в какой-то момент плана придётся, — исторгла она такой тяжкий вздох, что сама себе посочувствовала.

Поняла, что смешна, и хмыкнула. После чего задумалась над планом дальнейших выкрутасов:

— Совсем позабыла: трудней всего заставить поучаствовать в скандале Викрата.

— Му-у?

— Понимаешь, Таа-Дайберы не просто гости цитадели, как мы с тобой. Они тут живут уже в четвёртом поколении. Видал, какой у них дом?

— Фыр-р-р!

— Да, ладно тебе. Видали мы дома и похуже. Дело же не в этом. Они служат императору верой и правдой. Оба на хорошем счету. Да что там! Он дорожит ими, как преданными людьми, готовыми за него умереть. Это видно невооружённым взглядом...

Невооружённым? Чем глаз можно вооружить? Что за белиберда? Нет, она определённо свихнулась. Какая только чушь не лезет в её продырявленную голову. И в такой момент — корила себя за легкомыслие Руана, бредя к воротам, что выходили на луг.

Мордатый наотрез отказался возвращаться в тесное стойло, где скука и пылица от сена с опилками. Пришлось возвращаться одной: солнце вот-вот скроется окончательно. А

бродить в одиночку по незнакомым местам как-то боязно.

Пройдя ворота и попав на бескрайний шумный двор бычьих загонов, Руана заметила у каменного коровника трёх яранов. Фигура одного показалась знакомой. Эти широченные развёрнутые плечи, этот опущенный массивный подбородок. Эта рука, то и дело сжимавшаяся в кулак, будто он что-то в ней разминал.

Радо-Яр из рода Яр-Туранов слушал одного из сородичей, исподлобья зыря по сторонам. Будто он вовсе не в безопасной цитадели, а в стане врага. Интересно, кто же так его пугает, что нагл готов каждую минуту принять бой?

Страшно захотелось узнать, о чём эти трое говорят — аж зачесалось. Руана оглядела массивную коробку коровника, у которой отирались яраны. Если сделать небольшой крик, можно подойти к ней с другой стороны. Хорошо бы забраться на крышу и устроиться на перекрытии. Над головами беседующих: оттуда наверняка всё слышно.

Хорошо бы — значит, непременно нужно. Она обошла пару загонов, куда пастухи загоняли коров с телятами. За этой толкотнёй, суетой и пылицей никто не обратит внимания на придворную в идиотском розовом платье с красной вышивкой — иронизировала Руана, шагая с независимым видом. Такие тут бродят толпами — особенно среди коров.

Впрочем, на неё действительно мало обращали внимания — просто чудо какое-то. И до коровника она добралась без помех. С этой стороны у стены была навалена груда не заскирдованного сена. Оставалось пробраться между ней и стеной, сложенной из грубо отёсанных камней. Которые выпирали тут и там, наводя на мысль о лестнице.

Всего-то и оставалось, что превратить в пыль несколько, чтобы и впрямь получилась приставная лестница. Задача простецкая — отработанная на пустышных затеях. Руана сосредоточилась, поймала тоненький поток ДАРА, сквозанувший мимо носа. Направила его на первый камень чуть выше колена. ДАР послушно источил его в считанные мгновения — только облачно пыли разлетелось. Дело пошло.

Карабкаться по выдолбленным на стене дырам в платье с широкой юбкой и такими же рукавами трудновато: можно запутаться и рухнуть вниз. Руана мигом закатала рукава, поддёрнула юбку, зацепив подол за пояс, и начала осторожно взбираться на крышу.

— И всё-таки мне интересно, — первое, что услышала она, когда подползла к самому краю деревянного настила. — Зачем Таа-Дайберы притащили сюда эту дикую таарию? — вопрошали незнакомым грубым голосом, хрипя и сипя, будто в горле у говорящего сплошные дыры.

— Ещё интересней, — добавили другим незнакомым голосом, — что же у неё за талант? Вездехорь никогда ничего не делает просто так. Да и таария уж больно дерзкая. А замашки, как у деревенской курицы, что всю жизнь пасла свиней.

Радо-Яр пренебрежительно хмыкнул и возразил:

— Она придуривается. Причём, успешно, раз все купились на её ужимки. У неё речь весьма образованного человека. Даже слишком. Такую здесь редко у кого услышишь. К тому же у неё отменная реакция. Она демонически сообразительна. Один из её талантов я уже видел.

— Какой? — озадаченно прохрипел собеседник.

— Она мастерски закручивает тебе мозги. И манипулирует тобой, словно пацаном. Удивитесь, но я за этой девкой не всегда поспеваю. Честно говоря, стерва выставила меня дураком.

— И ты ей спустишь? — усмехнулся его дружок.

Жаль, что Руана не могла высунуть за край голову: посмотреть, кого подслушивает. Яраны обязательно её заметят

— Думаю, тебе лучше оставить её в покое, — задумчиво посоветовал хрипатый. — Кстати, не знаешь, какого демона с ней возится эта стерва Багена?

Все-то у них стервы — негодующе закусил губу Руана. Можно подумать, сами аристократы духа с идеальными манерами. Мужланы!

— Ну, с Багеной-то проще, — недовольно процедил Радо-Яр. — Она из-за этого мерзавца Викрата старается. Задело, что у него появилась невеста. Вот и крутится рядом.

— Ревнуешь? — хмыкнул третий.

— Брось, — пренебрежительно буркнул Радо-Яр. — Это уже не смешно даже для подначки. Женщина, связавшаяся с тааром, для меня перестаёт существовать.

Руана удовлетворённо кивнула: не ошиблась. Викрата с Багеной что-то связывает: любовь или мимолётные страсти-мордасти — не так уж и важно.

— А эта явившаяся из ниоткуда таария?

— А эту я буду объезжать, пока не сломаю, — всё так же пренебрежительно заявил самоуверенный назл. — И тогда Таа-Дайбер будет вынужден принять мой вызов.

— Император ему запретил, — с сомнением напомнил хрипатый. — Иначе Викрат давно бы его принял. Брат, не заблуждайся: он вовсе не трус.

— Знаю, — досадливо бросил Радо-Яр.

— Яр-Анат прибыл, — оповестил дружков третий участник увлекательной беседы.

— Пошли, — нехотя предложил Радо-Яр. — Нужно покончить с этим делом. Император больше не желает слышать о нападениях волков в Санских дубравах. Так что придётся проредить их стаи. Пока крестьяне сами не подняли вой на всю империю.

И яраны куда-то утопали, оставив бедную девушку решать сложную проблему: как спуститься вниз незамеченной? Пока она тут изображала из себя лазутчика, за сеном у стены пришли. И теперь не скоро его перетаскают по стайкам. Как бы не пришлось ночевать на этой демоновой крыше!

Где она узнала... А что она, собственно, узнала такого, о чём не догадывалась? О, так сказать, особом интересе к ней Багены? Так сама же дала той понять, что беспокоиться пока не о чем. Викрат же с успехом подтвердил её полупризнание: притащил в цитадель невесту и тотчас бросил. Умчался развлекаться на охоту, не позаботившись о её судьбе. Любой заинтересованной в нём особе это должно греть сердце.

Что ещё? Ещё, нахальную таарию собрались объезжать, пока не сломают. Простите, в каком смысле? Речь о душевных унижениях или телесных увечьях? Последнее вряд ли — была твёрдо уверена Руана. За подобную низость распоясавшегося назла прикончат свои же. А вот, что касается унижения...

Обрушившееся на неё небо оказалось тяжёлым и горячо обжигающим ухо.

— И что, интересно, высокородная таария делает на крыше коровника? В таком дорогом платье, — прогудело ей в ухо небо, коленом раздвинув ноги.

Этот жест... Он грянул чудовищным намёком на безжалостное насилие. Он должен был обрушиться на неё невыносимым ударом судьбы, низвергнув душу в кромешные пучины отчаянья. Призрак непереносимого бесчестья грозил растоптать всё самое... самое...

И не растоптал. Не говоря уж о том, что душа чувствовала себя превосходно защищённой: из-за непробиваемой брони своей незыблемой самооценности. Что ты с ней не

делай, как ни унижай, ни топчи — Руана всем сердцем чувствовала: она переживёт. И никакое безумие — что после насилия овладевает слабыми натурами — не властно над той, кто более всего ценит неповторимый, невосполнимый дар жизни.

И вообще! Валяйся она тут на спине, получилось бы пикантно. А лёжа на животе, сама себе напоминала ярмарочного борца, подмятого соперником. Что породило два равноценных желания. Во-первых, вдосталь посмеяться над самоуверенной дурочкой, возомнившей себя лазутчицей. А во-вторых, потыкать себя носом в откуда-то вылупившуюся гордыню. И приговаривать: так тебе и надо, так тебе, так тебе — идиотка несчастная!

— После такого женятся, — насмешливо пропыхтела она, пытаясь выползти из-под оборзевшего назла.

— Да? — иронично удивился Радо-Яр, неподражаемо нагло вода губами по её виску.

С одной стороны, природу не надуешь: было приятно. С другой, отсутствие малейшей симпатии к свалившемуся на неё — в буквальном смысле — ухажёру вызывало лишь раздражение.

— Если думаешь таким образом меня обескуражить, ты просчитался, — решила Руана оставить бессмысленное сопротивление, дабы не будить напрасно в нём его природу. — Я не умру от стыда. И не надейся. Зато обрету законное право на месть.

— Ты? — вновь удивился назл, продолжая настойчивые манипуляции губами.

Пока только по волосам, которые, в определённом смысле, прикрывали голую кожу. То есть пока не вызывали совсем уж лишних сейчас томлений.

— Не заносись, — хмыкнув, посоветовала соблазняемая дева. — Женская месть обычно мелочная. Зато вдесятеро обидней. К примеру, я девственница. Ты действительно хочешь оказаться пойманным и женатым?

И с неё слезли. Радо-Яр перевалился на крышу и растянулся на спине, пялясь в небо. Руана повозилась, разгоняя кровь по слежавшимся жилам. Приподняла голову и огляделась: сумерки густеют, а народу вокруг ни на волос не меньше.

— Ты меня отсюда снимешь? — как ни в чём не бывало, попросила она у назла.

— Разумеется, — в задумчивости щурясь на проступающие звёзды, буркнул тот.

— А когда? — наплевав на манеры, пнула его высокородная таария.

Он повернул голову, одарив её ироничным взглядом. Который у него замечательно получался, оживляя каменное лицо.

— Прости, но я не слишком расположена ждать, когда ты соизволишь это сделать, — вежливо пояснила Руана своё неприличное поведение. — Честно говоря, меня мало заботит, что обо мне подумают. Слезла бы сама, если бы не это дурацкое платье, — подняла она руку с развернувшимся широким рукавом. — Не хотелось бы свалиться и что-то сломать... — тут она вспомнила о своей главной придумке и доверительно добавила: — Когда решается моя судьба.

До этих слов выражение физиономии назла можно было признать даже отчасти благодушным. Насколько это вообще возможно. А тут оно снова вернулось в обычное состояние маски, туго натянутой на всяческие выступающие бугры мускул. Не рожа, а барабан.

— Так, — демонстративно оглядела эту маску Руана и констатировала: — Ты, судя по всему, помогать не собираешься. Что ж, — отважно села она, выставляя себя на обозрение толпы холопов, — обойдусь.

Хотела резко и картинно встать, но тело слушалось плохо — даже закричала по-

старушечьи, что уж совсем её не красит. Да и плевать — зло выдохнула она, доковыляв до края крыши, под которым почти не осталось сена. Села, свесив ноги и подбирая юбку. Примерилась, как бы точнее попасть ногой в лично сотворённую дыру на стене.

И тут мимо неё пролетело что-то огромное. Назл приземлился под стеной на обе ноги — почти не покачнувшись. Задрал голову и вытянул вверх руки:

— Прыгай.

— Можно? — опешив от такой демонстрации силы, проблеяла Руана.

— Можно, — холодно разрешил он.

Пришлось. Она закрыла глаза, съехала на попе к самому краю и оттолкнулась ногами от стены. Назл поймал её и аккуратно поставил на ноги. В объятьях не передерживал, в лицо не дышал, намекая на то, что он мужчина, а она вроде бы наоборот. Никакой романтики: Радояр просто развернулся и просто отправился своей дорогой.

И ни одна сволочь — из крутившихся неподалёку холопов — не посмела даже тайком хмыкнуть. У назлов невероятный слух — с таким обломом хихикнешь, как же.

Не успел господин Яр-Туран сделать и пары десятков шагов, как из-за угла соседнего коровника выскочил взмыленный бык. За которым неслись вопящие скотники. На безжалостно подгоняемом скакуне восседал командующий императорской охотой. Весь вид которого говорил о том, что господин Таа-Дайбер чрезвычайно озабочен.

Увидав Руану, Викрат издал странный звук и погрозил ей кулаком. После чего спрыгнул с быка, которого тотчас обступили ругавшиеся скотники. Они поволокли сипло дышащего бедолагу обратно за угол. А Руана поняла, что в этой картине не хватает нескольких сочных мазков.

— Викрат! — восторженно взвизгнула она от прямо-таки непереносимого счастья.

И в три прыжка настигла начисто обалдевшего соратника по заговору. Повисла у того на шее, краем глаза отметив, как Яр-Туран на миг обернулся. И как исказилось его лицо при виде долгожданной встречи невесты с женихом.

— Ты что, пьяная? — принюхивался Викрат, пытаясь отодрать от себя психованную деревенщину.

Руана благосклонно отцепилась, не преминув пожаловаться:

— Знаешь, я поразительно скверная лазутчица.

— Знаю, — буркнул он, взял её под руку и повёл в сторону дома: — А что послужило признанием сего прискорбного факта?

Всю дорогу до дома она рассказывала о своих дневных приключениях. Стараясь не упустить ни единой самой крохотной и незначительной детали. Викрат умел слушать — сразу видать умного человека. У крыльца они остановились. И не заходили в дом, покуда Руана не иссякла.

— Ну? — потребовала она хвалебных комментариев, настырно заглядывая в его какое-то отстранённое лицо.

— Ты справилась, — не особо-то и расщедрился он.

— И всё?! — возмутилась именинница.

— Чего тебе ещё? — удивился Викрат, оторвавшись от своих неуместных размышлений.

Нашёл время!

— А наградить? — капризно скорчила она рожицу оскорблённой добродетели.

— Брось, — поморщился он. — Тебе не идёт. Что там с наградой? Только предупреждаю: никаких клятв выполнить любое твоё желание.

— Почему?

— Обойдётся, — получила Руана невежливый и невразумительный ответ, за которым последовало ожидаемое: — Проси.

— Я хочу знать: что у тебя с Багеной?

— Зачем тебе знать? — поморщился Викрат, хотя нисколько не рассердился.

— Она мне понравилась. Очень.

— Мне тоже, — проворчал господин таар.

— Сильно?

Он как-то нехорошо вздохнул и вдруг оглушил:

— Я люблю её.

— Ты? — даже растерялась Руана, сомневаясь, что с ушами всё в порядке. — Но ты же циник и распутник.

— Ради неё готов остепенится.

— Если она станет твоей женой? — догадалась она, сочувственно глядя разоткровенничавшегося неудачника по руке. — Но, это же невозможно. Яраны ведь никогда не создают с нами семей. Кстати, я так и не уразумела: с чего такая немилость? Понятно, что здесь замешано некое магическое соперничество. Хотя само по себе оно просто нелепо. Мы же абсолютно разные. Смешней лишь соперничество акул с медведями за территорию.

— Дело не в использовании ДАРА, — понизив голос и зыркнув по сторонам, весьма серьёзно ответил маг-созидатель. — Суть наших разногласий в той победе, что одержали таары во время нашествия северян.

— Ты хочешь сказать, — опешила Руана, — эти придурки до сих пор не могут простить, что великие воины проиграли слабакам, которые годны лишь ковыряться в земле? Ничего глупей не слышала. Хотя, какие мои годы?

— И, тем не менее, — как-то устало и блёкло усмехнулся он. — Они упёрлись, как бараны, и продолжают кипятиться. От новой войны с нами их удерживает лишь здравый смысл воинов, которые не привыкли рисковать понапрасну. Поэтому яраны сразу после поражения устроили нам мирную гражданскую войну.

— И Багена не может стать твоей женой? Или она просто не желает?

— Она просто не может переступить через угрозу потери родных. Те отвернутся от неё. А этого Багена не выдержит. Для северян их кровные связи дороже жизни. Всё, хватит болтать. Пошли домой. Пока не явилась Урпах и не устроила мне головомойку.

— Та-ак, — пробурчала под нос Руана, поднимаясь вслед за ним на крыльцо. — Понятно.

— Что тебе понятно?

— Надо что-то делать.

Злюка

День закончился в раздумьях. Утро началось с такой кипучей деятельности, что на Руану поглядывали с подозрением. И кормилица, и Викрат, который вчера отказался от целых восьми предложений прокутить где-то с кем-то всю ночь. Пришлось ему укладывать спать в неурочный для таара час.

Заснуть бедняге не удалось, и он полночи не давал спать Урпаху. Которая ни с того, ни с сего напилась с молодым красавцем до полной невменяемости. И сейчас — по привычке продрал глаза с первыми лучами солнца — стонала, развалившись в кресле. С мокрой тряпкой на лбу и огромной кружкой рассола в дрожащих руках.

В кресле напротив восседал Викрат, заливая в себя накрепчайший чай из бутончиков каких-то южных цветков с дивным ароматом. И безобразным вкусом, от которого вязало во рту. Рубаха на тааре была распахнута, являя миру безупречно мускулистый живот — не хуже, чем у яранов. Руана, естественно, никогда не видела северянина с голым торсом. Но представляла тех именно такими.

Поскольку оба кутилы припёрлись страдать в её спальню — и прогнать их не удалось — она приступила к осуществлению новой задумки прямо при страдальцах. Ожидая разгромного скандала, но твёрдо вознамерившись стоять насмерть.

Пока старая кормилица с молодым повесой что-то там кряхтели, обсуждая ночную попойку, Руана разглядывала с десятков подаренных ей платьев. Служанки успели повытряхивать обновки из сундуков. Отгладили и развесили на подставках, задрапировав каждое тонкими холстами.

Руана заглядывала под каждый, оценивая платье, которое можно было носить, не выглядя в собственных глазах душой. Таких не оказалось. А вечером ей предстояло впервые явиться на небольшой приём с чревоугодием и танцами. Где она собиралась произвести фурор. Что в придворных аляпистых, расшитых всякими финтифлюшками платьях просто невозможно.

Выбор пал на тёмно-зелёное бархатное платье с поясом на талии. И не слишком широкой юбкой с небольшим шлейфом. Всего-то и надо — примерилась она — поотрывать нашитых тут и там разноцветных кружевных бабочек. Не наделав при этом дыр. А ещё...

То, что внезапно пришло ей в голову, поначалу показалось бредом непьющей девицы, надышавшейся перегаром. Однако отбрыкаться от сногшибательной идеи не удалось: та упрямо забиралась обратно в голову. В конце концов, Руана прониклась симпатией к упорной липучке: как-никак, сама такая. Сдаваться не в её привычках — где уж порицать за это других?

Она сняла с подставки выбранное платье и разложила его на кровати. Слушая вполуха воспоминания о бурной юности своей благодетельной кормилицы, вооружилась ножницами и взялась за работу. Урпаху внезапно растащило на запретные откровения, которые Викрат слушал с нескрываемым удовольствием. Так что оба даже не заметили, как полоумная дурица кромсает дорожную обновку.

А когда взбодрившаяся рассолом и приятной беседой старуха, наконец, вспомнила о воспитаннице, было уже поздно. Руана не только поработала с платьем, но и откромсала кусок меха от своей накидки серебристого меха.

— Ты!.. — едва ли не впервые на памяти, не сразу смогла обругать её Урпаху.

— Я, — согласилась Руана, сгребая с кровати недоделанное платье, и поторопилась заткнуть кормилице рот:

— Сейчас всё покажу.

Она бросилась за перегородку натягивать обновлённую обнову.

— А что случилось? — не понял Викрат причины того, что превратило лицо старухи в маску злобной лесной ведьмы.

— Что случилось?! — прошипела та, скручивая в жгут ту самую мокрую тряпку, которой спасалась от головных болей. — Что случилось. Да, уж случилось. Ну... Я тебе задрыга, сейчас задам!

— Викрат! — завопила Руана, спешно натягивая платье. — Держи её! А то не покажу, что сегодня вечером всех убьёт!

— Я сама тебя сейчас убью! — вопила Урпаху, размахивая оружием и барахтаясь в объятьях мгновенно подскочившего таара. — Засранка! Чтоб тебя разорвало! Поганку этакую!

— Ты скоро? — уточнил Викрат, подсмеиваясь над развоевавшейся старухой, но держа её крепко-накрепко. — Мне ещё ни разу не доводилось прилагать столько сил, чтобы удержать даму. Обычно те сами от меня не торопятся отцепиться.

— Что?! — взревела обалдевшая кормилица. — Ах ты мерзавец! Пахабник!

— Отпускаю! — предупредил таар, ускользнув от удара тряпкой по башке. — Руана! Давай скорей! Она же меня убьёт! Откуда тут бабочки? — проворчал он под нос, перепрыгивая через кровать.

— Сейчас покажу, — пообещала ему Руана, выплывая из-за перегородки.

И пытаясь на ходу затянуть боковую шнуровку.

— Уф-ф-ф! — шумно выдохнула Урпаху, рухнув в кресло после того, как не сумела перевалить через кровать вслед за попрыгунчиком тааром. — Показывай: что там у тебя?

— Вот, — расставив руки, картинно продемонстрировала рукодельница результат своего скоростного труда.

Облегающее платье имело неглубокий полукруглый вырез горловины — почти под самое горло. Неширокую юбку и совсем узкие для нынешней моды рукава. Довольно строгое платье для прогулок на свежем воздухе: чтоб нигде не поддувало. За исключением срезанных бабочек оно практически не претерпело изменений. На первый взгляд.

— Ну, и? — разочарованно зафыркал Викрат, в прыжке падая на девичью кровать.

Аж все бабочки разлетелись. А Руана медленно повернулась на месте.

— Да, чтоб меня! — восхитился неутомимый повеса, хлопнув в ладоши. — Это просто...

— Срамота, — со вздохом уныло констатировала всякого повидавшая старуха. — Так и знала, что очередное позорище.

— Да, ладно тебе, — не согласился великий знаток женской красоты. — Не будь злоюкой. По-моему, превосходная задумка. И так щекочет... э-э...

— Знаю я, где у вас от такого бесстыдства щекочет, — более благодушно проворчала Урпаху и вдруг признала: — Завлекательно вышло. Даже завлекательней того платья, где у тебя всё наружу аж то сосков.

— Мамушка! — обернувшись, возмутилась Руана.

— Что вижу, то и говорю! — окрысилась кормилица, поднимаясь и бросив на стол

ставшее ненужным мокрое оружие. — Будет она меня ещё поучать. Лучше за дело взяться. А то до вечера можно и не поспеть. Ты ж ещё чего-то хотела?

— Обшить по горловине мехом, — голоском величайшей из скромниц пролепетала воспитанница.

— Серебристым по зелёному? — глянув на кровать с испорченной накидкой, пробормотала Урпах. — А что. Красиво так-то. Но это уж я сама. А то ты нашьёшь тут: вкривь да вкось.

— Тогда, я, с твоего позволения, пойду прогуляюсь.

— Иди, — отмахнулась кормилица.

И рухнула обратно в кресло: ещё чуток пострадать и повздыхать. Выходило у неё замечательно.

Выйдя из-за перегородки и направившись к подставкам с платьями, Руана вспомнила о приятеле:

— Пойдёшь со мной?

— Я иду спать, — отверг тот лестное предложение. — Хотя бы на пару часиков: не меньше пяти, — категоричным тоном предупредил он, что любое вторжение посчитает поводом к войне.

После чего господин Таа-Дайбер откланялся. А Руана принялась облачаться на прогулку. На верховую прогулку, ибо, как выяснилось, днём в цитадели ничего интересного.

— Мамушка, ты не против, если я одену свой наряд для езды верхом? Тот, что подарили Таа-Дайберы тоже нужно переделывать.

— Тебе не стыдно? — с тяжким вздохом безнадежно проигравшего воспитателя, задала та пустой вопрос.

— Конечно, не стыдно, — утешила её воспитанница. — Я же сама его изготовила.

— Такую срамотень даже ярании не носят, — попыталась укорить её кормилица.

— Я всегда знала, что превосхожу их во всём, — горделиво заявила таария.

И принялась вытаскивать из сундука нарочно запрятанный Урпахой подальше костюм наездницы. Вскоре она стояла у зеркала, что вдвое превосходило те, что были дома. В него можно увидеть себя в полроста. А, отойдя подальше, и в полный.

— Никак не налюбуюсь, — хвастливо заявила Руана, крутясь в поисках огрехов. — Отлично сидит. И заметь: с ним совсем не нужны помощницы. Я сама одеваюсь от начала и до конца.

— Чего ж в штаны-то самой не залезть? — беззлобно проворчала кормилица, любясь ею и не скрывая этого. — Ох, и хороша ты у меня.

— Мамушка, — насупилась Руана. — Я у тебя, конечно, не совсем уродка. Но такая невзрачная, что... А! — махнула она рукой, присаживаясь в кресло, чтобы натянуть сапожки.

— Ну, личиком ты у нас и впрямь не вышла, — никогда не врал ей Урпах. — Так себе личико: обыкновенное. Зато уж фигура у тебя знатная. Как у покойной матушки. Вон грудь какая высокая да крепкая. Поди сыщи такую. Большинство здешних красоток свои титьки вверх взбивают, да подматывают. А то и вовсе тряпья в платья напихают и ходят, как...

— Мамушка! — с деланным возмущением вытаращилась Руана и хихикнула.

— А ноги у тебя какие? — не сдавалась та. — Длинные да сильные. Главное, прямые. Не то, что у некоторых.

— А ещё? — разулыбалась Руана, и сама залюбовавшись, как ею страстно гордятся.

— Ну, волосы у тебя так себе, — придиричливо раскритиковала Урпах. — Цвет уж больно невзрачный. К тому ж могли быть и погуще. Сколько я не подкармливала их отварами, а толку маловато. Зато у тебя талия тонка, а задница широка, — не преминула она соблности баланс. — Мужикам такие формы нравятся. Да и рожать легко будешь.

— Мамушка, я себя чувствую горшком на рынке, — насмешливо упрекнула расписанная во всех местах благородная таария. — Словно ты меня перед покупателями нахваливаешь.

Поднялась, пристукнула обутыми ногами и опустила юбку. Верней, расправила, ибо опускать там нечего. Вопреки всем законам приличия, Руана обрезала её наискось: так, что впереди она была едва по колено, открывая ноги в штанах. А сзади, как положено, до пят. Очень удобно: и залезть на Мордатого и спрыгнуть самостоятельно.

Ярании порой вообще ездили в одних мужских штанах — ну, так то воительницы. Хотя в цитадели северянки предпочитали надевать поверх штанов длинные юбки с разрезами по бокам: от самого пояса. Тоже подходяще, но у Руаны юбка гораздо удобней. К тому же, ни у кого подобной нет — а это великое дело при императорском дворе.

Да и колёт такой поди сыщи — как говорит кормилица. Он больше напоминал крестьянский жилет, только с рукавами. Низкий глубокий вырез заканчивался почти на талии, выставляя напоказ грудь в складках тонкой рубахи. Так сказать, любуйтесь тем, что у нас краше всего. И пореже разглядывайте неудавшееся природе личико.

Она хмыкнула и натянула на голову широкий берет, упрятав под него скрученную наскоро шишку. Её бы чем-то закрепить, да неохота возиться. Авось не вывалятся — махнула Руана на своё иронично улыбавшееся отражение рукой. И направилась к Урпахе.

Поцеловав кормилицу, она выскочила за дверь, сопровождаемая воркотнёй про бесстыдниц и обрезанные панталоны. Столкнувшись с ней служанка распахнула в изумлении рот. Выронила стопку каких-то сложенных тряпок и принялась тыкать в таарию пальцем. Руана усмехнулась и направилась к лестнице. Кажется, она и сегодня удивит всех встречных — пускай злословят.

На площади со встречными не сложилось: никто не повстречался. Таары, послушные привычке полуночничать, ещё дрыхли без задних ног. Яраны давно разбрелись кто куда. Руана слегка обиделась на такое пренебрежение своими ожиданиями. И поспешила за дом в сторону коровников.

Тут вожделенный успех её таки настиг. Некоторые скотники и скотницы таращились на высокородную бесстыдницу, как на чудо с четырьмя ногами и парой голов в беретах. Хоть пальцами не тыкали — и то хорошо. Мордатый как раз выплывал из загона: красивый, довольный собой и осёдланный.

— Как вы узнали? — опешила Руана, когда пожилой мужик сунул ей в руки повод.

А Мордатый ткнулся влажным носом в щёку хозяйки.

— Что госпожа изволит прогуляться? — хитро ухмыльнулся скотник. — Так господин Таа-Дайбер велел. Ещё с вечера, как вернулся с охоты. Даже время назвал. Дескать, приготовьте, а то ж она вам жизни не даст. Как примется над душой стоять: дескать, скорей да пошевеливайтесь. Мол, госпожа таария страшно нетерпелива.

— Враньё, — твёрдо заверила его Руана, оглаживая морду любимца. — Правда, дружок?

— Му-у, — поддакнул тот, хлестнув скотника хвостом.

— А-а! — махнул тот рукой.

Мол, что тут с вами бестолку языками чесать, когда дел невпроворот. Хмыкнул, развернулся и пошёл, прочь, чуть подволакивая ногу.

— Куда направимся? — поинтересовалась у Мордатого Руана, перекидывая повод ему на спину.

— М-м-м, — задумался тот, послав к воротам рассеянный взгляд.

— Понятно, — согласилась Руана и поднялась в седло: — Куда пойдётся, туда и пойдём.

Она поёрзала, разглаживая под задницей складки штанов. Заодно расправляя юбку, покрывшую бычью спину натуральной попоной. Нашупала в левом седельном кармане арбалет — Викрат и об этом позаботился.

— Вперёд, — бодро скомандовала, чуть наподдав в бока пятками

Бык вздохнул и поплёлся мимо оставленного загона к воротам.

Эффектного выезда не получилось. Во-первых, Мордатый, как нарочно, изображал из себя дохлую свинью. Во-вторых, большинству здесь у ворот и дела не было до провокационного наряда высокородной бездельницы. От воображаемого торжества осталась лишь кислая мина на собственном лице — от неё никак не удавалось избавиться.

За воротами Мордатый оживился. Не понукаемый своей наездницей, самостоятельно потрусил по наезженной дороге навстречу поднимавшемуся солнцу. Лучи которого безжалостно топили глаза в слезах, но Руана терпела. Вокруг одни луга да рощицы: только сверни с дороги, и бык прочно застрянет в траве, решив, что завтрак важнее. В конце концов, прогулка — не его идея. И нужна ему, как дополнительная пара конечностей с крабьими клешнями.

Так они и трусили по дороге — каждый, думал о своём. Повстречали три воза с сеном — Руана благосклонно поприветствовала возниц. Мордатый проигнорировал тягловых собратьев, которых за людей-то не считал. И совершенно непреднамеренно встрепенулся, перейдя на горделивую рысцу: вот, мол, я какой! Дивитесь.

— Дивлюсь я на тебя, — насмешливо прокомментировала Руана выходку позёра. — Вокруг ни одной коровы. Перед кем красуемся?

— Му-у, — философски заметил Мордатый, что герой и без публики орёл.

И надал. Поскакал, поднимая пылюку, и задирая морду: что-то высматривал впереди или продолжил выпендриваться?

Ответ она получила почти сразу. Навстречу неслись несколько всадников — за облаком пыли точно не разглядеть. Сомнения не вызывало одно: северяне. В дальних переходах на скакунах те всегда обматывали головы плотными шарфами — оставляли только щели для глаз. Так, чтобы не приходилось глотать пыль. Таары же редко носились вскачь. А долгий путь предпочитали преодолевать в крытых повозках.

Желая избежать ненужное общение, Руана понукнула быка сойти на обочину дороги. Мордатый понял её намерения по-своему и вломился в низкий колючий кустарник на обочине. Стал продираться к лежащей за ним поляне: зелёной и нетронутой. Обжора сопел в предвкушении, а всадница вытащила ноги из стремян и поджала: чтобы не ободрать сапожки.

Вдруг Мордатый остановился, не закончив штурм кустарника. Повернул морду к покинутой дороге и, так сказать, набычился. Скакуны — в отличие от тягловой скотины — славились несносным характером. Будь иначе, их никакой силой не загнать в бой, где все шумят и портят друг другу шкуры.

Руана нехотя повернула голову и обнаружила, что всадников трое. Что те остановились напротив выломанной в кустарнике бреша и наблюдают. Их скакуны поводили взмокшими

боками, с интересом наблюдая за работой сородича. Зелень, видная в проделанной им бреши, манила и тех, кто заслуживал обеда гораздо больше отдохнувшего лентяя. К тому же со стороны поляны доносилось журчание воды. А это уж и вовсе отменный приз.

Руана вздохнула и не без досады решила проявить благородство:

— Господа, я уступаю вам эту поляну. Мордатый, давай назад.

— Му-у?! — возмутился тот посприанием своего права первой находки.

— А поляна и без того наша, — с неприкрытой издёвкой заявил один из яранов.

Он уже размотал на голове шарф, явив лицо совсем молоденького парнишки-защитника. Симпатичного лишь в силу своей юности: чуть подрастёт, и рожа станет топорной, как у Радо-Яра. Традиционно длинные волосы росوماхи были заплетены в две косы, стянутые за спиной. В ухе красовалась здоровенная серьга с зелёным камнем.

— Даже не начинай, — поморщилась Руана, дёргая повод в надежде, что Мордатый одумается и уступит.

— Му-у! — предложил тот, чтобы она даже не обольщалась.

— Кстати, чуть дальше за поворотом дороги кустарник кончается, — вполне дружелюбно заметил второй яран, не торопясь стаскивать шарф. — Не пришлось бы продираться через эту колючую преграду. Пожалела бы шкуру своего быка.

— Я? — невольно удивилась Руана, вздёрнув брови. — А кто сказал, будто его туда погнали силком? Я всего лишь просила уступить дорогу тем, кто торопится.

— Так, кто у вас на ком ездит? — иронично осведомился третий яран, кажется, весьма знакомым голосом.

— Я ещё не замужем, — проворчала Руана, продолжая дёргать повод и наподавая пятками в бока упрямого мерзавца.

— В смысле? — удивился нелепому ответу мальчик росوماха. — А причём тут это?

— Госпожа таария имеет в виду, — заметил яран со знакомым голосом, — что она пока не научилась помыкать мужиками. Вот замуж выйдет, подучится, и дело пойдёт веселей.

— Если ты такой умный, — окрысилась Руана, — так чего ж не проехал мимо?! Вас кто-то приглашал побеседовать?!

— А она злюка, — удивлённо прокомментировал её вспышку третий яран, стаскивая с головы шарф.

И оказался женщиной. Явно за тридцать, хотя, может, и за сорок. Некрасивой, с грубоватым голосом. С кое-как закрученными на затылке светлыми волосами, где паутинками проблёскивала на солнце седина. И с широким шрамом, перекрестившим всё лицо от правого виска до левой щеки.

Лишь большие умные насмешливые глаза оттенка зимнего тёмного неба сверкали на нём подлинным украшением.

— Прости, — чистосердечно извинилась перед ней Руана. — Я сорвалась. Хотя это никак меня не оправдывает.

— Что-то я тебя не помню, — обтирая лицо шарфом, объявила ярания.

— Я в цитадели всего третий день.

— Понятно, — довольно приветливо улыбнулась ярания-тигрица с отменно отшлифованными техниками атакующего и защитника. — Всего третий день и уже достали. Это мы можем. Чести-Яр назвал тебя таарией. Это правда?

— Правда.

— Однако, — задумчиво пробормотала ярания.

— Да уж, — деланно посетовала Руана. — Угораздило.

Тигрица коротко рассмеялась, после чего одобрительно заметила:

— А у девочки голова не пустая.

Тот, кого она обозвала Чести-Яром, наконец, стащил шарф. И Руана узнала того красавца-щёголя, что был с Радо-Яром и Багеной в первое их знакомство. Он изобразил на лице полную превосходства ухмылку и съязвил:

— Настолько, что заинтересовала самого Урха.

— Будто бы? — удивился мальчишка росомаха.

— Не помню никакого Урха, — нахмурилась Руана.

— Радо-Яра Яр-Турана, — пояснил красавец, оказавшийся тигром с техниками защитника и лазутчика.

— А-а, этого, — мрачно процедила она, потеряв к разговору всякий интерес.

Хотя с этой яранией хотелось познакомиться поближе. Уж больно ей понравилась женщина, плевать хотевшая на своё уродство.

— И верно злюка, — недовольно оценил её гримасу мальчишка.

— Наверняка уже успела насолить Яр-Турану? — вдруг вполне дружелюбно улыбнулся Чести-Яр.

И злость Руаны, как рукой сняло. Она улыбнулась в ответ и демонстративно пожала плечами, молвив голоском невинной девы:

— Не убила же.

На этот раз северяне посмеялись от души: долго и громко. Перебрасываясь едкими комментариями в адрес назла. Симпатичные люди, лёгкая беседа.

Как вдруг малец брякнул:

— А Урх обид не прощает. Даже бабам.

Бац! Оплеуха ярании чуть не сбросила его с быка. Красавец тигр не просто помрачнел — его лицо стало хищным.

— Вы что, собираетесь меня запугать? — вежливо осведомилась Руана, постаравшись изобразить зловещую ухмылку.

И у неё получилось. Ярания покачала головой:

— Ты неплохая девочка. С мозгами и, похоже, с живой душой. У нас нет причин тебя запугивать. Но от Радо-Яра держись подальше.

— Я-то, как раз, его не ищу, — возразила Руана, больше не пытаясь ничего изображать. — Лучше бы он держался от меня подальше.

Ярания стронула с места быка. И проезжая мимо неё, негромко бросила:

— Это вряд ли. Раз уж он тебя отметил.

Красавец тигр сдержанно кивнул и последовал за спутницей. Молодой росомаха глянул на Руану как-то виновато. Однако ничего не сказал

Вот и поговорили. Лучше бы дома сидела.

Новорожденная

Руана была чужда многочисленным суевериям, что в народе буквально командовали всеми: и людьми, и делами. Встретить на восходе или на закате трёх яранов — это не к добру трижды тридцать раз. Уж такая гнусная примета — хоть ложись да помирай.

А если разобраться, всё объясняется просто. Некогда было время, когда подобная встреча вела лишь к паре возможных исходов: ограбят и убьют. Как, собственно, на любой войне с любым народом. Война давным-давно закончилась, и яраны больше не лютуют, а примета осталась. И зловредно добавляла опасного недружелюбия в общую картину мирного противостояния северян с прочими гражданами империи.

Однажды это полыхнёт — всерьёз заботило Руану, как девушку образованную, изучившую историю великого северного нашествия. Не нужно иметь лоб шириной в ладонь, чтобы это понимать. Однако ей казалось, что никого, кроме неё, назревшая проблема вообще не волнует. Разве что заставляет строго придерживаться устоявшихся норм и законов.

Погружённая в нелёгкие политические проблемы — решать которые её никто не приглашал — она рассеянно водила глазами окрест. Утро выдалось погожее, настроение пока никто не испортил. В поднебесье надрывалась какая-то пичуга — её щебет был подлинным гимном полученному шансу вылупиться и жить.

Мордатый раззадорился и весело трюхал по дороге размеренной рысью. Вскоре он стал прибавлять шаг — Руана не сразу и услышала, что позади их кто-то догоняет. Поскольку разбойников вблизи цитадели и столицы не водилось, она даже оборачиваться не стала. Кому надо, объедет. А сама с дороги больше ни за что не сойдёт — хватит с неё на сегодня благоденствия и манер.

Что произошло дальше, она так и не поняла. Даже придя в себя после падения на землю. Верней, именно придя в себя, она меньше всего заинтересовалась причиной катастрофы. Упала и упала — последствия её оглушили гораздо больше самого падения.

— Этого не может быть, — прошептала она, очнувшись.

И осознав, где находится. Что важнее: кто она. Точнее: кто она теперь. Потому что раньше её звали Ольгой. Ольгой Тумановой. Двадцати пяти лет отроду. Ещё точнее: прожившей всего двадцать пять лет — здешние года отчего-то в зачёт не пошли. Поначалу.

Перед внутренним взором отчётливо маячило искажённое лицо пьяной мачехи. И скабрезно ухмылявшаяся рожа её очередного хахала. Которого ревнивая любовница застала за паскудной изменой: тот пытался облапать ненавистную падчерицу. Её, Ольгу.

Она с детства не позволяла этой суке себя обижать. Впрочем, пока был жив отец, двуличная гадина ещё держала себя в руках. Стиснув зубы, изображала нормальную мать, лишь изредка срываясь на мелкой падлюке — как однажды услышала Ольга в свой адрес. Но год назад отец умер...

Год назад — окончательно прихлопнуло Руану осознание случившегося. Если присовокупить это фантастическое перерождение, получается, что отца нет уже семь лет. А в её дважды... нет, трижды ушибленной башке образы обоих отцов странным образом слились в единый.

Надо же — поморщилась Руана, пошевелившись и ощутив в затылке зверскую боль — она прекрасно помнила удар по голове там, дома. За мгновение до того, как выключилась.

Значит, мачеха её убила. Тварина бессердечная!

В тот же момент в этом мире девочка по имени Руанаина Таа-Лейгард сверзилась с быка. И, видимо, почти с тем же результатом. Хотя ей повезло больше: из неё, как говорится, лишь дух вышибло. Чтобы сознанию Ольги было куда приткнуться. Знать бы ещё: какими путями-дорожками она вновь стала новорожденной?

— А ты дёргался, — приятным снисходительным баритоном прогудело над её головой. — Она уже пришла в себя. Но выделяется: видать, нам назло. Таария, ты бы открыла глаза. А то моего друга Урха сейчас надвое порвёт.

Урха? Слово показалось смутно знакомым. Руана пошевелила отбитым мозгом и вспомнила: кличка Радо-Яра. Значит, это он её нагонял. И что? Сбросил на землю? Пытался убить? Бред!

Если бы назл хотел кого-то прибить, еле живое тело тут бы не валялась — шевельнулась она, проверяя себя на дееспособность. Причём явно в чьих-то объятьях. Жёсткая рука сдавливала плечи с таким энтузиазмом, словно пыталась выдавить из неё кишки, как пасту из тубика. Вторая рука — с твёрдой мозолистой рукой — бестолково шарила по её голове. Видимо, в поисках повреждений.

— Руана, — мрачно и чуть обиженно просипел Радо-Яр, слегка её встряхнув. — Открой глаза. Это не шутки.

— Не тряси, — с трудом разлепив высохшие губы, попросила она. — Больно.

— Где? — не скрывая, тревожился он.

— Голова. Что случилось?

— Ты упала с быка, — пояснил баритон. — То ли заснула, то ли просто дура.

— Почему? — удивилась Руана.

— Потому что скакун не предназначен для того, чтобы спать в седле, — получила она резкую отповедь Радо-Яра.

— Я не спала, — обиженно возразила она.

— Глаза открой! — резко потребовал он.

И веки поспешно распахнулись, словно только и ожидая команды. Но тотчас схлопнулись: солнечный свет плеснул в глаза кипятком. Слёзы выкарабкивались из-под ресниц и неуверенно ползли по щекам, будто боялись, что назл их тоже прикончит.

— Ладно, не открывай, — разрешил тот. — И ничего не бойся. Сейчас мы тебя поднимем в седло и отвезём домой.

Руана кивнула и...

Снова отключилась — поняла она, очнувшись уже в постели. И первым делом напомнила себе: я Ольга. О чём уже никогда не забыть, вернувшись в прежнее безмятежное существование. В сущности, оно было именно таким — несмотря на проблемы с Ати...

Ати! Готовая расплыться, будто лужа под ногами, психика моментально мобилизовалась. У неё теперь есть сестра. А не этот гадёныш — сын мачехи — который всюю помогал мамаше отравлять жизнь сводной сестрице. Нет, её Ати чудная девочка — просто ангел. И старшую сестру обожает...

Её нужно спасать! А не валяться тут, как куча дерьма в заброшенном загоне.

— Очнулась? — придиричиво проскрипела кормилица.

И на лоб опустила её тёплая рука.

— Урпах! — так неестественно пылко обрадовалась Руана, что сама испугалась.

— Ничего, детка, — сухо успокоила та. — С тобой всё в порядке. Не померла и ладно.

Руана осторожно приоткрыла глаза:

— Не померла и ладно? Мамушка, чего ж так неласково?

— Это ещё ласково, — угрожающе прокряхтела суровая старуха. — Вот погоди: одыбаешь, я с твоей задницы семь шкур спущу.

— За что? — машинально поинтересовалась она, осторожно вертя головой.

Под черепушкой ничего не болело.

— Кстати, кто меня принёс? Радо-Яр?

— Наш хозяин, — вздохнула и разом помягчала кормилица.

Поплескала руками в стоящем на столе тазу. Вынула тряпку, отжала и плюхнула на лоб болящей:

— Встретил того упыря у загонов и отнял тебя. Даже драки учинять не стал: сразу домой потащил. Лекарей нагнал. Вон, какого богатства тебе натаскали, — усевшись на край постели, кивнула она в сторону стола.

Там стояла целая куча глиняных и дорогих стеклянных пузырьков.

— Я это жрать не буду, — скуксилась Руана. — Отравят ещё. У меня желудок не железный.

— И не надо, — подозрительно покладисто согласилась Урпаха. — Сама полечу. Не впервой. А ты на эту скотину Мордатого больше сроду не сядешь. Я его на мясо сдам.

Угроза была дежурной, многократно повторяемой — Руана пропустила её мимо ушей. На повестке стоял более важный вопрос:

— Мамушка, я сегодня обязательно должна попасть на приём.

— К императору? — придирчиво уточнила та. — С чего такой зуд? — и вдруг выдвинула ультиматум: — Пока всё не расскажешь, никуда не пойдёшь. А то и вовсе отцу отпишу. Пускай тебя домой забирает.

Поскольку ультиматумами кормилица никогда не злоупотребляла, Руана относилась к каждому со всей серьёзностью. Старуха у неё кремень: сказано — сделано. Даже отец её попугивался. Выхода нет: придётся колоться.

И Руана выложила всё, что знала, думала, задумала и успела насвершать. Ждала отповеди и даже скандала. Но Урпаха осталась верна себе:

— Нашу девочку нужно спасать. Тут никаких таких... всяких быть не должно. Только верно ли ты поняла, что происходит? А пуще того: что произойдёт. Откуда такая уверенность, что император на нашу Ати позарится? У него шалав больше, чем выпавших волос. Только пальцем помани: всю его кровать заполонят. Так пленницей и сложатся. Зачем ему деревенская простушка? Ох, что-то наши добрые хозяева мудрят.

— Почему ты так думаешь? — не слишком прониклась Руана её предосторожностью.

— Больно добрые! — отрезала кормилица и вдруг пошла на попятный: — На приём ступай. Если чувствуешь, что ноги пойдут. Станет дурно, так небось Викрат обратно притащит. Не помрёшь. А там смотри в оба. И не на мужиков, а на этого похабника... единственного. Чтоб ему пусто было!

Единственным в этом мире обзывали императора, как на Земле всяким царям-королям говорили: ваше величество. Почему так? Потому что он и был единственным. Хотя его и не назвать неповторимым: императорский талант добросовестно тиражировался в потомках.

— Платье я подготовила, — проворчала Урпаха, поднимаясь с кровати, и вдруг озорно хмыкнула: — А здорово оно вышло! Вроде скромней скромного, а поди ж ты. Глаз так и

притягивает. Это у меня-то, у старухи. У мужиков так и вовсе повыскакивают. Так, глядишь, императору и наша Ати не глянется: по тебе все глаза проглядит. А уж мы с тобой отобьёмся, — пригрозила она пустому пространству, тряся кулаком. — Нас голыми руками не возьмёшь.

Руана открыла рот, чтобы поддакнуть... Да и закрыла. До неё вдруг дошло: она вспомнила себя прежнюю, но Ольгой больше себя не ощущает. То есть, абсолютно. Будто и не было тех двадцати пяти лет подлинной жизни...

Стоп! А чем она сейчас не подлинная? Ей и здесь приходилось расти да взрослеть. Учиться, бороться за право на самоопределение. К тому же этот мир был несравнимо добрей. Здесь отец не просто любил её, но и давал это почувствовать. Не смотрел сквозь дочь, как сквозь мешающий видимости туман.

Здесь мачеха кривилась на каждый её выверт, но просиживала ночи напролёт, когда Руана заболела. Беспокоилась о её нарядах, манерах, будущем. Пыталась научить всему, что, по её мнению, могло защитить дурочку от неприятностей. Собственно, по-своему любила брыкливую малолетку. Про Ати и говорить нечего: немислимый подарок судьбы. А Урпах?

Вот и получалось, что именно эту жизнь душа стремилась считать единственно подлинной. А Руана и не думала противоречить. Тем более что даже мысленно так и не называла себя Ольгой.

— Рожу-то мазать станешь? — возясь у подставки с обновлённым платьем, осведомилась кормилица.

Руана хихикнула, вспомнив местную моду на макияж. Который бывал двух видов: стопроцентная шпаклёвка всех открытых участков тела и полное отсутствие таковой. Даже юные барышни грунтовали лицо сплошной маской, если насчитывали на нём больше трёх изъянов. И не выглядели при этом смешными, ибо это для аборигенов в принципе не смешно.

Поверх грунтовки наносились не только брови, румянец и губы. Местные модницы рисовали на лбу и висках целые картинки: бабочки, цветочки, мотылёчки. Существовала такая профессия: мастер красоты. Ибо рисунки и впрямь красивы: тонкая работа, со вкусом подобранные краски. Можно сказать, смываемый татуаж, нанесение которого отнимало уйму времени и кучу денег.

Она, конечно, нанесёт вечерний макияж — покосилась Руана на платье. И даже не слишком отступит от моды, дабы не превратиться в посмешище, что придворные дамочки тотчас ей организуют. Пускай подавятся! Но сегодня Руанаина Таа-Лейгард скажет новое слово в вопросе покупной красоты.

В приготовленной служанками ванне болезненная слабость, вызванная падением с быка, окончательно прошла. Кормилица вылила туда целый горшок заваренной травы — вот и полегчало.

Настолько, что руки уверенно держали тонюсенькую кисточку, которой Руана создавала истинный шедевр.

Веки в местном макияже оставались неприкосновенными: их не размалёвывали под хохлому. Она же пошла привычным путём. Провела под бровями серебристые полоски — чудовищно дорогая краска! Навела традиционные стрелки — поверх проложила зелёные линии, уходящие на виски. Изящные веточки, на которых распустилось по три аккуратных листочка. И одна серебристая ольховая серёжка.

— Ишь, ты, — одобрительно покивала Урпах, — а хорошо вышло. Не чучело размалёванное, а... вон как живенько. А мордень чего не законопатила?

— Ты же знаешь, что не люблю, — вертя головой перед зеркалом, оценивала Руана результат.

Она, конечно, не Шишкин, так и сосновый лес на лице не поместится. А простой листочек даже ребёнок намалюет.

— Губы всё же чуток оживи, — высказала Урпах критическое замечание продукта своей цивилизации. — Вон какие бледненькие.

Если бы губы Руаны увидели её прежние соплеменницы, похвалили бы: аккуратно покрашены. Розовые, сочные. А у местных, если не пылает кумачом, так и губ нет. Она оставила их, как есть. И без того размалёвана — дальше некуда.

Сборы на бал закончились неожиданно быстро. Всё остальное время Урпах чесала ей волосы, умиротворяюще действуя на готовую к приключениям... задницу. Руана млела и раздумывала о том, как заметно изменились её мысли с момента прозрения. Вернувшаяся Ольга привнесла в лексикон море забытых словечек и понятий, которые могли бы повергнуть аборигенов в шок.

Зато стало понятно, откуда в ней этот бунтарский дух, чуждый благовоспитанной барышне. И совсем уж запредельная нескромность. Нужно поосторожней с этим сомнительным багажом — предостерегла она свою нынешнюю дворяночку. А то запишут в ведьмы и утопят — с колдовством здесь строго. Это в мире магии. Кино и немцы.

— Почему бы тебе не поговорить с этим Радо-Яром? — приставала она к Викрату, нимало не заботясь о том, что её суетливая походка роняет репутацию столбовой дворянки. — Два умных человека всегда сумеют договориться. Если не законченные идиоты.

Они медленно приближались к замку, все окна которого просто лопались от света. Не считая верхнего этажа с личными покоями императорской семьи. Ну да, для кого там жечь свечи? Сегодня ежемесячный малый императорский приём: замок аж стонал от наплыва гостей. На следующем таком празднике монарху и представят Ати с Юбейном.

Так что Руана намеревалась всё тщательно запомнить: кто, что и как будет делать? Кому что позволено? Кто и как полезет наперёд? Куда можно спрятаться тому, кого излишнее внимание не устраивает? Словом, она отправлялась на самую настоящую разведку. И печальный опыт предыдущей попытки сделаться лазутчиком её ничуть не смущал.

— Видимо, — лениво отбрёхивался Викрат, удерживая её руку на своём локте, — мы именно пара идиотов. Потому что не способны даже просто поговорить. Когда я вижу этого кабана, испытываю одно желание: воткнуть ему в живот что-нибудь острое.

— Ты замахнуться не успеешь, как она тебя порвёт, — язвительно предрекла Руана, ударив нарывавшегося придурка кулаком в лоб. — Проще и безболезненней самому броситься в пропасть.

— Думаешь? — весело хмыкнул этот остолоп.

— Знаю, — авторитетно заявила она. — А что касается Багены... Это не такая уж великая проблема, как её расписывают. Понятно, что трудней всего приходится первому, кто отважится перевернуть традиции с ног на голову. Тем, кто последуют за первопроходцами, будет всё проще и проще.

Прецедент — мысленно усмехнулась Руана — обладает несокрушимой силой двигателя прогресса. Так их учили в универе, который она бросила ещё на первом курсе. Пожалела, конечно, да выбор был невелик: либо учиться, либо не сдохнуть с голода.

Отец категорически воспротивился выбору дочери и кормить её отказался. Устраивал повсеместные долгоиграющие демонстрации отчуждения. Всё норовил её согнуть, да перестарался. Когда пружину разогнуло, так хлестнуло его по гордости — Руане до сих пор стыдно за всё, что она тогда наговорила.

И за то, что ушла из дома на долгие пять лет. А вернулась не к сильному, самоуверенному мужчине — к замкнутому больному старику. Мачеху обвиняла: мол, та его убила своей нестерпимой стервозностью. А сама-то где была? По сути, там же: помогала его убивать.

— Я готов стать первым, — твёрдо, однако без особой надежды в голосе поделился Викрат.

— Всё дело в ней?

Руана подумала-подумала и пообещала:

— Я попробую переубедить Багену. После знакомства с её семьёй. Чтобы не наобещать тебе несбыточного. Если пойму, что там всё безнадёжно, попробую тебя соблазнить.

— Это ещё зачем? — с дурашливой опаской поинтересовался он, демонстративно отстранившись от полоумной девицы.

— Вдруг ты в меня влюбишься? — деловито пояснила она тоном лекаря, понятия не имевшего о нервной системе человека, однако обладавшего снадобьем от всех болезней.

— В тебя? — иронично переспросил Таа-Дайбер, искоса оглядев спутницу с ног до головы. — Это вряд ли.

— Потому что я некрасивая? — придиричиво уточнила Руана, ущипнув хулителя своих несомненных прелестей.

Во всяком случае, этот профессионал-оценщик женщин признал её несомненный успех в деле радикализации дресс кода. Она переиначила и поправа всё, что оказалось по силам. И было обеспечено подручным материалом.

В моде пышные юбки с такими же пышными рукавами? На ней всё облегает элегантно. В моде всё яркое и пёстрое? Она однотонно зелёная, как жаба. В моде лица-маски? Плевать она хотела на эту чушь: будет носить своё натуральное. В моде открытые до самых сосков плечи? Ну-ну.

Дайте только добраться до бальной залы. И сбросить с плеч то, что осталось от серебряной меховой накидки.

— Потому что слишком умна для меня, — вдруг на полном серьёзе пояснил Викрат. — По-настоящему умна. И отнюдь не по-женски. А для меня это чересчур. Я предпочитаю что-нибудь попроще.

— Слушай, — впервые пришло ей на ум, — ты считаешь, что меня вообще никто не возьмёт?

— Он должен быть слишком самоуверенным смельчаком, — всё так же сосредоточено и вдумчиво развил Викрат свою мысль. — Иначе не выдержит твоего превосходства. Начнёт тебя поколачивать. А закончит тем, что убьёт.

— Прелестная перспектива, — скусилась Руана, впервые почувствовав нешуточность сей проблемы. — Что же мне, вообще замуж не выходить? Или за какого-нибудь безрукого калеку? Чтобы не занимался рукоприкладством. Заодно уж безногого: чтоб не запинал.

— Выходи сразу за безголового, — вовсе не шутя, пошутил он.

— А это мысль, — согласилась она.

Представив почему-то Яр-Турана. С чего бы? Тот вовсе не дурак. Далекое не дурак —

даже не пыталась она предаваться самообману. Самоуверенный смельчак? Вот это ближе.

— И всё-таки я поговорю с Багеной, — пробормотала Руана, отгоняя идиотскую мысль о назле.

— Поговори, — легко согласился Викрат. — За это тебя не убьют.

Так, мило болтая о насущном, они и добрались до празднично галдящего замка. Верней, пробрались к нему сквозь череду подъезжающих и отъезжающих возков. На крыльцо подниматься не стали — Викрат увлёл её в сторону. Они долго обходили громадное длинное здание, выкроив себе лишнее время для беседы. И вошли внутрь через боковые двери для прислуги.

Зато свободно: никто вокруг не мельтешил и не лез с дурацкими разговорами. Едва об этом подумав, Руана заметила впереди в ярко освещённом широком коридоре знакомую фигуру. Среди толпы снующих туда-сюда слуг.

— Радость моя, — затрясла она локоть Викрата, — впереди твой враг? Или у меня с глазами беда?

— Это он, — сквозь зубы процедил таар, положив руку на изголовье поясного ножа.

— Только попробуй устроить поножовщину! — прошипела Руана, изловчившись и пнув балбеса по ноге. — Убью!

— Ага, — неопределённо хмыкнул он, однако руку с ножа убрал.

— Какого демона он тут отирается? — пробормотала Руана под нос.

Набросив на лицо маску легкомысленной девицы, у которой одна забота: донести платье до праздника в целостности и сохранности. Викрат покосился на неё и хмыкнул:

— Ты виртуозно изображаешь дуру.

— Всё-таки признал это, — удовлетворённо кивнула она.

Между тем стоявший к ним спиной назл медленно обернулся. Яран, с которым он о чём-то болтал среди всей этой кутерьмы, пристально посмотрел на...

Почему на меня — слегка взволновалась Руана. Почему не на своего врага и мужчину. Что они вообще тут делают? Среди слуг, которые стараются огибать воинов, не коснувшись их даже пальцем. И недовольно косятся на двух гигантов, что впёрлись на их территорию.

Снова здорово — невольно поморщилась она. Сколько раз нужно получить от ворот поворот, чтобы дошло: никого тебе не соблазнить. Ты рожу свою видел? Бывают же такие упёртые.

Свежати́на

— Они нарочно тут, — последнее, о чём успела предупредить Руана перед столкновением.

— Да, — еле слышно выдохнул Викрат и широко нахально улыбнулся: — Вот уж кого не ожидал тут увидеть, так это вас!

— Но обрадоваться не побрезговал, — довольно мирно съязвил второй назл, чем-то неуловимо похожий на Радо-Яра.

— Вы что, братья? — лягнула Руана, выставляя себя этакой переполошённой трусихой.

— Это Пере-Яр, — безукоризненно вежливо представил Викрат незнакомца. — Один из братьев Яр-Туранов.

— Ты угадала, — улыбнулся ей тот.

— Вы похожи, — буркнула Руана, опуская глазки и тесней прижимаясь плечом к жениху. — И непонятно, что делаете здесь. Где вам никто не рад.

Радо-Яр пялился на неё немигающими глазами акулы. Которую она видела на палубе всё-того же единственного в своей жизни корабля, куда её брал с собой отец.

— Но ты, надеюсь, нам рада? — вовсю разулыбался ей Пере-Яр.

Сразу видны фамильные замашки: хоть плюй в глаза — всё божья роса.

— Ты что, со мной заигрываешь? — смастерила она испуганно недоумённое лицо. — Или пытаешься усыпить бдительность?

Он довольно фальшиво хохотнул.

— Рада была увидеться, господа, — пролепетала Руана и потянула Викрата за рукав: — Пошли. Чего встал, как чучело на грядах?

Таа-Дайбер не шелохнулся.

— Чучело? — удивлённо переспросил Пере-Яр, покосившись на хмуро молчавшего брата.

— Я же дикая, — съязвила Руана, уразумев, что её притворство не работает, как надо. — Тебе не донесли?

— Что? — всё больше интереса читалось в глазах собеседника.

— Что я притворщица и стерва. С поганым языком и скверными манерами деревенщины.

Викрат беззаботно хмыкнул и укоризненно покачал головой:

— Дорогуша, веди себя прилично. Иначе верну тебя домой.

— Как домой? — вполне искренно надула губы Руана. — За что? За то, что к нам пристают два... господина, которым я не рада? Где справедливость?

— Не рада? — деланно удивился Пере-Яр. — Как жаль. А я надеялся лично проводить тебя на приём.

— Зачем? — хмуро осведомилась она. — Тебе так приспичило опозориться?

— Я... не имел в виду... — неожиданно растерялся назл.

— А я имела в виду именно это, — оборвав его натужные попытки оправдаться, Руана решила добить подранка. — Не отстанешь, приму твоё предложение. И непременно опозорю тебя на всю цитадель. А если улыбнётся удача, то и на всю империю.

В глазах Пере-Яра сверкнуло нечто трудно опознаваемое: то ли насмешка, то ли гнев.

— Пошли уже! — зашипела на жениха деревенская грубиянка, вновь трясая того за рукав. — Мне это надоело. Иначе заору, что меня насилуют. Все трое не отмоетесь.

— Увы, — развёл руками таар, иронично наблюдая за тем, как всё больше мрачнеет рожа врага. — Она может.

И назлы расступились, перебросившись многозначительными взглядами.

— Ой, только не устраивайте кровопролития перед моим первым приёмом, — с отнюдь не картинной досадой прошипела Руана, проходя мимо. — Потом убьёте. Завтра.

— Милости прошу в гости, — радушно пригласил Викрат посетить место их будущего преступления. — Буду рад избавиться от этой жужелицы чужими руками.

Преодолев неожиданное препятствие целыми и невредимыми, они переглянулись. Таа-Дайбер нахмурился и удивился одновременно:

— Что это со мной? Ты заразила меня своим нахальством.

— Ты его сам где-то подхватил, — резонно возразила умная начитанная девушка и полюбопытствовала: — Почему жужелица?

— Не знаю, — перестал хмуриться, но не перестал удивляться Викрат. — В голову пришло. Кстати, удачно. Нарочно бы не придумал.

— Кстати, тебе не кажется, что меня нужно было как-то подготовить к приёму?

— Зачем? Ты и сама прекрасно опозоришься. У тебя на это дело природный талант.

— А что с наказанием за шалости? — озабоченно уточнила Руана.

Шутки шутками, а могут быть и плети. Зарвавшегося придворного вполне могут высечь. Даже даму. Суровые времена — суровые нравы.

— Дорогой, а когда тут в последний раз выпороли женщину?

Вопрос задала машинально, и никак не ожидала такого ошеломляющего ответа:

— В день нашего приезда.

То есть не триста лет назад, даже не сто, а буквально только что. Вот уж охладили пыл, так охладили. Придётся его померить, когда полыхнёт в следующий раз.

— И кого? — на этот раз реально испугалась Руана.

Ладно сама экзекуция: поболит и пройдёт. А вот как после этого показываться на глаза?

— И кому так повезло? — с замиранием сердца уточнила Золушка, направляясь на бал, торопиться куда отчего-то расхотелось.

— Малютке Лагú, — прямо-таки просмаковал ответ зловредный придворный.

— Императорской малютке?

— В цитадели все малютки исключительно императорские.

— погоди, — встрепенулась Руана, отложив страхи на потом. — Ты же рассказывал о трёх его малютках. Не надо меня путать: я сама запутаюсь.

Викрат хмыкнул, оценив шутку, и пояснил:

— Она моя ровесница. Ещё одна фаворитка.

— То есть, родила императору сына? А за что её выпороли?

— За наглость, — покривился он. — Император не питает и никогда не питал к супруге нежных чувств. Но никогда никому не позволит оскорблять свою императрицу. Она мать его старших сыновей и настоящий друг. Мстира умрёт последней, перед тем, как прикончат нашего миролюбивого монарха.

— Надо же, — пробормотала Руана, пытаясь представить богатыршу императрицу на куче трупов поверженных врагов.

А за её спиной унылого бабника, обещающего Создателю: мол, если выживет, точно

завяжет с распутством. Впрочем — вспомнила она — именно сам беспутный муженёк и есть последняя защита семьи. Превращающий мозги врагов в кисель. Да, картинка не складывалась. Во всяком случае, не такая прикольная.

Слово за слово — они добрались до центрального холла. И не стали вываливаться туда с разбега: Викрат сначала аккуратно выглянул за дверь. В тот момент, когда наружу выплывали слуги с подносами. Не изящными серебряными, стоящими на элегантно отставленной руке в белой перчатке. С натуральными огромными деревянными корытами, набитыми едой, что называется, с горкой.

— Много народа? — пихнула Руана кулачком своего провожатого.

— Как обычно, — пожал тот плечами и осведомился: — Готова?

— Я к этому никогда не приготавлиюсь, — процедила придирчивая Золушка. — Поэтому пойду неготовой.

Викрат прыснул и подал ей руку:

— Не желаешь сбросить свою накидку?

— Рано, — отрезала Руана, сосредоточенно стряпая бесстрастное лицо законченной пофигистки.

Каковой вовсе не была. И страшно волновалась: как всё пройдёт? Получится ли претворить свой план в жизнь? Или та самая жизнь полетит кувыркком под откос? Она, конечно, постарается — главное: не перестараться.

Их появление заметили сразу. Во-первых, господин Таа-Дайбер младший не последний при дворе человек. Любимчик женщин и самого императора: такой всегда на виду. Во-вторых, он привёл свою... то ли невесту, то ли не пойми что. В-третьих, протащил её через помещения прислуги — а этот прохиндей ничего не делает просто так.

Холл был практически пуст: все приличные люди явились на праздник без опоздания. Тем не менее, Викрат спокойно топал к парадным дверям зала приёмов. И Руана подстроилась под этот размеренный шаг знающего себе цену мужчины.

Перед самыми распахнутыми настежь дверями она повела плечами. С них упала закреплённая на локтях накидка, мягко обняв бёдра.

— Неплохо, — похвалил её опытный завсегдатай приёмов и балов.

Ещё как неплохо — поддержали его взгляды мужиков, которым досталось место у самого выхода. Выпендривается — возражали нарочито презрительные взгляды торчащих рядом спутниц. Подумаешь! Я бы тоже так смогла! Если бы сообразила, что и так можно.

Будто никуда и не переселялась — мысленно усмехнулась Руана, услышав первые возгласы тех, мимо кого уже проплыла. Восторженные мужские и ядовитые бабские. Те негромко зудели, осуждая и насмехаясь — последнее не слишком убедительно.

— Сработало, — одобрительно отметил Викрат, непринуждённо шагая к тронам у противоположной стены.

Руана внимательно разглядывала так называемое место сосредоточения власти. Раньше-то лишь в кино и видала. А тут живой император. Кстати, вполне интеллигентный с виду мужчина средних лет. С густой тёмной шевелюрой по плечи, в которой уже искрится седина. С усами и бородкой.

Главное, с умными глазами, в которых ни капельки неприличного интереса к свежатине, поставленной к его двору. Он вовсе не разглядывал новенькую, оценивая её экстерьер. Смотрел чётко на лицо, ловя взгляд первой при дворе таарии. Во всяком случае —

как пояснил Викрат — за последние лет тридцать.

Одежда венценосца вовсе не поражала великолепием. Обычные тёмные свободные бархатные штаны — такие тут на каждом втором. Обычный камзол того же бархата. Правда, на широких рукавах какая-то вышивка золотом, но весьма скромная — даже изящная.

На груди опять же вполне обычное золотое украшение, разрешённое к ношению лишь для магов: дарометка. Что-то вроде широкой гривны славянских князей. У мужчин из сплошных пластин золота или серебра. У женщин нечто ажурное — некоторые дарометки просто шедевральные вещицы.

Единственным отличием императорских дарометок было наличие на них драгоценных камней. Причём не огранённых, а совсем старых, шлифованных. Больше похожих на разноцветную гальку. Вроде бутылочного стекла, обработанного прибором: понятно, что драгоценности, но вид примитивный.

Рядом с венценосным супругом на низком подиуме с тронами восседала императрица. Очень красивая женщина с невероятно синими глазищами. И темноватыми для северянки волосами, заплетёнными в две простые косы. Хотя и непросто перевитыми жемчужными нитями. Возраст государыни под стать мужу: сорок с копейками. Но кожа отменно чистая — издали не видать ни единой морщинки.

Однако самое потрясающее в этой женщине то, что она подобно братьям овладела всеми тремя техниками использования ДАРА. Тоже назл — верней, назлия. Трудно представить, сколько нужно корячиться, чтобы добиться почти недостижимого. Уж для женщины точно.

Ей приписывают многочисленные любовные похождения, а у Руаны в голове сплошное недоумение: когда ей? Чтобы стать назлией, она должна была тренироваться сутки напролёт. Да и сейчас немногим меньше, дабы поддерживать форму. Откуда время и силы на любовников? Уникальная женщина. Ещё толком не зная её, Руана прониклась искренним уважением.

В том числе и за выбранное императрицей платье: почти такое же, как на Руане, только бардовое. Никаких голых плеч и титек наружу. Ни бабочек, ни цветочков, ни мотылёчков — строгость и достоинство. Вышивка, как и у супруга, золотая, но скромная. Шикарное платье!

— Наконец-то, — чертовски приятным баритоном похвалил император опоздавшего на приём любимчика Таа-Дайбера. — Некрасиво с твоей стороны так долго прятать от нас свою находку. Я ещё отругаю Таа-Лейгарда за то, что скрывал свою необычную дочь.

Викрат остановился у края подиума и приложил к груди ладонь, склонив голову. Руана повторила жест приветствия, вдруг ни с того ни с сего опустив глаза долу. Ни дать ни взять напуганная боярышня, которую впервые выпустили из наглухо забитого гвоздями терема.

— Ну, точно притвора, — удовлетворённо поделился с супругой добродушный с виду монарх. — Как нам и рассказывали.

— Значит, есть причина, — пожалала та плечами. — Каждый защищается, как может. Руана, повернись-ка.

— Зачем? — не понял император.

— Хочу посмотреть, что так сразило всех, кто видел её спину. Дорогуша, у тебя ведь нет хвоста? — насмешливо уточнила императрица.

И Руана, позабыв про самоконтроль, хмыкнула. Хорошо хоть издевательский взгляд умудрилась не продемонстрировать: а то примут на свой счёт, и прикажут выдрать, как сидорову козу. Так что спиной к монархам она повернулась, всё так же пялясь в пол. И

выставив напоказ вырез, оголявший спину почти до талии.

Слишком закрытое — на вкус придворных — чуть ли не монашеское платье таило подвох.

— Вот это да! — восхитился неутомимый поклонник женских прелестей, хлопнув себя по коленям. — Удивила, так удивила!

— Оригинально, — одобрила государыня свежее слово в моде. — Думаю, уже завтра половина дам бросится кромсать платья. Но, полагаю, не каждая додумается нарочно подставлять спину солнцу.

— Точно, — озадаченно поддакнул её более поверхностный супруг. — Мне бы и в голову не пришло.

— А нашей дорогой тарии пришло, — многозначительно акцентировала императрица.

Вообще-то, не пришло — мысленно возразила Руана — а само собой разумеется. Если у тебя загоревшее на солнце лицо и такие же руки, то белая спина будет выглядеть нелепо. Дома на Земле это знает каждая соплюшка, научившаяся говорить, не картавя. Поэтому она периодически выползала на крышу нового отчего дома и заголялась. Теперь её загар безупречен.

— Да уж, наслышан, — облокотившись на левую руку и подперев ею щёку, задумчиво молвил император. — Руане Таа-Лейгард приходят в голову удивительно смелые мыслишки. Порой прямо-таки парадоксальные. Интересно, кто её такому научил?

— Главное: зачем? — продолжала гнуть своё слишком умная императрица. — Дитя, что ты застыла? Повернись уже. Неприлично стоять к нам спиной.

Руана послушно развернулась.

— И заканчивай со своими ужимками, — приказала императрица. — Подними глаза. Скромница выискалась. Поздно изображать невинность. Все только и говорят о твоей неповторимой наглости. И остром язычке.

— Поклёп! — вырвалось у Руаны, напугало её до колик и заставило поспешить с оправданиями: — Единственная, я не могу быть наглой.

— Почему?

— Потому что наглости вообще не существует, — как бы ненавязчиво удивилась Руана. — Ею обзывают абсолютно всё, что в тебе не устраивает других. Так что невозможно иметь то, чего просто нет.

Заржали все, кого тянуло это сделать от души — включая монарха. Подхихикивали и всякие подхалимы, торопясь лишней раз продемонстрировать благонадёжность — что никогда не лишне. Краем глаза Руана заметила, что были те, кому её выступление не показалось смешным.

Ну, со стоящей около государыни троицей братьев понятно: если хотя бы одному Яр-Турану совсем не смешно, остальным тоже лучше воздержаться. Хотя Пере-Яр не удержался от воровской усмешки: скользнула под усами и пропала. Радо-Яр всё так же мрачно щурился на языкатую таарию: то ли дулся, то ли строил планы мести.

— Мстира, что скажешь, — вдосталь нахохотавшись, обратился к супруге император.

Та, кстати, тоже не смеялась: просто улыбнулась одобрительно. Эта улыбка так и застыла на её губах. А глаза задумчивые... И что-то от той задумчивости как-то не по себе — почуяла Руана невнятную тревогу.

— Скажу, что девочка и впрямь необычная, — медленно молвила императрица, глядя не в глаза Руане, а куда-то сквозь них.

— Таария, — напомнил ей муж.

— Не в этом дело, — пробормотала назлия, раздражая Руану своим загадочным видом.

Вон и монарх посуровел. Покосился на свеженькую девицу строгим взглядом блюстителя и оберегателя. Ну, давайте — окрысилась она — насторожитесь и обследуйте занятную зверушку. Не хватало ещё попасть в разряд опасных тварей, которым не место в доме. В лучшем случае, в клетке на заднем дворе. Просто замечательное начало — хуже не придумать!

— Знаешь, — прикрыв ладонью руку мужа на подлокотнике, решительно заявила императрица, — я забираю её себе.

Монарх внезапно набычился. Стряхнул её руку и сухо осведомился:

— А, почему ты? Может, она обладает талантом, который и мне пригодится. Кстати, а что у тебя за талант? — он выпучился на Руану, обнаружив пробел в знаниях.

— Не знаю, — соврала она с таким растерянным видом, что сама удивилась скорости своей реакции. — Никогда не обращалась к ДАРУ.

— Почему? — явно не поверила назлия.

— Нужды не было, — удивлённо вытаращилась Руана.

После того, как память вернулась, она стала врать с неподражаемой виртуозностью профи. С такой лёгкостью и так искренно — сама себе верила. Всё-таки и мачеху есть за что поблагодарить. Если бы не та скотская жизнь, которую лживая стерва устроила ей с первых дней совместной жизни, откуда бы взяться такому мастерству? Воистину: спасибо за науку.

— Отец тебя очень любит? — понимающе кивнула императрица, почему-то обратив взор на молчавшего Викрата.

— Не то слово, единственная, — спокойно подтвердил тот. — Таа-Лейгард души в своей дочери не чаёт. Никогда не видел таких отношений между женщиной и его дочерью. Кто на них вообще обращает внимание? Девчонки! — нарочито пренебрежительно процедил он, вызвав в притихшем зале смешки.

— Ну, по всему виду, с этой девчонкой просто интересно, — философски заметил император. — Говорят, она даже слишком умна.

— Поклёп? — насмешливо уточнила у таарии его супруга.

— Поклёп, единственная, — полным смирения голосом чирикнула она.

И вновь всех развеселила. Если так пойдёт дальше — подумалось Руане — она у них тут заделается профессиональной клоунессой. Деньги что ли за это брать? Озолотится же!

В принципе идея прислониться к самой императрице ей понравилась. Всё-таки покровительница с самым высоким статусом в империи — это вам не директор супермаркета, который угрожает выкинуть тебя с работы, если не раздвинешь ноги. И обещает гору премий, если проникнешься его интересами.

Однако эта соблазнительная мыслишка не успела согреть сердце. Как раз в этот миг рука императрицы поднялась и нащупала руку стоящего рядом брата. И не любого из троих, а именно Радо-Яра. Сестринское пожатие было кратким, лёгким и полным скрытого значения. Во всяком случае, именно это Руана и увидела.

Сговор? Всё может быть. Викрат предупреждал: вся эта семейка назлов связана накрепчайшими пламенными чувствами единения и взаимопонимания. Ну, и какого чёрта ей сдалось такое опасное покровительство? Братцы на куски её порежут, а сестрица объявит: не было такого. И кому люди поверят? Своим лживым глазам или её монаршему честному слову? Приплыли.

Только сейчас Руана заметила, что взгляд Радо-Яра приклеился к ней намертво. Так и буровил, так и пронзал. Сделал бы дыру — не будь она так бессовестно невнимательна. Столько стараний псу под хвост — посетовала она, адресовав ему ответный насмешливый взгляд.

Который тут же перехватила императрица, прищурившись на мутную девицу в их семейной манере. По одному этому прищурю можно опознать их родство. И навсегда заречься иметь дело с высокопоставленной семейкой.

— Я забираю её себе, — таким тоном повторила назлия, что император посмурил ещё больше.

Однако возражать не стал: народ и без того не сводил глаз с происходящего. Тишина в зале стояла гробовая: боялись пропустить хоть словечко.

И тут Руана почуяла шанс заранее избавиться от многих грядущих хлопот. Как проще всего выжить маленькому человечку? Стать интересным двум большим и сильным конкурентам. Сразу обоим. Ни один из них не захочет уступить другому — это возможность хоть как-то лавировать в относительной свободе действий.

— Единственная, прошу меня выслушать, — с невозмутимым достоинством молвила высокородная дева, которую тоже не под забором нашли.

Императрица благосклонно кивнула.

— Единственная, я не могу стать придворной дамой. Мой отец не давал на это ни своего согласия, ни благословения. Более того: как раз сейчас он решает мою судьбу, — демонстративно покосилась она в сторону фальшивого жениха.

Боялась, что Викрат её выдаст невовремя вздёрнутыми бровями. А то и вовсе предательскими возражениями: врёт, не слушайте поганку! Но тот лишь вежливо склонил голову, подтверждая слова отданной на его попечение невинной девы.

— Вот как, — весьма спокойно приняла отказ назлия. — Это меняет дело. Ты пока, — подчеркнула она, — не сможешь стать моей приближённой.

По зале пронесся ветерок шепотков и завистливых вздохов. Ещё бы! Какой-то деревенской выскочке с навозом между пальцами пожаловали место не третьесортной придворной дамы, подающей королеве панталоны. Даже не старшей придворной, делавшей госпоже маникюр.

Приближённая — это наперсница монаршей особы. По сути, подруга на жаловании. Самый близкий человек — не считая родню. А бывает, что и ближе.

— Но я напишу твоему отцу, — весьма благосклонно пригрозила императрица.

— И я ему напишу, — мстительно пообещал супруге император. — Вопрос с её местом при дворе не решён, — пригрозил уже он.

И кому? Собственной жене-назлии. Силён мужик — восхитилась Руана, приложив руку к сердцу. Она просто не верила ушам: не успела вбить пробный клин, как уже трещины во все стороны. Глаза Радо-Яра прямо-таки горели огнём очищения ведьмы от скверны.

Вот, что называется «довыдывалась». Как бы теперь не допрыгаться.

Колючка

Когда невиданную гостью, наконец, отпустили с миром и предупреждением на будущее, началась процедура благословения. Викрат — как большой придворный чин, имел право стоять почти у самого трона. Куда он и отошёл, освободив центральный проход к монаршей чете.

Само собой, господин Таа-Дайбер утащил за собой и Руану, законное место которой вообще «в хвосте поезда». В связи с чем, по рядам придворных опять пронёсся недовольный ветерок претензий и осуждения.

— Может, я лучше... — попыталась, было, Руана внести конструктивное предложение не бесить без нужды народ.

— Стой, где стоишь, — проворчал Викрат нечто до боли знакомое.

А она что? Ей велели — она исполняет. Стоит, скромненько сложив руки на животе. И во все глаза следит за первой парой, плывущей к тронам с видом балетного принца с его белой лебедью.

В принципе, самые обычные ребята. Жених — расфранчённый таар лет двадцати: симпатичный, томный, ухоженный и благовоспитанный мальчик. Довольно сильный маг — оценила Руана своим новым видением подноготной. А будет ещё сильнее, когда отточит мастерство.

Невеста совсем девчонка: лет четырнадцать-пятнадцать. Ещё толком не оформившаяся в женщину. Но непередаваемо гордо несущая на себе богатейшее расшитое серебром платье с необъятной юбкой и рукавами буфф. Трудно представить, сколько сие богатство весит — бедняжка аж вспотела его таскать.

Как и толстую маску на лице. Она боялась лишней раз улыбнуться, дабы всё эта красотища не потрескалась. Девочка очень симпатичная — возмущалась Руана, хмурясь и кусая губы — юная, со свежей кожей. Что, слишком много ей одной? Нужно непременно её попортить? Превратить в такое же чучело, как завистливые старые тётки. Чтобы всем, как говорится, поровну.

Викрат пихнул скривившуюся критиканку локтем, и Руана спохватилась: натянула на лицо бездушную резиновую улыбочку. Он прав: нечего портить людям праздник, который для них именно им и является. Независимо от твоего просвещённого, однако, никому не нужного мнения.

Его величество встретил молодожёнов благосклонной улыбкой. Можно даже сказать: сердечной — это у него здорово получалось. Молодожёны были сверх меры польщены и смущены.

— Что ж, Таа-Нулат, — с сугубо мужской панибратской снисходительностью приступил к делу император, — ты всё-таки исхитрился раздобыть себе замечательную жену. И красавица, и умница, и отлично обучена вести хозяйство. Так ты, пожалуй, и при дворе больше оставаться не захочешь? Зачем тебе старые нудные ворчуны вроде меня? У тебя впереди самое сладкое времечко.

Одобрительный гул, перемежающийся смешками, показался Руане каким-то неискренним. Хотя в теперешнем её настроении всё искажается, принимая самые неприглядные черты. Нужно прекращать — приказала она себе, стараясь не упустить ни

словечка, ни жеста в происходящем.

— Все нет, единственный, — степенно отвечал мальчик, стараясь выглядеть посolidней. — Я помню свой долг. И дорожу честью служить своему императору.

Между тем, невеста боялась поднять глаза. То ли законченная скромница, то ли не хотела привлечь внимание коронованного сластолюбца. Это она зря — поняла Руана, оценив интерес императора на троечку с минусом. Тебе, милая — внезапно тепло подумалось ей о невесте — точно ничего не грозит.

— Ну, раз так, — тоном благодушного покровителя молвил император, — благословляю этот брак.

Тут Викрат и ещё несколько магов — таары с яранами вперемежку — вышли из толпы к молодожёнам. Обступили их, вынули из ножен свои кортики и подняли вверх. Затем принялись опускать руки так, чтобы кончики лезвий сблизилась над головами молодожёнов. Соорудили нечто вроде защитного конуса. И когда промеж ножей выстрелила невыносимо яркая молния, провозгласили грозным хором:

— Под защитой империи! Отныне и до последнего удара сердца! Смерть тому, кто покусится!

По всей видимости — задумалась Руана — покусится на имущество и честь молодой семьи? В том числе и на юную жену? Тогда как понимать тревогу Таа-Дайберов? Их уверенность в том, что с Ати всё пройдёт не так гладко. Это ж получается, что даже не император, а лучшие мужи отечества берут их брак под свою защиту.

Или все их клятвы лишь для красного словца? Фольклорные танцы с бубном? А против сюзерена ни одна собака не тявкнет?

Пока размышляла и задавалась вопросами, круг потенциальных клятвопреступников разомкнулся. Мужчины вернулись на свои места. К сожалению, не все из них обратно на свои. Радо-Яр, к примеру, не стал вновь подниматься на подиум под крылышко сестрицы. А преспокойно втиснулся в первый ряд придворных и гостей рядом с Руаной. Буквально плечом к плечу с ней.

Её взгляд сам собой переполз на императрицу — та внимательно наблюдала за братцем. И ничуть не удивилась его выходке. Знает о его намерениях с выкрутасами — поняла Руана — и рассчитывать на её защиту бесполезно. Тогда — разозлилась она — и служба этой коронованной крысе теряет всякий смысл. Лучше уж прислониться к самому императору.

Во всяком случае, тот будет постоянно на глазах. Если же Руана завоюет его устойчивый интерес к своей персоне, он может и прислушаться к её просьбе не трогать Ати. Пускай она и ловила себя на мысли, что всё меньше верит в подобный исход. Уж больно надуманной казалась расписанная перед ней угроза.

Как это и случается в жизни сплошь и рядом, благие надежды рассыпались прахом, едва поманив. Первая пара молодожёнов получила весьма сердечное, но лаконичное благословение императрицы, и её сменила вторая. Благодушествовавший прежде император встрепенулся. Встал в стойку, источая глазами дивное сияние незамутнённой совестью похоти.

Эта новобрачная была исключительно красива. К тому же, не настолько глупа, чтобы уродовать себя местной средневековой косметикой. Правда, общий вид слегка портило сквозившее из её глаз нескрываемое высокомерие. Ну, так подобные пустяки видны лишь тем, кому не застит глаза разгулявшееся либидо.

Как императору, который уже мысленно укладывал красотку на своё никогда не пустующее ложе. Представляя, как та будет на нём смотреться. Естественно, в неглиже. До её ли высокомерия категорически занятому мужчине? Тот сейчас и пожара под собственным тронем не заметит. Пока его оттуда не стащат силой.

— Таа-Жуал, а ты... — погрозил он жениху пальцем, расплывшись в дурацкой слащавой улыбке. — Ишь какой бойкий!

— Да, — преспокойно согласилась с разволновавшимся супругом императрица. — Таа-Жуал, твоя невеста редкая красавица. Ты всегда отличался превосходным вкусом.

Жених гордо вскинул подбородок. Невеста, одарила назлию неуместно пристальным взглядом. Он просто дурак — поняла Руана — она же умная дура. Если останутся при дворе, эта девица тут наделает дел. Особенно получив на то некие права в постели сюзерена. Останови её потом, попробуй — отравит и не поморщится.

Если, конечно, государыня-матушка с ней раньше не разберётся. Что-то не похоже, будто фаворитки и прочие подружки её супруга отличаются неудобным характером. Все, как на подбор, какие-то слишком мелкие и не опасные. Суется, носятся с общей свиньёй, подкладывая ту друг дружке. А на подлинную власть...

Нет, замахиваться не станут — уразумела Руана и этот нюанс. Значит, назлия не последний человек в их мелодраматичном раскладе. Кого захочет, тот и станет предметом обожания её любвеобильного муженька. Интересно: почему семейство Таа-Дайберов так искренно уважает своего монарха? Не за корону же на пустой башке. Видимо, в той башке отнюдь не вакуум.

Ритуал с ножами, молниями и клятвами шёл своим чередом, а Руане становилось всё тошней. До неё постепенно доходило, откуда в Таа-Дайберах такая уверенность, что Ати привлечёт их господина. Не его, а её — скользнула она фальшиво рассеянным взглядом по благословляющей молодожёнов императрице.

Именно назлии выгодно подсунуть мужу тихую скромницу отнюдь не сем пядей во лбу. С такой меньше хлопот.

— Ты кого-то собралась убить? — возвращаясь на место рядом с ней, негромко бросил Радо-Яр.

— На лице написано? — изобразив светскую улыбку, заинтересовалась Руана.

— На лице написано? — переспросил назл. — Смешно. Нет, твоё лицо безупречно скучающее. Но в глаза лучше не заглядывать. Так, кого убить собираешься? Не меня случайно?

— Тебя? — изумилась женщина, которой до него нет абсолютно никакого дела.

Конечно, оскорбительно — мысленно посочувствовала она обозлившемуся ярану. А ты не лезь. Тебя никто не звал. Топай к своей сестре, а к вульгарной деревенщине вязаться не надо.

— Ты действительно думаешь, что тебе всё сойдёт с рук? — наклонив к ней голову, холодно процедил оскорблённый мужчина. — Здесь и не такие колючки выдёргивали. С мясом.

Под «здесь» он, конечно же, подразумевал «мы»: мы и не такие колючки выдёргивали. Как мило. В ней что, видят всего лишь безобидную колючку? И чьё мясо имелось в виду? То, что будет выдернуто из чужого тела вместе с торчащей из него колючкой?

— «Действительно» я думаю лишь об одном, — старательно удерживая на губах улыбку,

так же тихо прошептала Руана. — О себе. О своих желаниях и заботах. Если тебя это не устраивает, ничем не могу помочь. Прости, но ты мне вообще-то не отец, не брат, не муж и даже не сын. Назови хоть одну причину, почему я должна о тебе думать. И желать поддразнивать тебя, дабы создавать себе ненужные проблемы. Стесняюсь напомнить: это не я, а ты постоянно попадаешься мне на глаза. Случайность? Не думаю. Значит, нарочно. Так, зачем тебе это нужно? — иронично осведомилась она.

И тут...

Шаря от скуки взглядом по толпе напротив, Руана заметила, наконец, Багену. Та стояла рядом с пожилым яраном в ярко жёлтом камзоле с вычурным шитьём — ни дать ни взять таар. Он пыжился и надувался: по всей видимости, старался, чтобы никто вокруг не забыл, насколько его персона значима.

Она покосилась на Викрата — тот исподлобья пялился на любимую — прямо-таки прилип к ней взглядом. Ярания лишь вскользь зыркала на него: дескать, ничего в той стороне интересного нет.

Решение опасно пошалить родилось и мгновенно выросло до потолка. Руана, притиснувшись к назлу и с открытой насмешкой спросила прямо в лоб:

— Задумал отомстить Таа-Дайберу, навредив мне? Серьёзно? Думаешь, получится? Ты же знаешь, кого он действительно любит. Ему на меня плевать.

— Я видел, — уже открыто усмехнулся тот. — А ты нет.

— Что я не видела? — машинально, вовсе не любопытствуя, уточнила Руана.

— Его лицо, когда я притащил тебя в цитадель. После того, как тебя сбросил бык.

— Мордатый меня вовсе не сбросил, — обиделась она за невинно оклеветанного друга.

— Сбросил.

— Не сбросил.

— Сбросил.

— Чтоб ты провалился!

— Даже не надейся, — насмешливо посоветовал Радо-Яр.

Руана сообразила, что увлеклась и выставила себя идиоткой. Она шумно выдохнула. До доньшка, до последней капли жизни в лёгких. После чего взяла себя в руки и вернулась к моменту, когда разговор свернул на детские препирательства:

— Викрат всего лишь испугался, что господин верховный советник его накажет. А мой отец поможет. Он отвечает за меня головой. Вот и перепугался.

— Ну да, — не поверил Радо-Яр ни единому слову ушлой колючки.

— Даже если ты прав, со мной у тебя ничего не выйдет, — раздражённо отмахнулась Руана. — Кто предупреждён, — вспомнила она кое-что из прошлой жизни, — тот вооружён. Я знаю о твоих намерениях. Неужели ты думаешь, что теперь поверю хотя бы одному твоему слову? И как ты собираешься меня соблазнить?

— Кто предупреждён, тот вооружён, — задумчиво повторил назл. — Неплохо сказано.

И вдруг её рука утонула в его лапище. Где-то в складках зелёной бархатной юбки. Так, чтобы никто не смог подглядеть — поняла Руана, пытаясь аккуратно высвободиться. Стать всеобщим посмешищем на приёме у императора — это чересчур даже для деревенщины. Хотя...

Эх! Потеряла она контроль над собой, ухмыльнулась. Так злорадно, что этот зверюга почувал подвох: отпустил её руку за секунду до того, как она завопила на всю залу. Даже рот успела приоткрыть. А жаль. Интересно было бы посмотреть, как станет его отмазывать

сестрица-императрица. Здесь такие номера не проходят: облапал девственницу — женись. Если, конечно, та не прославилась, как шлюха.

— С чего ты решила, будто я намерен тебя соблазнить? — поинтересовался назл, даже не глянув на третью пару молодожёнов, подошедших к тронам.

— Эту я буду объезжать, пока не сломаю, — процитировала Руана его программное выступление. — И тогда Таа-Дайбер будет вынужден принять мой вызов.

— А, ты об этом, — ни капельки не смутился хладнокровный мерзавец. — Можешь считать, что я погорячился.

— Предпочитаю считать, что меня предупредили.

— И вооружаешься? — весьма серьёзно уточнил Радо-Яр.

У этой военщины всё, что связано с вооружением, всегда чересчур серьёзно. Будто бы всё упомянутое вооружение направлено против них и только против них. Параноики!

— Не хочешь вернуться к сестре? — вежливо осведомилась Руана, давая понять, что ей осточертела компания назла.

— Вернусь, — согласился тот, обменявшись с императрицей очередными мимолётными взглядами. — Теперь мы будем видеться чаще, — отвесил он издевательский намёк на её безотрадные перспективы застрять при дворе.

Дескать, никуда ты не денешься, когда разденешься.

— Не думаю, что императору понравится, — так же, не скрываясь, съехидничала она, — если я буду слишком часто крутиться рядом с его супругой.

— Ты сделала выбор, — холодно констатировал Радо-Яр.

Имея в виду выбор между мужем и женой.

— Сделала, — твёрдо поддакнула Руана.

— Мы ещё посмотрим, — невнятно пригрозил кому-то назл.

И направился поднимать нож над головами третьей пары. Беседу с которой Руана и проглядела и прослушала. Впрочем, оно абсолютно не представляло интереса: невеста была далеко не красавица. Что не помешало монаршей чете принять молодожёнов со всем благожелательным радушием.

Обратно из клятвенного круга к Руане вернулся лишь Таа-Дайбер — Радо-Яр опять стоял у трона сестры.

— Ты слышал? — пихнула она локтем Викрата.

— Ваш разговор? Да.

— Что скажешь? Тебе не показалось, что теперь он перестанет ко мне цепляться? После того, как я заинтересовала его сестру.

— Не перестанет, — безо всякого удовольствия разочаровал её Викрат. — И сестра ему не указ. В его делишках с женщинами, — уточнил он, искоса поймав её удивлённый взгляд. — Ты что, на неё рассчитывала?

— Естественно.

— Не советую, — с неколебимой уверенностью в голосе отрезал Викрат. — Мстира обожает братьев. Злые языки утверждают, что больше собственных сыновей.

— Значит, буду служить императору, — окончательно утвердилась Руана в намеченных планах. — Почему ты хмуришься?

Он помолчал, делая вид, будто прислушивается к императорским приветствиям четвёртой паре молодожёнов. Затем нехотя сознался:

— Кажется, мы с отцом просчитались.

— В чём? — ёкнуло сердце Руаны, готовясь принимать убойную порцию адреналина.

— Ты ему понравилась.

— И что?

— Ты ему очень, — нажал Викрат голосом, — понравилась. Именно так, как это у него бывает перед очередной страстью.

— Короткой, но несокрушимой? — пошутила она, пытаясь казаться ироничной пофигисткой. — Причём, важнейшим обстоятельством является первое.

— Скоро тебе станет не до шуток, — поморщился Таа-Дайбер.

И тут Руана окончательно осознала: у неё получилось. Её разубеждали, она и сама не верила, но император положил на неё глаз. И братец его супруги положил то же туда же. А императрица братьев обожает. Неужели не состоится большого бума? Под шумок которого появление при дворе Ати пройдёт почти незамеченным.

Видимо, единственный пресытился неоперившимися малолетками, среди которых лишь одна ярания пытается огрызаться. Захотелось чего-то остренького, солёненького, переходящего в ядовитое. Словом, займись колючку, которая разгонит скуку, то и дело втыкаясь в разные места.

И тут она в очередной раз убедилась: Ольга в ней жива и дудит в свою дуду. Потому что в голову закралась мыслишка: а почему бы и вправду не стать императорской фавориткой? Настоящей, как... скажем, мадам Помпадур, а не бесполезным растением в кружевах и макияже.

Ей по силам рулить целой империей: и характер подходящий, и образование покруче здешних мудрецов — пускай, только среднее. В аттестате у неё лишь одна четвёрка по ОБЖ. Она вообще универсал: и физика, и химия, и алгебра с биологией. Кто в этом мире может похвастать подобным багажом? Да они до сих пор считают, что болотные жабы могут забраться в дом и высосать из тебя всю кровь — папуасы неотёсанные.

— Твоя хищная ухмылка меня пугает, — укоризненно заметил Викрат, сжав её руку. — Замыслила стать фавориткой?

— Как ты?..

— Это нетрудно, — нехорошо вздохнул он, вынимая нож для ритуала. — Трудней представить тебя послушной женой. И радательной хозяйкой дома.

— Плохая идея? — разочарованно промямлила Руана, заранее топорщась и бунтуя.

— Смертельно опасная, — буркнул Викрат.

И выступил вперёд приносить клятву защиты новобрачных.

Руана задумалась. И машинально покосилась на императрицу — та вылупилась на неё в упор. У тётки как раз пауза в обязательной программе: можно расслабиться. И заняться своими делами: к примеру, попялиться на девицу, которая стопроцентно принесёт неприятности. Не потому, что стерва, а потому что себе на уме.

А неугомонный супруг — если верить Таа-Дайберу — уже положил на девицу глаз. Мужик закипает, и вскоре паровоз его страстей возьмёт разгон. А загнать сей бронепоезд на запасные пути у назлии не выйдет: у них супружеский договор о невмешательстве. Значит, что?

Значит, в ход пойдут интриги. Беспощадные и кровопролитные, но отнюдь не бессмысленные. Женщина защищает своё будущее и будущее сыновей — Руане в голову не придёт её осуждать.

— Никогда не видел настоящей таарии, — елеяно промурлыкали у неё над ухом.

Руана вздрогнула, повернула голову и чуть не прыснула на весь зал. Это было нечто. Скорей, ничто и сбоку бантик. Ещё точнее: море бантиков, из которых торчала тощая шея с огромным кадыком. Над ним щегольская борода, ещё выше тонкие жидкие усики — лишь по этим приметам пол существа и определишь.

Потому что длинные тщательно уложенные локоны ни черта не помогают с идентификацией. А попытку опустить глаза вниз, дабы рассмотреть, что у него там — штаны или юбка — могут превратно истолковать.

— Я тоже, — вежливо поддакнула она, вновь уставившись на ритуал.

Ибо неприлично стоять в первом ряду у самого подножия трона и заниматься своими делами.

— Твоё остроумие уже стало предметом для разговоров, — сделал ей комплимент придворный в бантиках, под которыми зеленел дорогой шёлк из-за тридевять земель.

— Моё остроумие стало следствием пустопорожних разговоров, — возразила прославившаяся деревенская остроловка.

— И покорило единственного, — снисходительно поздравил придворный.

— Всего лишь повеселило, — отмахнулась Руана. — Сомневаюсь, что императора есть, чем удивить или покорить. Он столько перевидал людей, столько любовался их заскоками, что более опытного оценщика не найти.

— Вот он и оценил, какой драгоценный камень преподнесли ему...

Камень — восхитилась Руана словечку, что поразительно точно легло в строку. Она именно камень, что ляжет на пути императрицы — та именно так и рассудит. Что может быть занимательней войны с семейством назлов? Море драйва и королевский веночек на могилке. Может, соблазнить всех её братцев? По очереди или скопом — не суть. Вдруг у них не поднимется рука портить общее семейное имущество?

— И потому я всегда к твоим услугам, — закончил бубнить придворный, которого Руана просто перестала слышать.

— Ты очень любезен, — покладисто поблагодарила воспитанная дворянка. — Даже сожалею, что не смогу воспользоваться твоим предложением.

— Почему? — и не пытался скрыть досаду банный лист в бантах.

— Отец не разрешил мне общаться с незнакомцами, — брякнула она первое, что пришло в голову.

— Я же представился, — опешил навязчивый собеседник.

А я где была — мысленно схохмила Руана, чувствуя, что сейчас отошлёт его в грубой форме. И, вероятней всего, займёт второго врага при дворе.

— Таа-Хруст? — вопросительно воззрившись на прилипалу вернувшийся Викрат.

Дескать, чего надо? Какого хрена увиваешься вокруг моей дамы?

— Я всего лишь... — залепетал тот.

И Руана опять выключила слух. С закипавшим глубоко внутри страхом наблюдала за другой беседой. Радо-Яр склонился к сестрёнке и о чём-то с ней шептался. Оба косились на деревенский самородок с языком без костей. И наверняка строили козни.

Живой не дамся — пришла в голову абсолютно идиотская мысль. А какими ещё могут быть мысли у той, кто заимела себе врагом императрицу? Вот теперь точно приплыли.

Страдалица

Шесть пар молодожёнов за раз — этот месяц у монаршей четы оказался сенокосным. К сожалению: лучше бы следующий. Тогда Ати пустили бы последней. Император бы с устатку и не разглядел её небесной красоты — досадовала Руана, прилипнув к самому далёкому от тронов столбу. Практически на пороге залы: если что, легче смыться.

Какие неприятности она подразумевала под этим «если что», даже не задумывалась. Пускай всё идёт своим чередом — там разберёмся. Надеяться на лучшее — её фирменный знак. И в прежней жизни уповала на авось, и в этой ничего не изменилось. Кроме, разве что, упаковки для неприятностей.

Там это были разные похотливые козлы и её впечатляющая внешность: лицо, фигура — весь, как говорится, фарш. Самые не обременённые мозгами знакомые вечно удивлялись: почему она так и не пошла в какие-нибудь модели или кинозвёзды? Штампованное мышление всегда приводило Ольгу в восторг.

К сожалению, новая жизнь не предоставила такого преимущества, как броская красота. Зато похотливых козлов хоть отбавляй. Причём, с реальной властью принудить бедную девушку к разным нежелательным непотребствам. И упырям ничего за это не будет: они сами закон. Так что «упаковка» и вправду полная дрянь.

Горя о своей уже почти вот-вот загубленной жизни, Руана старалась не думать о своей же забубённой головушке. Какой бы не была прежняя хозяйка этого тела, вряд ли она позволяла себе столь же отчаянные бесшабашные выходки. Нет, подлинная таария наверняка являла собой образчик аристократического воспитания. А Ольгу воспитывали школа и двор — неизвестно, что пагубней отразилось на её повадках и мировоззрении.

Однако задуматься о собственном поведении стоило всерьёз. Она пока не нарвалась, но упорно продвигалась в этом направлении. Так же успешно, как продвигался в её сторону Радо-Яр из рода Яр-Туранов. Который пёр танком сквозь живенько и хаотично перемещавшую толпу, ожидавшую приглашение за пиршественные столы.

Викрат, как назло, целиком отдавался решению собственных проблем: крутился рядом с Багеной. А ещё врал императору, будто сутки напролёт бдит за порученной его попечению девицей. Которую бросил на произвол судьбы. И назла, решившего, что ему всё можно, раз уж он так выгодно пристроил замуж сестру.

Конечно, Радо-Яру мог просто не нравиться приевшийся праздник. Каждый месяц одно и то же — Руане бы точно надоело. Тем более что братья императрицы непрменные участники ритуала с подлинными ножами и лживыми клятвами блюсти честь новобрачной. Так что назл мог шлёпать к дверям с единственной целью: убраться отсюда поскорей.

Но Руана не стала полагаться на судьбу. Решила сама убраться с дороги того, кто вполне мог прицепиться с очередными баснями, полными скрытых угроз. Которые она вовсе не обязана выслушивать — резонно убеждала саму себя кандидатка в придворные дамы. И будущие жертвы императорского произвола. Последнее — если особенно повезёт.

Закрыв голую спину накидкой — чтобы не привлекать лишнего внимания — она умеренно торопливо добралась до дверей. Выскользнула в холл, и тут уже припустила. Не к парадному крыльцу, а прежней дорожкой: в хозблок замка.

Влетев в коридор, принялась пробираться на выход в сплошном потоке слуг. У тех час

пик: обед вот-вот начнётся. Понятно, что за нево время поданное корыто с мясом никого не расстреляют. Но вышвырнуть с доходного места замковой прислуги могут. Здесь своя конкуренция — насмеялась Руана над «нижним эшелоном» местной власти, торопясь смыться, пока не поймали.

Что тут скажешь? Её почти поймали. Только самоуверенная идиотка отказывает другим в хитрости. И такой же, как у неё изворотливости. А в результате непременно упускает из виду, что преследователь может выйти из парадных дверей, чтобы устроить засаду у запасного выхода.

Но сегодня местный Создатель решил подыграть ей. Назла она заметила, не дойдя до выхода метров десять. Через распахнутую дверь, в которую вываливалась толстенная служанка с кадушкой. Руана мигом прижалась к стене, стараясь слиться с ней и не шевелиться. Радо-Яр опоздал обернуться ровно на эту использованную ею секунду. Он глянул в открывшийся взору коридор, но её вроде не заметил. А потом дверь со стуком захлопнулась.

— Ждёшь? — буркнула она под нос, оглядываясь. — Ну, жди. А мы пойдём другим путём, — ворчала опростоволосившаяся беглянка, повернув обратно. — Стоять! — рыкнула она, схватив за руку пролетавшего мимо слугу.

Паренька лет шестнадцати с прыщами и видом банковского клерка, спешащего на важные переговоры.

— Чего хватаешь?! — возмутился тот, выдёргивая руку.

Но тут разглядел, что перед ним высокородная барышня, и понизил тон:

— Что угодно госпоже?

— В замке есть другой выход для слуг?

— Там, — нетерпеливо ткнул он пальцем куда-то на одну из дверей.

И попытался удрать.

— Проводи! — грозно потребовала Руана.

— Мне во, как некогда! — возмутился занятой человек, чиркнув себя ладонью по горлу.

Прямо, будто дома побывала — взгрустнула Руана, заметив внутренним магическим взором хвостик жиденского потока ДАРА. Ухватила за него и полыхнула на паршивца белым огнём из вытаращенных очей.

— П...простите, госпожа таария, — струхнув, проямлил слуга и сообразил, что от неё нужно срочно избавляться: — Следуйте за мной.

Он миновал пару дверей и открыл третью. За ней был другой коридор: узкий и бесконечно длинный. С кучей дверей по обе стороны. Тот, кто руководил здешним хозяйством, должен иметь вместо башки компьютер.

— Свободен, — разрешила Руана и на всякий случай прошипела: — Расскажешь кому-то про меня, пожалеешь.

— Никому, — с воодушевляющей серьёзностью соврал паршивец.

Она плюнула на поганца и юркнула в коридор. Понеслась по нему, как ошпаренная, благо столкнулась лишь с четырьмя обалдевшими слугами. И вновь Создатель оказал ей свою благосклонную помощь. На этот раз дверь в конце коридора распахнулась на дистанции метров двадцати. И в проёме мелькнула знакомая фигура Пере-Яра.

Обложили — поняла Руана, прижавшись к стене и унимая дыхание. Может, лучше вернуться на праздник? Там, по крайней мере, Яр-Тураны борзеть не станут. Прилюдно-то.

Или станут? За ними не заржавеет — бестолково метались мысли, пока она бежала обратно. Разогналась, в стремлении спасти шкуру. Шары выпучила, мозги выключила.

Идиотка — приложила себя Руана от всей широты загнанной души, когда перед самым её носом дверь в большой коридор распахнулась. И она влетела напрямик в объятия кривоухмылявшегося Радо-Яра.

Только пискнуть и успела, когда сильные руки ни хрена не сексуально скрутили за спиной её локти. Распахнула рот, чтобы заорать — его заткнул стеклянный пузырёк. Дорогой — для чего-то подумала она. И рефлекторно сглотнула заполонившую рот пакость.

Широкая ладонь с твёрдыми, как камень мозолями накрыла лицо — она в неё только и могла мычать. Брыкалась, конечно, а толку? Огромное тяжёлое тело прижало её к стене. Куда-то в макушку прогудело:

— Не дёргайся. Не хочу тебя покалечить. А вывернуться всё равно не сможешь. И сама это понимаешь.

Он чуть приотпустил её, и Руана смогла задрать голову. Демонстративно вопросительно уставилась теперь уже на своего собственного врага: дескать, ну?

— Для чего всё это? — буквально считал назл её мысли. — Всё для того же.

Хочет вынудить Викрата принять его вызов — сообразила Руана, приуныв. Убьёт ведь мерзавец. А она...

А у неё уже путались мысли. И в глазах затуманилось. Опоил какой-то дрянью — посетила её вторая догадка. Сейчас в мешок и в воду... В какую воду — на миг встряхнулась она. Совсем сбрендилась: её похищают, а на уме всякие глупости.

Виска коснулись его губы, а уха — шёпот:

— Макияж, что надо. У тебя хороший вкус. Ты подозрительно необычная. Ну, ничего, скоро расскажешь, кто тебя такую необычную обучал. И для чего — тут сестра права. Даже мне захотелось узнать: за каким таким делом Таа-Дайберы подсунули тебя Брусту? Ты ведь расскажешь?

Брусту? Кто такой Бруст? А! Это же имя императора. Выходит, Викрат тут не при чём — удивилась Руана. Верней, при чём, но с другого бока. Она что, с большого ума и всеобъемлющего самомнения вляпалась в какую-то интригу? Что-то назл выглядит чересчур довольным для примитивной мести.

А его голос проваливался мимо неё в какую-то яму. И становился всё тише, всё дальше. Последние слова и вовсе прошелестели нечто невразумительное. Перед тем, как она и сама рухнула в ту же яму.

Пробуждение было долгим и муторным. Нырющим с горки просветления в пропасть очередного забвения. Её и тошнило. И глаза никак не открывались. Не хватало ещё желудок посадить — рачительно беспокоилась Руана, борясь с дурнотой. Где тут его лечить? Главное: чем? Помётом летучих мышей, смешанным с поганками и мышьяком? Нет уж, увольте! Жрите сами свою алхимию.

На лоб легла мокрая тряпка. В душе всколыхнулась робкая надежда: может, она дома? С Урпахой?

— Ты не переборщил с этой дрянью? — раздался где-то поблизости незнакомый мужской голос.

— Она сказала, что как раз. Для такой комплекции, как у этой.

Голос Радо-Яра — почти и не расстроилась Руана. Собственно, иного глупо и ожидать. У «этой»! Хамло! Нашёл «эту». Мало ей нервотрёпки, головной боли и нечеловечески

страданий гордости. Ещё и унижают! Она ему не «эта». Она аристократка и таария. Ничего, всё припомнится и зачтётся. Только бы выкрутиться.

— В себя пришла, — легко похлопали Руану по щеке.

— Веки дёрнулись, — согласился Радо-Яр и тут же возразил: — Но сознание могло и не вернуться. В полной мере.

— Думаешь?

— Знаю, — хмыкнул этот упырь. — Была бы в сознании, уже бы верещала.

— Почему?

— Потому что её обозвали «этой».

— И что?

— Я бы не назвал её «эта» всерьёз. Слишком умна и горда. Ты баб когда-нибудь пытал?

— Только убивал, — задумчиво проворчал незнакомый собеседник назла. — Так что без меня. Жаль, что на спину её не опрокинуть. Я бы попытался. Какая грудь, — одобрил этот пошляк. — А ноги?

Руане ещё больше поплохело: её что, раздели? Совсем? До последней нитки?

— Меня больше заводит её язычок, — не менее задумчиво признался Радо-Яр. — Никогда не думал, что с женщинами интересно, не только лёжа на их животе.

Руану посетило вполне уместное подозрение: может, они нарочно? О груди и ногах. Тем более о своих сексуальных фантазиях. Проверяют: в себе она или ещё в отключке? В таком случае, она ещё в отключке — любопытно же. Вдруг поверят, и выболтают что-то для неё полезное.

А пугать её возможным изнасилованием — пустой звук. Чай, не девственница. В том смысле, что была когда-то. Ничего, расслабится и потерпит. Лучше так, чем плетью по спине. Или как они тут пытаются?

Абсолютно невовремя припомнился Тиль Уленшпигель — когда-то она прочитала эту сногшибательную книгу запоем. Даже не он сам, а его мама...

Опять! Из неё лазутчица, как из пингвина гимнастка с обручем. Стоило вспомнить, как пытали маму Тиля, и Руану аж передёрнуло.

— Вот теперь она пришла в себя, — удовлетворённо констатировал Радо-Яр и велел: — Глаза открой.

— Не могу, — раздражённо прошипела страдальца пересохшим ртом. — Дай воды.

— Сейчас, — охотно согласился её палач, что с жертвой нужно для начала поговорить.

А для этого напоить.

Знакомая широкая ладонь сунулась между подушкой и затылком. Приподняла её гудящую голову — в губы ткнулся мокрый край чего-то округлого. Глотать было чертовски трудно.

— Что? — поинтересовался её мучитель где-то совсем рядом с лицом.

— Больно, — буркнула Руана, облизывая губы.

— Горло болит? — уточнил второй палач.

— Угу.

— Доза великовата, — пояснил он, видимо, подельнику. — Всё-таки просчитались. Руана, глаза открыть не получается?

— Веки слиплись, — капризно проворчала она, сделав ещё несколько мучительных глотков. — Лучше бы сразу прикончили.

— За этим дело не станет, — пообещал назл на полном серьёзе. — Сейчас я тебя умою.

Не дёргайся! Я осторожно. Больно не будет. Веки всего лишь опухли. Вот так. Я их только слегка протру. И этот глаз. И лоб. Горячий что ли? Ничего, — опустил он её голову обратно на подушку, — от этого не умирают.

— Чтоб ты сдох, — удовлетворённо пожелала ему Руана, почувствовав, что голову отпускает.

— Не сегодня, — возразил яран, удаляясь. — Ты поспи. После поговорим.

И она действительно моментально уснула.

А проснулась, как новенькая. И точно голенькая. Не совсем, конечно: нижнюю рубаху ей оставили. И плевать! Видели бы они её бикини — глаза бы повылазили. Кстати, нужно соорудить парочку комплектов. Бархатных, с серебряной вышивкой — жаль, золотая таарии не по чину. Это лишь для императорской семьи.

И плевать! Захочет золотую — что, казнят за это? Ещё чего не хватало! Здесь дворянство не просто дворянство — они все маги. Если уж примутся бунтовать — мало не покажется. Так что казнить за тряпки скверно воспитанных аристократок — это перебор.

Кстати, о тятках — осторожно села Руана, оглядываясь. Обычная комната среднестатистического аристократа: гобелены, куча дорогой мебели, подсвечники и прочая хрень. Справа дверь — как не заглянуть? Она сползла с широкой длинной, но какой-то слишком жёсткой кровати — видимо для мужика. Пошлёпала к двери, за которой могла оказаться её одежда — здесь её не наблюдалось.

За дверью тоже. Ещё одно среднестатистическое помещение: мужской кабинет. Стол, пара кресел, полки со свитками и книгами, камин. Ещё одна дверь — квест продолжается. За ней только узкая винтовая лестница вниз. Начала спускаться, старательно прислушиваясь: никого. Попала ещё в одно небольшое помещение, которое тут же обозвала гардеробной.

По стенам развешено оружие — на некоторое просто страшно смотреть. Под ним рядами сундуки. Воровать, конечно, нехорошо. Но они первыми начали — успокоила себя Руана, открывая сундук. Мужское барахло: вытащила одну рубаху, вторую — велики. Штаны тоже, колет вообще еле подняла: весь в металлических бляхах.

Принялась копаться во втором сундуке — тоже бестолку. А вот в пятом нашла нечто подходящее. Не своё платье, но рубахи и штаны на мальчика-подростка. Всё слежавшееся, воняющее травой, отгоняющей моль. Зато кое-что по размеру: будто на неё шилось.

Горячо поблагодарив Создателя за помощь — и скромно попеняв ему на то, что не доглядел — быстро перетрясла выбранную одежду. Натянула потёртые кожаные штаны, обычную рубаху без финтифлюшек. Колет — по счастью — оказался без утяжеления: обычная короткая кожаная куртка. Кое-где швы от старости разошлись, но делу это не мешало.

А дело у неё опасней не придумаешь — закручивая на затылке волосы, размышляла Руана. У неё тут настоящий побег. Почище, чем в кино... Кстати — попыталась припомнить она — что лучше: спуститься на верёвке по стене снаружи или устроить подкоп внутри?

— Чиф-чиф-чиф-чиф! — возмущённой профыркали где-то между сундуками.

— Только не крысы, — глянув на потолок, попросила у Создателя не трусливая, но брезгливая барышня. — Терпеть не могу!

— Цаф-цаф! — оскорблённо протявкали источник возмущения.

И на середину гардеробной проскользнул длинный юркий зверёк. С каким-то облезлым хвостом. С чёрным блестящим короткошерстным телом и белой мордочкой — ужасно смотрится!

Местный хорёк. В целом похож на сородичей с Земли, какими тех помнила Руана, плохо разбираясь в животных. Даже в домашних: для неё все коты на одно лицо.

— Чиф-чиф! — обличающе сверкали чёрные икринки глаз.

— Я не воровка! — пришёл черёд возмущаться Руане. — Это они украли моё платье. Между прочим, дорогое. А взамен я получила какое-то старьё.

Зверёк не проникся её справедливыми резонами. И атаковал бессовестную воровку, наплевав на разницу в габаритах. Пинать малыша не хотелось — Руана запрыгнула на сундук и поджала ноги. Хорёк полез к ней, весьма неловко цепляясь за края досок, из которых сбили сундук. И за металлические детали, скрепляющие всю конструкцию.

— Дилетант, — свысока усмехнулась она, дожидаясь, пока преследователь не залезет повыше.

Пускай даже на крышку: дольше будет спускаться. И когда упорный скалолаз добрался до вершины, она спрыгнула на пол. Бросилась на выход, торжествующе показав язык гневно верещавшему охраннику. Закрыла за собой дверь и огляделась. Обычный коридор, обычные стены из каменных блоков. Обычные факелы скупо освещали пространство. И, по всей видимости, там, за углом должна быть лестница: наверх или вниз.

Терять было нечего, а приобрести можно свободу — размечталась Руана, осторожно выглядывая из-за угла: лестница на месте. И вела вниз. Куда пленница сползала в час по чайной ложке, прислушиваясь к каждому шороху. Пока на ум не пришла резонная мысль: а вдруг хорёк дрессированный? Сейчас паразит уже наверняка спустился с сундука и понёсся стучать хозяину.

Руана мысленно поклянчила у подуставшего от неё Создателя удачи. И рванула вниз по ступеням. Сбежала, быстро оглядела небольшой сумрачный холл. Услыхала приближающиеся откуда-то голоса и заметалась. Под лестницей обнаружила низкую дверцу. Аккуратно открыла — та, по счастью, не закрипела. Оставалось забраться в темноту за ней и закрыться в своём убежище.

Останавливаться на достигнутом опасно: припрётся такой вот хорёк, унюхает её и поднимет хай под дверью. Так что Руана побрела куда-то в промозглой мгле. По коридорчику, узкому даже для девицы её кондиций: плечи цеплялись за стены, а макушка за потолок.

В принципе удобно: есть шанс не пропустить какую-нибудь своротку. К примеру: прямым ходом на скотный двор. Где её ждёт осёдланный бык — обязательно смирный. А то эти строптивцы не любят чужаков. Такое родео устроят, что костей не соберёшь.

Счёт времени потеряла быстро. Осознала себя душой ещё быстрее: даже воды не прихватила. Наверняка в покинутой спальне имелся кувшин с водой — бесполезный для безмозглых торопыг. Которые думают тем, на чём сидят.

Она тащилась к свободе без малейшей надежды её обрести. Мысль о том, что попала в лабиринт, ввинчивалась в голову с садизмом бормашины. Поворачивать обратно страшилась ещё больше: не удосужилась запомнить ни одного поворота, которых за спиной не меньше десятка. Больше всего донимала мысль, что все её страдания и мытарства напрасны: Ати это ничем не поможет.

Наконец, лет через сто блужданий по закоулкам, она упёрлась в преграду. Поначалу даже не поверила своему счастью: ощупывала её руками и хоронила себя заживо. Потом в мозгах просветлело: тычется не в камень или землю — в деревянную перегородку. Причём, из досок. Прощупала всё внимательней — обнаружила замочную скважину, в которую

влезло аж два пальца.

Тотчас в мозгах грянуло второе просветление — так жить хотелось. Включила внутренний взор: поток Дара тут, как тут. Уцепилась за него, как за спасательный канат, и пустила в ход свой талант. Абсолютно чуждый магии тааров: она умела лишь разрушать. Любую преграду, вставшую на её пути, кроме живых тел. Такой магией не убить даже курицу.

Доски растворились в воздухе, и в тоннель выплеснулся поток света. Руана сощурилась, панически прислушиваясь — тишина. Щебетанье птичек не в счёт. Наконец, глаза потихоньку привыкли к позабытому свету. И она обнаружила себя в лесу. Верней, в жидковатой рощице — но всё-таки на свободе!

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она, возведя очи к небу. — Я обязательно схожу в храм и помолюсь.

Создатель не ответил.

Зато где-то поблизости прогрохотали по земле копыта. Много: целый табун. О чём-то перекрикивались люди — точней мужчины.

— Меня ищут, — догадалась Руана, плюхнувшись на пузо. — Спихватились.

И обязательно найдут — резануло по психике беглянку в шаге от полной свободы. Вот же!..

Она выматерилась, чуть успокоилась и огляделась. Назлы, конечно, её отыщут — на то они и назлы. Если будут знать, как искать. А если им в голову не придёт её способ укрываться? Все их техники основаны на изведанном и привычном. И в этом слабость профессионалов.

Так рассуждая и тем самым успокаивая нервы, Руана всю экспуатировала пойманный поток ДАРА. Для того чтобы оборудовать нору под густой порослью страшно колючего кустарника. Один куст вообще вынула из земли целиком: им она заткнёт дыру, через которую заползёт в убежище. Узкую: только-только проползти и не застрять.

Всё получилось лучше некуда. Задом наперёд она заползла в получившуюся норку, с потолка которой свисали корни кустов. Втащила за собой корневище маскирующего куста. И придерживала его: а то повалится и выдаст её убежище. Успела даже растереть меж ладоней горсть ягод, спешно собранных с соседних кустов: жутко вонючих.

Теперь оставалось лишь не дышать и молиться. Главное, выдержать, пока бредущие к поляне преследователи не облазят тут всё и не уберутся. Следы её пребывания они обнаружат — смешно даже надеяться на их слепоту. А вот убежище...

Молиться и ещё раз молиться!

Притвора

Руана понимала: уронит этот веник — тотчас окажется в их лапах. Куст был тяжёлым и вредным: так и норовил завалиться набок. Ещё и в носу засвербило: она яростно тёрлась им о рукав колета. Пыльная кожа ни черта не спасала. И она чихнула.

— Слышал? — спросил сильно приглушённый голос прямо над её головой.

— Какой-то зверёк?

— Возможно. Хотя я никого не вижу.

— Может, крот?

— А ты видел чихающего крота?

Чтоб вас разорвало — мысленно взвыла Руана, из последних сил удерживая разлапистое корневище дрожащими руками.

— Уходим на тот конец рощи, — приказал Радо-Яр.

Теперь она узнала его голос.

— Думаешь, она туда убежала?

— Ты здесь её видишь?

— Ладно, посмотрю там, — досадливо проворчал его собеседник. — Хотя не вижу следов, которые туда ведут. Не по воздуху же она перенеслась.

Вали уже, куда собрался — вконец озверела Руана, понимая, что вот-вот сдастся. И всё-таки ещё немного вытерпела, прежде чем уронила проклятуший куст. Который тут же вырвало из земли. И в образовавшуюся дыру она увидела его.

Назл возлежал на боку, подпирая голову рукой. Он задумчиво любовался её грязной вспотевшей физиономией.

— Пить хочешь? — невозмутимо поинтересовался Радо-Яр у идиотки, прошляпившей свой шанс спастись.

— Хочу, — буркнула Руана и потребовала: — Вытащи меня отсюда!

Он с показной неспешностью сел, скрестив ноги. Протянул ей руки — она свои. Захват, рывок, и она вылезла из норы по пояс. Он перехватил её за талию и выдернул наружу, как пробку из бутылки. На спину гад завалился нарочно — для того, чтобы невинная дева упала на него сверху. Даже скатиться с него не смогла: руки страшно ныли, ноги, как ватные.

— Тебе удобно? — издевательски осведомился назл.

Он так до конца и не понял, с кем связался. Контрасты, мой друг — мысленно ответила ему Руана, бессильно опустив голову на широкую мужскую грудь. Ничто так не вышибает из состояния превосходства, как контрасты. Только что она была отважной фурией, умудрившейся сбежать от такого прожжённого вояки, как ты. Сочувствовать такой — только время на ветер.

Но вот она, совершенно не стесняясь — и с виду вполне искренно — расписалась в бессилии. Признала себя всего лишь слабой женщиной, что слишком о себе мнила. Мнила-мнила, да не вывезла. И теперь распласталась на сильном мужчине, дыша загнанной лошадьё. Вся такая изнемогшая — впору над ней разрыдаться.

Рыдать он, понятное дело, не стал. Но купился. Знакомая широкая мозолистая ладонь легла на её затылок — осторожно и успокаивающе. Руана замерла, напряжинилась, как бы слегка испугавшись насчёт его намерений самца и победителя. Просунула между телами

сжатые кулачки — это всегда выглядит трогательно беспомощно.

— Драться со мной собралась? — насмешливо уточнил Радо-Яр.

В его голосе прозвучали доселе неприсущие циничному злодею нотки: он реально сочувствовал бедной дурачке, взявшейся не за своё дело. Контраст — нравоучительно повторила Руана, собираясь с силами. Контраст обескураживает почище прямых угроз.

Она резко толкнулась и скатилась с него — его рука успела перехватить лёгкое женское тело уже у самой земли.

— Не смей меня лапать! — холодно объявила Руана, отталкиваясь от него руками и ногами.

Он разжал руку — она довольно удачно откатилась и вскочила на ноги.

— Всё равно догоню, — хмуро предупредил назл, зло сощурился бесподобно синие глаза.

— Я, конечно, проиграла, — бесстрастно признала беглянка, небрежно отряхивая рукава колета. — Впрочем, и не особо рассчитывала на успех. Половина на половину. Но не смей записывать меня в слабоумные идиотки. И оставь этот пренебрежительный тон. Самоуверенность сгубила и не таких, как ты.

Всё-таки незабываемое зрелище, когда назл подлетает с земли. Прямо-таки по-кошачьи — очень красиво и захватывающе. Рожу бы только сделал попроще — нахально усмехнулась она ему прямо в глаза:

— Руки чешутся свернуть мне шею?

— Чешутся, — процедил он.

Шагнула к ней, цапнула за локоть и встряхнула:

— И ты допросишься.

Она балансировала на цыпках, запрокинув голову и занозисто ухмыляясь:

— Жду, не дождусь.

Её встряхнули так, что устоять на ногах не удалось. Но и шмякнуться на землю не дали. Радо-Яр стремительно перехватил девичье тело и вскинул на плечо. Будто мешок с картошкой!

— Пусти! — непритворно заверещала Руана, дрыгая ногами. — Терпеть не могу!

— И прекрасно, — удовлетворённо усмехнулся он.

Потащил свою добычу к бредущим навстречу загонщикам. Которые — только теперь дошло до Руаны — и не думали никуда уходить. Розыгрыш — обиделась она — обманули дурачка на четыре кулачка.

— Я тебя убью! — прошипела она, глотая навернувшиеся слёзы.

— Ты ревёшь? — даже удивился он, крепко придерживая бунтующую ношу за весьма сексуальную, но грязную задницу.

— Нет!

— А что носом хлюпаешь?

— Заткнись!

— И не подумаю, — насмешливо уведомил яран беспомощную нахалку.

Что ж этот раунд выиграл он. Имеет право торжествовать — отдала Руана дань справедливости.

— Какая дерзкая девка, — иронично похвалили её и шлёпнули по заднице: — Демоны тебя забери!

Не особо надеясь на удачу, она лягнула воздух. А попала по обидчику: кажется, прямо по роже.

— Я же говорил: она не «эта», — снисходительно напомнил Радо-Яр, поднося добычу к быку. — Советую её не дразнить.

— Я башку ей оторву! — прорычал любитель шлёпать по заднице высокородных девственниц.

Руану усадили в седло. И теперь, наконец, удалось разглядеть бесстыжую рожу подбитого хахмача:

— Очередной братец Яр-Туран? Такое же хамло, как все остальные.

Радо-Яр ещё не успел вскочить в седло, когда она попыталась ударить его ногой в грудь. Даже повод перехватить успела...

И больше ничего. Яран поймал её ногу и выдернул поганку из седла. Руана рефлекторно уцепилась за первое, что подвернулось под руки. Оказалось, что повисла на его шее ошалевшей от падения мартышкой. Назл не сбросил драчунью с себя, но сжал так, что затрещали рёбра.

— Боль...но, — просипела она куда-то в его щёку.

Короткие усы царапали подбородок и лезли в нос.

— А будет ещё больней, — невозмутимо пообещал Радо-Яр, чуть ослабив хватку. — Хочешь валяться со сломанными рёбрами?

— Чтоб ты... сдох! — всхлипнула Руана против воли, кляня себя за минутную слабость.

— После тебя, — пообещали и это, вновь забрасывая её в седло.

Слава Богу, не мешком с картошкой: чин чином на задницу. Следом забрался на быка он сам и без предупреждения пустил того рысью.

Руана не видела причин устраивать никчёмные демонстрации. А потому вольно опёрлась о него ноющей спиной. И удобней устроила голову на широкой мужской груди. На всякий случай вцепилась покрепче в ручищу, перехватившую её за талию.

— Не бойся: не уроню, — задышал яран в её макушку.

— Заткнись! — беззлобно каркнула она.

— Идея с норой была отличной, — внезапно похвалил профи, сполна овладевший техникой лазутчика. — Сама придумала?

— Сама, — нехотя буркнула она.

— Не ожидал, — признался он. — Сестра права: ты опасный враг.

До этого не было никакого желания с ним разговаривать: Руана ещё не пережила обиду. Но вовремя сказанные нужные слова всё изменили.

— Мстира не права, — нарочно не стала она титуловать императрицу.

— В чём? — пропустил Радо-Яр мимо ушей невинную дерзость побеждённого.

— В оценке моих намерений.

— Только не ври, — досадливо проворчал яран. — Не утомляй меня.

— Целью моего появления при дворе был не император, — проигнорировала его неудовольствие отчаянная деревенщина. — Точнее, отнюдь не желание занять место в его постели.

— Да? — язвительно изумился Радо-Яр. — А мы-то подумали.

— Возомнили, — с дозированной холодностью поправила его Руана.

— Возомнили что?

— Стать фавориткой императора не моё заветное желание. Тем более ввязываться в примитивные скучнейшие интриги в борьбе за место подле него.

Ожидаемых ироничных замечаний не последовало. Он молчал: то ли обдумывал сказанное, то ли не желал, чтобы ему ездили по ушам. Оказалось, что первое.

— Тогда зачем ты сюда явилась?

Руана выдержала строго отмеренную паузу и сухо пробурчала:

— Не могу сказать.

— Почему? Боишься Таа-Дайберов? — прямо-таки желал он услышать нечто подобное.

Косяк врага — драгоценнейший подарок. Повод разделаться с ним, не вызвав бунта среди его сородичей тааров.

— Причём тут они?! — раздосадованно прошипела Руана, безукоризненно изобразив бешенство. — Что вы все в них упёрлись? Кто вам сказал, что это я исполняю их желания, а не наоборот?

— Не морочь мне голову! — в ответ непритворно рассердился яран.

— Я ни перед кем не пресмыкалась! — продолжила шипеть разгневанная таария. — И пресмыкаться не стану! Даже перед твоей сестрой! — и тут она решила, что пора кое-что выболтать в порыве неконтролируемого гнева: — Сделаю то, что мне надо, и больше вы меня не увидите!

Мозолистая лапа перехватила горло. Жёстко, бестрепетно, но... как-то не до конца. Душить её не собирались. Просто упёршиеся в подбородок пальцы заставили запрокинуть голову.

— А что тебе надо? — с иезуитским спокойствием уточнил назл, заглядывая ей в глаза.

— Не твоё собачье дело, — так же спокойно, почти ласково уведомила Руана. — И учти: пытать меня не выйдет. Я обладаю подходящим талантом для безболезненного ухода. А смерть пугает меня гораздо меньше, чем пытки. Можно, конечно, бедную девушку изнасиловать. Что ж, перед смертью не помешает получить хоть немного удовольствия.

— Хватит врать, — пренебрежительно посоветовал он.

И вдруг намертво сжал Руане подбородок. После чего склонил голову и вlepил ей поцелуй, которым можно выдавить зубы. Подлинную дворянку-девственницу, выросшую в глуши под колпаком ударных нравочений о морали, таким и убить можно. Откуда этому средневековому манипулятору было знать, что он имеет дело с фальшивой дворянкой? Да и девственницей лишь... в этой жизни.

А целоваться он абсолютно не умел — или здесь не умели. Руана мысленно хмыкнула и устроила мастер-класс — почему бы и нет? Продемонстрировала чайнику, что такое полноценный французский поцелуй.

Почувствовав её язык, Радо-Яр отпрянул. Правда, не сразу. Немного посмаковал явно незнакомое ощущение — с этим Руана не ошиблась. Попытав её устрашающе пронзительным взглядом, назл решил продолжить исследование новой техники.

— Хватит, — холодно бросила она, когда его губы почти коснулись её губ. — Надоело.

Он выпрямился и уставился злым взглядом на дорогу. Долго молчал, после чего повторил:

— Ты опасна. Сестра права.

Руана пожалала плечами, и на очередном контрасте устало молвила:

— Опасен тот, у кого есть причина тебе вредить. И возможность это сделать. У меня же нет причины вредить императрице. Прости за грубость, но она меня вообще не интересует. Ни в каком виде. Ни с одной целью. Император да, интересует. Но не в том смысле, какой подозреваете вы.

— Тогда скажи: в каком, — ледяным тоном потребовал Радо-Яр, по-прежнему демонстративно пялясь вдаль.

— Не скажу, — чуть поднажала притвора на усталость.

Дескать, ты меня достал. Разговор с тобой утомляет своей никчёмностью. Он понял. И до самой крепости, откуда Руана сбежала, молчал, как рыба.

А она всё пыталась определить место их расположения. Куда её затащили? Поднимавшиеся на горизонте горы не помогали: империя почти окружала Срединные хребты. Они могли находиться где угодно. А солнце сейчас за спиной: никак точно не определить сторону света.

Скверно — досадовала Руана, всё больше чувствуя безнадёгу. Как, скажите на милость, устраивать новый побег, если не знаешь, куда бежать? На север? На юг, на восток?

— Что это за крепость? — равнодушно спросила она.

Он молчал. Въехал в распахнутые ворота и подогнал быка к узкой лестнице, ведущей на высоченное крыльцо. Небольшое, с каменным ограждением — такие делают в приграничных крепостях. С них удобно отстреливаться — размышляла Руана, пока её стаскивали с быка. Огромного, как и хозяин, красавца редкой чёрной породы. Гладкошёрстные бока аж переливались, когда под шкурой перекачивались бугры мышц.

— Он прекрасен, — со вздохом искренно восхитилась Руана, пока её тащили вверх по лестнице.

— Но устраивать на нём побег не советую, — издевательски заметил Радо-Яр. — Затопчет.

Стоило ему заикнуться о новом побеге, как её озарило. Она принялась упираться — даже упала на холодные щербатые ступени, пытаясь выдернуть руку из его кулака. Назл невозмутимо вздёрнул её и поставил на ноги:

— Что ещё?

Поднимавшийся следом братец-назл не позволил ей снова влачиться по ступеням, сжав лапы на тонкой девичьей талии.

— Если я пленница, — с блестяще получившимся презрением заявила Руана, — тогда моё место в каземате.

— Это легко исполнить, — ядовито пообещал брат Радо-Яра.

Она попыталась его пнуть, дабы укрепить мерзавца в этом намерении. Он поймал её ногу и сжал до хруста в костях:

— Урх, что мы с ней цацкаемся? Давай сунем её в подземелье. Я с удовольствием послушаю её визги.

Радо-Яр пренебрёг козырным предложением, потащив её дальше по лестнице. Руана сообразила, что напутала с терновым кустом: попасть в него нужно бояться, а не напрашиваться.

— Там что, крысы? — с деланным равнодушием уточнила она. — А я... Я их не боюсь! — с вызовом провозгласила притвора.

И они купились.

— Давай сунем, — согласился с братом Радо-Яр. — Будет интересно полюбоваться, что она придумает.

— Для побега? — хмыкнул братец, подпихивая упиравшуюся поганку в спину.

— Как твоё имя? — пропыхтела Руана, продолжая бесполезную, однако необходимую сейчас борьбу.

Ей не хотелось возбуждать подозрения назлов излишним спокойствием человека с козырями в рукаве. Испуганная женщина должна вырываться и верещать. Как минимум, сыпать неосуществимыми угрозами — если она считает себя этакой валькирией.

— Вели-Яр, — представился очередной Яр-Туран. — А что? Зачем тебе?

— Нужно знать имя того, — заносчиво пыхтела пленница, — кого убьёшь!

Вели-Яр расхохотался и признал:

— Урх, я начинаю тебя понимать. Эта коллочка и вправду может поджечь кровь.

Поджечь кровь? Он что, намекает...

Додумать Руана не успела. Нельзя одновременно анализировать новую информацию и продолжать старые фокусы с притворной борьбой. А этот пустодырый Вели-Ярка не успел поймать девичье тело. Она оступилась и грохнулась, ударившись виском о край ступени.

Вот у Радо-Яра реакция что надо: успел вскинуть кулак с её рукой. Не поддёрни он тело Руаны, точно бы голову разбила. И как он всё видит спиной?

— Зараза! — ругнулся Вели-Яр, подхватывая на руки обмякшее тело пленницы. — Довыпендривалась!

— Ну-ка? — по-прежнему невозмутимо дал ей пощёчину более опытный брат.

Рассчитывал вывести притворщицу на чистую воду? Не тут-то было!

У Руаны имелся ещё один талант: пустячок, но полезный. Она могла выключать чувствительность собственного тела, притормаживая и мозговую деятельность. Вводить себя в состояние обморока, не выключая полностью сознание.

Говорят, будто люди в коме иногда слышат, что творится вокруг них. Только собой не владеют. Вот и Руана всё слышала. А по щекам можете хлестать сколько угодно: ни пискнет, ни подскочит. Дудки вам!

— Давай её мне, — потребовал Радо-Яр.

— Ревнуешь? — съехидничал братец. — Не хочешь, чтобы её лапали другие?

А вот и новое подтверждение тут, как тут — даже не удивилась Руана. И сосредоточилась: голоса долетали словно издалека. Как бы не прослушать что-то важное. К примеру, как она нежданно-негаданно соблазнила назла. Ну, как минимум, заинтересовала.

И что с этой радостью делать? Она помешает или поможет? А что с ней самой? Нет, Радо-Ярчик ей нравится. Как всегда нравились сильные во всех отношениях мужчины. А кому такой не понравится? Инфантильной эстетке — фригидной от зауми в башке?

Но эти чувства ни о чём: его братья не менее привлекательны. Её потребность ловить его взгляды и скупые интонации, тоже объяснима: вечно же на гада натывается.

Вон, даже похитил её подлец. Уже и целовались — всё, как в романе. Правда, он хреново её соблазняет: без огонька. Подозревает во всяких вымышленных злодеяниях против семьи и короны. Не нависает над беззащитной девой, тяжело дыша и... что там ещё? Потеря от желания?

Руана мысленно хихикнула, а наяву вздрогнула. Как раз в тот момент, как Радо-Яр отнял её безжизненное тело у братца.

— Очнулась? — не мог не заметить остроглазый назл Пере-Яр.

Видимо, Радо-Яр изучил её лицо, однако не нашёл на нём признаков притворства.

— Нет, — сухо бросил она.

И Руану потащили дальше.

Тащили долго и молча. В конце пути уложили на что-то твёрдое в скверно пахнущем сыром месте. Пускай это будет подземелье — горячо молилась она с корыстными целями.

Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Ей до зарезу надо остаться в кутузке без свидетелей. Не сунут же таарию в общую камеру? Какой в этом смысл, если даже ни одного путного допроса не было?

— Может, всё-таки наверх отнесём? — с сочувствием в голосе предложил Вели-Яр.

— Нет, — отрезал Радо-Яр, пощупав лоб бесчувственной пленницы. — Хочу посмотреть, зачем ей нужно было сюда попасть.

— Думаешь, она этого нарочно добивалась?

— А ты думаешь, что такая женщина действительно боится крыс? — иронично осведомился Радо-Яр, проведя пальцами по щеке Руаны.

Ни капельки не ласково.

— Надо бы её умыть, — подтвердил этот позёр, что романтизма не предвидится. — Пришлю служанку.

— И пускай принесёт нормальных одеял, — удаляясь прочь, посоветовал Вели-Яр. — Если ты, конечно, не намереваешься устроить ей чахотку.

Уши. Вовремя — с облегчением выдохнула Руана, разлепляя жутко тяжёлые веки. Она вгоняла себя в состояние комы целых четыре раза: слишком долго её таскали по крепости. А это состояние длится совсем недолго. Так и взаправду можно помереть — по-настоящему испугалась она, силой заставляя руки с ногами шевелиться. Те поддавались с трудом, словно мстили за учинённое над телом насилие.

Не успела оглянуться, как явилась служанка. Не юное легкомысленное — что важней, легковёрное — создание, а пожилая толстая тётка с лицом надзирательницы тюрьмы. Как Руана его себе представляла.

Служанка свалила на край лежанки здоровенный клубок разномастных одеял:

— Вот, госпожа. Господин велел. Вы бы встали, а я бы застелила. А то тюфяк уж больно срамной. Вам поди новый надо. Вона, уже несут.

Где-то за дверью и вправду шаркали ногами — и не одной парой. Руана послушно сползла с лежанки и доковыляла до единственного в камере табурета. Уселась на него и вытянула ноги.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — молвила она с достоинством таарии, но и с большой приязнью.

— Чего это я добрая? — насторожилась толстуха, стаскивая старый комковатый грязный тюфяк и зыряка на пленницу. — Ничего я не добрая.

— Не беспокойся, — хмыкнула Руана. — Я не стану тебя подбивать на предательство. Просто мне и вправду непривычно спать в такой... постели.

— А то ж, — чуток расслабилась служанка.

И приняла у ввалившегося в камеру старика новенький, можно сказать, незасиженный тюфяк. Набитый не соломой, а шерстью — поняла Руана, когда его раскладывали на лежанке. И чистую простынь ей принесли — не пожадничали. И широкое полотенце. И таз, и кувшин с водой, и стол, и целый поднос тюремной баланды. Явно с господского стола: жаркое, жареные крылья, ещё что-то и фрукты. Целую делегацию слуг пригнали, дабы обустроить быт таарии в заключении.

— Удумали тоже, — застилая постель, бухтела под нос добрая женщина, — госпожу в помойную яму пихать. Ну и сбежала, ну и подумашь.

— Скажешь тоже! — осудил её взгляды на господские затеи старик, выпихивая за дверь любопытных коллег. — А зачем было бежать? Господа ж не звери лютые. Забижать не

станут. Чай понятие имеют, что не девку безродную в дом припёрли.

Ну, чьё тут выдержит терпенье? Руана прыснула.

— Она ещё и ржёт! — всплеснул руками старик.

— Отстань от девочки! — окрысилась на него толстуха, замахнувшись на критикана полотенцем. — А ну, пошёл отсюда! Мне госпожу переодеть надо.

Тут Руане стало не до смеха. Она вовсе не собиралась расставаться с мужским костюмом — у неё дел непочатый край!

— Я не стану переодеваться, — строго уведомила высокородная барышня, стараясь не пережимать. — Это платье прислал господин? Отнеси обратно. А мне принеси чистую рубаху. Не господскую, а обыкновенную льняную.

— Вам почиститься бы надо, — попыталась перечить ей простолюдинка. — Виданное ли дело, в такой грязище пребывать?

— Я сама всё почищу, — упёрлась Руана, демонстративно скрестив на груди руки.

— Сама?! — поражённо выпучилась на полоумную дворянку прагматичная служанка.

— Сама. А ты ступай. И прими мою сердечную благодарность. Случится нам увидеться... при других обстоятельствах, я не забуду твою доброту.

Толстуха покачала головой, но препираться не стала. Подхватила засранный тюфяк и вышла вон.

— Ну, вот ты и графиня Монте-Кристо, — поздравила себя Руана, стаскивая колет. — Мама была права: читать очень полезно.

Блудница

Руана дала ему ровно сутки. Сутки на то, чтобы Радо-Яр выдержал характер. После чего не выдержал пытки неосведомлённостью и явился докапываться до правды. Не подозревая, что правды вообще не существует. У каждого она своя.

И потому в мире Ольги это понятие давным-давно обесценилось. К нему относились с подозрением или иронией. Здесь же над правдой не иронизировали, что затрудняло отношения с аборигенами.

Проверить, уложился ли Яр-Туран в сутки, было невозможно: окон-то нет. А внутренние часы порой привирают. Но это и не принципиально. Его принесло, после того, как она трижды поела и дважды поспала — скучая в промежутках от безделья

— Замёрзла? — всего лишь поинтересовался Радо-Яр, оглядывая с порога её каморку.

Руана сидела на лежанке в позе китайского болванчика, завернувшись в одеяло. Не потому, что замёрзла, хотя здесь довольно промозгло. А потому, что разделась, оставшись в одной рубашке. Это был один из её козырей. Если этот порывистый маг вздумает потрясти её за грудки, одеяло упадёт. И рукоприкладство можно будет квалифицировать, как насилие. А у яранов за это казнят.

— Решила отмолчаться? — насмешливо уточнил он, закрыв дверь.

Поддел ногой табурет и поставил тут же. Сел, оперевшись спиной о дверь. Посмотрел пленнице в глаза с видом явившейся по её душу судьбы. Помолчал и спросил:

— Ты действительно не боишься смерти? Или, как все бабы, попусту мелешь языком?

— А ты? — нейтральным тоном переспросила Руана, ответив на его взгляд своим прямым.

— Не боюсь. Но и зря не зову, — честно ответил назл, рискующий в любой момент сыграть в ящик.

Он с детства привык к ощущению её близости — поняла Руана подоплёку сказанного. И относится к смерти философски.

— Я боюсь только боли, — ответила она честностью на честность. — А самой смерти... Думаю, что нет. После неё уже ничего не будет: ни разочарований, ни страхов, ни сожалений. Мне уже никогда не будет больно. А это умалывает страх перед самой смертью.

— Ты рассуждаешь, как старуха, — вынес он приговор, непонятно отчего морщась. — Которую всю жизнь лупцевали. Тебя, насколько мне известно, отец пальцем не трогал.

— А тебя?

— У нас... иначе воспитывают детей, — уклончиво пояснил северянин.

Ну да, о воспитании их детей ходят чудовищные страшилки. Будто яраны чуть ли не на куски режут своих детей, приучая тех к боли. Между тем, она ещё ни разу ни на ком из них не видала сплошь разрисованных шрамами шкур. Шрамы, конечно, встречаются — даже на дамах — но особо там говорить не о чем.

— Пытать вас учат с детства?

— Нас всему учат с детства, — бесстрастно подтвердил яран. — И убивать тоже.

Разговор начинал принимать сентиментальный оттенок. Руана даже позабыла о подготовленной ею провокации. Но он был так любезен, что напомнил своим последним замечанием.

— Спасибо, что развлёк меня, — нарисовала на лице хамскую ухмылку всеми признанная деревенщина. — Можешь идти.

Если его и задело, на лице не отразилось ничего. Назл приподнял бровь и обрадовал:

— Получу, что надо, и уйду.

Он снова внимательно оглядел камеру. Руане показалось, что ищет её одежду. Которую она завернула в одно из одеял. То, что лежало за её спиной, изображая мягкую спинку дивана. Лишь сапожки стояли на виду у лежанки.

Неужели он предвидел возможность провокации — встревожилась она, зевнув в ладошку. Не демонстративно напоказ, но и не совсем украдкой. На визитёра она больше не смотрела: дескать, неинтересно. Хотя одно обстоятельство её всё же заинтересовало: назл явился к ней в настезь распахнутом камзоле. Да и шнуровка на рубахе распушена чуть ли не до пупка. Прямо, как у неё.

— Итак? — понукнул яран вконец оборзевшую пленницу.

Она промолчала.

— Ты так уверена в собственной неприкосновенности? — иронично усмехнулся он. — Думаешь, меня может остановить то, что ты высокородная девка?

— Не начинай, — поморщила она свой длинноватый, но аристократически тонкий нос.

Прямо, как на портретах русских аристократок, где почти не встретишь пикантно вздёрнутых носиков. Что мирило её с собственным клювом.

— Я хотел по-хорошему, — сделали ей последнее предупреждение.

— Ты? — пошла Руана в атаку, одарив его миной невыразимого презрения. — Грязный северный варвар! В племени которого больше скотских традиций, чем у последних плебеев с восточных островов людоедов. Вы свиньи, научившиеся жить под крышей, но не разучившиеся гадить в собственных домах.

Он слушал её злобное шипение с видимым равнодушием. Руана уже почувствовала вкус поражения, когда вспомнила один из бесполезных уроков своего изгнанного учителя. Который иногда говорил дельные вещи.

— Вы обожаете горланить о своей особой несокрушимой чести, — пошла она прямо-таки на крайние меры. — Но бросаете сородичей подыхать на поле боя, спасая свои шкуры.

Заявление было абсолютно несправедливым. Да, у яранов существовала традиция жертвовать собой во имя спасения других. Когда несколько магов стояли насмерть, удерживая врага, пока остальные отходили. На западе тоже отнюдь не безобидные дикари: там есть столь же могучие маги. Со своими чудовищными техниками уничтожения людей. И схватки с ними отнюдь не прогулки на охоту за безобидной дичью.

Но подобная лживая трактовка боевых обычаев северян, приводила тех в ярость. Трусость — единственное обвинение, которое они пережить не могли и не собирались этого делать.

Мудрено ли, что назла подкинуло с табурета и швырнуло к лежанке. Заткнуть грязную пасть зарвавшейся девки. Руана даже не успела испугаться, кляня себя за идиотский план, когда её буквально смело на пол. Одеяло — как было и задумано — в полёте развернулось. И она шлёпнулась на пол в неопишимо пикантном неглиже.

То есть не совсем голой, но близко к тому. Рубаха, что прикрывала ноги почти до колен, задралась почти под самый пах. Незашнурованный ворот сполз с плеч, обнажив тело сверху по пояс. Хотя в целом она умудрилась шмякнуться не врастопырку. Приземлилась в позе, которую можно считать сексуальной.

Отбив задницу, локти и спину, Руана зашипела от боли. И рефлекторно подобрала ноги, стараясь не светить голые ягодицы. Одна рука так же машинально пыталась натянуть на обнажённую грудь рубашку. Вторая помогала отползать от разбушевавшегося назла. Глаза которого метали молнии. Грудь ходила ходуном, а ноги крались к добыче, неся с собой сжатые пудовые кулаки.

Убьёт — обречённо поздравила себя лихая безмозглая смертница. Которая как раз упёрлась спиной в стену: пути отступления были отрезаны окончательно и бесповоротно. Превосходный финал новой жизни: быть разорванной ополоумевшим магом на холодном грязном полу.

Хотя насчёт этого она была несправедлива: полы у неё тщательно вымели и вымыли.

Зато внезапно и во всех отношениях некстати проснулось либидо. Вот те на! Нашло время! Нет, оно и прежде порой пощекатывало при встрече с интересными мужиками. Всё-таки она уже взрослая девочка. Но этот провокатор ещё ни разу не набрасывался на неё, с такой ненасытной яростью вгрызаясь в тело.

Вот, что называется «быть сбитой с толку» — пришла в голову супер идиотская мысль. Ей надо орать во весь голос, надеясь, что хоть кто-то придёт на помощь. Руана же могла лишь таращиться на мужика, которого просто распирало от желания свернуть ей шею. Таращиться и облизывать вмиг высохшие губы.

Напугай женщину до мурашек, до кондрашек, и она проявит дивные способности к самосохранению. Вот смерть добралась до неё и нагнулась, чтобы растерзать. Из её глазниц во всю мощь лупило чистое кровавое пламя, раскочегарившее эту машину убийства. И тогда из Руаны вместе с последним вздохом вырвалось:

— Я хочу тебя.

Тихо, сипло и — на её взгляд — совсем неубедительно. Предсмертные хрипы кошки под асфальтным катком. И о чудо! Красное пламя в глазницах смерти замерцало, притухая. Её огромные лапы, опустились на обнажённые женские плечи, но кости лишь затрещали, а не разлетелись сотней осколков.

Прямо-таки неприлично похотливая жертва обвила толстую шею, вздувшуюся вибрирующими жилами. Она хотела всего лишь притвориться — её подбросило и понесло в жадном горячем вихре саморазрушения. Или самовозрождения — уже не до того, чтобы разбираться.

Девственное тело бедняжки Руаны сотрясалось от привычного Ольге наслаждения. Наслаждения обладать мужчиной. Бешеного, ненасытного... Будто с цепи сорвалась!

Нельзя так долго закручивать желания в звенящий, запредельно тугой жгут. Если уж тот, наконец, лопнет... Боже, как хорошо!

Разгорячённая, потная и опустошённая, она лежала рядом с ним. Положив голову на столь же разгорячённую потную грудь — на которой можно дрова колоть. Магия ДАРА превратила живую плоть назла в неприятную на ощупь и немного пугающую твердь. Будто на паровозе разлеглась: и жарко, и твёрдо, и сейчас как рванёт с места — костей не соберёшь.

Когда чего-то слишком много, оно перестаёт быть хорошим — вяло текли мысли Руаны во все стороны разом. Картины этой и прошлой жизнью мешались и вызывали размягчение мозга. Благостная слабость выжатого до последней капли тела, казалось, воцарилась в нём до скончания веков.

— Что теперь? — глухо прогудело в его вздымавшейся груди.

— Теперь давай отдохнём, — предпочла она вовсе не понять смысла поднятого невовремя вопроса.

Какого чёрта?! Зачем портить такой замечательный отходняк после такого сумасшедшего секса? Ей так изумительно, восхитительно хорошо, что...

— Ты поняла! — разозлился этот бездушный чурбан.

— Теперь можешь меня убивать, — благодушно разрешила Руана, млея от тяжести его руки на своей спине. — Я испытала такое блаженство, что даже ты стал похож на человека.

— Я польщён! — зло съязвил этот зануда.

Стрѐб в кулак волосы на её затылке и оторвал голову от своей груди. Совсем не больно, однако хамство поощрять нельзя.

— Отпусти! — угрожающе прошипела она, состряпав пронзительный прищур.

Получилось неплохо. Жаль на ярана не произвело впечатления. Он сухо повторил:

— Что теперь?

— Хорошо, — сдалась Руана и попросила: — Отпусти волосы. О серьёзных вещах предпочитаю говорить сидя.

Он отпустил — она села, и не думая прикрыться. Он удивлённо приподнял брови — она хмыкнула:

— Я тебе отдалась. После этого стесняться тебя просто нелепо. Я не ханжа.

Он кивнул и приказал:

— Говори. Слушаю.

И Руана решила, что сейчас лучше не лукавить. Вдруг получится обескуражить его неприкрытой честностью? И он отстанет со своей дебильной идеей, будто она намеревается захватить власть в империи. То есть, власть над императором — насчёт империи это она замахнулась.

— Сначала я намеревалась соблазнить тебя, чтобы тебя казнили.

— За насилие? — холодно усмехнулся Радо-Яр.

— За него.

— Что изменилось?

— Ты соблазнил меня. И всё полетело к демонам.

— Я? — внезапно опешил он. — Соблазнил тебя? Да, если бы ты не сказала... то, что сказала, я бы уже закапывал твоё тело за крепостной стеной.

— Ну, откуда я знаю, что произошло? — слегка закапризничала она. — Помутнение в голове произошло. Я захотела тебя, и я тебя получила. Какая разница, что мне ударило в голову? Ты что, священник? Ещё каяться меня заставь!

— Понятно, — процедил назл. — И что теперь?

— Издеваешься?! — возмутилась Руана. — Что ты заладил? Может, для начала ты мне скажешь: что теперь? К чему этот важный и ненужный вопрос?

— Ты действительно была девственницей, — этак простецки констатировал он, будто гинеколог на приёме. — И ты не придворная блудница.

— Я никому не скажу, — пожалала Руана плечами, озадаченно разглядывая его мускулистое тело.

С головы до ног. Поразительное дело: впервые видела, чтобы на мужском теле не произрастало ни единого волоса. Нет, может, они там и были. Но глазу не видны. Что это? Последствия работы с ДАРОМ? Их боевые штучки? На груди Викрата волосы растут —

своими глазами видела. А тут...

— Знаю, — как-то сразу поверил ей на слово Радо-Яр. — Ты не из тех женщин, что горазды на такую подлость. Но я должен знать, что тебе нужно от императора.

— Залезать к нему в постель я не собираюсь, — осторожно пообещала Руана, чувствуя, что его заходы неспроста. — А что мне от него нужно... Не могу сказать! — упрямо нахмурилась она. Это тебя не касается.

— Касается, — отрезал он.

— Не касается! — упёрлась Руана, всем лицом иллюстрируя, насколько это не его дело. — Яран, ты забываешься. У тебя не получится исправить наш... нашу случайность женитьбой. Ты не получишь надо мной власти. Поэтому заткнись и...

— Почему не получится? — внезапно абсолютно спокойно поинтересовался Радо-Яр, заложив руки за голову.

Подмышками у него тоже оказалась одна чистая кожа. Дамы на Земле обзавидовались бы.

— А почему Багена не может стать женой Таа-Дайбера? — раздражаясь на пустой разговор, проворчала Руана.

— Она боится родичей, — всё так же спокойно даже слегка равнодушно пояснил яран. — И меня.

— И что?

— А я ничего не боюсь, — усмехнулся он, прямо-таки наслаждаясь её обескураженностью. — Кстати, среди моих соплеменников не все тверды в нежелании породниться с таарами.

— Тогда, какого демона ты прицепился к Викрату?! — не на шутку рассердилась Руана.

— Он увёл у меня женщину.

— Судя по твоему тону, невелика потеря, — съязвила она, подумывая, что его пора выставить прочь.

Всё самое замечательное уже закончилось. А предстоявшее, ну, никак не вписывалось в приятную действительность.

— К тому же, — продолжила она, — ты только что обесчестил его невесту. По-моему, ты расквитался. Тебе мало?

— Мало, — так же внезапно помрачнел Радо-Яр, сверля её совсем нерадостным взглядом.

— Хорошо. Я не стану его женой, — не понимая, что происходит, покладисто согласилась обещанная невеста ещё на одну фальшивую потерю.

— Ты и так ею не станешь, — пренебрежительно процедил этот стервец. — Я не позволю.

— Ничего не понимаю, — пожаловалась Руана Создателю, оставившему её наедине с опасным дундуком.

— Что тебе нужно от императора? — резко сев, вцепился ей в плечи назл.

— Ай! — скривилась она. — Я и так в синяках от твоих лап! Больно!

— Что тебе нужно от императора? — не принимая жалоб, повторил он.

Ещё и встряхнул для острастки.

— Убирайся, — сообразив, что давно не переключалась в контрасте, хладнокровно потребовала Руана. — Надоел.

— Потерпишь, — покривился яран. — Мне повторить вопрос?

Неизвестно, чем бы закончились их дурацкие препирательства, если бы дверь в камеру не распахнулась. И на пороге бы не нарисовался Вели-Яр. Увидав их голыми в интересной позе, он побледнел. Сглотнул, покачал головой и с нескрываемой горечью посетовал:

— Она тебя всё-таки подловила.

— Не глупи, — поморщился его старший брат и встрепенулся: — Не пялься на мою женщину! Нюх потерял?

Руана хмыкнула: как знакомо!

— А ты прикройся, — прямо-таки по-хозяйски велел Радо-Яр, подцепив край одеяла и набросив ей на плечи.

— Чего стесняться блуднице? — машинально и совершенно бездумно съязвила она.

Однако начала кутаться. Хотя и не успела задрапироваться целиком, потому что его пальцы сомкнулись на шее. Синие глаза полыхнули гневом:

— Я в последний раз это слышу.

— Убери лапы, — насмешливо потребовала она. — Не понимаю: чего ты бесишься? И чем я отличаюсь от яраий? Вы же позволяете им падать в любую постель. С кем попало.

— Не всем, — неожиданно ворчливо пресёк её домыслы Вели-Яр.

Который преспокойно расселся на табурете, и не думая никуда уходить.

— В смысле? — не поняла Руана.

— Это нелепые басни, — поморщился он, в то время, как братец наворачивал на неё уже второе одеяло. — У нас есть свободные женщины и есть несвободные. Если женщина становится законной женой, никто не смеет к ней даже прикоснуться.

— Попала, — буркнула она под нос.

— Что? — уточнили они слаженным дуэтом.

— Ничего! — вновь разозлившись, рывкнула высокородная таария. — Убирайтесь! Вы не смеее тут отираться и меня компрометировать.

— Правда? — ехидно осведомился Вели-Яр, закидывая ногу на ногу. — А это ещё возможно?

— Хватит! — одёрнул его брат, спуская ноги на пол. — Сейчас оденусь и отнесу тебя наверх, — в приказном тоне сообщил он «своей» женщине.

— Не отнесёшь, — бесстрастно возразила Руана, прислоняясь к стене.

— Почему?

— Я остаюсь здесь, — максимально твёрдо уведомила она. — И только попробуй применить силу. Клянусь: ты перестанешь для меня существовать.

— Хорошо бы, — проворчал Вели-Яр, как ей показалось, искренно.

— Руана, — вздохнув, начал, было, мужик, так и не почувствовавший вкуса свершившейся мести.

— Убирайтесь, — стараясь не сбиться с избранного тона, повторила она.

— Вот же стерва! — почти восхитился брат жениха.

— Ну?

— Уходим, — сквозь зубы выплюнул Радо-Яр.

Не глядя на неё, натянул штаны, затем сапоги. Накинул рубаху, и выбросился из камеры, как кит на берег. Вели-Яр поднял с пола его камзол и поделился с Руаной своими мыслями:

— Знал бы, что этим кончится, убил бы тебя в первый же день твоего появления.

— Убивалка отросла? — ляпнула она привычную с детства отговорку.

Он вылупил на неё, как на царевну, превратившуюся на его глазах в лягушку. Зло

сощурился в фирменной Яр-Турановской манере и вышел вон.

Руана вслушивалась в удалявшиеся шаги до последнего звука. После чего блаженно растянулась на сбившемся тюфяке и сладенько потянулась:

— Это было великолепно. Кто бы мог подумать? Но замуж... Это ты, дружок, загнул. Не боится он, — ворчала она, елозя в постели, дабы растребушить под собой комки шерсти. — Тебе сестрица-императрица мозги-то вправит. Хоть от Викрата теперь отцепится, — зевнув, одобрила она результат своей наперекосячной авантюры.

И моментально заснула.

Проснулась, когда мочевого пузырь докричался в истерике до спящих мозгов. Выполнив все потребности организма и умывшись, она проинспектировала запас еды на дорожку. Ей приносили на троих — избыток продуктов аккуратно увязывался в чистое широкое полотенце.

Для побега рановато: скоро придут слуги унести-принести, прибраться. Делать нечего, и заключённая вновь залезла в постель. Где от скуки задремала. Чтобы проснуться, как говорится, в горячих объятьях.

Он вернулся. Судя по всему, с неприличными намерениями: освоенный назлом французский поцелуй был великолепен. Глаза горели, а руки в считанные минуты раздраконили тело беззащитной соблазнённой им жертвы.

Почему бы нет, когда очень хочется — скажет любая землянка, ибо это залог успеха. Больше чаще, чем реже — мысленно съязвила Руана, ласкаясь к горе непробиваемо твёрдых мышц. В прошлой жизни ей никогда не было так хорошо с мужчиной. А в этой она и попробовать не успела — не с чем сравнить.

Неизвестно, что думал яран о неподобающе опытной в сексе девственнице — она себя ни в чём не ограничивала. Заниматься любовью нужно от души. Отдаваясь целиком: не ломаясь, не торгуясь и не привередничая. Иначе на кой он вообще нужен — такой секс?

Она получила всё удовольствие мира, на которое был способен этот случайный и не случайный в её жизни мужчина. А потом долго-долго наслаждалась близостью его успокаивавшегося тела. Пока не открыла рот его не утомившаяся душа.

— Ты возвращаешься наверх, — не терпящим возвращений тоном приказал яран.

— Ты возвращаешься туда один, — вторила ему таария, попугайничая в интонациях.

— Чего ты добиваешься? — морщился назл, явно раздумывая о том, что он сильнее.

И не видя причин отказаться от намерения скрутить вредную стервозину.

— Я не обязана посвящать тебя в свои намерения, — холодно декларировала Руана, демонстративно отстраняясь. — И хочу остаться одна.

Только бы не сфальшивить — твердила она себе, тщательно контролируя каждый взгляд и вздох. Чтобы он так и увяз в личных проблемах с капризной бабой. И не вернулся к навязчивой теме её планов насчёт императора.

Кончилось всё тем, чем и должно было. Назл расвирипел и унёсся прочь ослепшим от ярости носорогом. Руана поинтересовалась у слуги, что запирает за ним дверь, который теперь час. Оказалось, что уже вечерние сумерки. А через пару часиков и вовсе стемнеет.

— Пора, — вздохнула она, одеваясь. — Прости, моя Радость Ярая, но я тебе не доверяю. У тебя сестра императрица. Хуже репутации не придумать. Так что приятно оставаться. А я пошла, — в сотый раз оглядела она свою каморку. — Надеюсь, до утра ты не вернёшься.

В противном случае, третьего шанса он уже не даст — волновалась она почище, чем перед вступительными экзаменами в универ. Главное, нигде не ошибиться — зря, что ли,

столько прикидывала да высчитывала? Билась коленками о ступени крыльца, затягивая время. А сама всё высматривала расположение крепостных стен.

Жаль, что в тюрьгу попала в бессознательном состоянии. Ну, ничего: не промахнётся. Не имеет права. Совсем скоро привезут Ати. И это не шуточки. Никогда себе не простит, если с сестрёнкой что-то случится — нагоняла на себя страху Руана, сооружая из полотенца импровизированный рюкзак. И выискивая в магическом пространстве поток ДАРА.

Графиня

Сооружать полноценный туннель, где можно ходить ногами, времени совсем не было. И Руана ограничилась примитивным кротовым лазом. Пойманный поток ДАРА прочищал ей лаз, в котором более-менее комфортно ползти на брюхе. Она не гордая — она ползла.

Поначалу дело двигалось туговато: твёрдые породы разрушать трудней. Чем ближе к поверхности, тем работа шла веселей. С крепостной стеной она чуток не рассчитала: рановато поднялась наверх и уткнулась в подземную кладку из гигантских блоков. С другой стороны, теперь точно знала, что не вылезет внутри крепости, потешая народ.

Наконец, грязная и счастливая выбралась из земли. Почти на виду у сторожей, заседавших на башнях — но те её не замечали. Чуток пообтряхнувшись, Руана понеслась в сторону городка, что заметила, когда назлы возвращали её из первого побега.

Давненько так не носилась — с последних пар по физре в универе. Впрочем, это было в прежнем теле. А в этом вообще не приходилось. Само собой, нетренированное тело быстро запросило пощады. Она перешла на шаг, затем снова на бег и так далее. К окраине городка притащилась вымотанная вдрызг развалина. С красной, как помидор, мордой и дрожащими коленками. Но рюкзачок с припасами не сбросила.

И тут ей, наконец, крупно пофартило.

В первом же дворе через приоткрытые ворота разглядела мужиков, увязывавших телеги. Судя по добротному подворью, куче строений и приличному дому, она сразу же набрела на жилище купца. И тот куда-то собирался, руководя погрузкой.

На проскользнувшую во двор тень никто не обратил внимания — и тут пока везло. Руана спокойно шла вдоль ограды к самому купцу, ругавшему кого-то за что-то. Как говорится, прямо по курсу. Не рассусоливая, и не тратя время на хитроумные планы, девица в грязной мужской одежде хлопнула по плечу добропорядочного торговца. А когда тот резко обернулся, выплеснула из глазниц белое магическое пламя — потоки ДАРА просто кишмя кишели над головой.

— Таария? — опешил купец, но тут же пришёл в себя и вежливо поприветствовал: — Желаю здравствовать и процветать.

— И тебе желаю того же, — нарочито холодно процедила Руана, остановив его поклон и ткнув пальцем в обалдевшего слугу: — Стой и молчи. Иначе умрёшь.

Мужик жалобно покосился на хозяина — тот подтвердил приказ:

— Не шевелись.

Приятно иметь дело с торговцами — оценила она его реакцию и благоразумие, сдержанно улыбнувшись. Не дураки и не психи — во всём для начала пытаются спокойно разобраться. У них отменная школа выживания.

— Ты уже понял, что я в затруднении, — без обвиняков заявила таария.

— Вы сбежали из крепости Яр-Туранов? — шагнув к ней, почти прошептал купец.

И вскинул взгляд на макушки шпилей, торчавших вдалеке над роцей.

— Сбежала, — не ломаясь, признала Руана. — И намерена вернуться в столицу, откуда меня... — замялась она, прикидывая, о чём лучше промолчать.

— Скрали? — осторожно предположил опытный умник.

— Люблю мудрых людей, — без капли неуместной лести похвалила его высокородная

замарашка. — Которые не станут действовать сгоряча. И не откажутся от выгоды там, где получить её безопасно.

Начитанный человек всегда превосходит невежу по числу везений — похвалила она и себя за предусмотрительность. Ибо сейчас на её талии был тот же пояс, что и на малом императорском приёме. Куда они с кормилицей аккуратно зашили несколько золотых и серебряных монет — сколько влезло в один слой.

Идея, естественно, принадлежала будущей графине Монте-Кристо. Которую на мякине не проведёшь: она барышня начитанная. Выполнила тонкую работу Урпаху, одобрив воспитанницу за нелишнюю предосторожность. Особенно в императорской цитадели, где чего только не случалось. И сейчас Руана пожинала плоды их совместных трудов.

— Этого хватит, чтобы доставить меня в столицу? — показала она купцу три полновесных золотых монеты.

За такую цену он мог доставить в любой конец империи толпу грязных девиц. Но доплата за риск предусматривалась в контракте отдельным пунктом.

— Я бы и так помог, — со вздохом заявил купец, не лаская жадным взглядом её сокровища. — Не люблю северян. Только ничего не выйдет. Они вас, поди, ищут.

— Думаю, уже да, — не стала Руана лукавить.

— Я-то как раз направляюсь в столицу, — обрадовал купец. — Только ж они обязательно залезут в каждый воз. Всё прошарят и вас найдут.

— Обязательно прошарят, — преспокойно подтвердила таария.

Купец с работником одарили её весьма заинтересованными взглядами: сообразили, что у барышни в котелке что-то варится.

— А твоих слуг станут обшаривать? — поделилась Руана своей замечательной идеей.

Купец понял, к чему она клонит, и хмыкнул:

— Зачем? Искать-то станут не кошель украденный. А такую... девушку в карман не засунешь. А что, так оно верно получится.

— Золото возьми, — сунула Руана монеты ему в руку. — Доберёмся до столицы, получишь столько же. И объясни своим людям, что Яр-Тураны вас не помилуют, если обнаружат меня в обозе.

— Что ж так немилостиво? — удивился купец, озираясь.

— Я их враг, — сухо приврала она. — И так им нужна, что назлы не побоялись утащить меня прямо с императорского приёма.

— Совсем оборзели, — проворчал слуга, укоризненно качая головой. — Вы, госпожа, не сомневайтесь: у хозяина народ не продажный.

— Тем более что и наградой за предательство будет смерть, — решила Руана, что не лишне будет напомнить о нравах северян.

— Таария-то у нас птица редкая, — заметил купец, убирая золото в поясной кошель. — Слыхал, что такая, если народится, получает редкий талант. И вовсе не благой, как у всего вашего племени.

— Так и есть, — вновь сделала Руана ставку на честность. — Мой талант несёт большие разрушения. Иначе я бы не смогла сбежать.

— Вишь, какая госпожа уважительная, — пробормотал слуга. — Смертью не грозила. А как подумать, так могла бы и...

— Отведи госпожу в дом, — оборвал его купец. — Скажи моей жене, чтобы приделали её в нашего слугу. А мне покличь управляющего. Да смотри: ни словечка никому прежде

времени!

Слуга закивал и указал рукой на дом: дескать, сделайте милость, госпожа, ступайте за мной. А какой у неё выбор — спрашивала себя графиня Монте-Кристо, отважно топая за ним. Добраться до цитадели самостоятельно, может, и выйдет. Вопрос: как скоро? Ей нельзя опоздать.

Уже после полудня она покачивалась в седле старого смиренного быка. Рядом с возком самого купца, где с ним путешествовала ещё и жена. Нуона оказалась мудрой величавой женщиной лет сорока. Остроглазой и остроумной. Именно она предложила таарии под кожаные походные штаны пододеть парочку холщовых. А под колет не по размеру другой поменьше.

Жарковато, конечно, зато фигура Руаны больше не напоминала женскую. Ей даже усы соорудили и презентовали рыжий парик, откромсав от него добрую половину. И теперь по плечам нового стража обоза разметались фальшивые кудри. А своя коса была обёрнута под кожаным шлемом вокруг головы.

Ехала она чуть поодаль от возка: на ближайшую к нему охрану обязательно упадёт придиричивый взгляд назлов. Но разглядывать всех стражей те вряд ли станут. Кому в этом мире придёт в голову то, что выдумала она? Никогда высокородная девица не стала бы рядиться простолюдином — да ещё мужиком. Им аристократический гонор не позволит.

Яраны налетели почти сразу после выхода обоза из городка. Шайку возглавлял Вели-Яр — его обманутый братец шукал свою пропажу где-то в другом месте. Назл приказал вытряхаться из возка всем, кто там находился. После чего бывалые воины обшарили бедный экипаж сверху донизу. Правда, возок не попортили, но всё барахло оттуда повыбрасывали.

Долго допрашивали купца с женой: кого видели, кого не видели, почему не видели того, кого надо? И, наконец, отпустили обоз с миром. Беглянку не сдал никто — вот, что значит, крепкая команда. Купец предложил госпоже перебраться в возок, где ей более уместно путешествовать. Однако Руана да и Нуона воспротивились опасному предложению.

И, как в воду глядели. На следующий день их остановила вторая шайка яранов. На этот раз под командованием незнакомого Руане назла. Но рожей так же похожего на братьев Яр-Туранов. Купец, выбравшись из возка, на их глазах подошёл к ней. Быстро шепнул:

— Это Горди-Яр. Хитрый собака, — и тут он хлестнул Руану плетью по сапогу, разоравшись на весь белый свет: — Я где велел тебе быть?! Тупица несчастный! А ну марш в хвост обоза! И передай своему дядьке: ещё раз ослушаешься, прогоню, к демонам, прочь! — кричал он ей вслед, потрясая плетью. — Будешь свиной пасти, умордище!

Так что обыск она до конца не доглядела. Зато никто за ней следом не потащился. И разглядывать под шлемом рожу юного дебила не удосужился. Кстати, здорово выручил её загар. Ибо местные аристократки старались прятать лица от солнышка. В моде была идеально белая кожа — не то, что у всякой там деревенщины. О чём Горди-Яр либо не знал, либо позабыл.

Путь до столицы занял почти двадцать дней. Их останавливали ещё пять раз. Третий налёт возглавлял сам Радо-Яр. Увидав его злое осунувшееся лицо, Руана даже пожалела мужика: он беспокоился о её судьбе. Вряд ли переживал за себя: ему-то чего бояться? Неужели она его зацепила? А назлы умеют влюбляться? А она сама, часом, не втюрилась в этого гада?

Вроде нет — прислушивалась к себе Руана. Однако твёрдой уверенности в том не

ощущала. Он ей нравился, что создавало помехи и не гарантировало чистоту эксперимента. Не было печали!

Двенадцать дней кряду она тряслась то верхом, то на возах с товаром. Порой сама себе казалась здоровенной отбивной на косточке: дороги новая вотчина не асфальтировала вообще — в отличие от Родины. Каково сейчас Викрату — даже не пыталась представлять. Лишь молилась, чтобы тот не наделал глупостей.

А порой Руана не верила даже ему. Однажды в голову пришла мысль, что Таа-Дайбер обменял её на шанс занять в супруги Багену. Сдал бедную таарию со всеми потрохами злым назлам. А сам благоденствует под сенью любви... Словом, мысль дебильная, но прилипчивая. И настроения не добавляла.

Наконец, утром тринадцатого счастливого дня обоз дотащился до торгового двора на окраине столицы. Для которой аборигены даже не удосужились придумать названия. Так и прозывали её: Столица.

Нурона обрадовала госпожу: мол, в цитадель им путь заказан, но у неё там служит дальняя родственница. С которой можно передать весточку, кому госпожу велит. Писать записку Руана не стала. Сняла с пальца скромное серебряное колечко — память о матери — и передала Нуроне. Оставалось надеяться, что Викрат его помнил.

Тот примчался на торговый двор следующим утром. С целой толпой своих отвязных егерей и загонщиков. Не яраны, конечно, но тоже парни не промах.

— Наконец-то! — тискал таар объявившуюся потерю с таким энтузиазмом, словно хотел задушить, как свидетеля своего промаха.

— Отстань! — отбивалась Руана, требуя поставить её на ноги.

А когда отбилась, задала единственный волновавший её вопрос:

— Почему ты меня не искал?

— Не искал? — оторвавшись от кружки с вином, удивился Викрат. — Это кто тебе сказал? Яр-Тураны?

— То есть, искал? — отлегло у неё на душе.

— И сейчас ищу, — плюхнулся он на грубый стул, который бы не развалился даже под слоном. — Уже нашёл, куда тебя эти подонки утащили. Только что направил туда посыльного, чтобы отменить твоё вызволение. Сам хотел этим заняться, но меня отговорили.

— Почему? — насторожилась Руана, садясь на его отставленное колено.

Чтобы пошептаться ухом в ухо.

— Лучше возвращаемся, — понял он подоплёку её домогательств. — По пути поговорим. Без посторонних ушей.

Таар отставил пустую кружку, приказал своим людям выдвигаться и поволок её на двор.

— Я не успела попрощаться! — заверещала Руана, оглядываясь на купеческую чету, что тихонько завтракала в другом углу обеденной залы.

— За тебя попрощались, — выволок её в дверь Викрат. — И щедро наградили. Не подставляй добрых людей. И без того полно свидетелей их помощи.

Он был прав. И Руана смирилась, пообещав себе, что когда-нибудь навестит Нурону с мужем.

Вскоре они объезжали стороной цитадель, чтобы въехать в неё через восточные ворота — в центральных Таа-Дайбер светиться не хотел.

— Викрат, у меня всего три вопроса. Но без ответов я не останусь. Или между нами всё кончено.

— Задавай, — весьма серьёзно отнёсся он к её ультиматуму.

— Отец знает, что со мной случилось?

— Нет. Мы посчитали, что это для него опасно.

— Да славится Создатель в веках! — облегчённо выдохнула Руана и продолжила: — Что у тебя с Багеной?

Он помрачнел, помолчал и буркнул:

— Ничего.

— Ты предлагал ей стать твоей женой?

— Раз десять.

— Она отказывается из-за родных?

— Из-за Яр-Туранов. Ты знаешь, о ком я. Багена не хочет, чтобы меня убили.

— И не убьют, — снова выдохнула она.

— В смысле? — моментально насторожился опытный придворный.

— Радо-Яра больше не волнует Багена. Да и ты тоже. Если она действительно не боится родичей, можешь тащить её под благословение императора.

— Что ты пообещала взамен? — непередаваемо ледяным тоном потребовал он ответа.

— Потом.

— Сейчас! — рявкнул таар таким громовым голосом, что бык под ним взбесился.

Пока утихомиривал его, успокоился и сам.

— Обещаю, что расскажу, — покладисто выдала аванс Руана, когда они с быком вернулись к ней. — Чуть позже. Потому что сейчас мне важнее знать: почему я стала врагом Мстиры? У императора и без того полно бастардов. А со своими бабами он вообще сбился со счёта. Но я отчего-то вызываю у нашей императрицы стойкое желание прикончить бедную девушку.

— Ты не знаешь? — озадаченно покосился на неё таар, стараясь держаться поближе.

Хотя быки не любили, что называется, тереться боками. И трусить бок о бок на них получалось плохо.

— Не знаю что? — старалась казаться спокойной Руана, хотя нервишки так и пошаливали.

— Странно, я думал: ты сразу поняла. Когда я только взялся описывать тебе фавориток с прочими его девками.

— Не говори загадками! — рассердилась она.

— Хорошо. Что объединяет всех любовниц императора?

— Они дуры.

— Они люди. И прекрати злиться. Единственная женщина-маг, делившая с ним постель, это его жена. Их младший сын унаследовал талант отца, поэтому они больше не заводят детей.

— Но ты же рассказывал о малютке Нала-Яри, — начала, было, Руана и осеклась, после чего досадливо признала себя курицей: — Она так и не стала его любовницей.

— Не стала, — подтвердил Викрат. — И никогда не станет. Сколько бы он её не уламывал.

— Ты хочешь сказать, — дошло до Руаны, — что следующий император может родиться лишь у пары магов? Поэтому императрицы всегда ярании?

— Ну, почему: всегда? Сто двадцать лет назад ею стала таария, — с деланной небрежностью возразил Таа-Дайбер.

— Всё, — кивнула она. — Поняла. Императрица думает, что я хочу родить второго обладателя императорского таланта.

— Я не знаю, что она думает, — как-то непривычно устало и обречённо произнёс он. — Но тебя похитили. И единственный в бешенстве.

— Он-то чего ерепенится? — не поняла Руана.

— А он изволил в тебя влюбиться, — съязвил Викрат.

— Да ладно! — опешила она. — Когда успел-то? Он меня видел всего один раз.

— Но захотел увидеть снова, а ты пропала. Он разозлился и разослал на твои поиски всех, кому успел дать пинка под зад. И чем чаще слышал, что поиски неудачны, тем больше тебя хотел.

— Недоступный плод сладок, — пробормотала Руана, согласившись, что подобные заскоки не новость у избалованных эгоистичных людей. — Он debil.

— Не смей оскорблять моего господина! — мгновенно окрысился на неё командующий императорской охотой.

— Дебил, debil, debil.

— Стерва!

— Слабак!

— Почему? — так же моментально остыл Викрат, обалдев от нелепого обвинения.

— Багена, — дала подсказку Руана.

— Чтоб у тебя язык отсох! — кривясь и скалясь, от души пожелал Викрат.

Она хмыкнула. Он помолчал, покуксился и вспомнил о более насущном:

— Так, почему Радо-Яра больше не волнует судьба Багены?

— Я не сказала: её судьба. Она его не волнует вся. Целиком.

— Тебе лучше объяснить, — веско заметил Таа-Дайбер, многозначительно кивнув на приближавшиеся ворота.

— Хорошо, — подумала Руана, что эту пустяшную тайну и без того скоро узнают все. — У Радо-Яра новый предмет домогательств. За которым, как раз сейчас он носится, как ошаренный.

Викрат всё понял. Сразу. Кажется, даже слегка ужаснулся. Или не слегка — оценила она размер его глаз.

— Ну, да. Это я. И что такого? — забеспокоилась дурёха, что явно поспешила с признанием. — Я такой же маг, как ярании. А они обладают полной свободой выбора. И если кто-то мне станет тыкать в глаза, что таарии так нельзя, я просто взбешусь.

— Обязательно скажут, — уныло предрёк потомственный таар. — И ты обязательно взбесишься.

— Ты меня презираешь? — осторожно уточнила Руана.

— Он тебя изнасиловал или...

— Или! И я этим довольна. Хотя не собираюсь вешаться ему на шею. Во всяком случае, до тех пор, пока Ати не получит своё благословение и не уберётся домой. Слушай! — вытаращилась она, сражённая внезапной мыслью. — Яр-Тураны могут рассориться с императором? Ну, когда начнут меня делить? Почему у тебя такая кислая рожа?

— Грубиянка, — буркнул Викрат.

— Подхалим, — не заржавело за ней.

— Я не пресмыкаюсь, а служу! — ни капельки не обиделся главный охотник королевства натурально кривых зеркал. — А тебе не пристало ходить с синяком под глазом.

— Ты не посмеешь! — восхитилась Руана экстравагантностью угрозы.

— Ещё как посмею, — пообещал Викрат, заметно прибодрившись. — Значит, ты совратила Радо-Яра. Чтобы столкнуть его с императором?

— Я его не совращала, — задумчиво возразила она. — Мы... как бы это назвать? Взаимно совратились.

— Ну да. У вас обоих есть для этого повод. У одного месть. У другой idiotский план спасения сестры.

— Почему он idiotский? — обиделась Руана. — Я им горжусь. Потому что теперь твоему господину точно будет не до Ати с Юбейном.

— Посмотрим, — буркнул Викрат.

И они прервали свою увлекательную беседу. Потому что навстречу из восточных ворот выезжала кавалькада придворных. Верней сказать, отряд. Потому что всадники все до единого яраны.

— Мы вляпались? — испугалась Руана.

Совершив такой грандиозный побег, трудно смириться с мыслью, что тебя поймали на финишной черте.

— Нет, — отмахнулся Викрат, и не думая уступить дорогу.

Яраны добровольно и дружно раздались в стороны, пропуская Таа-Дайбера со спутниками. На Руану все пялились, как на приведение. Однако ни единой реплики на её счёт отпущено не было. Они с Викратом беспрепятственно добрались до скотного двора. Спешились и направились домой. В сопровождении его подчинённых, не желавших оставлять командира один на один с возможной опасностью.

Неужели теперь придётся везде ходить под конвоем — мысленно покривилась Руана, стараясь выглядеть довольной. В конце концов, о ней беспокоились. Прослыть же неблагодарной свиньёй не хотелось.

Урпах сидела на крыльце, подперев щеку рукой. И задумчиво смотрела на выплывшую из-за угла воспитанницу. Бросаться на грудь и умыться слезами, не в её стиле. Однако и такое пренебрежение со стороны кормилицы Руана встречала впервые.

— Ты чего? — опасливо поинтересовалась она, добравшись до крыльца.

— В боку что-то щемит, — тоном целиком погружённого в себя человека, пробормотала Урпах. — И сон дурной приснился.

— Обо мне? — уточнила Руана, даже не зная, что сказать.

— Ох, и видок у тебя, — укорила её кормилица, брезгливо морща нос.

— Я восемнадцать дней толком не мылась, — обиделась графиня Монте-Кристо, пережившая то, что здесь не снилось ни одной приличной барышне.

— Ты ничего мне сказать не хочешь? — проворчала злобная старуха.

— Хочу, — ядовито шикнула Руана. — Все восхищаются тем, какой стервой я выросла. Интересно, чья это заслуга?

— Ну, точно что-то случилось, — со вздохом глубочайшего разочарования поднялась со ступеньки кормилица. — Пошли в дом. Буду тебя отмывать да расспрашивать.

Руана обернулась и увидела только спину сбежавшего Викрата.

— Мамушка, а он меня точно искал?

— Искал. А как же? — бормотала та, поднимаясь на второй этаж.

— А ты чего такая недовольная?

— Чему радоваться? — вяло огрызнулась Урпах. — Как мне отцу твоему на глаза

показываться? Если не доглядела.

— Ты о похищении?

Ответ она получила уже в своей спальне за закрытыми дверями.

— О твоём блудодействе! — шлёпнула её по заднице крепкая рука старухи. — Скажешь, не было такого?

От второго шлепка Руана ушла прыжком через креслице.

— Было! — с вызовом бросила кормилице, зная, что та от неё за такие пустяки не отречётся.

Урпаху опустила в кресло. Вздохнула и вдруг с какой-то непередаваемой надеждой спросила:

— Ты его хоть любишь?

— Кого?

— Полюбовника.

— Пока нет, — призналась Руана, упав без сил на кровать. — Но, знаешь... он мне нравится. Кажется, очень.

— Всё легче, — буркнула кормилица, как показалось, вполне довольна.

И вдруг подскочила с кресла, потрясая кулаком:

— Ты чего ж разлеглась на чистой постели?! Засранка бродячая! А ну, марш мыться!

Пропажа

Весть о том, что пропажа нашлась, разнеслась по цитадели моментально. Не успела Руана погрузиться в кадушку с горячей водой, как из замка припёрся посыльный. И долго возмущался манерами склочной старухи, что не допускала его убедиться в возвращении таарии.

Урпаха посоветовала бесстыднику убираться, пока на него не спустили собак. Тех в доме главнокомандующего императорской охотой было, как грязи. Придворный опешил, струхнул и сдался. Поплёлся докладывать господину, что с ним обошлись по-скотски, не дав исполнить его волю.

И что бы вы думали? Сгорая от нетерпения, коронованный кобель примчался самолично удостовериться, что его не пытаются надуть. К тому времени Руана уже выбралась из ванны. И запихивалась любимым паштетом с грибной подливкой, по которым скучала все двадцать дней.

— Император, — недовольно оповестила кормилица, принеся в спальню вместо свеженькой добавки тухлую новость. — Сам явился.

— Убери-ка это, — залезла в постель жертва похищения, попрощавшись взглядом с остатками паштета. — Как я выгляжу?

— Сытой и довольной, как блудливая кошка, — просто не могла смолчать старая юмористка.

— Неправда, — возразила Руана, прислушиваясь к торопливым шагам на лестнице. — Я страшно измождена своими злключениями.

— Ну-ну, — хмыкнула Урпаха, засовывая остатки обеда за перегородку.

В дверь требовательно забарабанили — кормилица посеменила открывать. Император буквально ворвался в распахнутую дверь. Моментально нашёл взглядом предмет своего вожделения и рванул к ней. Плюхнулся на жёсткую кровать. Охнув, потёр кобчик и, кривясь, осведомился:

— Как ты на ней спишь?

— Желаю единственному здравствовать и процветать.

— Да-да. И тебе тоже, — не вполне вежливо отмахнулся монарх. — Ну, рассказывай, моя пропажа.

— О чём? — устало осведомилась спасённая дева голосом умирающего из паршивого спектакля.

— Кто тебя похитил? — начал сердиться император.

То ли на лежавшую перед ним дуру, то ли на сопровождавших его придворных. Которые мешали ту дуру пощупать. Их монарх, конечно, не отличался даже зачаточной скромностью. Но и тискать баб в присутствии посторонних не позволял себе даже он.

— Не знаю, — с тяжким вздохом поведала Руана.

— А кто спас?

— Сама спаслась, — ворчливо обрадовала она любопытно таращившуюся свиту.

— Талант помог, — понятливо покивал император.

Но расспрашивать о нём не стал — к великому разочарованию десятка прихлебателей. Руана была уверена, что половина из тех, что притащились с монархом, здесь лишь из-за

этого. Интересно — пришло ей в голову — Яр-Тураны расскажут ему, как она сбежала?

Не хотелось бы — вдруг реально загрустила она. Потому что... если Радо-Яр разболтает её секрет, у них точно ничего больше не будет. Она только-только почувствовала желание научиться ему доверять. А без доверия он ей не нужен. Лучше одной. Или пуститься во все тяжкие под лозунгом «таария тоже человек и маг».

— Я пришло к тебе своего лекаря, — мягко уведомил венценосный попечитель юных дев.

Руана машинально посмотрела в его глаза: какие-то они уставшие, нерадостные. И даже вроде о чём-то её просят. Надо же. Напрашивалось не вполне уместное сравнение с бродячей собакой, непереносимым взглядом молящей о куске хлеба. Тяжко ему — сердобольно всколыхнулась женская душа. Достали все.

И уж точно не удивляет, что императору просто не с кем поговорить по душам. Ибо его душа никому не интересна — зато его власть манит к себе, как элеватор всех окрестных мышей.

— Незачем, — улыбнулась Руана, как можно, мягче, но без всяких там блудливых подтекстов. — Единственный, моё тело ничуть не пострадало. А моей душе никакой лекарь не поможет. Время лучший лекарь.

— Время лучший лекарь, — задумчиво повторил император и обернулся к придворным: — Как сказано, а?

Законченные подхалимы тотчас закивали, поддакивая: мол, да, бездна мудрости. Те, кто позволял себе иметь собственное мнение, кривились или делали вид, что оглохли.

— Единственный, вам с ними не скучно? — насмешливо осведомилась Руана, решив чуток встряхнуть и шаркунов, и оппозиционеров.

Всех паразитов разом. Какого хрена они сюда припёрлись? Кто их звал?

— Было бы весело, я бы к тебе не сбежал, — сверкнув бесячьими чёрными глазами, весело поведал монарх. — И впредь обращайся ко мне по имени. Ты ведь знаешь, как меня зовут?

— Не стоит, — в сомнении покачала она головой.

— Почему? — удивился император, как бы невзначай накрыв её руку своей ладонью.

Тёплой и мягкой — не то, что наждачные лапы назлов.

— Пожелания сдохнуть будут виться надо мной тучей мух, — по-старушечьи забрюзжала Руана, приняв нарочито скорбный вид.

Его величество расхохотался, вновь обернувшись к свите. У него там прямо мёдом намазано — вдруг почувствовала шутница нешуточное раздражение. Он её пришёл проведать, или перед ними лишний раз повываблуживаться?

А она-то чуть, было, не расклеилась. Едва ли не горевала над его нелёгкой долей. Смотри-ка, рентгенолог какой выискался. Прямо-таки все кости его души высветила, изочла и диагноз состряпала. Даже не вспомнила о фаворитках с прочими императорскими малютками.

Ну, уж нет — мысленно гаркнула Руана на своего сюзерена. Её на эти ваши штучки-дрючки не купишь! Он, конечно, чертовски обаятелен. Но она слишком привередлива: ей мужика подавай, а не артиста разговорного жанра.

— Единственный, — проникновенно верноподданническим тоном обратилась она к сюзерену, — могу я высказать невинную просьбу?

— Проси, — с готовностью дозволил угомонившийся весельчак.

— Когда посчитаете свой благотворительный визит окончанным, не забудьте забрать их с собой, — кивнула Руана на свиту. — Иначе я до вечера не доживу. Судя по их взглядам на обласканную вами счастливицу.

И он понял. Прочёл в её глазах всё, до последней буковки. Даже опешил на секундочку. Но быстро пришёл в себя и гневно свёл брови. После чего медленно обернулся. Товарищи придворные дружно возмутились хулиТЕЛЬНЫМ словам в свой адрес.

Руана слушала их зудение, пялилась на затылок монарха и ловила себя на ощущении, будто её выставляют напоказ. Дескать, смотрите и запоминайте: я наложил на неё лапу — чтобы других лап я на своей бабе не видел. Будет интересно посмотреть на него, когда руководитель империи узнает о её интрижке с его... как там они называются? То ли девери, то ли шурины — никогда не могла запомнить.

А может, она просто злится, что не получилось остаться с ним наедине? И чуток построить глазки? До приезда Ати осталось несколько дней. Если она так и не добьётся его всепоглощающего внимания, то внимание обратится на её прекрасную сестру. А как тут чего-то добиться, когда на тебя пялятся ревнивые фанаты? Готовые костями лечь, не допустив до тебя свою звезду во второй раз.

— Подождите меня внизу, — внезапно приказал император, вызвав бурю молчаливого возмущения на перекошенных физиономиях.

Которую он встретил своей бесчувственной спиной. Ибо его глянцево-красивые — чёрт возьми — глаза любовались девицей, растерявшей в дороге последние капли привлекательности.

— Я хочу тебя чем-нибудь порадовать, — многозначительно заявил коронованный ухажёр, вновь беря её за руку. — Завтра вечером в парке большой праздник. В честь твоего возвращения.

— Завтра? — удивилась Руана, робко потянув руку из захвата. — Неужели большой праздник можно подготовить за сутки?

— Пускай попробуют не подготовить, — хмыкнул он, крепче сжав руку.

И тут Руана решила немного понаглеть.

— А меня ваши фаворитки не утопят в бочке с вином?

— Не посмеют, — отмахнулся венценосный бабник. — Они знают своё место.

— Рада за них, — насмешливо проворчала Руана. — Они счастливей меня.

— Почему? — живенько заинтересовался он.

— Хотела бы и я знать своё место. А то мне тут сообщили радостную весть: оказывается, таарий замуж не берут. Даже с приданым. Для всех обладание ДАРОМ большое везение. А у меня оно, как у собаки пятая лапа.

Император заржал, одобрительно хлопая себя по ляжкам. И так, похохатывая нагнулся к ней:

— Я весьма доволен, что таарий не берут замуж. Ты драгоценная редкость. А все драгоценные редкости я стараюсь заграбастать первым.

После чего сплавляешь их по дешёвке — вспомнила Руана о том, как он выдаёт замуж своих фавориток.

— Я бы тоже старалась, — вежливо поддакнула она. — Если речь о подлинной драгоценности. Но со мной, единственный, вы явно переборщили. И выдаёте желаемое за действительное. Думаю, на празднике рядом с вашими фаворитками это станет очевидно.

— Да, они красивей тебя, — без обиняков отвесили ей паршивый комплимент. — И манеры у них куда привлекательней. Ты же отъявленная грубиянка.

— Да, мне говорили, — с безупречной беспечностью согласилась вообще-то урождённая аристократка. — Но, ничего не могу с собой поделать. Так что ваша драгоценность больше похожа на булыжник, валяющийся в луже.

— И меня это устраивает, — с нажимом произнёс монарх.

— А я не желаю быть посмешищем для ваших малюток! — изобразила она столь же безупречную обиду.

Всё-таки с момента возвращения памяти её притворство достигло небывалых высот. Во всяком случае, для малоинформативного средневековья. На Земле, понасмотревшись сериалов, ты уже предупреждён о людской неискренности. Тебе лепят прямо в лоб: все врут, никому нельзя верить. А тут...

— То есть, ты мне отказываешь? — прямо спросил домогающийся император.

— То есть, я должна подумать, — дипломатично подвела черту Руана. — Единственный, я даже не буду пытаться делать вид, будто вы... можете быть неинтересны женщине. Но у меня большая гордость. Лучше смерть, чем стать посмешищем.

— Что ж, — задумчиво покачал он головой. — Я терпеть не могу отказов, но в этом что-то есть. В конце концов, ты не простая девица. И я должен с этим считаться. Ладно, — спохватился он, поднимаясь, — тебе нужно отдыхать. Я удаляюсь. Но завтра желаю видеть тебя на празднике!

— Я похожа на идиотку? — хмыкнула Руана. — Не явиться на праздник в твою честь, всё равно, что обрядить свинью в дорогое платье, которое тебе шили целый год.

Естественно, и эта шутка прошла на ура — такой тут непритязательный народ. Похохатывая, император убрался восвояси. А Руана тотчас вылезла из постели и попросила:

— Мамушка, мне нужно одеться. Во что-то попроще.

Кормилица выползла из-за перегородки и пошлёпала к одной из подставок. Стащила с платья драпировку и гордо осведомилась:

— Такое сойдёт?

Руана помнила это вычурное безобразие, на которое без икоты не глянешь. Прежде шёлковое фиолетовое платье напоминало пышную клумбу. На которой цветочки произрастали на каждом квадратном сантиметре. Глаза бы вырвать тому модельеру, что нафантазировал это безобразие. А заодно и руки.

Теперь пышная, стоявшая колом юбка походила на узкий колокол без единой цветочной грядки. Рукава, что прежде напоминали две тыквы, засиженные ордой жемчужин, изящно заужены. Жемчужины ободрали и нанизали на длинную-длинную нитку — Руана как-то рассказала кормилице, что просто мечтает о такой. И теперь эта нитка висела на платье, спускаясь почти до колен.

— Потеряешь, — подцепив её пальцем, предупредила Урпах.

— Ты знаешь, что ты просто золото? — почувствовала Руана, что глаза на мокром месте.

Она подошла к своей мудрой пестунье и обняла её, зарывшись носом в пышный белоснежный чепчик.

— Конечно, знаю, — раздражённо отодрала от себя подлизу старуха, не покупавшаяся на комплименты. — А куда ты собралась?

— Ты не поверишь, — вздохнула Руана, залезая в сундук с бельём. — В императорскую

библиотеку.

— Вон как, — задумчиво протянула Урпах, пытаясь вырвать из рук бесстыжей девки обрезанные панталоны. — Отдай, зараза!

— Не отдам! — боролась Руана с её косностью и непобедимо цепкими пальцами. — Или пойду с голой задницей!

— А иди! — подзадоривала её кормилица, не желая уступить.

— Хотела бы, давно бы их выбросила! — стояла на том же Руана, гадая, когда панталоны треснут. — Меня двадцать дней не было.

— Забыла, — озадаченно призналась Урпах и выпустила добычу.

Руана одевалась, как на пожар. Фиолетовое платье облегалo её обалденно женственную фигуру с изящностью и непринуждённостью воды. Жемчужную нитку она завязала на груди узлом, прикрепив его булавками к платью.

Волосы оставила распущенными в пику всем придворным запретам на подобную распущенность. Кормилица поворчала-поворчала, и буквально силой натянула на черепушку безнадёжной деревенщины тонкий серебряный обруч. Как на бочку — мысленно выругалась Руана.

У неё аж руки дрожали, когда она слегка подкрашивала уголки глаз фиолетовой краской. А у старой няньки дрожали от смеха губы, когда аристократка напялиwała под дорожное шёлковое платье грубые башмаки.

И вот старшая дочь достославного господина Таа-Лейгарда — к тому же маг и признанная стерва — выбралась на площадь перед замком. Где, позабыв про манеры, помаршировала в один из домов на противоположном краю этого плаца для яранов.

И как бы вы думали: кого она там встретила? Правильно: сразу трёх братьев Яр-Туранов. Ну, парочка младших её не интересовали. Зато при виде старшего в груди слегка похолодело, а в низу живота затеплело.

Братцы были не одни. Вокруг них собралось около двух десятков северян обоих полов. В руках все держали деревянные клюшки, которыми аборигены играли во что-то вроде хоккея на траве. Все четыре ярании были в мужских штанах, и никто им не тыкал в глаза пресловутым бесстыдством.

Игру застопорило почти сразу по её выходу из дома. Но Радо-Яра она разглядела не сразу. Тот до последнего стоял к ней спиной. Забранные в хвост волосы заморочили Руане голову. А спины у назлов все одинаково безразмерные.

— Ты всё-таки добралась, — язвительно поздравил пропажу Пере-Яр.

— И всё-таки живой, — в тон ему позлорадствовала Руана, демонстративно не глядя на Радо-Яра.

Пыталась справиться с подскочившим и завибрировавшим сердцем. Даже не ожидала, что он её настолько волнует. Впрочем, в начале интрижки так всегда: пылаешь и плавишься. Зато со временем остываешь и твердеешь.

— А ты молодец, — более миролюбиво поприветствовал беглянку Вели-Яр. — Расскажешь, как нас обманула?

— Так, это вы её утащили из цитадели? — насмешливо осведомилась одна из яраний.

Самая молоденькая и хорошенькая.

— Нала-Яри, лучше заткнись, — процедил сквозь зубы Пере-Яр, грохнув клюшкой о камни.

— Сам заткнись! — посоветовали грубияну Руана и неуловимая любовь императора.

Они переглянулись и весело фыркнули. Фыркать им помогала половина игроков, сгрудившихся вокруг таарии.

— Так, что у тебя за техника? — спросил один, с показной небрежностью тигра, освоившего навыки атакующего и лазутчика. — Слыхал, у таарий она разрушительная.

— Какое шикарное платье! — похвалила молоденькая волчица-защитница, с любопытством разглядывая необычный фасон.

— Деревенская колючка обвела вокруг пальца всех Яр-Туранов, — издевательски подлил масла в огонь столь же молодой росомаха.

— И самого Урха, — всю помогал ему четвёртый яранчик.

Руана предпочитала их не слушать. Она подошла вплотную к Радо-Яру, который покинул компанию и стоял в десятке шагов от весельчаков. Задрав голову, она проинспектировала его каменное лицо. После чего скривила губы так, чтобы каждый мог убедиться в её нескончаемом презрении к этому гаду.

— Чего тебе? — неожиданно тихо процедил он.

— А ты мне совсем не рад, — констатировала она так же тихо.

Компания игроков дружно заткнулась: все наострили уши.

— Отойдём, — недобро зыркнула на них Руана.

Они отошли.

— Зачем? — сухо бросил Радо-Яр, глядя поверх её головы.

— Зачем я сбежала?

— Да.

— Ты знаешь: у меня тут очень важное дело. Но ты не захотел пойти мне на встречу.

— И чего ты хочешь теперь?

— Я дико соскучилась, — вздохнув, честно призналась она. — Ты меня зацепил больше, чем я хотела. Верней, я вообще этого не хотела.

— Я тоже, — брезгливо поморщился он.

— Это маскировка? — замерло сердце Руаны. — Или мне лучше никогда к тебе не подходить?

— Если я не увижу тебя сегодня ночью, приду за тобой в дом Таа-Дайберов, — выдвинул он ультиматум.

— Только позови, — отлегло у неё. — Но, у меня есть одно условие.

— Какое?

— Ты сделаешь всё, чтобы нас никто не видел вдвоём.

— Ты меня стыдишься? — холодно усмехнулся Радо-Яр, по-прежнему не глядя ей в глаза.

— Я так соскучилась, что ты приходишь даже во сне.

— Что тебя держит?

— Долг, — максимально твёрдо ответила она.

Он кивнул. Это ему знакомо. Это он мог понять, даже не зная подоплёки.

— Когда луна перевалит за полночь, — назначил яран время встречи.

— Куда?

— Просто выйди из дома.

— Если не придёшь, я тебя убью, — вырвалось у неё.

— Убивалка отросла? — издевательски ухмыльнулся назл, склонив голову и, наконец-то, посмотрев ей в глаза.

Руана, не задумываясь, вlepила ему пощёчину. Развернулась и потопала дальше, как ни в чём не бывало. За спиной компания яранов разразилась хохотом и поздравлениями в адрес получившего затрещину Урха.

Дом, в котором располагалась императорская библиотека, был третьим со стороны замка. Несмотря на дефицит территории внутри цитадели, вокруг него разбили настоящий палисад. Раскидистый декоративный кустарник весь осыпан белыми и розовыми звёздочками мелких цветков. На крыльце стояли каменные вазоны с цветочными клумбами. Массивная дверь была обита железом, на окнах красовались толстые решётки — такое вот дополнение к труду садовников.

Руана потюкала бронзовым молоточком по двери и прислушалась: внутри никто не откликнулся. Она ещё потюкала — ноль внимания.

— Меня тут не будут игнорировать, — предупредила она дверь, и взялась барабанить по ней всерьёз.

Старалась долго и была вознаграждена: к ней снизошли. Дверь распахнулась, и перед наглой посетительницей предстал старый яран. Однорукий и абсолютно седой. Старик одарил её насмешливым взглядом и басовито проскрипел:

— Даже не знаю: пропажа ты или находка.

— А это принципиально? — осторожно уточнила Руана, поклонившись ему по-крестьянски всем телом.

— Радоваться тебе или посоветовать тебя прикончить? — задумчиво пробормотал он, после чего встряхнулся: — Чего надо?

— Желаю здравствовать и процветать.

— Ну, это не твоя забота. Зачем пришла?

— Почитать, — вежливо поделилась она планами.

— Почитать? — поскрёб он бритый подбородок под роскошными усами, концы которых почти достигли пояса. — Любовных баллад не имеется. Я тут мусор не развожу. Сразу раздаю этот хлам придворным дамам.

— И зря, — всё так же вежливо поделилась своим мнением Руана. — Большинство лучше сразу сжигать. Едва выйдут из-под пера очередного бездаря. Среди ваших дам и без того полно дур. Зачем плодить новых?

Естественно, он заржал — яраны вообще смешливый народ. Но, что важней, старик отступил в сторону и разрешил:

— Заходи.

А, закрывая за ней дверь, он пристально оглядел игроков, устроивших на плацу гвалт.

Проводив посетительницу в обширное помещение, обставленное по периметру полками, яран подкинул ей провокацию:

— Выбирай.

— У меня мало времени, — посетовала Руана. — Может, поможете найти нужное?

Седые брови слегка приподнялись. Он удивился тому, как к нему обращались. «Вь» говорил местный плебс в разговоре с магами. А те, в свою очередь, «выкали» только императорской чете — даже наследник не удостоивался.

— Я пока не император, — намекнул яран, что неплохо бы узнать о подоплёке её подхалимства.

— И не станете им, — сдержанно пошутила Руана, оглядывая полки со свитками и книгами.

— А ты? — с виду слишком беззаботно поинтересовался старик.

— А у меня для этого нет сразу двух вещей.

— Каких?

— Его таланта и кое-чего в штанах.

— Ты и вправду умна, — без капли лести констатировал старый назл.

— Мстира была права? — машинально спопугайничала она за Радо-Яром.

Совершенно без задней мысли. Но лицо старика стало почти страшным. Таким каменным его не мог сострять даже Яр-Туран. А, если учесть, что перед ней матёрый назл, он и одной рукой с ней разберётся. В считанные мгновенья — нахалка даже пикнуть не успеет.

— Стало быть, ты знаешь, — проскрипел старик, чуток ожив.

И явно отказавшись от какого-то опасного намерения.

— Знаю что?

Руане страшно хотелось отпрыгнуть подальше от этого маньяка. Неимоверных усилий ей стоило подойти к нему вплотную. И доверчиво посмотреть в блёклые ледяные глаза.

— И смелая, — кивнул он и ткнул пальцем в облезлое кресло: — Садись. Поговорим.

Рыбка

— Итак, — уселся прямо на пол яран, скрестив ноги этаким благочестивым Буддой. —

Что ты хочешь знать?

— Всё, — брякнула Руана и уточнила: — О чём думала и о чём даже не подозревала.

— С чего начнёшь?

— С таарии, которая сто двадцать лет назад стала императрицей. Наверняка остались какие-то записи о ней и...

— Неинтересно, — небрежно прокомментировал старик.

— Почему?

— Потому что она так и не успела родить ни одного ребёнка.

— Её убили?

Трудно было не догадаться — ещё трудней промолчать.

— На десятый день после первой брачной ночи.

— Ваша работа? — решила Руана забросить с ним любое притворство.

От этого назла веяло не только физической силой, приправленной запредельно развитыми техниками. В нём чувствовалось величие... пожалуй, всеяранского вождя. Или что-то около того. Таким людям не лгут, перед ними не выламываются. А ей предоставили шанс: впустили на порог. Между прочим, библиотеки, где меньше всего ожидаешь встретить назла.

— Я погожу с ответом, — просто уведомили собеседницу, не пытаясь тонко намекнуть на толстые обстоятельства.

— Хорошо, — покладисто согласилась Руана. — В принципе, вы правы: это действительно не представляет интереса. А что представляет?

Она внезапно поддалась одному странному желанию, которое, наверняка смогла бы объяснить, будь время на анализ. Но времени не было. И она просто подчинилась внутреннему порыву: сползла с кресла и уселась на полу в такой же позе. Расправила на откляченных коленях платье и вопросительно уставилась на собеседника.

Тот сделал вид, что ничего аномального не произошло:

— Думаю, тебе интересней судьба другой таарии.

— И когда она была императрицей? — влёт догадалась Руана, о чём нужно спрашивать.

— Выпить хочешь?

— Только не воду, — поморщилась она. — Надоело выглядеть приличной в ущерб душевным позывам.

— Вина или?..

— Только не вашего традиционного пойла, от которого воняет навозом, — поморщилась культурная барышня.

Назл легко поднялся прямо из своей позы. Сходил куда-то в соседнюю комнату и принёс дорогую стеклянную бутылку. В которой плескалось нечто розовое. Вместо бокалов он притащил пару замызганных деревянных стопариков — один даже треснуть успел, разохшись от времени.

Усевшись обратно в позу лотоса, старик разлил вино. Достал из кармана камзола пару здоровенных яблок. Пальцами разорвал пополам одно из них и протянул гостье её половину.

— Я рад, что дожил до встречи с тобой, — произнёс он своеобразный тост в духе северян.

— Я буду рада, если переживу встречу с тобой, — не моргнув глазом, выдала Руана экспромтом.

— Умна, — одобрительно бросил назл и выпил.

Она для начала осторожно продегустировала подношение: вино оказалось полусухим и вполне себе ничего. Градус так себе: не развезёт. Допив свою детскую порцию, она хрустнула яблоком, прожевала и повторила:

— Так, когда она была императрицей?

— Триста лет назад, — задумчиво глядя мимо неё, поведал старик. — Если быть точным, триста четырнадцать.

— Накануне большой войны? Которую вы проиграли, выиграв.

— Можно и так сказать, — легко согласился он.

— Поэтому вы так ненавидите тааров? Даже сторонитесь их образа жизни. С дивным и труднообъяснимым упорством дураков.

— Что ты имеешь в виду? — оживился назл, с интересом разглядывая гостью, будто увидал её лишь теперь.

— Я имею лишь то объяснение, которое мне предоставили, — заранее предупредила Руана.

— Само собой, — нетерпеливо махнул он рукой, предлагая не тянуть резину.

— Яраны не могут простить таарам того своего проигрыша. Я имею в виду вашу неспособность благоустраивать землю. И ваше нежелание иметь поместья, в которых придётся прозябать обычными, в сущности, земледельцами. Мне объяснили, что вы предпочитаете разгульную жизнь свободных искателей драк. А в перерывах между ними безбедной жизни за счёт тааров.

— Ты поверила?

— Как-то притянута за уши, — признала Руана.

— Притянута за уши? — искренно восхитился старик. — Наслышан о твоём остроумии. Где ты берёшь свои прибаутки?

— Выкапываю из головы, — проворчала Руана, протягивая ему пустую тару: — Можно ещё?

— Не развезёт? — засомневался собутыльник.

— Посмотри на меня, — повела она плечами.

— Ты крепкая, — согласился назл, разливая вино. — Это меняет дело.

— Что именно?

— Твоя способность не верить на слово. И размышлять, ища верные ответы.

— Намекаешь, что дело не в вашей безалаберности? Хочешь сказать, что землю вам просто не дают? Это условие мирного договора? — осенило Руану.

— Ты подозрительно умна, — нахмурился старик, так и не вручив ей вина. — Неправдоподобно умна для своих лет. Я знаю твоего учителя. Он лишён дара воспитать подлинный талант.

— Дурак набитый, — поддакнула Руана, протянув руку за своим вином.

— Тогда, кто ты? — произнёс назл таким голосом, что у неё вслед за душой в пятки рухнул и мозг.

Захотелось удрать. Тут же на неё буквально обрушилось понимание: кажется, живой

отсюда не отпустят. Неужели всё оттого, что яранам не даёт покоя появление таарии? Но она-то не желает им зла!

— Ты не желаешь нам зла, — как-то устало прочёл он её мысли. — Однако боюсь, этого недостаточно. И да: тебя приговорили.

— Приехали, — буркнула Руана и вгрызлась в яблоко.

Так страшно ей не было ещё никогда. Все прошлые страхи показались мелочным мандражированием по пустякам.

— Приехали, — понял назл смысл её присказки.

— И что мне сделать, чтобы выжить? — как смогла, взяла она себя в руки, хотя голос предательски дрогнул.

— Для начала, рассказать: зачем ты здесь? — резонно предложил мудрый и влиятельный человек.

Который будто нарочно поджидал её в библиотеке. Верней, просчитал девицу, пытливые мозги которой непременно приведут её в хранилище полезной информации.

— Хорошо, — окончательно дошло до Руаны, что шутки кончились. — Я расскажу. Не называя имён, — выдвинула она своё условие.

— Рассказывай, — благосклонно разрешил он, протягивая стопарик.

Она опрокинула его залпом. Закусила и поведала о причине приезда в цитадель. Честно говоря, ожидала насмешек. По сравнению с мнимым свержением императрицы причина так себе. Однако старик счёл её вполне серьёзной. Он молча выслушал краткое ёмкое повествование и задал вроде бы невинный вопрос:

— Ты очень любишь сводную сестру?

— Я люблю свою единственную сестру! — внезапно рассердилась Руана, слегка отогнав этим страх. — Понимаешь? Она моя родная девочка. Которая всю жизнь смотрела на меня, как на самое восхитительное и дорогое существо.

— А ты?

— А я убью за неё! — выпалила Руана, подпрыгнув на затёкшей заднице.

— Ну-ну, — добродушно проворчал старик, поднявшись. — Не кипятись. Я всё понял.

— Но не веришь мне, — почувствовала она, поднимаясь вслед за назлом.

— Конечно, не верю, — указал он рукой на кресло.

В которое Руана опустилась с неожиданным для приговорённой к смерти облегчением.

— Однако, — продолжил назл, подтаскивая второе кресло, — ты заставила меня задуматься: так ли необходимо тебя убивать?

Старый хрен — поморщилась она.

— А ты как думала? — усевшись, старик укоризненно покачал головой. — Не только ты умеешь драться за любимых людей. Особенно за своих родичей.

— За родичей? — удивлённо повторила Руана.

И её вновь озарило — сегодня голова проявляла чудеса работоспособности.

— Ты родич Яр-Туранов?

— Забыл представиться: Туран Яр-Наг. Их отец, — простецки объявил однорукий назл, обещавший её прихлопнуть.

— Ты... отец Радо-Яра? — опешила Руана, веря и не веря в такой простой ответ на множество её подспудных вопросов.

— Вот, значит, как, — был озадачен и собеседник. — Интересно.

— Что? — машинально лягнула она, занятая своими мыслями.

— Ты упомянула именно его. Моего старшего сына.

— И что? — пыталась сосредоточиться Руана, ловя разлетавшиеся мысли.

— Не понимаешь?

— Нет.

— Это же просто, — укорил он легкомысленную девицу, занимавшуюся чёрте чем, когда её жизнь под угрозой.

— Не могу прийти в себя, — пожаловалась Руана.

— А придёт! — холодно приказал он.

И она выпрямила спину, вцепившись в подлокотники. Таращась на него квадратными глазами. Старик вздохнул, и помягчел:

— Если бы твои мысли были заняты исключительно заговором против моей дочери, её ты бы упомянула первой. Но из тебя выскочило его имя. Что, влюбилась?

— Нет! — вновь подпрыгнула Руана, готовая защищаться не на жизнь, а на смерть.

Будут ещё тут в душу к ней лезть! Пардон, она никого туда не приглашала. Тем более не позволит вламываться силой.

— Точно? — не скрывая иронии, переспросил старый хрен.

— Не знаю, — внезапно сдулась бедная дурочка, не способная разобраться в собственных чувствах.

— Поэтому и не уверена, что хочешь его погубить? Что таращишься на меня шлюхой, которой не заплатили обещанного? Ты ведь нарочно под него залезла? Чтобы столкнуть моих сыновей с императором? А пока они станут из-за тебя воевать, твоя прекрасная крошка сестра покинет цитадель незамеченной. Так?

— Так! — внезапно окончательно рассвирепела Руана, колотя кулаками по подлокотникам. — А ты чего хотел?! Что я стану жалеть твоих детей, когда угрожают Ати?!

— Что ты разоралась? — удивился назл, насмешливо наблюдая за её истерикой.

— Потому что надоело! — продолжила сатанеть Руана, чувствуя, что под крышкой ещё остался пар. — Развели тут бордель! А я вместо того, чтоб наслаждаться жизнью, должна изворачиваться. Ещё и беспокоиться за твоего сына... Кстати, а почему я должна за него бояться? — ядовито осведомилась она, чувствуя почти ненависть в папаше распутной императрицы, не желавшей приструнить мужа. — Между прочим, он меня похитил. Измывался над беззащитной девушкой, которая...

— Прости, над кем? — вежливо переспросил старый мерзавец.

Только тут Руана почувствовала, что он вообще-то расслабился. Лицо стало таким же насмешливым и живым, как до начала серьёзного разговора. А она распахнулась, как дура. И подставилась, давая врагу преимущество. Ловись, рыбка, большая и маленькая — назойливо крутилось в башке. Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Впрочем — пришло ей в голову — преимущество с самого начала на стороне старика. Не стоит заблуждаться на сей счёт даже ради повышения самооценки. Да и враг ли он ей? Что-то уж больно добренький.

— Значит, ты за него боишься, — по-отечески мягко констатировал папа Туран.

Насколько Руана слыхала стороной, один из величайших воинов этой эпохи. А может, и парочки соседних. Недаром ему руку оттяпали, а на инвалида старик никак не тянет. И сыновья такие же борзые.

Но, увы, ничего у тебя не выйдет — так же мягко улыбнулась Руана бывалому

провокатору. Опоздал ты, старый хрен. Она уже пришла в себя. И второй раз ты её не достанешь.

Руана вздохнула и зашла с козырей: с честности. Частичной.

— Побаиваюсь, — невозмутимо ответила она, эксплуатируя старый проверенный контраст. — Пока он меня устраивает в постели, не хотелось бы терять такого самца.

— Молодец, — похвалил ей старый прожжённый вояка, превзошедший современников в технике лазутчика. — Всё больше убеждаюсь, что моему Урху с тобой повезло.

— Ты нас уже поженил? — холодно усмехнулась невеста.

— Зачем? Это вы и без меня сделаете.

— Мечтать не вредно, — машинально выскочило из неё полузабытое присловие.

— Вредно не мечтать, — согласился могучий старик.

Руана невольно хмыкнула: надо же, прямо в строчку совпало. И решительно пошла в атаку:

— Можешь меня убить, но я не отступлю. И мне совершенно безразлично, кто кому свернёт шею: твои сыновья императору, или он им. Ати уедет отсюда женой своего мужа.

— Это я тебе обещаю, — перебил яран её пламенную речь и вдруг спросил: — А тебе не приходило в голову, что вся эта история с соблазнением твоей сестры слишком... м-м...

— Притянута за уши? — помогла ему Руана, жёстко настраиваясь не реагировать на провокации. — Мне приходило это в голову. Но рисковать я не стану. И знаешь, мне действительно нужно дожить до её приезда. Поэтому я не буду сталкивать их лбами. Радо-Яра и твоего зятя. Я просто соглашусь стать очередной императорской подстилкой, — подняла она руку, не давая вставить ему любые возражения, которых не желала слышать. — И мне плевать на ваши измышления по поводу императрицы-таарии. Как только я покину вместе с Ати цитадель, вы все успокоитесь.

— А Бруст успокоится? — насмешливо уточнил господин Туран.

— Намекаешь, что император станет меня преследовать? — в ответ мило улыбнулась подлая девка. — Пускай попробует. Думаешь, меня это растрогает?

— Думаю, он станет твоим врагом, — с полной уверенностью в голосе подтвердил её мысли старик. — Хорошо. Это мы прояснили. А теперь давай-ка проясним другое.

— Что? — насторожилась Руана.

Внешне безупречно сохраняя маску полнейшего равнодушия ко всему, что может последовать.

— Молодец, — вновь похвалил её старик. — Вижу, ты готова к серьёзному разговору.

— А до этого мы шутили? — деланно удивилась она.

— Трепались о пустяках, — холодно отрезал яран.

И в его глазах полыхнула кровавая молния.

Оглушённая и обалдевшая — она спустилась с крыльца библиотеки. Чувства двоились, троились, сталкивались, шли трещинами и рассыпались прахом. Чтобы возникнуть из пепла и снова устроить мозголомную толкотню. Ловись, рыбка, большая и маленькая. Уже попалась? Всё равно ловись.

— И он ещё надеется втюхать мне своего сынка? — бормотала она под нос, беря по площади и ничего перед собой не видя. — Получить в приданное такого свёкра?

Хоккеисты, о которых начисто позабыла, никуда не слиняли. И с интересом наблюдали за неровной походочкой благородной девы. Она всё-таки перебрала. Чуть-чуть. Или просто отсидела ноги — чем не объяснение?

— Смотри-ка, живая, — восхитился Вели-Яр, приняюхиваясь, когда она проволоклась мимо него. — И пьяная.

— Опять выкрутилась, — проворчал Пере-Яр.

Их брат молчал, стоя в десяти шагах от траектории её полёта. Зато остальные вдруг загомонили. А ухо поймало стук подлетающих копыт. Руана машинально покосилась в сторону приближавшегося транспорта — обычная привычка человека, в мире которого сумасшедшее движение. И громко хмыкнула: к ней подъезжал император. В прямом и переносном смысле.

— Для игры с яранами нужна серьёзная подготовка, — весело проинформировал он Руану, внимательно всматриваясь в её тупенькое личико.

— Я с ними не играю, — пытаюсь контролировать язык, возразила она, осторожно склонив голову. — Я иду.

— Куда?

— Спать.

Император озадаченно глянул на солнце и удивился:

— Не рановато? Может, моя драгоценная таария пожелает прогуляться с самым горячим её поклонником?

— От меня дурно пахнет, — честно предупредила Руана. — Я слегка переборщила с вином.

— Откуда ты идёшь? — нахмурился венценосный, с подозрением разглядывая ухмылявшихся игроков.

— Из библиотеки.

Яраны — и те, что на земле, и верховые — заржали, игнорируя присутствие монарха. Тот досадливо махнул рукой, приказывая им заткнуться. После чего изволил пошутить:

— Может, зря я туда не захоживаю? Там, судя по всему, интересно.

— Ага, — кивнула Руана. — Вино и девки. Это же библиотека.

— Поднимите её ко мне в седло, — велел император ближайшим яранам.

Руана буквально взлетела над землёй — аж голова закружилась. И опустилась в монаршее седло перед единственным. Тот обхватил её талию рукой и понукнул быка. Забыла — посетовала она, когда игроки остались за спиной. Забыла сказать Радо-Яру, что это не всерьёз. И вообще его не касается.

Пока они доехали до центральных ворот цитадели, обросли целой толпой сопровождающих. Не только яранов, но и тааров. Те и другие демонстративно не смешивали ряды, подчёркнуто держась своих соплеменников.

— Они у вас что, воюют? — прикинувшись более пьяной, чем на самом деле, спросила Руана у императора.

— Кто? — не сообразил он, куда занесло её мысли.

— Приближённые. Единственный, они же сторонятся друг друга. А если подерутся? Кто будет спасать своего императора? Когда на нас с вами нападут. Сволочи.

— За драку в моём присутствии их ждёт суровое наказание.

Он не говорил, а томно мурлыкал, обцеловывая её голову. Таары слева были целиком и полностью поглощены закидонами своего господина. На паре лиц Руана поймала выражение глубокого удовлетворения. Судя по всему, тем, что происходило на императорском быке — невозмутимом, как трамвай.

Яраны справа то и дело хмуро косились на выкрутасы монарха. Обалдеть — удивлялась

Руана, вяло отстраняясь — что, уже все яраны знают о её пашнях с Яр-Тураном? Или это болельщики императрицы? Что, уже все яраны знают о её намерении свергнуть Мстиру? Как же они её достали! Сплошные параноики. Один папа Туран нормальный.

Кстати, о Туранчиках. Интересно, Радость Ярая сейчас бесится? Или ему плевать? Получил своё и успокоился. Хотя нет, тут она передёргивает. Он же ревнивый, как целая рота Отелло. И такой же дурак.

— Птичка моя, — зудел в ухо император, — ты сегодня на редкость молчалива.

— Я не птичка, — со вздохом возразила Руана, подставляя его губам ладонь. — Я рыбка.

— Какая рыбка? — игриво осведомился.

— Которую сегодня ловят все, кому не лень, — проворчала она. — И вообще, хочу на твёрдую землю. Мне бы полежать. А то мутит что-то. Неужели вам приятно лобызать пьяную бабу?

— Сейчас полежим, — моментально мобилизовался взбудораженный перспективами ловелас. — И что это за вульгарность: баба! Ты не баба. Ты редчайшая драгоценность в моей короне.

— Ой, да оставьте уже! — хлопнула она по руке, подбирившейся к левой груди. — Единственный, вы как ребёнок. Ну, посмотрите на меня. Какая, к демону, романтичность? Я же со всех сторон деревенщина. И обожаю грубиянничать. Меня просто мутит от сладостных речей и сюсюканья.

— Пожалуй, я слегка переборщил, — ничуть не обидевшись, весело согласился монарх.

— А я подвернулась вам под руку не в лучший час, — покаялась пьянчужка. — Лучше вернуть меня кормилице. Она меня взгреет, а потом уложит спать.

— Так строга? — деланно ужаснулся император, вновь пытаясь облапать грудь.

— Хочу на землю, — капризно напомнила Руана. — Простите, но меня мутит. Интересно, какое наказание положено тому, кто вас испачкает?

Он хохотнул и поднял руку. Кавалькада остановилась. Руану стащили с быка и поставили на обочину. Тут же между ней и покинутым императорским быком вклинился какой-то яран.

— Тигр, — цапнула его за рукав зевающая распутная девка.

— Чего тебе? — презрительно процедил тот.

— Не груби, — усмехнулась Руана. — Лучше помоги смыться.

Защитнику и лазутчику даже не пришлось растолковывать, чего от него хотят. Он пристально глянул в ословевшие девичьи очи и кивнул. Сделал кому-то какой-то знак и шепнул.

— Видишь те деревья? Добежишь? Не свалишься?

— С какой стати? — абсолютно трезвым голосом осведомилась притворщица, отметив взглядом цель.

И вновь посмотрела на него столь же трезвыми глазами.

— Понятно, — кивнул он, глянув на неё более уважительно. — Тогда давай. Пока тебя, — кивнул он на спешившегося императора, — не потребовали вернуть.

И Руана помчалась в указанном направлении. К живописно расположенной группе кучерявых деревьев, кроны которых склонялись почти до земли.

— Где она?! — вопил за спиной рассерженный монарх.

Обступавшая его плотная толпа колыхалась огромным спрутом, проглотившим

пойманную рыбу.

— Ловись, рыбка, большая и маленькая, — бормотала Руана, нырнув под первое же дерево.

Где улеглась на спину и с невероятным удовольствием закрыла глаза. Прохладный ветерок гладил покрасневшее от бега лицо. Дрожащая трава щекотала шею и руки. Солнце не могло пробиться сквозь густую крону, дабы пощипать её за веки.

Прямо, как у бабушки в деревне — прокатывалась где-то в черепашке засыпающая мысль.

— Ты что, дрыхнешь? — недовольно прогудело над ухом. — Нашла время.

— Отстань, — промямлила Руана, переворачиваясь набок. — Дай поспать.

— Соскучилась по императору? — иронично осведомился домогавшийся, теребя её за плечо.

Сон, как рукой сняло. Руана перевернулась на живот и приподняла голову. Вгляделась в оставленную толпу, которую пытался отутюжить императорский бык. Сам монарх вернулся в седло и что-то орал. При этом размахивал руками во все стороны. Руководит поисками — мысленно съязвила она — следопыт хренов.

— Видал? — усмехнулся за спиной другой голос. — Грамотная. Теперь верю, что она от Туранов сбежала.

— Хорошая реакция, — одобрил тот, кто усомнился в её желании сбежать от венценосного воздыхателя.

Она перевернулась на спину и хмуро спросила:

— Встать можно?

— Мы же стоим, — резонно заметил росомаха средних лет.

Видимо, другие техники мужику не даются.

— Руку!

— Держи, — протянул он Руане свою совковую лопату с каменными мозолями.

Помог ей подняться и уточнил:

— В цитадель?

— Давайте быстрее, — вежливо попросила она, опасливо оглядываясь на шум.

— Давай.

Уже через минуту они мчались обратно. Она сидела в седле перед росомахой, и никто не хватал её за грудь.

Придира

Её даже не назвать обманщицей. Ибо, вернувшись в свою спальню, Руана тотчас завалилась спать — как и обещала. Несмотря на вопли кормилицы, клеймящей бесстыжих засранок, что губят одно дорожущее платье за другим. Которых валяют, где ни попадя, все, кому не лень. А они возвращаются и преспокойно дрыхнут без покаяния.

Ну, спокойно-то выдохнуться Руане так и не дали. Сначала её разбудило недовольное бухтение ворвавшегося в дом императора. Которому почтительно, но вразумительно доложили, что его драгоценность вернулась домой пьяная вдрызг. Неизвестно каким макаром, но грязное платье навеивает недобрые мысли. И теперь деточка спит, как младенец, хотя и лишена совести начисто.

Успокоила императора настоятельная просьба горюющей кормилицы расследовать, кто её девочку напоил. Затем куда-то увёз и там наверняка избил. По крайней мере, одно из трёх обвинений было на совести венценосного. И тот ретировался, надавав почти рыдающей старухе десятки невыполнимых обещаний.

Не успела Руана снова заснуть, как примчался Викрат. Этот не ограничился воплями за дверь: ворвался в спальню и стащил с неё покрывало.

— Пошёл вон, — пробормотала она, шаря рукой по постели. — И накрой меня.

— Я тебя накрою, — со зловещей многозначительностью пообещал таар. — Убью, потом обязательно накрою. И так вынесу из дома.

— Лучше сожги в камине, — досадливо промямлила потенциальная жертва преднамеренного убийства. — А то обязательно напорешься на свидетеля.

— Какого демона ты удрала от императора? — зло процедил Викрат, оттянув её поперёк спины какой-то тряпкой.

— Захотела и удрала! — огрызнулась Руана, лягнув его в брюхо.

За что опять получила тряпкой.

— Ты что же похабник творишь?! — заверещала ворвавшаяся в спальню Урпах. — Опозорить нас вздумал!?

— Тебя-то уж точно нет, — устало пошутил таар, плюхнувшись в кресло.

— Ты дошутишься! — зловеще проскрипела мстительная старуха. — Ты у меня довеселишься. Я на тебя найду управу. Мне нынче сам император пообещал заступиться.

— Он заступится, — иронично протянул Викрат, закрыв глаза. — Запрёт твою ненаглядную идиотку где-нибудь в замке. И там, как начнёт заступаться, так пока не наиграется, не выпустит.

— Он может? — уточнила Руана, кутаясь в отвоёванное покрывало.

— А ты как думаешь?

— Викрат, мне показалось, или ты разочарован тем, что он не завалил меня на спину? — весело пошутила она, в душе отнюдь не веселясь.

После разговора с папашей Тураном ей вообще не до веселья. Этот гад сумел отравить ей жизнь молодую. Самым страшным, что можно только выдумать: подозрительностью. Ко всем подряд, не разбирая народ на людей и магов. А магов на яранов и тааров. Все они только и ждут, чтобы ею попользоваться. Гады ползучие!

— Не придирайся к словам, — поморщился таар. — Если хочешь попросить у меня

прощения, просто сделай это.

— За что? — изумилась Руана.

— Кто тебя напоил в библиотеке?

— Тамошний дедушка.

— Таа-Фолбан? Не ври. Он вообще не пьёт?

— Не знаю насчёт его тяги к воздержанию, но меня напоил болтливый старик.

— Старый дурак! — вспыхнул Викрат, звезданув кулаком по колену. — Жаль, что он сегодня уехал к себе в поместье. Догнать бы его да вздуть, как следует.

— Стариков бить нельзя, — нравоучительно заметила Урпах. — Грех это.

— Чем морали мне читать, лучше бы за ней следила, — кивнул таар на виновницу переполоха. — Император зол, как демон. Должен был заниматься делами, но после прогулки всех прогнал. Отец меня убьёт. Не подписан важный указ. Сорвано важное совещание. Оба верховных советника смотрят на меня зверями.

— А ты тут причём? — зевнув, безо всякого интереса осведомилась Руана.

— А я бросил тебя в одиночестве, — язвительно пояснил Викрат. — И крутился вокруг Багены. Именно так мне и скажут перед тем, как прикончить. Ты знаешь, что твой отец с сестрой уже в пути? И будут здесь через несколько дней.

— Не напомнишь, когда ты мне об этом рассказал?! — окрысилась на него Руана.

— Я не предупредил? — неверяще вытаращился на неё этот громогласный критик чужих косяков.

И перевёл взгляд на разбиравшую тряпки кормилицу.

— Нет, — сухо отрезала та.

— Не волнуйся, — ласково попросила Руана, укладываясь поудобней и закрывая глаза. — Завтра он устраивает для меня праздник. Там я его и обласкаю. Если он, конечно, захочет.

— Всё! Ступай-ступай! — налетела на добра молодца баба Яга, категорически не желавшая его поить, кормить да укладывать спать. — Расселся тут. Ей отдохнуть надо. Целый день куролесила.

И она-таки вытолкала назойливого визитёра за дверь. После чего долго стояла под ней, прислушиваясь к удалявшимся шагам. Наконец, внимательно посмотрела на безмятежное личико воспитанницы:

— Не ври: ты не спишь. Вон веки дёргаются.

— Я собираюсь, — проворчала Руана, рефлекторно их сжимая для пущей убедительности.

— Потом поспишь, — ультимативно заявила Урпах уже где-то над головой.

Кровать скрипнула, а в ухо дунуло:

— Детка, ты что же, замыслила стать любовницей самого?

На принятие решения ушло секунд пять. Если не верить родненькой кормилице, кому тогда вообще можно? Руана села, обняла упёртую старуху за плечи и прошептала:

— Мамушка, скажи: ты сильно ненавидишь яранов?

— С чего бы? — слегка удивилась та. — Они меня ничем не обделили. Зла не делали. А сплетни о них мне слушать зазорно. Я сужу людей по делам.

— То есть, признайся я, что мой любовник... — осторожно начала Руана.

— Радо-Ярка что ли? — насмешливо перебила её Урпах.

— Откуда знаешь? — стало очень интересно придире, поневоле ставшей чересчур

дотошной.

— А то я не видела, как ты на него пялилась. Там, на площади. Когда они своими палками махали. Опять же, он тебя отсюда и уволок. Что ж я, безмозглая?

— Ты не сердишься?

— На что? — иронично осведомилась злоязычная старуха. — На то, что ты уродилась такой умнущей, что чистая идиотка? Так не твоя же в том вина.

— Мамушка, прекрати! — боднула её Руана лбом в плечо. — Я же серьёзно.

— А если серьёзно, — задумчиво продолжила та, — я такого мужика от тебя и ожидала. Сильного не только кулаками, но и башкой. Он хоть добрый?

— А яраны могут быть добрыми? — насмешливо поддела её Руана.

— Ну, мне до иного народа дела нету, — строго указала кормилица. — Добрый ли он к тебе? Меня лишь это заботит.

— Ко мне он был добр, — вздохнула мятущаяся душа, положив ей голову на плечо. — Даже когда хотел казаться мерзавцем. Очень бдительно следил, чтобы я не покалечилась. И другим обижать не позволял. Знаешь, кажется, я ему нравлюсь.

— Конечно, нравишься, — уверенно заявила мудрая старуха. — У него ж на роже написано, — и тут она буквально сразила Руану: — Вот и муж для тебя подходящий. Этот уж точно не даст тебе куролесить. Будет держать о как! — поднесли к её носу добротный крестьянский кулак. — Ты, часом, не к нему ли ночью собралась?

— Во сне сболтнула? — напряглась Руана.

— Во сне ты спишь, — успокоила её кормилица. — Догадалась я. Не приспей тебе нужда крутить задом перед императором, ты бы со своим полубовником открыто виделась. Тебе ж все людские укоры, что волчий вой за Срединными горами. А хоть бы и под собственными стенами — всё едино. Кстати, детка, — в подозрении отстранилась старуха, искоса заглянув ей в глаза, — ты что же, решила провернуть свою затею?

— Влюбить в себя императора? Честное слово: оно само так вышло. Меня ж здесь двадцать дней не было. Мамушка, не поверишь: он сам в меня влюбился. Верней, в самую затею сделать меня своей очередной шлюхой. А завтра праздник.

— Обязательно в постель потащит, — согласилась помрачневшая старуха, кивнула каким-то своим мыслям и зловеще ухмыльнулась: — Только не дотащит он тебя. Помрёшь по дороге. А покойнице даже этот похабень побрезгует юбку задирать.

— Блестящая идея, — поблагодарила Руана, поцеловав свою гениальную наставницу. — А как я умру?

— Как-как, — проворчала та, вновь отстраняясь. — Сглотнёшь зелья, и повалишься замертво. Только момент не упусти. Слышь ты, задрыга?! Слишком близко его до себя не допускай. А то догадается. Наш император вовсе не дурак. Больше придуривается. А с той хитрости всех под себя подминает.

Хорошее настроение Руаны кануло, как не бывало. Вспомнилась попойка в библиотеке.

— Что ещё? — насторожилась кормилица.

На этот раз решиться не могла долго. Прикидывала: стоит ли тревожить старушку с железным характером, но, увы, с изношенным организмом.

— Говори. Я не помру, — догадалась та о метаниях девчонки.

— Мамушка, скажи... только честно! Отец меня действительно любит?

— Ну, ты и спросила! — шумно выдохнула кормилица. — Это ж... так сразу и не

ответишь.

— Ты сомневаешься, — тотчас придралась к её словам Руана.

И так ей стало тошнѣхонько — хоть ложись и вправду помирай.

— У мужиков к любви свои счёты, — строго указала ей опытная старуха, что распускать нюни вовсе не из-за чего. — Ты что же, думаешь, будто твой Радо-Ярка любит тебя? Такую, как ты есть? Какую лишь я да знаю? Он, дурочка, образ твой любит. Какой ты всем показываешь. Отважная да умная. За словом, как ты сама же говоришь, в карман не полезешь. Ты рядом со всеми этими размалёванными придворными клушами чисто невидаль. И сразу понятно, что не предашь. А это мужикам нужней всего.

— Знаешь, мамушка, — чуток отлегло у Руаны, — в настоящую, непритворную меня я бы и сама не влюбилась.

— Такую лишь мать любить и может, — горестно вздохнула кормилица, теребя передник и остановив взгляд на какой-то невидимой точке.

— И ты, — потёрлась Руана щекой о её затылок.

— И я.

— А отец?

— Отец и есть отец, — сухо отрезала Урпах, поднимаясь с кровати. — У него на уме свои затеи. И где твоё место в тех затеях, ведомо лишь ему. Всё! Хватит болтать. Ложись и досыпай. А я тут рядышком покараулю, — опустила она в кресло, где поджидало рукоделье.

И Руана действительно почти моментально заснула. Хотя алкоголь давно выветрился. А подумать хотелось о многом.

Проснулась в сумерках. Быстренько перекусила, помылась. Оделась и до полуночи блуждала из угла в угол. То хваталась за свиток, присланный ей из библиотеки неизвестным доброжелателем. То помогала кормилице перешивать очередное чудовищное платье. То пялилась в темноту за окном и кусала с досады губы: как медленно тянется время! То вдруг ей приспичило заново переодеться. Потому что заниматься сексом чёрте где в штанах страшно неудобно.

Урпах молча рукодельничала, не пытаясь лезть в душу. Тем более, отвлекать полоумную вертихвостку от её девчачьих терзаний. Она открыла рот лишь единожды. Дабы сообщить влюблённой дуре:

— Вот и полночь.

— А Викрат дома? — подскочила с кровати Руана, метнувшись к окну.

— Пойду гляну, — невозмутимо отложила шитьё кормилица и поднялась: — Если он дома и не спит, не обессудь.

— В окно вылезу, — хмуро пригрозила Руана.

— А и лезь, — фыркнула Урпах и выплыла за дверь.

Викрат был дома. И не один. По счастью, он затеял карточную игру, целиком занимавшую умы шести собравшихся перекинуться мужиков. Кстати, она так и не разобралась с местными картами, состоявшими из одних картинок. Больно уж замудрёно. Да и скучновато, честно говоря. Надо бы научить аборигенов играть в шашки. Или шахматы, хотя в этих она откровенно слабовата — рассеянно строила планы Руана, выглянув в открытое окно.

Второй этаж не пятый. Но потолки здесь высоковаты, и цокольный этаж имеется. Выходило, что ей нужно спрыгнуть почти с восьмиметровой высоты. А это вам не шуточки:

можно и ноги переломать.

Пока размышляла, из чего бы соорудить верёвку, на подоконник взобралась юная симпатичная ярания. Не кто иной, как сама знаменитая Нала-Яри. Неуловимая любовь императора уселась, свесив ноги в штанах, и весело прошептала:

— Готова?

— Думаю, как спуститься вниз, — пожаловалась Руана. — Может, по верёвке?

— Зачем? — удивилась Нала-Яри. — Хватайся за плющ и спускайся. Умеешь?

— Нет, — вздохнула таария, талант которой не подразумевал подобных навыков.

Она всё больше ползает — преимущественно под землёй. Вот это у неё получается превосходно.

— Не переживай, — добродушно посочувствовала волчица с отменно отработанной техникой атакующего. — В юбке, конечно, не так легко, как в штанах. Но, у тебя же свидание, — ехидненько хмыкнула паразитка. — Проще задрать юбку, чем стягивать штаны.

Она умна, злаязыка, но прямолинейна — кстати припомнилась оценка Викрата — хитрость не её стезя. Да уж, воистину не её.

— А в лоб? — машинально брякнула Руана.

Ярания хмыкнула и скомандовала:

— Полезем вместе. Смотри, как делаю я, и у тебя всё получится. Ты крепкая. В конце концов, захочешь его увидеть, сама спрыгнешь. Держи перчатки.

И она соскользнула с подоконника, повиснув на толстом стебле плюща.

— Захочу, — буркнула Руана, натягивая перчатки. — Но прыгать не собираюсь.

— Вот и умница, — похвалила её волчица. — Сначала хватайся руками за стебель.

Потом отрывай задницу от подоконника.

С её помощью у Руаны всё вышло гораздо лучше, чем она ожидала. Да и стебель имел кучу отростков, на которые можно опираться ногами. Так что вскоре они прогулочным шагом направлялись куда-то мимо загонов, где копошились скотники.

— Ничего, что он прислал меня? — чирикала Нала-Яри, держа беглянку под руку.

— Думаю, это привлечёт гораздо меньше внимания, чем его личный визит.

— Ну да. Урху почему-то важно, чтобы вас не видели вместе. А почему? Ты что, им брезгуешь?

— Конечно, — чопорно поддакнула Руана, приняв вид неподкупной добродетели.

— Правда? — вытаращилась на неё прямолинейная и простодушная девчонка.

— Конечно, правда. Потому и вылезла в окно, чтобы бежать к нему на свидание. Я бегаю исключительно к тому, кем брезгую.

— А! Ты шутишь, — хихикнула ярания. — Смешно ты меня разыграла. А ты действительно любишь нашего Урха?

— А ты действительно думаешь, что я хочу тебе в этом признаться? — передразнила её щебет Руана.

— Потому что он в тебя по-настоящему втюрился, — казалось, не слышит её грозная воительница лет пятнадцати от роду. — С Урхом такого никогда не бывало. Хотя баб у него полным полно. Всяких разных.

— Думаю, он будет тебе благодарен, — с трудом сдерживая смех, похвалила болтушку Руана.

— За то, что выболтала тебе о его похождениях? — внезапно очень серьёзно уточнила Нала-Яри. — Так лучше я и сразу. А не кто-то с гнилым языком и после. Когда ты

влюбишься в него по-настоящему.

Она умна — вновь припомнилась оценка Викрата — и не стоит покушаться на её легкомысленные замашки малолетки. В конце концов, император так ничего от неё и не добился.

— Нала-Яри, можно я задам тебе очень важный для меня вопрос?

— Задавай, — разрешила девчонка и прокричала какой-то птицей.

Они стояли под крепостной стеной, откуда им тотчас сбросили верёвку с огромными узлами.

— Сможешь подняться? — заботливо спросила волчица.

— Буду стараться, — вздохнула Руана, вспомнив уроки школьной физкультуры.

И физрука, для которого умение лазать по канату стояло на первом месте.

— А что за вопрос?

— Ты ненавидишь тааров?

— Ты мне нравишься, — моментально отреагировала девчонка.

— Ты мне тоже. А остальных?

— Я их терпеть не могу, — зло процедила ещё секунду назад безмятежно улыбавшаяся девчонка. — Они все надменные и подлые гады.

— Все? — придирчиво уточнила Руана.

Нала-Яри чуток подумала и вынужденно призналась:

— Не все. Твой дружок Викрат лично мне нравится. Он-то нас точно уважает. И никогда не творит против нас подлостей. Ну что, полезли?

Руана поддёрнула подол юбки и сунула его за пояс, обнажив колени. Волчица одобрительно кивнула и указала на канат: дескать, лезь первой.

И она смогла. Хотя на боевой ход стены подцепившие её за руки мужики втаскивали не женщину, а бескостный клубок нервов. Чего стоило уговорить руки, что её жизнь им тоже дорога, словами не описать.

— Теперь вниз, — жизнерадостно объявил один из её спасителей.

С невероятно знакомым голосом.

— Вели-Яр, какого демона ты радуешься? — просипела Руана, согнувшись и потирая дрожащие колени.

— Всегда говорил: у тебя отменные ноги, — отвесил тот издевательский комплимент, подталкивая безумную альпинистку к противоположному краю стены.

Где две огромные тени в доспехах возвышались прямо на бруствере с бойницами.

— Чтоб ты сдох, — выдохнула Руана, поднимая руки.

— После такого пожелания, ты отдалась моему брату, — проурчал Вели-Яр заласканным котом, обвязывая ей талию верёвкой. — Так, может...

— И не мечтай! — возмущённо пнула его Нала-Яри. — Скажу Урху, что ты соблазняешь его женщину, он тебе голову оторвёт.

После чего эта припадочная вспрыгнула на бруствер. Забрала у одной из теней край верёвки и ухнула вниз.

— Создатель! — оборвалось сердце у Руаны.

— Не бойся, — мягко посоветовал Вели-Яр, внезапно погладив её по голове. — Она же ярания. Ну, давайте, — скомандовал он теням.

Подхватил Руану за талию и поднял на бруствер. Вниз она плавно спускалась, любуясь полнощёкой луной. А под стеной её поймали грубые жадные руки, попытавшиеся выдавить

из неё кости.

— Рад... — только и успела вякнуть неумолимая искательница трудных отношений.

Он целовал её крепко и долго. А едва первый приступ его нетерпения схлынул, Руана отыгралась за все перенесённые муки:

— Радо-Яр, это ты?

Получилось отменно: ни капли издёвки — один сплошной наив. Он поставил её на землю. И отвязывая верёвку насмешливо похвалил:

— Смешно.

Затем подхватил на руки и куда-то потащил.

— Скажи, — обнимала его за шею Руана, возюкая губами по чисто выбритой щеке, — а нельзя было встретиться внутри стен? Сколько времени потеряно.

— Наверстаем, — успокоил её непробиваемый романтик.

— А сколько душевных сил.

— Восстановим.

— Ты хоть скучал по мне? Деревяшка бесчувственная.

— Очень.

— А вот я без тебя не скучала, — бросила она провокационное заявление.

— Исправим, — усмехнулся Радо-Яр, целуя капризницу в шею.

О её выходке с прогулкой в объятых императора ни слова. Ни единой интонацией не намекнул, что злится. Он реально радовался их встрече. Настолько в ней уверен? Или готовит хитрую месть? Обязательно жестокою и кровавую.

— Так, почему мы здесь? — закрывая ладошкой его губы, повторила она вопрос.

Он посерьёзnel:

— Отец поставил то же условие, что и ты: нас не должны видеть вместе.

— Нас видели четыре человека. Те, кого видела я. А скольких не заметила?

— Это мои родичи, — пояснил он, как само собой разумеющийся факт.

И опустил её рядом с растянутым на земле шатром. Из какой-то тёмной ткани — она его не сразу-то и разглядела. Перед шатром подготовили костровище — Радо-Яр тотчас занялся разведением огня. У входа в шатёр стоял низкий столик с кувшином и несколькими блюдами. Еда на них самая простая: поджаренное мясо, деревенские лепёхи, похожие на лаваш, зелень. И, конечно же, фрукты.

— Хочу вина, — грозно предупредила барышня, что не позволит себя ущемлять в любых удовольствиях.

— Налей, — преспокойно отказался он поухаживать за дамой, продолжая возню с костром. — И мне. Себе из кувшина, что на столе. А мне из того, что под столом.

Из вредности она сначала обслужила себя — даже отхлебнула половину серебряного чеканного стаканчика. Затем достала из-под столика второй кувшин. Вытащила пробку и поморщилась:

— Ты собираешься меня целовать после этого?

— Ты против? — прямо с корточек повалился на спину назл, с удовольствием вытянувшись во весь рост.

Не на земле, а на груде толстых войлочных подстилок. Такие яраны таскают в боевые походы — и, видимо, не только туда.

— Ну, почему же? — с ласковой издёвкой промяукала Руана. — Я не против. А рот тебе можно чем-нибудь завязать.

— Ты придираешься.

— Нисколечко.

— Давай и мне того же, — усмехнувшись, ткнул он пальцем в кувшин на столе.

Она поднесла ему стаканчик. Он принял и влил в себя вино, даже не приподняв головы.

Она села рядом с ним — он повернул голову и посмотрел ей в глаза:

— Ты понимаешь, что для меня это не подвернувшийся случай почесать похоть?

— Надеюсь, — процедила Руана, допивая вино.

И любуясь на протекавшую чуть ниже речонку.

— А для тебя?

Она помолчала, собираясь с мыслями — он терпеливо ждал.

— Я не могу тебе сказать, что люблю.

Он моментально нахмурился — а как иначе? Вечно эти мужики не дослушают!

— Пока не могу. Потому что любовь — это почти безоглядное самоотречение. Это великий труд сердца, — вспомнилась ей когда-то где-то прочитанная истина. — Это почти вся жизнь ради кого-то. А уж после остатки для себя.

Радо-Яр перестал хмуриться и буркнул:

— Ты права.

— Но... я уже не могу без тебя, — со вздохом выдала она и собственную правду. — Пыталась себя уговаривать, и ничего не вышло. Меня тянет к тебе. Будто кто-то чем-то опоил. И я всем сердцем не хочу этому сопротивляться.

— Иди ко мне, — попросил он, даже не коснувшись её.

И тут же с реки донеслось романтическое стрекотание лягушек, перемежаемое редким лирическим кваканьем. Ласкающая слух песня, под которую так чудесно целоваться.

Изыскательница

Как же славно лежать рядом с мужчиной, к которому бесконечно приятно прикасаться. Пускай он вовсе не красавец. Пускай даже грубоват. Пускай не даёт разгуляться твоим капризам — он всё равно восхитителен. Он ровно такой, каким ты воображала свой идеал.

И не врите, будто есть такие шибко умные женщины, воображение которых заточено под более высокие материи с устремлениями. Свой идеал рисуют и они — просто не бегают в поисках него, высунув язык. Ждут, когда сам явится. Главное, не проглядеть.

Как «шибко умная», Руана тоже не занималась поисками — он сам явился. И она не могла на себя нахвалиться: не проглядела! Это самый натуральный он: идеал. Ольга уже встречала такого в той жизни. Но опоздала: идеал любил другую. Зато привнёс в её жизнь страшную сумятицу с разочарованием, метаниями и прочими прелестями неразделённой любви.

Казалось бы, Радо-Яру нужна именно она. Вон его папаша даже на свадьбу намекал. Да и сама Радость Ярая вроде туда же гнёт. Что ещё надо? Живи да радуйся! Но судьба просто не может без подвохов. Так и норовит подгадить, где не ждёшь.

Теперь на пути Руаны встала иная преграда. С её точки зрения, нелепая. Но далеко не шуточная. За эти последние дни до неё со всей ясностью дошло: таары с яранами реально друг друга терпеть не могут. Даже больше: обе стороны готовятся остаться единственной в империи главенствующей силой. А противника превратить в холуёв.

И чего им спокойно не живётся? Тем же таарам — по сути, её собственному клану и отчасти кровной родне. Боятся, что заполучив для себя землю с правами феодалов, яраны захотят прикарманить всю остальную империю? Лишат тааров их богатых поместий?

Руане как-то не особо в это верилось. Если бы северяне и впрямь лелеяли подобные подлые надежды, давно бы что-то предприняли. А не тянули резину триста лет. Теперь-то они обижены — потому и готовятся вздуть тааров. В ней вот увидели угрозу их единственному стоящему преимуществу: не переходящему, как приз, месту императрицы. И в упор не слышали честных заверений Руаны о нежелании его узурпировать.

— Ты думаешь о чём-то неприятном, — поймал её на тяжёлых мыслях чуткий, как радар, назл.

Они лежали в шатре, откинув полог и слушая лягушачьи концерты. Руана — закутавшись в лёгкое одеяло. Радо-Яр, как есть, голым телом на грубых кусачих кошмах. Она заползла на него всей своей верхней половиной, лоя кайф и греясь. Он гладил её по голове, по спине, по ягодицам... впрочем, скорей, ощупывал. Будто всё никак не мог убедиться, что это принадлежит ему.

— Думаю, — не лукавя, призналась она.

Хотя время для тяжёлого разговора самое пренеподходящее. Недаром говорится, что все бабы — кошки. Руану беспрестанно и безотчётно тянуло потереться о переполненное силой мужское тело. Щекой, лбом, грудью. Поковырять его пальчиком. Пошлёпать по нему губами. Пройтись языком. Просто напасть какая-то!

А тут к тебе пристают с дурацким желанием повьяснить отношения.

— Обо мне? — задал он ожидаемый вопрос.

Потому что ни один таар не отдаст свою единственную дочь ярану. Тем более таарию.

Которая является его прямой наследницей. Нравится это остальным, не нравится — по закону она имеет все права на поместье Лейгардов. Весьма — по местным меркам — недурственное.

Но, главное: она вправе разделить его с будущим супругом. То есть, в пику остальным таарам, передать землю в руки врага. Именно так и будут рассматривать подобный выбор мужа.

— О себе, — почти не соврала Руана.

Всё происходящее — вся эта их долбанная политика — касалась прежде всего её жизни. И её права на свободу выбора. Которое въелось в сознание Ольги с младых ногтей. И переключалось в тело Руаны. Попробуйте навязать ей свою волю, и она объявит вам войну. Настоящую. До полной победы одной из сторон.

Создатель! Она ещё никогда так плотно и серьёзно не размышляла о своей жизни, как будучи голой, рядом с голым мужиком чёрте где. Умеет же она выбрать время для изысканий с анализом результатов. Лабораторная работа после секса — именно то, что украшает женщин.

— Император сходит по тебе с ума, — загнул Радо-Яр нечто литературное.

— А по малютке Нала-Яри? — иронично осведомилась очередная великая, но краткосрочная императорская любовь. — А, по остальным своим малюткам?

— Это другое, — буркнул он. — За всю свою жизнь Бруст любил только одну женщину. Которая его бросила. Вышла замуж и уехала в поместье мужа навсегда.

— Хочешь сказать, — насторожилась Руана, — что я её напоминаю? Чем?

— Характером. Хотя и в лице есть какое-то сходство.

— Но я не она, — сухо заметила женщина, по праву считавшая себя уникальной.

— Не она, — так же сухо поддакнул он.

— И я сделала свой выбор.

— Сделала, — вновь согласился Радо-Яр, упорно не желая взглянуть ей в глаза. — Но решать не тебе. Решать будет твой отец.

Руана села. Обхватила ладонями его лицо и повернула к себе. Вспомнила, как улыбалась Ольга, когда ставила кого-то на место. Вроде получилось вернуть то ощущение: нал в удивлении вздёрнул брови.

— Попробую тебе объяснить, — задумчиво начала она, подбирая слова. — Видишь ли, вы слишком привыкли к жизни при дворе. Где вечно из себя что-то изображаете. А настоящих себя прячете. Даже ты. И не спорь! — запечатала она его приоткрывшийся рот ладошкой. — Дослушай. Ты родился вождём. Прирождённым командиром. Значит, должен чувствовать: я тоже родилась командиром. И не потому, что таария. Потому что такая. Да, из меня всю жизнь лепили пирожное в сахарной пудре. Которое усиленно фаршировали патокой. Но это не стало моей натурой — лишь маской. Чтобы меня не вздумали переделывать силой. Знакомо?

— Ещё как, — усмехнулся Радо-Яр, убрав её ладонь с лица.

И прижав к груди. Однако дальнейших ласк не последовало: он слушал. Он должен был хоть немного разобраться в женщине, которую, похоже, выбрал для себя. И только для себя.

— Понимаешь, — продолжила Руана, вздёрнув подбородок и засмотревшись на звёзды. — Мои кондитеры остались далеко. Любой человек решит, что с их появлением я вернусь в состояние пирожного. И будет прав. Потому что далеко — это для всех означает

одно и то же: далеко.

— Хочешь сказать, — нахмурился он, — что для тебя оно вовсе не расстояние?

Ну, как можно к нему не тянуться — поняла Руана хотя бы одну из причин своей оголтелой привязанности. Он всё настолько правильно понимает, будто и впрямь читает её мысли. Это вовсе не означает, что он их приветствует. И даже не станет с ними бороться. Но, понимает же.

— Для меня «далеко» означает время. С тех пор, как я покинула дом, слишком многое произошло. И дело не в твоём дурацком похищении. За которое ты, кстати, ещё не расплатился.

— Скажи как, и расплачусь, — вдруг не усмехнулся, как обычно, а просто улыбнулся он.

Руана наклонилась. Поцеловала его и вновь прилегла на широкую грудь погреться: перед рассветом стало слишком свежо. Радо-Яр подцепил второе одеяло и заботливо укрыл свою мерзлячку. Она повозилась, устраиваясь поудобней, и пригрозила:

— Как только придумаю, обязательно потребую расплаты.

— Значит, — резюмировал Радо-Яр, — твой отец остался далеко в прошлом.

— Вроде того.

— Ты действительно не понимаешь, что он вправе вторгнуться в твою жизнь силой? — холодно осведомился мужчина, минуту назад обворожительно ей улыбавшийся. — В любой момент. И вся твоя бравада не будет стоить воздуха, который ты сотрясаешь.

— Может, — вздохнула Руана. — Думаю даже: обязательно попытается. Однако ничего не сумеет сделать.

— Ты так в себе уверена? — покривился он, как человек, презиравший пустые, но громкие заявления.

— До сегодняшнего дня не была, — провела она пальцами по его губам, исправляя это искривление.

— И что случилось сегодня? — убрал он её руку и зло сверкнул заледеневшими синими глазами. — Бруст? Надеешься на его защиту?

— Сегодня... Точней, уже вчера случился твой отец, — терпеливо пояснила Руана, привыкая к мужской ревности, которой в прошлой жизни её не баловали. — Он познакомил меня с одним старинным, но действующим законом. С которым — конечно же, совершенно случайно — меня никто прежде не ознакомил.

— Сколько тебе лет? — выпалил Радо-Яр, приподняв голову.

— Уже три месяца, как двадцать.

Он уронил голову обратно на кошму и злорадно ухмыльнулся.

— Да, — постучала она пальчиком по его широкому упрямому лбу. — По закону таария, достигшая двадцати лет, считается совершеннолетней и самостоятельной. Даже не выйдя замуж. Всё, как у яраний. А поскольку свободу я люблю больше, чем отца, ему меня уже не подмять. Как и вашему разлюбозному Брусту.

— Тогда зачем ты морочишь ему голову?

— А отец тебе не сказал? — сексуально проорчала она, целуя каменную статую, покрытую вечно горячей резиновой оболочкой.

Такое ощущение, что яраны рождаются с системой тёплых полов под кожей. В которой полно всяких там секретий — всплыли в голове полезные знания из биологии. Те секреты выделяют что-то уж чересчур заманчивое.

Во всяком случае, прежде у неё как-то не возникало желания облизывать потных

мужиков. Подобные сцены в фильмах вызывали стойкую брезгливость. А вот, поди ж ты. Это что, уже любовь? Тогда почему самоотречение не включается на полную катушку? Она вовсе не прочь кое в чём уступать. Ну... в чём-то несерьёзном. Иногда. Под настроение.

— Нет, — с подозрением покосился опытный лазутчик на ту, что претендует на его лавры.

— Странно, — пробормотала Руана, оторвавшись от его шумно задышавшей груди. — Я была уверена, что он тебе рассказал. О том, что я задумала.

— То есть, ты этого сделать по-прежнему не хочешь?

— То есть, мне пора возвращаться, — напомнила она, уклоняясь от обидного ответа.

— Сегодня же праздник, — сыронизировал назл, резко сев и стряхнув с себя томную деву. — В твою честь. Интересно будет посмотреть.

— На какое бесстыдство я способна? — проворчала Руана, барахтаясь и путаясь в одеяле.

— Не пытайся меня заинтриговать, — вытряхнул он девушку из тенет и сунул ей рубаху: — Одевайся скорей. А то не смогу тебя отпустить.

Затем вскочил на ноги и побежал к речке. Да что там: полетел, едва касаясь ногами земли. Красивый — умереть не встать. Просто глаз не оторвать.

Влюбляться в красивых мужиков, полнейший идиотизм — читала она себе просветительскую лекцию, натягивая рубаху. Особенно, если ты сама мало что из себя представляешь. Да, фигура у неё, что надо. Но полностью отсутствует то, что называют шармом. Пацанкость прикольно смотрится в девчонке-подростке. В двадцатилетней дылде она смешна и нелепа.

— Давай быстрее! — возмущённо фыркнула над ухом Нала-Яри. — Чего расселась? Сама же хотела вовремя вернуться.

Руана прихлопнула подпрыгнувшее сердце и выдохнула:

— Никогда больше не подкрадывайся!

— Я не хотела тебя напугать, — изумлённо вытаращилась девчонка, присев на корточки. — Ты сама испугалась.

— Блестящая логика, — проворчала Руана, закрепляя поясом юбку. — Интересно, кто тебя этому научил?

— Урх, — простодушно поведала ярания.

На этот раз сердце ухнуло куда-то в живот.

— Он принимает в тебе столь горячее участие? — старалась не язвить внезапно проклюнувшаяся ревность.

Как там Викрат описывал Нала-Яри? По достоверным сведениям она уже давно не девственница? И кто, интересно, этому поспособствовал? Не Радость ли Ярая? На которого девчонка явно неровно дышит.

— Ещё как принимает, — скучаяще пробормотала болтушка. — Он ведь мой отец.

— Что? — не успев разобраться с ревностью, начисто охренела Руана. — Твой отец?

Изыскания съехали с плоскости личного на окружающих и понеслись вскачь.

— Ну, мама говорит, что скорей всего он. Так по срокам выходит. Хотя, может и другой. Бывают же разные сбои.

— Когда он всё успевает? — по-старушечьи проскрипела Руана, пытаясь разглядеть в предрассветных сумерках торпеду на воде.

— Они были такими, как я. Совсем молодыми, — как само собой разумеющееся, выдала

ярания-скороспелка. — Ты готова? Тогда пошли. Им было по пятнадцать. Мама родила в шестнадцать.

— А почему не вышла за него замуж? — едва поспевала Руана за легконогой волчицей.

— В пятнадцать? — округлила та глаза в искреннем недоумении. — Зачем так рано? Какой в этом смысл? Когда ты ещё не перебесилась. Это опасно. Пойдём помедленней. А то ты сейчас лопнешь с натуги. Совсем задыхаешься. Нужно чаще бегать, — выдала она рекомендацию тоном учителя младших классов.

— Обязательно начну, — поспешно пообещала таария и уточнила: — Что ты имела в виду, когда упомянула про опасность?

Нала-Яри встала столбом. И медленно развернулась к собеседнице:

— Ты что, не знаешь про наши обычаи? Он тебе не сказал?

— Обычаи, связанные с замужеством? — догадалась Руана, что речь об этом.

— Ну да.

— И что с ними?

Девушка нахмурилась и нехотя процедила:

— За измену мужу у нас закапывают в землю. Живьём.

Она многозначительно зыркнула на потенциальную мадам яраниху и потопала дальше. Всем своим видом показывая, что лекция окончена.

Ну, вот и объяснение их разгульной жизни — как ни странно, немного успокоилась Руана, молча шагая рядом с насупленной девчонкой. При таких ужасных обычаях и вправду лучше заранее перебеситься. А замуж выходить лишь тогда, когда точно знаешь: это он.

С ним ты хочешь не только засыпать, но и просыпаться в одной постели. Потому что у яранов не в моде отдельные спальни. Они этого эстетства не понимают. Вместе, так вместе.

Вовремя её просветили — она благодарно покосилась на упрямый затылок своей без пяти минут падчерицы. Разве что, её мама всё-таки ошиблась. Интересно взглянуть на эту женщину. Если и она уже доросла до назла, вхождение в эту семейку начинает поддёргивать за нерв. Им за измену и закапывать не надо — к чему такие сложности? Каждый по разу отщипнёт, и от тебя останется лишь воспоминание да скальп.

В эти мысли Руана всплывала на стену в верёвочной петле. С ними нахамила прицепившемуся некстати Вели-Ярке. С ними обогнула угол дома Таа-Дайберов и с ними попалась.

— Ну, пока, — невозмутимо чирикнула Нала-Яри, чмокнув её в щёку. — Захочешь ещё ночной пикничок, зови.

И ускакала, довольная своей шалостью.

— Пикничок? — не слишком удивился Викрат, и отпил из высокой серебряной кружки вонючего пойма северян.

Он сидел в одной рубашке на крыльце. Ёжился и разглядывал ночную шлынду:

— Юбка грязная.

— И не только, — плюхнувшись рядом, согласилась Руана. — Дай отхлебнуть.

— Уверена?

— Озябла, — пожаловалась она.

— Держи.

На вкус вонючая жидкость была вполне себе: помесь пива с самогоном и дизтопливом. Торкнуло мгновенно: продрало от макушки до замёрзших ступней. Руану передёрнуло зато дивно расслабило. Она глотнула ещё — жизнь хорошела на глазах.

— Отдай, — раздражённо вырвал кружку Викрат. — Не хватало, чтобы меня обвинили в твоём растлении.

— Не волнуйся, — прижалась она к нему, уложив голову на плечо. — Я скажу, что это император. Сердце моё, не хочешь поговорить?

— Сердце моё! — передразнил он и съязвил: — А ты моя печёночная гниль.

Так аборигены называли цирроз. Кстати, нередкий среди тааров недуг. Те отчего-то спивались, что среди яранов встречалось крайне-крайне редко — почти никогда.

— Ты уходишь от ответа.

— Ты ещё вопрос не задала! — раздражённо отлялся Викрат, затем вздохнул и сдулся: — Ну? Чего тебе?

— Скажи: ты послушный сын?

Он всё понял моментально и помрачнел:

— Время от времени.

— А ты действительно хочешь жениться на Багене?

— Ну-у-у... — затянул он, явно придумывая, как поудачней соврать.

— Не старайся: всё равно не поверю. Ты хочешь на ней жениться. Выходит, что тебе прямая дорога в предатели рода, — вздохнула Руана, обняв его за шею. — Я, по-моему, уже на пути туда. Хочешь, скажу, с кем сегодня согрешила? И не сегодня тоже.

— С яраном, — чуть расслабившись, усмехнулся он.

— Подслушал, как мы шептались с Урпахой?

— Больно надо. Будь он тааром, ты бы так не выпячивала своё распутство. Если оно без политического душка, то никому не интересно.

— Викрат, мы можем поговорить откровенно?

— Смотря, что ты желаешь выпытать.

— Ты тоже против того, чтобы яраны владели землёй?

Он покосился на неё с видом отца, заставшего пятилетнего сына в его сапогах. Покачал головой — скорей для того, чтобы выиграть время для осмысления, чем в укоризну.

— Не хочешь, не отвечай, — пожалала она плечами, собираясь встать.

— Я не против, — устало признался таар, связанный со своим магическим кланом целой паутиной неразрывных пут.

С отцом, который его породил, вырастил и приставил к любимому делу. С братьями, которых он любил. С друзьями, которыми дорожил...

— Если честно, у меня в душе нет железной уверенности в правоте наших. И я бы не сказал, что моя привязанность к ним сильнее моей уверенности в их неправоте.

С прочими таарами — додумала Руана после такого признания — принадлежность к которым ему вовсе не дороже собственного мировоззрения. Видимо оттого, что Викрат почти всю свою жизнь провёл в цитадели. Где у него наверняка есть друзья и среди северян.

Сегодня просто день открытий — вяло ухмыльнулась Руана розовеющему востоку. Солнце ещё не встало, а она уже устала собирать новости со всех сторон. Будь она там, на Земле разведчиком, стала бы знаменита, как Штирлиц.

— Ты что, метишь в предательницы рода? Из-за своего ярана?

С виду пошутил, а глаза прицелились в неё, будто он и вправду может выстрелить.

— Я не знаю, — нехотя призналась таария. — Понимаешь, я просто не желаю, чтобы мои дети росли среди кровавых битв и смертей. Это несправедливо, — обозначила Руана свою позицию эгоистки и чуть-чуть патриотки. — Вдвойне несправедливо, если виной

этому будет мой собственный отец.

— Будет, — сухо выдал Викрат, по всей видимости, одну из тайн заговорщиков. — Хотя он всего лишь присоединившийся. И до конца не уверен, что это хорошая затея. Надеюсь, ты не позволишь своему ярану его убить?

— Пошли спать, — устало проямлила Руана, тяжело поднимаясь. — Иначе на празднике я буду вялой. И неинтересной единственному.

— Тебе лучше туда вообще не ходить, — цапнул её за лодыжку уже почти друг.

— С какой стати? — подёргала Руана ногой, но свободы передвижения не отвоевала.

— Мне нашептали, что тебя попытаются убить, — глядя ей прямо в глаза, прямым текстом заявил Викрат.

— Поэтому ты мёрзнешь тут и напиваешься? — присела она на корточки и протянула руку: — Дай хлебнуть? Я всего глоточек.

— Пьянь, — буркнул он, но кружку протянул.

Вместо одного задуманного, Руана успела сделать три полновесных глотка. Даже дыханье не перехватило — так была наэлектризована своими нынешними изысканиями, Зато кружку перехватила сильная мужская рука — вторая дёрнула её за руку:

— Сядь!

— Зачем? — снуло пробормотала она и зевнула: — Пошли спать.

— Ты пойдешь на праздник? — с нажимом потребовал он ясности.

— Конечно, пойду, — удивилась Руана его непонятливости.

— Почему? — помрачнел таар.

— Потому что от меня этого ждут, — как само собой разумеющееся, пояснила она. — А ты за мной присмотришь. И попробуешь угадать имя отравителя. Не того, кто подсыплет или накапает в бокал, а того, кто затеял это злодейство. А потом, если ты не против, мы его прикончим.

Викрат не стал язвить, насмехаться или ругаться. Он смотрел куда-то перед собой и, кажется, вообще ни о чём не думал. Руана вдруг ощутила, что он стал ей очень близок. Она редко за кого переживала — разве что за Ати или Урпаху. Ну, и немного за отца.

Но тот в последнее время как-то отдалился от дочери. Или всё-таки она от него — или оба постарались. Но рискни отец выдвинуть ультиматум: или мы, или яраны — дочь выберет не отца.

И её любовные шашни тут не при чём. Она только что сделала открытие: её дети реально могут родиться в эпицентре войны. А какой русский не знает цену подобной радости? Её собственная бабуля родилась в сорок втором. На оккупированной территории, где её прабабка чудом уцелела. А потом просто невероятным чудом откачала недоношенную дочь.

Хрена вам лысого — зло всколыхнулось в Руане всё нутро. Раз уж она сюда попала, значит, имеет право на жизнь. Не в мире тааров или в мире яранов — в собственном мирном мире.

В собственном, как же — тут же охолонула она. Откуда ему взяться — собственному миру? Сплошные иллюзии. Предать своих — это хуже и гаже самых кровавых злодейств. А таары для неё реально свои. Она прожила среди них шесть лет. По сути, выросла их заботами. Была любима и оберегаема. Руана — плоть от плоти этого мира. И даже с сознанием переселенки осталась Руаной Таа-Лейгард.

А Радо-Яр? Допустим, она переживёт его гибель в кровавой распре. Даже обязательнс

переживёт: время всё лечит. Кроме израненной совести. Которая будет подгнивать всю оставшуюся жизнь при воспоминаниях о Багене или Нала-Яри.

Лучше бы она тогда совсем умерла.

Позорище

Войдя в дом, Руана даже не удивилась, столкнувшись с Багеной. Та стояла за дверью в одной рубашке на голое тело, преспокойно грея уши. И, судя по безмятежному лицу, с совестью у неё полный консенсус.

— А ты? — попробовала её обескуражить женщина, душа которой пребывала в раздразне.

— Что я? — со сдержанным интересом уточнила ярания.

— Ты тоже хочешь загнать тааров под ковёр?

— Под ковёр? — фыркнула Багена. — Ты просто неподражаема! О, нет. Я не из тех, кому они мешают жить. Хотя одного из них мне порой хочется пристукнуть.

— Жениться вам надо, — проворчала Руана, обойдя тигрицу и двинув к лестнице.

Она устала. Устала от всех этих магов, которых слишком много в её жизни.

— Мы уже, — прицельно бросили ей в спину.

Руана остановилась и обернулась:

— Шутишь?

— Мы такими вещами не шутим, — посерьёзнула Багена. — Думаешь, легко пойти на такой шаг?

— Судя по тому, что я сегодня узнала, точно нет, — сочувственно покивала Руана.

— От свободы устаёшь, — пожалала плечами тигрица.

— Особенно от вседозволенности. Так, когда вы успели?

— Сегодня ночью, — проворчал Викрат, входя в дом и мрачно обзрев сплетниц. — Надеюсь, тебя не нужно просить держать язык за зубами?

— А когда сообщите остальным? — отмахнулась Руана от дурацкого предупреждения.

— Ждём момент, — раздражённо оповестил новобрачный, недобро зыркнув на жену.

— А ты? — поинтересовалась Багена, прожигая таарию требовательным взглядом.

— А что я?

— Ты выйдешь за него?

— А ты знаешь, кто он?

— Разумеется.

— Как интересно! — зло восхитился Викрат. — Значит, один я блуждаю в потёмках.

— Я дала слово, — невозмутимо оборвала супруга его моральный шантаж. — А ты мог бы и догадаться.

— А пока нужно отметить ваш ритуал! — воодушевилась Руана, потирая ладошками.

— Хочешь явиться на праздник пьяной? — вкрадчиво уточнила тигрица. — Император до сих пор злится из-за вчерашней прогулки.

Викрат пошлёпал мимо них в гостиную, ворча:

— Можно подумать, это когда-то его останавливало.

— Пьяные женщины нет, — согласилась с ним жена, утаскивая за собой Руану. — А сбежавшие да. Ты что, нарочно? — пихнула она в бок нежную аристократку.

— Не дерись, — попросила та. — И без того всё тело в синяках.

Они расселись в торце массивного стола, где проходили пирушки локального масштаба. Или сверхсекретные заседания избранных гостей верховного советника Таа-Дайбера. Сранья колотившиеся по хозяйству служанки притащили что-то вчерашнее — само собой, холодное,

увядшее или подёрнутое застывшим жирком. Но вино было отменным.

Выдув первый стакан, Багена изобразила по-светски резиновую улыбочку и поинтересовалась:

— Кстати, Руана, ты уже придумала, как испортишь платье на этот раз?

— А прежние я испортила? — всплеснула та руками в притворном ужасе.

— Конечно, — со столь же притворной безапелляционностью заявила Багена. — Спроси у придворных дам.

— Лучше у придворных мужчин, — возразила Руана. — Что-то мне подсказывает, что у тех иное мнение.

— Хватит выламываться! — язвительно нагавкал на девушку её успевший окосеть спонсор. — Я привёз тебе платья лучших портных. Их было восемь. За каждое можно купить отличного быка.

— Ну, два я уже надевала, — добросовестно отчиталась неряха. — Одно потеряла, а второе, кажется, убила. Но Урпаху всё заштопает.

— Купить быка, — гундел Викрат, ковыряясь в блюде с обедками. — Отличные платья.

— Сам их носи! — окрысилась Руана. — Они просто безобразны. Хотя мамушка обещала кое-что исправить. Багена, что больше подойдёт для праздника в мою честь? Красное или белое?

В красном невесты этого мира выходили замуж. В белом шли на похороны.

— В красном, — уверенно заявила тигрица. — Увидев тебя в белом, наш единственный отбросит копыта.

— А красное не наведёт его на мысль, что это приглашение? — засомневалась Руана.

— На эту мысль его наведёт любой твой бантик, — заверила Багена. — Что ты теряешь?

Они славно посидели — просто замечательно. Жаль, что недолго. Нужно было подниматься наверх и помогать Урпаху доводить до ума наряд. Фасон они успели обсудить — мамушка обещала взять пару помощниц, ибо фронт работ немалый. А вот с отделкой у Руаны застопорилось.

Так что пришлось распрощаться с молодожёнами и заняться делом.

— Явилась, — проворчала кормилица, когда блудливая воспитанница ввалилась в спальню. — Ещё и надраться где-то успела. Разит, как от скотников. Позорище!

Она восседала в кресле, почти полностью накрытая красным шёлковым платьем. И колбала его иглой.

— Это внизу, — честно призналась Руана, стаскивая башмаки.

— Как они там? — вдруг с ласковым сочувствием поинтересовалась самобытная старуха. — Небось, барахло собирают?

Руана вылезла из рубахи и уставилась на неё неверящим взглядом.

— А ты как думала? — тяжело вздохнула сердобольная кормилица. — Им теперь житья-то не будет. У Багены отец дурной да кичливый. Сговорил её замуж за твоего Радо-Ярку. У того отец не шибко стремился с ним породниться. Да уломали старика. А тут вы с этим придурочным Таа-Дайбером всё и порушили. Он девку увёл, ты жениха. Ох, и шуму будет! Яр-Анат мужик мелочный, но грозный. Выше волка не поднялся, да волк-то матёрый.

Руана слушала её, опустившись в кресло: голая и несчастная. Как же так? Неужели ребята и вправду решили сбежать? Это же ещё хуже. Это уже предательство сюзерена: придворные не имеют право покидать двор без его на то соизволения.

— Мамушка, что же делать?

— А ничего не делать, — невозмутимо ответила просто неопишимо своеобразная старуха. — Я уж всё сделала.

— Что ты сделала? — еле вышептала Руана, предчувствуя приближение катаклизма.

— Нашла того, кто всех разведёт по углам, — разглаживая на колене шитьё, объявила Урпаху. — С ног сбилась, покуда разыскала. Папаша Туран такой же бабник, как и всё его племя. Старик, а враз двум молодкам юбки задрал.

— Ты рассказала ему о том, что Викрат с Багеной...

— Конечно, рассказала, — всё так же невозмутимо ошарашила кормилица бедного ребёнка. — Ну, о вас-то с Радо-Яркой и рассказывать не пришлось. Он-то знал, где вы прохлаждаетесь. И чем там занимаетесь. Бесстыдница! — только на этом слове и оживилась она.

— И что? Что он сказал? — застонала Руана, схватившись за голову.

— То и сказал: никуда де молодые не побегут. И никто их не тронет, покуда он жив и в силе. А он, видать, у яранов в большой силе. Так что не волнуйся. Он их прижмёт сапожищем, чтоб не дёргались глупости творить. А ты давай-ка: в ванну лезь. Вода уж подостыла, да ничего, не заледенеешь. Обмойся, и за шитьё. Тебе ещё поспать бы не мешало. Небось, всю ночь колобродить станете.

Руана выдохнула и решила, что Туран Яр-Нат не будет врать старой женщине. Зачем ему? У него репутация — он мелочиться не станет. Значит, пока ребята в безопасности. А она тянет время — спохватилась героиня дня, который ещё нужно пережить.

До полудня Руана шила, не разгибая спины. А в обед к ним в спальню явилась Багена. Опустилась в кресло и многозначительно посмотрела на занятую по уши таарию.

— Я уже знаю, — предупредила та, не отрываясь от шитья.

— Твоя работа? — глухо осведомилась тигрица.

— Моя, — сухо призналась кормилица. — Что, отругали тебя?

— Туран сказал, что так мне на роду написано, — пожала плечами Багена, о чём-то усиленно раздумывая.

— Не зря он тебя не желал для своего старшенького, — нравоучительно указала молодойке мудрая старуха. — Чуял, что сердце у тебя не лежит. Да и у сына. Вовремя вы одумались.

— Багена, — только тут дошло до Руаны, какой опасности та избежала. — Ты что, на самом деле могла согласиться? Выйти за Радо-Яра. А потом? В землю? Живой?

— Ну, что ты к ней пристала?! — взбеленилась Урпаху, швырнув в болтливую идиотку мотком ниток.

— Не надо, — вяло улыбнулась своей защитнице могучая тигрица. — Она права. Я чуть не прогнулась. Почти сдалась, когда появились вы. И Руана заставила меня встряхнуться. Принять верное решение.

— Ну, это не она тебя заставила, — философски заметила опытная старуха. — Это сердце Радо-Яра за вас за всех порешало. Силён мужик, — уважительно и очень знакомо прокомментировала она. — Теперь, как только у моей девочки с ним сладится, вы вчетвером переполюх и учините. Вчетвером, девоньки — это не в одиночку.

— Ага, — хмыкнула Руана, перекусив нитку. — Это уже банда. Багена, ты на праздник идёшь?

— Конечно, — встрепенулась та. — Я тебя одну туда не пушу.

Они переглянулись, и Руана поняла: знает про отравление. И будет её охранять. Она тепло улыбнулась уже почти подруге. Та мягко опустила веки в подтверждение догадки и тут же вытаращилась на кормилицу:

— Я тоже буду в красном.

— Задираешься, — неодобрительно покачала та головой. — Напрасно. Как бы твой отец чего не учуял.

— Тогда в синем, — нехотя согласилась с ней тигрица и поднялась: — Пойду готовиться. Урпах... спасибо тебе.

— Иди уже, — махнула та рукой. — И не воюй там раньше времени.

— Я помню, — кивнула яrania. — Вчетвером.

И ушла.

А вечером вернулась — в синем, как и обещала. Декольтированном в духе здешней моды по самое «нехочу» — как только грудь из него не выпрыгивала. Правда юбка не дыбилась боками, как у какой-нибудь императрицы Елизаветы Петровны. Болталась зауженным колоколом, из-под которого виднелись не туфельки, а сапожки.

— Ты что, в штанах? — разглядывала Руана парадный наряд тигрицы.

— Конечно, — невозмутимо поддакнула та. — Мало ли что.

— Представляю себе, как ты будешь драться в таком лифе, — не удержалась она от подначки. — По-моему, тут даже штаны не помогут. А где бантики с бутончиками?

— Спорола, — плюхнулась в кресло Багена, ничуть не заботясь о платье. — Думаешь, ты одна не желаешь выглядеть дурой?

В принципе, её платье можно было назвать скромным. Если бы не баснословно дорогая синяя парча, что пошла на лиф. И верхнюю короткую юбку, из под которой, словно вода из под крана, вытекал нежный воздушный шёлк нижней юбки. Даже где-то как-то ничего — если бы не чрезмерная броскость парчи.

— Невероятное колье, — завистливо вздохнула Руана, любуясь на подлинное произведение искусства с лазоревыми камнями вокруг шеи.

К нему прилагались серьги со странными подвесками, больше напоминавшими короткие тонкие лезвия. Ну, и браслет с парой перстней. Короче, полный гарнитур богатой женщины, отправлявшейся на бал.

— Родовое, — равнодушно пожала плечами Багена. — От бабушки. Ну, ты и учудила.

— Я старалась, — опустила таария в пол глазки, иронично скривив губки.

— Перестаралась! — деланно строго фыркнула кормилица, расправляя на своей красавице узкую юбку, обтянувшую бёдра, и бесстыдно с этим переборщив. — Будто голая. Позорище ты моё!

— Я бы сказала: как рука в перчатке, — возразила Багена. — Урпах, ты несправедлива. У неё исключительно целомудренный лиф. Впервые вижу, чтобы он начинался у подбородка, закрывая даже шею. Руана, тебе не кажется, что это уж слишком? Или опять спина голая?

— Хуже, — с неподдельной досадой пожаловалась кормилица и приказала: — Повернись, ветрогонка ты непутёвая! Покажи приличной женщине своё естество.

Руана встала вполоборота к зрительнице и картинно развела руки в длинных узких рукавах. После чего медленно отставила ногу. Жаль, что разрез до самого бедра — это всё-таки перебор. Но и до колена он сражал наповал. Хотя обнажённой голенью в мире

воинствующих женщин никого не удивить.

— Уж ты! — восхищённо вытаращилась Багена. — Ну, почему ты раньше не сказала? Я тоже такое хочу! Это нечестно, — всерьёз обиделась тигрица.

— Да есть такое! — прямо-таки расшвыряла Урпаху, швырнув в неё какую-то тряпку. — Вертихвостки распутные!

— Только голубое, — невозмутимо подтвердила Руана, зазывно качнув своими сногшибательными бёдрами. — Как раз к твоему колье.

— Тьфу на вас! — вызверилась Урпаху, но к нужной подставке поплелась.

Стянула покров, небрежно стащила с дерева перешитый наряд. И швырнула подоспевшей ярании:

— Держи. Бесстыдница! Всё равно оно в поясе на тебе не сойдётся. Хотя в заднице в самый раз будет.

— Расставим, — предотвратила Руана разочарование тигрицы. — Успеет.

Багена уже спешно расшнуровывала лиф. И пожирала глазами обнову, которая уничтожит немало придворных кривляк.

А началось уничтожение прямо, не выходя из дома. Когда две грации в своих платьях-перчатках спустились к заждавшемуся Викрату, тот грязно выругался. И наотрез отказался сопровождать съехавших с катушек шалав на праздник своего любвеобильного шефа. Если те немедля не примут пристойный вид.

Мало того: этот лицемер тотчас выполнил свою угрозу и слинял. Поэтому к замку они посеменили в гордом одиночестве.

— Ходить неудобно, — раздражённо бухтела женщина-воин.

— Ты просто привыкла к широкому шагу, — увещевала её Руана. — Потому что полжизни в штанах. Ничего, привыкнешь. Всё-таки жаль, что пришлось напялить сапоги. Под такое платье нужны изящные туфли.

— А, если придётся бегать? И без того, не представляю, как в этом бегать, — закручинилась тигрица, машинально проведя рукой по обтянутому бедру.

— Ещё проще, чем в твоём платье, — безмятежно оценила такую возможность таария. — Рванёшь разрез до бедра, и беги. Все бабы с зависти передохнут.

— Не будь вульгарной, — на полном серьёзе пожурила её приличная замужняя дама.

Которая лет восемь предавалась пороку распутства. Верней, по словам малышки Нала-Яри, торопилась перебеситься до отрыжки и обретения целомудрия. Без которого в супружестве яранов просто зарез. Не сказать хуже.

Ненавидеть их начали ещё на подходе к замку. Хотя праздничное убранство было приготовлено за ним, а не на плацу. Затем они сразили всех, кто шлялся по холлу. Пройдя нижний этаж насквозь и вывалившись с другой стороны, две новаторши-экстремистки добились остальную публику.

Император ещё не предстал перед подданными, так что Руана чувствовала относительную свободу. Правда, глаза беспрестанно шарили по небольшому парковому комплексу в поисках знакомой фигуры назла.

— Они всегда приходят в разгар веселья, — успокоила её Багена, подходя к длинному столу, уставленному всякой всячиной.

Стульев к нему не прилагалось: те, кто пришёл сюда набить брюхо, делали это стоя.

— Ты про Яр-Туранов? — уточнила Руана, высмотрев стайку высоких серебряных бокалов с вином. — Не хочешь выпить?

— Нет, и тебе не советую, — небрежно кивнула кому-то Багена, рассеянно вытянув из чаши с фруктами персик.

— Мне надо, — вдохнула героиня дня, поднимая бокал.

— Зачем?

— Пьяной женщине прощается то, что не простят трезвой.

— Согласна, — благословила её тигрица и вонзила в персик идеально ровные белые зубы.

Руана сделала вид, будто приложилась к вину основательно, цедя его мизерными глотками. Ярания заметила это и усмехнулась. В целом, они удачно понимали друг друга — что называется, воспринимали действительность на одной волне.

В принципе, она догадывалась, что кто-нибудь обязательно воспользуется праздничным мероприятием, дабы перекинутся с ней парой слов. Не ожидала, что с места и в карьер. Не успели они с Багеной и пары минут посплетничать о взглядах фланирующих мимо них дам, как их уединение нарушили. И вовсе не яраны — как предполагала Руана.

— Справа советник поместного ведомства, — процедила тигрица, не шевеля губами. — второго не знаю.

— Не ожила такого даже от вас, — весело прокомментировал их провокационные туалеты пожилой таар с непривычно коротко стриженными седыми волосами и короткой бородкой.

Одетый в довольно сдержанный тёмно-бардовый камзол и такие же штаны. На ногах советника вместо сапог высокие башками, напоминавшие несуществующие в этом мире берцы. Если бы не огромные затейливый серебряные пряжки и боковая шнуровка, вообще не отличить.

— Не ожидала, что кто-то здесь от меня чего-то ожидает, — вернула Руана беззубую шутку. — Тем более незнакомые мужчины.

— Мы как раз подошли исправить это упущение, — блестяще поставленным сочным баритоном объявил второй джентльмен.

Руана бы обиделась, если бы к ней подослали кого-то менее красивого. И очень старательно вытаращилась в искреннем восхищении. Куда там до него красавчику Викрату — он просто гамадрил в сравнении с этим засланцем.

Который тряхнул шевелюрой блестящих чёрных волнистых волос по пояс. Просто свинство с его стороны — мысленно окрысилась она — иметь такое богатство. И натуральный идиотизм подкатывать с ним к девице, на голове которой более скромная поросль.

Небось, ещё и соблазнять примется — мстительно зудела в ней жгучая и абсолютно невинная зависть. Жаль, Радость Ярая не сможет открыто объявить на неё свои права. Был бы интересно полюбоваться на рожу этого прелестника, упади она прилюдно в объятия назла.

Руана потеряла свои жемчуга: прежнюю нитку, обмотанную вокруг шеи в несколько рядов. Улыбнулась красавцу таару улыбкой невинной добродетели и пожурила:

— Желая исправить это упущение, вы невольно допустили новое.

— Какое же? — с неподдельным интересом осведомился советник.

— Решили соблазнить таким сногшибательным мужчиной ту, кого как раз сейчас соблазняет сам император. Право, даже не знаю, чем это может закончиться.

— Скандалом, — иронично усмехнулась Багена.

Разглядывая подставного красавца так, будто раздумывала: купить или не купить?

— Внешность моего приятеля всего лишь неудобное совпадение, — небрежно открестился советник от неприличных намерений кого-то соблазнить.

— Правда? — так искренно, что не подкопаться, удивилась Руана.

Приложила к бокалу, вытерла губы рукой и скромно молвила:

— Советник...

— Таа-Варуг, — наконец, соизволил представиться тот, полюбовавшись на её манеры чуть округлившимися глазами.

— Таа-Варуг, — кивнула она и миленько улыбнулась: — Почему у меня такое чувство, будто вы оба меня тут поджидали?

На этот раз он посмотрел на неё очень серьёзно. Со скрытым раздражением — этого от женщины не спрятать за какими хочешь ужимками.

— Можно и так сказать, — не моргнув глазом, признался советник. — О тебе столько разговоров. Мне было интересно лично познакомиться с редкой девушкой, которую рекомендовал императору Таа-Дайбер.

— Рекомендовал? — на этот раз реально искренно удивилась Руана. — Странно. Мне казалось, что я просто ему понравилась.

— Одно другого не исключает, — как-то нервически улыбнулся красавчик.

— Не исключает, — покладисто согласилась Руана. — Кстати, — размашисто пихнула она локтем спутницу. — Ты знаешь, что императрица таария тоже способна родить наследника?

— Неужели? — усмехнулась тигрица.

— Да. Мне рассказали об этом, когда похитили. Я чуть не умерла со страху. Господин советник, если бы я знала, что в императорской цитадели беззащитные девушки в опасности, ни за что бы ни приехала. Даже хотела вернуться домой к отцу, — доверительно сообщила она. — Но император обещал мне, что подобное не повторится. Он лично позаботится о моей безопасности. И сделает всё, чтобы пребывание в его замке стало для меня незабываемым.

— Я знаю о похищении, — этак по-мужски сурово подтвердил Таа-Варуг. — И был разгневан не меньше императора. Мой племянник, — указал он рукой на красавчика, — участвовал в твоих поисках.

— Если бы меня спас он, — потупилась Руана, — я бы могла в него влюбиться. Это так романтично: быть спасённой таким... мужчиной. Но поскольку справилась сама, — разочарованно вздохнула она, — моё сердце так и вкусило сладостных манящих чувств.

— Очень остроумно, — усмехнулся советник. — Ты, как я погляжу, не спешишь себе отказывать в своеволии. И в желании посмеяться над стариком. Я плохо знаю твоего отца. Но, думаю, Таа-Лейгард не одобрит дурных слухов о дочери.

— Которой из них? — уточнила Руана, глядя ему прямо в глаза.

— Ну, уж не той, ради которой её сестра обещала перевернуть мир.

Да, это угроза — пришлось поверить своим ушам. Мало того, что этот крендель знает, зачем она сюда явилась — он это демонстрирует. А зачем кому-то выпячивать свою осведомлённость о чужих тайных намерениях? Тут разбег небольшой: либо шантаж, либо... Правильно: угрожает, сволочь.

Руана искоса глянула на Багену. Так многозначительно, что понял даже финик в пальцах прекрасной ярании. Та расцвела улыбкой, глядя мимо спутницы. Помахала кому-то

рукой и бросила:

— Я скоро. Веди себя прилично. Позорище.

После чего уплыла, виляя бёдрами, с ринга, в который грозил превратиться покинутый ею пяточок земли. Оставшийся не у дел красавчик что-то буркнул и тоже ретировался.

— Итак, — бросив дурачиться, холодно процедила Руана, глядя точно в глаза хмурого советника. — Что там с миром и переворотами?

— Не стоит понимать меня так буквально, — сухо порекомендовал Таа-Варуг.

— Чего ты хочешь? — бесстрастно понукнула его таария, которую одна половина императорского двора заклеивала, а вторая признавала реально умной не по годам.

И залпом влила в себя остатки вина.

Наживка

Таа-Варуг был умён — что есть, то есть. И по-своему патриотичен — от него за версту несло заговором. В существовании которого Руана уже ни капельки не сомневалась. Какие сомнения, если намёки на него жирней отъевшегося в зоопарке тюленя?

Что самое обидное, верховный советник Таа-Дайбер в нём по уши. А старик ей так понравился. Старый дурак — мелькнуло в голове с невыразимой досадой — лучше бы для начала изучил конструкцию выбранной наживки. То, что она подобно мужикам магичит, никак не гарантирует преданности сообществу тааров. Однозначно это гарантирует лишь сверхчеловеческие способности. А с человеческими у Руаны всё, как у всех.

Что вложено с рождения, тем и пробавляется. Что вписано у неё на подкорке пером личного опыта, исправимо лишь топором судьбы. Или палача. Мировоззрение — штука хитрая и неуступчивая: сколько себя не уговаривай переть против природы или совести, те однажды повиснут на ногах кандалами. Так и будешь после шаркать да звенеть железом — полный инвалид при всех конечностях. Инвалид души.

— Я так полагаю, — бесстрастно молвил советник, сверля её глазами, — ты уже знаешь, зачем сюда явилась?

— Не знаю, а догадываюсь, — внесла поправку Руана.

— Значит, Викрат не...

— Не исправил вашу подлость, — подтвердила она. — Остался верен роду: не открыл мне правды. Да, это и не понадобилось.

— Знаю, — покривился советник. — С этим успешно справился Яр-Нат.

— Папаша Туран всего лишь рассказал о двух императрицах-таариях, — подпустила она в голос загадочности. — Даже не поделился своим личным мнением на этот счёт. Заставил девушку самолично пошевелить мозгами.

— Пошевелить мозгами? — повторил Таа-Варуг. — Занятно. Откуда ты берёшь свои присказки?

Кажется, этим с виду незначительным вопросом стали слишком часто интересоваться — впервые почувствовала беспокойство переселенка. Пора прикусить язык, пока его не оттяпали по самые плечи.

— Из головы, — досадливо отшутилась Руана. — Их той же головы, откуда беру всё остальное. К примеру, догадку о том, что грозящая Ати угроза была всего лишь приманкой. Вам нужно было заманить меня сюда. И подсунуть императору.

— Не будь вульгарной, — поморщился подловатый, но интеллигентный советник.

— Не будь свиньёй, — выдвинула она встречное предложение. — И скажи честно: девочка, ты должна занять трон императрицы. Чтобы яраны заняли, наконец, подобающее варварам место. В своих северных убогих поселениях. Где эти ничтожества позабудут, что носили, как и вы, парчу. И жрали на серебре. Пускай лопают свою вяленую рыбу и запивают её дерьмовым пивом. А выбираютя оттуда лишь для несения службы.

— Ты груба по природе? Или по необходимости? — холодно осведомился советник, выплеснув на лицо всё пренебрежение, какое мог себе позволить.

С презрением решил не перебарщивать, дабы своевольная девка не остервенела и не взбунтовалась.

— Ты глухой по природе? Или по необходимости? — насмешливо спопугайничала Руана. — Я задала вопрос. И пока не получу прямой ответ, можете ко мне даже не подходить. А что касается отца... Я люблю его. И почитаю. Даже уважаю. Пока, — собезьянничала она фирменный прищур Яр-Туранов. — Пока отец не объявил мне, что он в сговоре с вами. Так что хорошо подумайте, прежде чем давить на него. И требовать, чтобы отец надавил на меня.

— Это угроза? — почти ласково уточнил маститый политик.

— Пища для размышлений, — вежливо поправила его маститая нахалка. — Ты уверен, что знаешь реакцию Таа-Лейгарда на потерю дочери? Когда яраны решат, что не согласны следовать вашим планам переустройства империи. Вот, интересно: меня утопят, задушат или зарежут?

— Туран тебе угрожал? — моментально встал в стойку пламенный заговорщик.

— Нет, — почти честно ответила она.

— Ты лжёшь.

В принципе да. То есть нет, но... это, как посмотреть. Папаша Туран не постеснялся сразу выложить свои намерения прихлопнуть опасную поганку. Потом узнал, что её шурымуры с его сыном не просто времяпрепровождение очередной придворной свиристелки. В результате степень опасности таарии в его глазах потеряла кучу пунктов. И он честно предупредил об этом.

А такой вот советник хрена лысого предупредит. Пускай, мол, рыбка так и болтается на крючке страха. Задыхаясь без воды — покладистой будет. Собственно, так они и поступили: всюю эксплуатировали её страх за сестру.

Но, это лишь полбеды. Сам повод для обмана выглядел чудовищным. Тогда, триста четырнадцать лет назад яраны вовсе не напали на империю — это басни официальных хронистов. Северяне уже лет сто были её гражданами. В результате вполне мирного соглашения о вхождении в империю их собственных территорий с населением-войском.

Ибо трепали тогда имперцев немилосердно по всем направлениям. Им корячилась судьба некой Римской империи, о существовании которой им никто не расскажет.

Ценой согласия магов-бойцов и была договорённость, что императрицами будут только ярании. В принципе, те и без особых условий почти вне конкуренции: таарии рождаются крайне редко. Иной император за всю жизнь не дожждётся явления супруги. А северянки магичат все поголовно. Однако, случись образоваться подходящей невесте-таарии, дорога к трону ей заказана.

Но триста четырнадцать лет назад тогдашний император с такими же хитромордыми советниками, как Таа-Варуг, решили облапошить простоватых с виду яранов. И тайно окрутили единственного с таарией. А после нагло наплевали на законное требование одуматься. В результате гражданская война и разруха.

По поводу которой хронисты тоже приврали. Яраны вовсе не лоханулись с хозяйственными проблемами, что заставило их пойти на попятную — что Руане всегда казалось слишком надуманным. Их просто намного-намного меньше, чем тааров. Вечные воины — они элементарно не успевают увеличивать численность своего племени. Та не слишком быстро, но падает. Где им управлять такой громадиной, как империя?

Яраны оказались гораздо мудрей своих сограждан-врагов. Согласились на малое ради сохранения всего. Даже подписались на то, что останутся землевладельцами лишь в

пределах своей собственной северной вотчины. По сути, сплошной тундры. Наделы-то у них есть — земледелие на них отсутствует.

Папаша Туран показал Руане древние дряхлые пергаменты, где подлинная история прописана и подписана участниками тех событий. Среди которых она полюбовалась на подпись собственного местного предка. Одного из зачинщиков гражданской войны. Подлинность печати рода Лейгардов сомнений не вызывала: трещина на ней была уже тогда. В виде всё той же кривоватой русской буквы У.

Само собой, в последующих описаниях тех событий от первоисточника оставалось всё меньше и меньше. Пока окончательно не встало с ног на голову. Яраны эту лабуду не читают — у них свои хроники. А молодая поросль тааров — вроде самой Руаны — так и вырастают с твёрдым убеждением, что яраны поголовно варвары и мерзавцы. Распутники и разорители бедных земледельцев, что в поте лица умножают богатство империи.

Ага! А воевать, значит, за сохранение тех богатств северянам предлагается бесплатно. Или за три корочки хлеба. Нашли дураков!

Короче, Руана окончательно и бесповоротно осознала: она реально представляет для яранов большую опасность. Несмотря на отсутствие в этом личной заинтересованности. Её просто нагло и беспринципно сделали наживкой. Просекли сомнительное сходство с какой-то недолюбленной императорской бабой и подсунули комплексующему Казанове.

А тот и рад стараться. Неужели и он не знает подлинной причины гражданской войны? Чему-то же его учили. Не только же служанкам юбки задирасть.

Поскольку пауза слишком затянулась, любое опровержение бессмысленно. Таа-Варуг уже решил для себя, что она врёт. Поэтому Руана отбоярилась с применением иной техники:

— У нас с тобой получается разговор слепого с глухим. Ты вздумал требовать у меня отчёта, не имея на это ни малейших прав. Мне уже двадцать. А моё желание тебе подчиниться меньше, чем ничего. Кстати, не советую тыкать мне в нос моим происхождением. Да, я таария. Но, между таарией и дрессированной собакой непреодолимая разница.

— Тебя никто не собирался ни к чему принуждать! — изобразил советник благородное возмущение.

— Правда? — восхитилась она. — То есть, использование человека вслепую сродни его добровольному согласию? Да ты, как я посмотрю, конченный лицемер. Знаешь, больше ко мне даже не подходи. Иначе пожалеешь.

— Это угроза? — сверкнули его глаза белым пламенем таара.

— Хуже, — ответным залпом полыхнули глаза таарии. — Это ультиматум. Второго предупреждения не будет.

Руана пошарила взглядом вокруг и нашла Багену. Та вместе с другими соплеменниками любовалась схваткой двух молодых волков. Голых по пояс и весьма воодушевлённых всеобщим вниманием. Они демонстрировали нечто... вроде карате — как Руана его себе представляла по фильмам. Остальные пили, флиртовали и подзуживали драчунов.

Багена будто услышала мысленный призыв таарии — видимо, следила за ходом неприятной беседы. Встретившись с ней взглядами, тигрица моментально поняла, чего от неё ждут. Призывно замахала рукой:

— Ты скоро?!

— Иду! — благодарно улыбнулась ей Руана и взяла второй бокал: — Советник, для меня устроили персональный праздник. И я намерена веселиться. Прости, но с тобой скучно.

Выложила всё без вызова, без пафоса — никаких демонстраций. Хотелось, конечно — женщину, в конце концов, постоянно тянет повыкаблучиваться. Но голова была занята естественным необременительным сравнением. Как говорят у неё на Родине, формой подачи. Даже давить на человека можно по-разному. И угрожать.

Яраны простые ребята. Заподозрили таарию в подлых намерениях, и сразу в лоб: так это или не так? Если так, мы тебя прикончим от греха подальше. Мужика ей толком подсунуть не смогли. Вместо покладистого красавца натравили на беззащитную деву хама недипломатичного. Что видит, то и поёт.

К тому же чистосердечно объявил себя врагом. А куда деваться? Он сестру защищает. Да и прочих сродственников, которые хотят вкусно есть и жить в комфорте. Но платят за это честно: кровью.

— Человек, отторгающий себя от своего племени, пропащий человек, — весьма пристойно и дипломатично пригрозил ей Таа-Варуг.

— Человек, отвергающий себя самого, мёртвый человек, — то ли что-то вспомнила, то ли сама надумала Руана.

Ольга не была семи пядей во лбу: обычная девчонка. Много читала — это да. Видимо, не всё просвистело мимо ушей: что-то в башке да задержалось. А в момент крайности само легло под руку. Фигурально выражаясь, рукоятью своеобразного оружия. А что? Знания — сила! Так вечно твердила бабуля.

— Ты не просто потеряла память, — задумчиво пробормотал советник, прощупывая таарию рентгеновским взглядом. — Тогда, шесть лет назад произошло ещё что-то.

— Я не почувствовала, — пожалала плечами Руана.

И пошлёпала к веселящимся на свой лад яранам. Хотя вокруг целая куча тааров. Но отчего-то в их слонявшиеся компании вливаться не хотелось. Покусают ещё — ответила она ироничным взглядом на покривившиеся рожицы проходящих мимо придворных дам. Сопровождавший их кавалер прилип глазами к посекудно оголявшейся голени бесстыжей деревенщины. То-то! Знай наших.

— Ты долго, — укорила её Багена, следя за схваткой новой пары соплеменников.

На этот раз лиса-лазутчика и росомахи. Руане их выкрутасы были интересны примерно так же, как поголовье ракообразных в реке под цитаделью. Она безо всякого стеснения разглядывала болельщиков. В конце концов, травить её будут яраны — таары пока не обзавелись подобной мотивацией.

Она, конечно, упирается: не желает королевствовать. Но сей факт вроде не криминал. Все эти господа заговорщики явно изучали свою наживку. И знают: отца она предаст в последнюю очередь.

— Багена, твоя подруга продолжает удивлять, — насмешливо прокомментировала появление таарии молодая, но могучая волчица.

У высокой спортивной девицы даже под нелепым пышным платьем чувствовалась нечеловечески ловкое сильное тело. Не красавица — в прямом смысле слова — однако в грубоватом лице северянки было нечто притягательное. Волосы шикарные: природная платиновая блондинка с толстенными косами, подобранными в бублики. И прижатые к голове широким серебряным обручем в зверином стиле. Превосходная гравировка: волки, загоняющие оленей.

— Так же, как и вы меня, — проворчала Руана, приветливо улыбнувшись.

— Чем? — тотчас прицепился огромный лохматый одноглазый назл в одной рубaxe.

Совсем молодой, но какой-то слишком взрослый.

— Чистотой своих душ, — ничуть не покривила она своей душой.

— Вот как? — удивился пожилой седой тигр с запредельной техникой лазутчика на фоне стандартного атакующего.

Уголки его губ под усами вздёрнулись в натужной улыбке — глаза же чистый лёд.

— Даже, когда вы изображаете то, чего не чувствуете на самом деле, — поддела его нахальная таария.

Он тотчас бросил стараться: губы искривила недобрая ухмылка.

— Буг-Яр, отстань от неё, — ласково посоветовала Багена. — Не нарывайся.

— Мне Туран не указ, — набычился тот. — Я не собираюсь...

Одноглазый шагнул к нему и процедил:

— Это она.

Буг-Яр нахмурился, будто что-то припоминая. Уточнил:

— Ты о брате Урхе?

— Угу, — всё так же ласково поддакнула Багена.

Вокруг импровизированного ринга стоял полновесный громopodobный рёв болельщиков. Там ушлый лис как раз скрутил росомаху. И те, кто сделал неправильную ставку, пытались зажечь в сердце пыхтящего под победителем лузера огонь отмщения.

— Я Ларда, — представилась дылда волчица, глядя на таарию с нескрываемым уважением.

На памяти Руаны ей впервые воздавались такие почести лишь за то, что она крутит с кем-то роман.

— Прости, — ни с того ни с сего покаялась волчица.

— За что? — не поняла Руана, ища взглядом помощи у Багены.

— Она плохо о тебе думала, — как само собой разумеющееся, пояснила та. — Мысленно обесчестила.

— Прощаю и благословляю, — поспешила выдать стандартную формулу обалдевшая таария, не подозревавшая, что ей, вообще-то, нанесли кровную обиду.

Ларда заглянула в свою огромную серебряную кружку и покривилась — должно быть, не нашла там искомого. Она закрутила головой. И обрадовалась тому, что паренёк слуга со стеклянной бутылкой был начеку прямо за её спиной:

— Эй, ты! Налей.

Слава Создателю, вино — мелькнула в голове Руаны невежливая мысль. Ещё одна традиционная формула примирения аборигенов: обменяться посудой со спиртным и вылакать содержимое. Прощать обидчицу посредством национального пойла северян она отказывалась категорически. Ей сегодня нужна трезвая голова, а не аквариум с киселём.

Слуга не стал мелочиться и наполнил кружку до краёв. Руана чуть не взбесилась: там почти пол литра. Если она это оприходует, отбросит ласты.

— Выпейте и забудьте, — добродушно проворчал одноглазый назл, отсалютовав таарии бокалом размером с ведро.

Ларда буквально отняла у Руаны бокал с недопитыми остатками. А та еле успела подхватить под доньшко едва не рухнувшую на землю гигантскую кружку. Вино выплеснулось на только на её дырявые хваталки — досталось и стоявшему рядом Буг-Яру.

Который машинально слизнул с руки упавшие на неё капли. Потом вдруг вытаращился и смачно сплюнул: раз, другой, третий. Все свидетели трудоёмкого аварийного процесса

примирения моментально превратились в свору насторожившихся охотничьих псов. Пожилой сверх опытный супер лазутчик закончил плевать и окинул напряжинившуюся Ларду тяжёлым взглядом:

— Яд.

— Уже? — офонарев от неожиданности, брякнула Руана.

И совершенно идиотским образом вытянула руки с кружкой: дескать, яд нужно держать подальше от себя. Одноглазый мрачно потребовал:

— Дай сюда!

— Возьми, — проямлила потенциальная жертва отравления, когда у неё приняли опасный сосуд.

— Руана, — отрывисто бросила вся до невозможности напряжённая и хмурая Багена. — Ларда тут не при чём.

Конечно, не при чём — раздражённо подумала она, обтирая руки прямо о платье. Кто же так травит? На глазах у всех. Да ещё из такого бидона, который любая нормальная баба обязательно выронит: он весит, как сбитый боинг.

— А где этот гадёныш? — подчёркнуто спокойно поинтересовалась таария, вертя головой.

Подавальщик-наливальщик, как сквозь землю провалился.

— Сбежал, — натурально по-волчьи проворчала озлобленная Ларда.

— Спокойно, — приказал ей одноглазый.

И высвистал нечто резкое.

В считанные мгновенья вся шумная толпа болельщиков перетекла к ним. От расслабленных баламутов не осталось и следа: их окружил воинский отряд, готовый брать штурмом всё, на что укажут пальцем.

— Найти и притащить ублюдка в жилете слуги, — бесстрастно ставил задачу сосредоточенной молодёжи Буг-Яр. — Лет пятнадцать. Щуплый, сутулится. Волос каштановый, короткий, неровно откромсанный. Виски подбриты. Лоб узкий, слева старый шрам в половину детского пальца. Глаза тёмно-карие, большие, раскосые. В уголке левого родинка, — диктовал он, поражая Руану массой деталей, из которых ей не вспомнить ни одной.

Пожалуй, она впервые осознала, что же такое яран-лазутчик, достигший вершин мастерства. Кому в голову придёт запоминать лицо случайного человека? Ему пришлось.

Уже через полминуты инструктажа рядом с ними не осталось ни одного ярана — кроме тех, кто был свидетелем покушения.

— А выпить всё-таки хочется, — вздохнула Руана, заглядывая в ведро одноглазого.

— Выпей, — одобрил тот, не выпустив свою посудину из рук.

— Там, — кивнула Багена куда-то на сторону. — За столом.

Руана проследила за её взглядом. Упомянутый стол оказался широченным войлочным ковром — если можно так назвать это ворсистое грязно белое убожество. Он был заставлен разномастной посудой: от аристократического серебра до обшарпанных походных деревянных плошек.

Ну, и полно глиняных кувшинов вперемежку со стеклянной тарой. Половина из которых валялись опорожнёнными. Хотя праздник ещё только брал разгон.

— И перекусить не помешает, — обрадовалась Руана, посеменив к столу. — Меня ведь пригласили? — запоздало поинтересовалась она через плечо.

— На кого думаешь? — догнав её, полюбостыствовала Багена.

С виду невозмутимо, но какой-то нерв в её голосе тренькнул.

— Вообще не думаю, — на свой лад успокоила её таария, мысленно подыскивая синоним слова «презумпция». — Все подряд невиновны, пока не докажут обратного.

— Может, все виновны? — удивлённо пробасил топающий за спиной Буг-Яр.

— Невиновны, — упёрлась Руана, высматривая на войлоке чистое местечко, куда можно приземлиться.

Нашла, дошла и уселась, подобрав под себя ноги.

— Странная логика, — проворчал назл, плюхнувшись прямо на землю.

— Нормальная, — буркнула Руана, отыскав чистую деревянную площадку. — Багена, душа моя, насыпь мне чего-нибудь не слишком острого и солёного.

Тигрица преспокойно задрала подол и опустилась рядом. Подтянула ближе к гостье блюдо с целёхоньким жареным поросёнком. Вооружилась тесаком и принялась его кромсать.

— И мне наломай, — подпихнул к ней Буг-Яр здоровенную толстую лепёху.

На которую и уложили мясо, насыпав сверху горку зелени. Майонеза не хватает — машинально отложилось в голове, и Руана решила всё-таки пояснить свою мысль:

— Нельзя заранее считать всех виновными. Когда поймаем отравителя, эти все не будут удовлетворены. Оскорбление так и останется не прощённым. И виноват будет не тот, кто травил.

— Тот, кто всех подозревал, — согласилась с ней Багена, заполнив площадку Руаны мясом.

— Мудро, но сложно, — отмахнулся одноглазый. — Таария, что пить будешь?

— Вино. Кстати, я так и не узнала твоего имени.

— Ягди-Яр, — с каким-то многозначительным подтекстом в голосе, представился назл.

— И? — уточнила она. — К чему эта загадочность? Я должна испугаться или обрадоваться?

— Яр-Туран, — хмыкнув, дополнил ответ назла супер лазутчик.

И, распахнув необъятную пасть, откусил чуть ли треть закатанного в лепёшку мяса.

— Мне говорили, что у Турана шесть сыновей, — принимая у одноглазого бокал с вином, кивком поблагодарила Руана. — А такое ощущение, будто вас шесть десятков. Вы прямо-таки повсюду.

— Зачем Урху такая умная баба? — посетовал очередной Туранчик, обращаясь ко всем сразу.

— Он дур не переносит, — сухо прокомментировала тупой вопрос нахохленная волчица.

— Ларда, — вздохнула Руана, — прекрати портить мне настроение. Ты ни в чём не виновата. И вообще здесь не при чём. Просто подвернулась под руку. А я наживка, находиться рядом с которой небезопасно.

— Даже рыбе небезопасно рядом с наживкой, — прожевав, философски заметил Буг-Яр.

— А ты мне нравишься, — вдруг сделала открытие Руана. — Обожаю умных мужиков.

— А ты меня удивляешь, — видать, и он сделал открытие. — Спокойна, будто не тебя пытались прикончить.

— Меня предупредили, — пожалала плечами чудом уцелевшая жертва.

— Кто?

— Друг.

На губах Багены заиграла таинственная и тёплая улыбка. Тигрице явно понравилось это слово: друг.

Мишень

Они пили, закусывали и болтали. О всякой всячине — не поминали только сорвавшееся покушение. Шумные беспардонные компании яранов внезапно исчезли из парка. И оставшиеся в одиночестве таары развеселились ещё больше.

Как и Руана, они обожали использовать контраст. Если северяне устраивали зрелищные, но грубые схватки — вроде давешней — то благородные имперские аристократы с бесконечными родословными эстетствовали. Живописно толклись вокруг художников с певцами баллад. Толковали о философии, искусстве и прочих вещах в том же духе. Играли в игры, где больше балетных па, нежели спорта.

Если северяне пировали на своих кошмарных кóшмах, таары насмешливо косились на них из-за накрытых столов и фыркали. Потихоньку. Можно даже сказать: про себя. Чтобы не получить в бубен от полноправного — следуя букве закона — аристократа с манерами бабуина. И вооружённых боевой магией.

Хотя Руана, кстати сказать, не заметила в манерах яранов чего-то кричаще дикого. Такого, чтобы бросалось в глаза и коробило. Нормальные ребята с гораздо большей степенью свободы. Может, это ей просто ближе по духу. Может, она ищет для них оправдания — кто спорит? Но самой себе Руана казалась максимально справедливой в суждениях.

Если бы шесть лет назад она попала в этот мир подростком, скорей всего, выросла бы истинной таарией. И смотрела бы на новых соплеменников глазами этой таарии. Однако случилось то, что случилось. И её сложившееся там, дома мировоззрение позволило тут смотреть на всё более трезвым взглядом.

— Император, — внезапно прервав болтовню «за столом», предупредила Багена.

— Не надо, — от неожиданности ляпнула Руана и поперхнулась.

— Если хочешь, мы тебя спрячем, — предложил брат Радо-Яра.

Она хотела. Ещё как. Но превозмогла соблазн смыться. Ничего не поделатъ: ей кровь из носу требуется разобраться в собственной жизни. Ни в политике, ни в экономике, ни в любой другой хренистике — в своей собственной каше, что заварена другими, но расхлёбывать придётся самолично.

Как не пыжься, не тужься, усидеть на двух стульях не выйдет. И вашим, и нашим — это не её случай. Кого-то, как ни старайся, придётся обидеть — пришла Руана к окончательному решению, наблюдая за сосредоточенным самодержцем. Который целенаправленно пёрся к их войлочной «скатёрке», игнорируя приличные столы на ножках.

— Ты уверена, что это разумно? — безо всякого стеснения кривясь, проворчал Буг-Яр.

— Не приставайте к ней! — вдруг зло потребовала Багена. — И не лезьте не в своё дело.

— Вообще-то, это моё дело! — окрысился на неё сопящий назл. — И Урх...

— А, кто такой Урх? — собравшись с силами, бесстрастно уточнила Руана.

Закончила вытирать руки о какую-то тряпку и поднялась. На опешившего Ягди-Яра старалась не смотреть. Мысли о Радо-Яре упорно и безжалостно изгоняла, стоило тем прокрасться в башку. Всё! Ей не до сантиментов.

— Единственный! — буквально пропела таария, склонив голову перед подлетевшим императором.

И стрельнув в него задиристым взглядом.

— Я задержался, — покаялся венценосный, приветливо кивнув поднявшимся с войлока яранам. — И, к сожалению, не могу быть сражён твоим платьем.

— Уже доложили? — хмыкнула таария, бросив дерзкий взгляд на придворных за его спиной.

— Конечно, доложили, — иронично усмехнулся император.

Между прочим, забыв о предмете своего внимания и разглядывая поднявшуюся «из-за стола» яранию. Багена повела плечиками и отставила ногу — чего не додумалась сделать сама Руана. Зато имела счастье лицезреть выпученные глаза монарха: тот пожирал глазами разрез на платье тигрицы. Потом с трудом отвёл взгляд, наткнувшись им на ухмыляющуюся рожу Буг-Яра:

— Ты видал?

— Только этим и люблюсь, — доложил матёрый седовласый тигр. — Надо ж было додуматься.

— Да, придумано славно, — невпопад поддакнул император, покосившись на юбку Руаны.

Та мгновенно отставила ногу: дескать, мы тоже не лыком шиты.

— Единственный, выпьете с нами? — максимально приветливо предложила таария. — Это не будет слишком наглой просьбой?

— Не будет, — оживился тот.

Занимаясь тем же, чем и она некоторое время назад: выискиванием чистого местечка на войлоке.

— Сюда, мой господин, — уже набрасывала Багена гору подушек на чистый пяточок.

Сюзерену как-то неприлично сидеть в присутствии подчинённых на заднице. Он всегда должен быть выше этого во всех отношениях.

— Всегда говорил, что у Яр-Анатов рождаются самые красивые женщины, — как показалось Руане, абсолютно искренно сделал комплимент тигрице император.

— И самые ловкие, — добродушно добавил Буг-Яр, плюхаясь обратно на ковёр.

— И самые находчивые, — лишь чуть-чуть съязвила Руана, отобрав одну подушку и усевшись на неё.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил император, явно ожидая очередной хохмы.

— То, что лично я не видела на этой кошме ни единой подушки. Поэтому отсидела себе всю... свою основу. А Багена где-то находит одну подушку за другой. Практически, не сходя с места.

— И верно: находчивая, — согласился Ягди-Яр, когда мужики отсмеялись. — Умеешь ты играть словами, — то ли похвалил он Руану, то ли намотал на ус.

Между тем, вокруг их «пиршественного стола» наметилось некое движение. Слуги растаскивали объедки, сметали крошки и корки. Меняли посуду. Подсунули чистую серебряную тарелку и под нос таарии. Которая машинально ткнула пальчиком в плетёную вазу с фруктами: дескать, мне всего и побольше. Самой слишком далеко тянуться. Ей тут же набросали на тарелку всякого разного добра. Она выбрала из кучи спелую соблазнительную грушу.

— Они хороши под белое вино, — с видом знатока заявил император.

— Не люблю белое, — поморщилась Руана, изготавившись употребить фрукт. — Предпочитаю красное.

— Дай-ка, — Буг-Яр жестом фокусника изъясил из её пальцев грушу.

Смачно куснул, пару раз чавкнул и выплюнул всё на землю, прокомментировав:

— Кислятина.

После чего тщательно прополоскал рот северной бормотухой. Остальные яраны обожгли лазутчика вспыхнувшими взглядами.

— Если ты навестишь меня в моих покоях, — между тем, начал клеиться к таарии император, — обещаю угостить тебя самым лучшим красным вином, какое только есть.

И был при этом столь поглощён своим занятием, что не замечал, как Буг-Яр поманил пальцем какого-то юного волчонка. Что-то ему пробухтел, и парень испарился. Вслед за ним унеслась и Ларда, метнув в Руану странноватый взгляд.

— Я обдумую ваше заманчивое предложение, — кокетливо опустила глазки таария, старательно отвлекая внимание монарха.

Ибо трудно не догадаться, что происходило на этот раз. Собственно, то же самое: она стала чьей-то мишенью. Ей снова чего-то подсыпали. Верней, чем-то припудрили фрукты прямо в её тарелке — вряд ли отравитель рискнул бы обсыпать всю корзину. Помри тут у них император, всю страну поставили бы на уши.

— Неужели предложение не столь заманчиво, — склонившись к Руане, токовал венценосный, — что его требуется обдумывать?

— Я привыкла обдумывать абсолютно всё, — доверительно поделилась она. — Даже внезапно вспыхнувшее желание почесать пятку.

— Вот как? — игриво поиграл бровями монарх. — Твоя предосторожность чрезмерна. Хотя по тебе этого не скажешь.

— Вот уж точно, — проворчал Ягди-Яр, смело забрасывая в рот сразу три виноградины из той же корзины. — Она порой такое мелет, что глаза на лоб лезут. Осторожностью и не пахнет.

— Вы ничего не понимаете в женщинах, — авторитетно заявила Руана. — Жизнь постоянно ставит нас бедняжек перед выбором. Буквально на каждом шагу.

— Каким таким выбором? — иронично осведомился Буг-Яр.

— К примеру: как передумать хотеть то, о чём даже думать не хочется?

— А ещё? — отфыркавшись смешками, попросил император.

— Как промолчать о том, что уже всем растрезвонила? Как взболтать в кружке вино с водой, не смешивая? Да, мало ли ещё что?

— Всё никак не возьму в толк, — добродушно проворчал Буг-Яр, — как работает твоя голова? Впервые вижу остроумную дуру.

— Но-но! — притворно возмущился император, подмигнув тигру. — Не смей! В кои-то веки у нас завелась таария. Мы должны её оберегать.

— Только тем и занимаемся, — проворковала Багена, строя ему глазки.

Тигрица разлеглась на краю скатерти разрезом вверх. Её обнажившаяся голень то и дело притягивала взгляды всех мужиков. Даже единственного, устроившего всю эту праздничную канитель ради единственной женщины.

Которая иногда с виду рассеянно скользила взглядом по округе. И не могла понять: с чего это все сопровождавшие императора таары схлынули, едва тот уселся выпить? Не желают преломить хлеб с яранами? Не могут же они все поголовно быть в курсе травли нахальной таарии. И держаться подальше ради алиби.

Император заметил, что она игнорирует его пылкие взгляды. Как дура пялится куда угодно, только не на него. И естественно, тоже огляделся попристальнойей. В результате чего заметил некую несообразность:

— Старина, а чего это вы не празднуете?

— Празднуем, — кивнул Буг-Яр на кошму.

— А остальные где? — моментально прицепился к нему хозяин праздника. — А схваток что, не будет? — он погромел скрытыми где-то в одежде монетами и предъявил законную претензию: — Я ни одной ставки ещё не сделал.

— Так, уже было, — подключился замечтавшийся о чём-то Ягди-Яр. — Ребята помчались освежиться.

— Все? — иронично покривил губы монарх. — Вы что тут, устроили общую свалку?

— Вон, возвращаются, — махнула куда-то рукой Багена.

В той стороне и впрямь нарисовалась стайка молодых северян: рыл с десятков. Все такие серьёзные, будто у них сейчас экзамен по сопромату. Что это за хрень, Руана знать не знала. Но, если к отцу приходили старые друзья по институту, они под водку костерили этот самый сопромат в хвост и в гриву.

Впрочем, заметив у своего «стола» императора, яраны с яраниями мгновенно оживились. Такой карнавал на мордах изобразили, что ноги сами в пляс идут — артисты погорелого театра. Дальше образовалась небольшая суета с перекочёвкой всей компании к импровизированному рингу. Вытоптанному в регулярных праздничных стычках под ноль — что называется, траве не расти.

И само собой, венценосному тут же предоставили возможность сделать ставку. При этом на ринг вышли не сопляки-волчата, а матёрые тигры — откуда и взялись-то?

Поначалу величество взирал на разогрев бойцов сквозь пальцы. Больше пытался уболтать Руану посетить его личные покои. В которых чего только нету! И всё ей до зарезу приспичило поглядеть-пощупать — он точно знает.

Яраны старались не обращать внимания на королевскую длань, опоясавшую талию Урховой подруги. На его губы, шевелящиеся у самого её ушка. На масляный блеск его глаз, обещавших пока ещё официальной девственнице феерию ощущений в королевских объятых. Руана уже начала беспокоиться по поводу безопасного отхода куда-нибудь в тыл мероприятия. Но события на ринге вырвали бестолковую соблазнительницу владык мира.

Поначалу вкрадчиво крадущиеся по кругу бойцы лишь изредка демонстрировали внезапные наскоки-отскоки. Но теперь, разогревшись, взялись за дело всерьёз. В принципе, красиво — оценила Руана их танцевально-бойцовскую композицию. Можно было бы и посмотреть — она покосилась на запрыгавшего в ажиотаже монарха. Кабы не пришла пора линять.

Ажиотаж венценосного посвящался не ей — хотя его рука всё ещё находилась на талии. Руана аккуратно подалась в сторону — монаршья длань соскользнула с неё. И тотчас взметнулась вверх, потрясая кулаком. Он заорал, как полоумный, поминая, демонов, колченогих уродов и казни египетские тому, кто лишит его выигрыша. Вождеденный секс отошёл на двадцать второй план.

— И правильно, — пробормотала Руана под нос, одобряя выбор своего кавалера.

Она потихоньку отползала от ринга, лавируя между активно жестикулирующими телами. Путь на волю был извилист и тернист: об неё то и дело тёрлись ходящие ходуном локти. И что примечательно: болельщикам сногшибательно плевать на её сексуальное

платье. Свиньи неблагодарные: она все руки исколола, добиваясь результата.

С такими вот упадническими мыслями она отползала-отползала... пока не наткнулась взглядом на него. Даже удивилась, когда глаза сами собой впились в лицо человека, отчего-то не внушавшего доверия. Может, оттого, что он пожирал её немигающим взглядом?

Вот мерзавец обогнул спину прыгавшего между ними росوماхи и ринулся к ней. В его руке торчал нож — самый настоящий. Каюк — обмерла Руана. Вокруг такой оголтелый ор, что на помощь звать бесполезно. Мысль сквозанула и пропала, но магический талант не дремал. Она даже не сразу сообразила, что творит. Когда и кем был отдан приказ рукам: поймать поток ДАРА. И как они умудрились успеть.

Нож в кулаке убийцы рассыпался прахом в последнюю секунду. Но сам кулак никуда не делся: как летел в мишень, так и долетел. Успел даже слегка толкнуть в грудь — убийного удара у него не получилось. Потому что гад внезапно замер. Глаза вылезли из орбит, и он рухнул... под ноги брезгливо сморщившейся Багене.

— Ты его? — сглотнув, уточнила Руана, машинально отступая.

— Я, — сухо поддакнула тигрица и осведомилась: — Что пятишься? Тебя убивать не собираюсь.

— Ах да! — опомнилась жертва покушения и выдохнула на волне прозрения: — Чуть не зарезал ублюдок!

— Интересно: чем? — вкрадчиво поинтересовался у неё над ухом Ягди-Яр. — Был нож, и нету. Поди теперь докажи, что это нападение.

— Я не нарочно, — пробухтела под нос Руана. — Оно само.

— Вот, значит, что у тебя за навыки, — задумчиво пробормотал Яр-Туран, обнимая её за плечи.

Прямо, как родную.

— Ты никому не расскажешь? — всё ещё не придя в себя, брякнула она.

— Не расскажет, — всё так же сухо пообещала шагнувшая ближе Багена. — Зачем ему трепаться, если это видели все?

— Кто все? — обескураженно закрутила дурной головушкой беспутная таария.

— Все, кто тебя охраняет, — пояснил Ягди-Яр, наблюдая, как бесчувственного убийцу уволакивают два молодых волка. — Ты что, испугалась?

— Испугалась? — опешила Руана. — Да, я чуть в панталоны не надула! Охраннички!

Над ней, естественно, тут же распотешились — все, кто слонялся поблизости. Благо, хоть император остался где-то у ринга, вокруг которого бушевал ураган. И задорный ржач яранов утонул в нём бесследно.

Тут редкая птица таария вспомнила, что она тоже маг. И в некотором роде даже боевой. Она выпрямила спину и нахмурила брови.

— Сейчас начнёт грубить, — выйдя из-за её спины, предупредил Ягди-Яр.

— Не грубить, — возразила насупившаяся таария. — Размышлять.

— С таким лицом? — хмыкнул он. — Ну-ну.

И потопал вслед за носильщиками её убийцы. Видимо, будет пытаться — поморщилась Руана, собирая мысли в кучу.

— Багена, тебе не кажется, что подсыпать яд — это уж слишком не по-мужски. Думаю, это дело рук женщины.

— Я даже знаю, кого, — невозмутимо оглушила её тигрица.

— Серьёзно?

— Она опять взялась за старое, — недобро пробормотала Багена, кого-то высматривая в толпе.

— Кто? — затеребила её Руана. — Мстира?

— Что ты несёшь?! — обалдела ярания от неподобающе смелой гипотезы.

— Первое, что приходит на ум! — окрысилась Руана. — Мне всю голову проклевывали подозрениями на её счёт.

— Какими подозрениями? — как-то устало переспросила подруга.

Руана замерла. Её здорово задело это вернувшееся ощущение доверительной близости с другой женщиной: с подругой. Здесь подобного ещё не бывало. Ати — это другое. Это её звёздочка-роднулечка. Крошечка-Хаврошечка — что бы это сомнительное прозвище не означало.

Багена же... Вообще-то, таария у всех северян, как бельмо на глазу. На кой хрен её спасать? А они это сделали трижды. За каких-то пару-тройку часов. Они её оберегали — только теперь окончательно осознала легкомысленная бестолочь. Несмотря на все тревоги, сомнения... Они, в конце концов, вовсе не обязаны ей верить!

Но... если не яраны, тогда... кто? Собственно, выбирать-то особо не из кого: раз не эти, стало быть, те. Которые заманили в цитадель наивную беззащитную таарию, дабы попользоваться ею в своих корыстных целях. Её клан! Её родичи — кричала в ней подлинная Руана. В мозгу которой хранились целые пласты информации на тему клановой принадлежности. И преданности, обусловленной этой самой принадлежностью.

Ольга вполне понимала мотивы засранцев. Была категорически против бесчеловечного плана её прикончить, но всё же не делала из этого оглушительной трагедии. А вот бедная таария вопила от боли в отравленном сердце.

— Что с тобой? — встревожилась Багена, подойдя вплотную и положив руки на опущенные плечи реально беззащитной девушки.

— Со мной всё плохо, — процедила Руана, выскребая все ненужные сейчас опасные мысли. — Но, будет всё хорошо.

— Ты знаешь, кто приказал тебя зарезать? Кстати, нож не простой. Боевой клинок защитника. Это наш клинок. Но, если ты думаешь, что мы...

— Почему только зарезать? — отмахнулась Руана. — А что с отравлениями? Думаешь, это разные люди?

— Конечно, — погладила её по плечу тигрица, мягко улыбаясь. — Отравить тебя пыталась мамаша Лагуйры. Это фаворитка нашего единственного. Самая свежая из его фавориток. Он лишь недавно к ней остыл. А до этого такие страсти кипели... Кровь и слёзы. Мрак и брызги.

— Лагуйра, — задумчиво повторила Руана. — Дамочка с восточной окраины материка? Из... Награйра?

Она с трудом вспомнила дурацкое название крохотного королевства на краю континента. Тмутаракань — иначе не скажешь.

— Оттуда. И мать у неё сушая ведьма. Когда-нибудь точно допрыгается.

— А сейчас ещё не допрыгалась? — обидевшись, зло съязвила Руана.

— Бруст не позволит её казнить, — с лёгким раздражением предупредила Багена. — Она бабушка императорского сына.

— А я ей что сделала?

— А ты не просто прихоть. Ты всерьёз зацепила единственного. И, если вдруг

захочешь...

— Демоны с ней! — досадливо выплюнула проклятие Руана и призадумалась: — Значит, резать меня эта ведьма не посылала.

— Даже случись такое, — безапелляционно заявила тигрица, — старая сука никогда не рискнёт попользоваться клинком ярана. Нам императорское позволение без надобности: прикончим и прощения не попросим. А у тебя хоть какое-то подозрение имеется? Кто бы мог с тобой разделаться на глазах толпы?

— Не так, — помотала головой Руана. — Не на глазах толпы. А в толпе яранов. И ножом ярана. Вы же наверняка успели разглядеть, чей он?

— Успели, — помрачнев, пробормотала Багена. — На нём было родовое клеймо. А под ним имя хозяина.

— И чей он? — думая о своём, машинально уточнила Руана.

— Мой.

Ответ ударил наотмашь, в секунду мобилизовав. Это свойство природы не раз выручало Ольгу там — не подводило фальшивую Руану и здесь.

— Когда он пропал?

Багена ожидала какие угодно вопросы — и даже, может, упрёки. Услышанное поставило её в тупик.

— Сегодня ночью, — озадаченно пробормотала она. — Викрат сказал, что его найдут в трупе таара. Оказалось, что таарии. На твоём месте я бы меня опасалась.

— На твоём месте, — передразнила тигрицу Руана, — я бы не строила из себя дуру.

— Ты мне веришь?

— Я не знаю ни единой причины, чтобы ты захотела меня убить. Или пока не знаю?

— Мне это не нужно, — спокойно и просто сказала тигрица. — Я не желала этого даже тогда, когда ты придуривалась, вешаясь на Викрата.

— Знаю, — буркнула Руана, оглядываясь. — Слушай, убийца ведь расскажет, кто его послал?

— Если успеют откачать, — обрадовала Багена. — Это наёмник из секты серых змей. Их с детства растят убийцами. Дело было безнадёжным: он бы отсюда не ушёл. Значит, во рту яд. Прости, — сочувственно пожала плечами ярания.

— Скажи, а нанять такого убийцу очень дорого?

— Целое состояние, — медленно протянула Багена, кивнув. — Но деньги тут не главное. Змеи не всем оказывают подобные услуги. Опытный наёмник потерян безвозвратно. А вырастить такого нелегко. Да и небыстро. Смертников используют лишь в крайне важных убийствах. Я постаралась ударить так, чтобы он сразу потерял сознание. Но, если ребята не заметят, когда он придёт в себя, успеет сдохнуть.

— Понятно, — вздохнула Руана, нехотя распрощавшись с возможностью всё узнать побыстрому. — А старуху награйру наказать нужно.

— Бруст не позволит, — напомнила Багена, глаза которой, тем не менее, чертовски мстительно блеснули.

— Мы же не казнить её станем.

— Прекрати меня дразнить!

— И в мыслях не было. Ты же знаешь, где её покои?

— Она живёт в покоях дочери. Которые охраняем мы. Всё-таки сын императора. Но, когда все узнают про мой нож... — с многозначительной беспечностью промурлыкала

тигрица. — Так, что ты придумала?

— Всего лишь невинную шалость, — состроила Руана максимально добропорядочную мину. — Сегодня же праздник. Вот и повеселим народ.

— Когда? — едва не запрыгала обычно сдержанная тигрица.

— А чего тянуть?

Заноза

Буг-Яр преградил им дорогу, едва заговорщицы выбрались из толпы. Выкладывать лазутчику прикольную шутку им как-то не особо хотелось. Она же не смертельная — исключительно воспитательная. Однако у старика глаз намётан: моментально уловил в глазах хреновенькой лазутчицы признаки грядущих проблем.

— Багена, говори!

Это была вполне себе официальная форма приказа у северян. Соврать в ответ на подобное требование себе дороже — за такое по головке не погладят. Да и в принципе бесчестие, на котором у яранов повёрнуты мозги. Так что подруга раскололась прежде, чем Руана мысленно выругалась:

— Хотим наказать мать Лагуйры. За её очередную...

— Брось, — поморщился Буг-Яр, одарив таарию суровым взглядом: — Ты! Прекращай мне портить девчонку.

— Её? — иронично улыбнулась Руана, покосившись на тигрицу.

Которая даже в своём фривольном платье выглядела угрожающе опасной.

— Именно её, — хмуро подтвердил старый тигр. — Она, конечно, свернёт шею десятку тааров за раз. Но ты, заноза, свернёшь мозги сотне таких, как она.

— Мы всего лишь хотели проучить старую стерву, — примирительно прошептала Руана.

— Не за что её учить, — проворчал Буг-Яр. — Это не она.

— Кто? — потребовала ясности Багена.

— А ваш друг не предупредил? — язвительно осведомился старый воин и буквально выплюнул с неопишуемым презрением: — Таа-Жайгер.

— Отец малютки Бли, — пояснила тигрица для непосвящённых.

— Той, что не понимает своего счастья? — вспомнила Руана лекцию Викрата. — Не желает вкусить императорских ласк?

— Уже вкусила, — хмыкнул Буг-Яр, запустив пальцы в свою короткую бородку, напоминавшую щётку для обуви. — Пару дней назад.

Руана пыталась сообразить, что за мотивы для убийства у папаши неуступчивой девы:

— Теперь Таа-Жайгер боится, что и я полезу вкушать? Он что, ненормальный? Я-то не просто девочка из высокородной семьи. Я вроде как таария. Обладаю разрушительным талантом. Могу ему целый замок в труху сточить. Что-то мне слабо верится в его виновность.

— Это он, — отмахнулся супер лазутчик. — Оба слуги указали на него. Придурки не посмели отказать. Вдруг он станет дедом императорского наследника?

— А, если врут? — всё никак не верилось Руане. — У него дочь только-только залезла в постель императора. И будет желанна ещё какое-то время. Пока не надоест единственному, у которого далеко не единственная. У папаши сейчас самый сенокос. Он столько личных проблем может разрешить. Но за каким-то демоном полез травить меня в толпе яранов. Где, между прочим, разгуливают такие лисы, как ты.

— Сенокос, говоришь? — хохотнув, переспросил Буг-Яр. — Ну, точно: сенокос. Оттого он и поторопился. Боялся, что его малютка вылетит из постели Бруста, едва ты туда

прыгнешь. Не ищи глубокомысленности там, где её нет, — посоветовал мудрый старик. — Дурак не башкой мыслит, а своими страхами. Или жадностью.

— А что со змеем? — оборвала Багена их философский диспут.

— Сдох, — казалось, ничуть не расстроился Буг-Яр. — Успел сглотнуть свою пакость. Видать, перед нападением сунул под язык. Ну, что, девки, не надоело трясти сиськами впустую?

— А что, ими можно потрясти с пользой? — машинально съязвила Руана, обдумывая всё сказанное.

— Ещё с какой пользой, — облапил её за талию старый пройдошливый кошка.

Обмусолил высокую грудь нарочито выразительным взглядом. Поддел пальцем разрез, задрал выше колена и демонстративно поцокал языком.

— Хочешь залезть мне под юбку? — отставляя анализ на потом, зазывно промурлыкала Руана.

— Не напрашивайся, — оттолкнул прелестницу старый хрен, наплевав на манеры. — Я таких худышек не люблю. Мне бы чего-нибудь помясистей.

— Ты же не ешь меня собираешься.

Он заржал так, что почти перекрыл вопли болельщиков. После чего одарил хохмачку въедливым взглядом и покачал головой:

— Ты странная. И по замашкам меньше всего походишь на дочь благородного таара. Не расскажешь, где нахваталась таких изысканных манер?

— Дома, — вежливо улыбнулась Руана, поигрывая петлёй болтавшейся жемчужной нитки.

— Не ври, — с непонятной прохладцей усмехнулся Буг-Яр, кинув взгляд куда-то в сторону. — Твоего отца я знаю. И мать покойницу видал.

— Я никогда не вру, — показушно обиделась высокородная барышня. — Только преувеличиваю, преуменьшаю или недоговариваю.

— Ох, и язык у тебя, — проворчал он то ли одобрительно, то ли наоборот.

— Змея допрашивал Шати-Яр? — опять вернула разговор Багена в более интересную струю.

— И сам Туран, — с каким-то непонятным подтекстом уточнил Буг-Яр.

А Руану вновь захватил отложенный на время анализ ситуации: прямо-таки прорвало. Занозой сидело в мозгах: что же это у неё получается? Хрен с ним, с жадным папашей малютки Бли — его братцы Тураны отблагодарят. Важней этот их супер убийца: змей, кусающий сам себя. Кто его подослал?

С первого взгляда, именно яранам и выгодно её убрать от греха подальше. А таарам она вроде наоборот нужна: прямо, как воздух. Это, если судить с точки зрения выгоды. С другой стороны, что она знает о той выгоде? Это ж такая хитрая штука: никогда не разглядишь, что истина, а что просто лезет в глаза, застилая свет.

В конце концов, не только императрице понравится увидеть таарию в гробу в белых тапках — хотя здесь и практикуют экологичные погребальные костры. У их любвеобильного монарха баб, как блох на собаке. Вон, папаша одной уже пытался сжить со света бедную девушку. У других счастливиц тоже есть папаши, мамыши, дядья и прочие родичи. Желающих покушаться на жизнь Руаны и не сосчитать.

С третьей стороны, как она узнала, придирчивые змеи берутся не за каждое заказное убийство. Вряд ли им выгодно терять полноценного работника ножа и топора из-за борьбы

вокруг монаршей постели — масштаб не тот. Так у них в секте вообще никого не останется — с непрерывно функционирующим калейдоскопом императорских подстилок.

И, что у нас получается — попыталась сделать хоть какой-то вывод Руана. Ни черта не получается — сделала единственный и неутешительный.

Мстире таария живой не нужна, но её братцу Радо-Яру очень даже. Причём, та отвечает ему взаимностью. Опять же, ушлая таария может лишь изображать страсти-мордасти — для конспирации, так сказать. В душу ей не залезешь. Так что актуальность избавления от опасной соперницы никуда не делась.

Верховники таары наоборот очень хотят свою таарию. Им вроде убивать её не резон. Но, это лишь одна часть просвещённого сообщества созидающих магов. Наверняка имеется и оппозиция — куда без неё просвещённым-то?

То есть, некоторые таары наверняка не желают ломать устоявшееся, дабы поймать смутно прогнозируемое. А то и вовсе спровоцировать очередную гражданскую войну. Когда у них на границах отечественные не переводятся. И с ними без яранов не справиться.

Помнится, она с детства любила всякие головоломки и кроссворды. Страшно гордилась своими предпочтениями: думала, что те доказывают её недюжинный ум. Кумиром была мисс Марпл. Планы на будущее рисовались самые радужные: карьера какого-нибудь политолога или бизнес стратега.

Но чем больше взрослела, тем настойчивей приходило осознание своей обычности. Что нисколько не удручало: обычная, так обычная. Проживёт как-нибудь. Тем более что тяга к распутыванию головоломок прошла. И нынешняя головоломка раздражала: от неё, вообще-то, зависела жизнь. Не чья-то там — собственная и горячо любимая.

— Оглохла? — больно пихнула её в бок тигрица.

Руана машинально покосилась на обидчицу туманным взглядом: та склонила перед кем-то голову.

— Хотела бы я залезть ей под черепушку, — прозвучал за спиной знакомый усталый женский голос.

Руана обернулась: императрица — собственной персоной.

— Единственная, — спохватилась сонная тетеря, поспешно согнув шею.

В честь её персонального праздника Мстира напялила вытертые кожаные штаны воина. И такой же колет: обычный, без защитных пластин. Женственным был только пышный ворот белоснежной рубахи. И не вписавшаяся в общий облик амазонки изысканная причёска.

— Что замышляешь? — не без сарказма поинтересовалась императрица.

— Не замышляю, а размышляю, — вежливо поправила её таария.

— О том, кто тебя чуть не прикончил?

— О том, кому это действительно выгодно.

— Вот как? — удивилась императрица. — Разве это не очевидно?

В её голосе прозвучала напряжённая насмешка человека, которого — как ему показалось — пытаются припереть к стенке.

— Это совершенно не очевидно, — со всей возможной твёрдостью возразила Руана.

Вздыхнула и решила, что нахальства никогда не бывает слишком много:

— Единственная, если вы намекаете на ваши личные интересы, то они-то как раз совсем не очевидны.

— Ты язык-то попридержи! — взбеленился побагровевший тигр.

Его красная рожа, обрамлённая сединой, напомнила Руане Новый год и Деда Мороза. Она улыбнулась тёплому воспоминанию, что Буг-Яр моментально принял на свой счёт:

— Смеёшься надо мной?!

— Угомонись! — шикнула на него императрица и уставилась на таарию в фирменном прищуре Яр-Туранов: — Поясни.

Руана решила, что за семь бед и впрямь лучше дать один ответ:

— Ваше положение без поддержки рода ничего не стоит. А семью проще всего расколоть, наплевав на чувства одного из родичей. Отняв у него то, что ему дорого.

— Это верно, — невозмутимо согласилась Мстира, взглянув на мнимую соперницу более милостиво.

— Поэтому я не считаю, что ваша выгода в этом деле очевидна, — резюмировала Руана, старательно вцепившись в маску рассудительной бесстрастности.

Хотя её так и подмывало растянуть губы в улыбке. Она страшно нравилась себе в этот момент: не струсилась ведь. Какая всё-таки молодчина. Так держать!

— Ты действительно любишь моего Урха? — внезапно спросила императрица с нескрываемым участием в голосе.

Участие, само собой, предназначалось не чужой девке, а родному брату.

На этот раз выдержка погорела, и Руана поморщилась.

— Не любишь открывать чувства кому попало? — сообразила Мстира.

— Не люблю, — преисполненным искренней благодарности голосом поддакнула её потенциальная невестка.

Благодарности за то, что не пришлось мямлить, рассказывая о собственном видении такого предмета, как любовь.

— Я тоже, — поделилась с ней императрица. — Ладно. Ты права: это не я. Мы с отцом поговорили о тебе, — вроде бы намекнула она, что инцидент исчерпан. — Радо-Яр не заслуживает участи вдовца по моей вине.

— Вдовца? — обалдело вытаращилась на неё Руана. — Мы ещё не...

Мстира отмахнулась, развернулась и пошлёпала прочь. Между прочим, одна-единёшенька. Никаких телохранителей — паче того, придворных дам — при владычице не наблюдалось.

А до Руаны с запозданием дошло: эта женщина предпочла счастье брата собственному высокому положению. Если не врёт. Жизнь её сыновей не зависит от сидения на троне: в семейке сплошных назлов мальчишкам ничто не угрожает. Наследник с талантом императора вскарабкается на трон в любом случае.

Неужели Мстира затыкает собой место императрицы лишь во имя благополучия своего народа? А ей самой оно...

— Хочешь вернуться к императору? — ущипнула её за щёку Багена.

Руана очнулась и поняла, что шум болельщиков подозрительно стих. Верней, принял иную форму: сбросил децибелы и стал напоминать базар.

— Ставки, — пояснила Багена в ответ на удивлённый взгляд деревенщины. — Делят. Буг-Яр тоже умчался забрать своё, пока ты спала стоя.

— Это единственный так вопит?

— Он самый.

— Уходим, — благодарно кивнула Руана, отчаливая в произвольном направлении. — Что-то мне поднадоело быть центром внимания. Любого.

— Нападений больше не будет, — пообещала тигрица, неподражаемо сексуально шествуя в своём облегающем платье.

Стоявшие, сидевшие, бродившие тут и там придворные были заняты исключительно парой образчиков инопланетной моды. Никакого разнообразия реакций: мужикам опять всё нравилось, бабы снова ненавидели двух бесстыжих выпендрёжниц.

Что действительно замечательно в этом мире, так это отсутствие оголтелого морализаторства. Традиции есть, мораль своя имеется и религия. А ханжеское отношение к одежде, еде и прочим пустякам отсутствует. Где-нибудь в средневековой Европе за такие платья их с Багеной сожгли бы на костре. Во всяком случае, уж точно бы выдрали принародно на площади. А тут ничего: ну, тряпки и тряпки.

— Видишь ту компанию? — еле заметно кивнула тигрица в сторону каменной чаши с водой.

Можно сказать, мини бассейна. В который — за неимением тут фонтанов — из одной трубы втекало, в другую вытекало. Поверх воды плавали зелёные листья растений, проросших прямо откуда-то со дна. На листьях расселись крохотные оранжевые лягушки и смешно чирикали.

Рядом с бассейном стоял небольшой стол с закусками и напитками. Под старым развесистым деревом с кучей птичьих гнёзд. Птицы тоже чирикали, перекликаясь с лягушками. Идиллия, чёрт побери — насмешливо оценила Руана расположившуюся вокруг стола компанию тааров с их дамами. Двенадцать придворных, разодетых по случаю праздника в пух и прах.

— Седой в малиновом камзоле и есть Таа-Жайгер, — процедила сквозь зубы Багена. — Жаль, что запретили его трогать.

Они обе, не сговариваясь, чуть сбавили шаг. И обе же, как по команде, раздвинули губы в ядовитых улыбочках.

— Мы и не будем трогать, — невинным голоском недавней институтки заверила Руана.

И зацепила поток ДАРА. В следующую минуту с долговязым сухощавым высокомерно задравшим подбородок стариком случился конфуз. Вся одежда на нём истлела под ноль. Буквально испарилась на глазах. Он даже не сразу понял, чему посвящены выпученные на него глаза окружающих.

Но, видать, ветерком поддуло в особо чувствительные места. Таа-Жайгер опустил глаза и офонарел. Четыре придворные дамы заахали и отвернулись, даже не сдерживая ехидные ухмылочки. Мужики сурово хмурили брови и кусали губы. Тоже охота поржать, а отворачиваться вроде не солидно: не бабы же.

— Ох! — внесла и свою лепту смущённая таария, прикрыв глаза ладошкой.

— С таким дохлым телом, милейший, лучше не обнажаться, — пренебрежительно прокомментировала Багена, и не думая останавливаться.

Проплывая мимо обалдевшей компании, будто мимо чего-то не стоящего внимания приличных людей. Прикрывший срам ладонями Таа-Жайгер пошёл багровыми пятнами. Выпучился на хамку и тоненько взвизгнул:

— Ты! Ты сделала!

А это уже оскорбление. Тигрица резко остановилась и развернулась лицом к оскорбителю. Её напряженившаяся фигура источала прямо-таки смертельную опасность.

— Я защитник и лазутчик, — ледяным тоном напомнила ярания то, что и без того прекрасно знали. — Я не нападаю на людей без команды своего командира. Ты, жалкий

червяк, обвинил меня в нападении. И ты ответишь за это.

Перчаток в этом мире не бросали. Аристократов из себя корчили, а при вызове на дуэль вульгарно плевали в сторону вызываемого. Ладно мужики — смачный плевок красавицы в сексуальном платье выглядел вульгарней некуда. Багена харкнула от души — Руана машинально поморщилась.

— Подождите! — опомнился один из тааров, косясь отчего-то на Руану. — Это просто недоразумение! Был использован ДАР и...

— Заткнись, — холодно бросила Багена, не сводя взгляда с голого пакостника.

Первый шок которого благополучно схлынул. Первые треньки осознания ситуации постепенно разгоняли в его башке набат. Предупреждение о том, что он влип. И гневно выпученные прежде глаза растерянно забегали в поисках, ну, хоть какой-то поддержки.

— Ты можешь уйти, чтобы одеться, — всё так же холодно диктовала ему тигрица свою волю. — Снарядиться, как пожелаешь. Я подожду здесь. Если через час не явишься сюда для схватки, я объявляю охоту.

Ещё одна миленькая традиция северян — припомнилось Руане. Причём, утверждённая государством на законодательном уровне — даже таары её придерживались. Если тебя оскорбили, что спровоцировало вызов на дуэль, ты обязан явиться туда, куда укажет потерпевший. В назначенный час.

Не явишься, потерпевший имеет право преследовать тебя где и как угодно. А, настигнув, убить. Без всяких там секундантов, барьеров и прочей благородной атрибутики. Ибо не хрен. Хочешь спокойной жизни, не нарывайся.

А этот господинчик нарвался. И теперь в муках осваивался с чудовищной мыслью: попал.

— Может, не стоит? — прижавшись к подруге плечом, шепнула Руана.

В ней разыгралась пресловутая неуверенность отцивилизованного по всем параметрам индивида. Перед лицом чего-то первобытно простого и ужасающе конкретного. Это вам не преступление и юридически растянутое на года наказание. Преступление и моментальное воздаяние — как-то так. Никаких судов с адвокатами — нечего время терять на пустяки.

— Не лезь, — бесстрастно отрезала тигрица.

— Накажут, — напомнила таария о предупреждении старого тигра не лезть на рожон.

— За что? Приказа оставить оскорбление без ответа не было.

К ним подошёл молодой таар с приятным лицом и вроде не глупыми глазами. Остальные жались друг к другу еле слышно бухтящей кучкой овец. А этот явно не из трусливых — с надеждой урегулировать развернувшееся безобразие улыбнулась ему Руана. За своего убийцу она вовсе не переживала: туда мерзавцу и дорога. А вот за подругу страшилась: вдруг всё-таки накажут?

— Багена, — спокойно и даже как-то по-дружески начал переговоры парламентёр.

— Альсор, мне жаль, — так же спокойно и достаточно приветливо отозвалась тигрица. — Но я не отступлю.

— Это не будет честной схваткой, — покачал он головой. — Ты же его убьёшь.

— И сделаю это с удовольствием.

В глазах таара промелькнуло понимание:

— Он что-то натворил?

— Пытался, — ушла от ответа Багена. — Но мы предотвратили.

Таар покосился на Руану и усмехнулся:

— Понятно.

После чего взял яранию за локоть и безо всяких политесов оттащил подальше от зрителей. Которые заметно расстроились. Эти гниды с интересом ожидали душераздирающей развязки, а от них шифруются. Цирк им тут — возмутилась Руана, последовав за переговорщиками.

Что Альсора вполне устраивало. Потому что первый вопрос он адресовал именно таарии:

— Этот кретин пытался тебя убить?

— Ну... — от неожиданности затупила Руана, выпучившись на подругу.

— Да, — сухо бросила та.

— Так и думал, — удовлетворённо кивнул таар и объявил: — Думаю, Таа-Жайгер не сам до этого додумался. Его подстрекали.

— А мне что за дело? — упёрлась тигрица, не желая отступить от задуманного.

И тут у Руаны закончилось терпение. Она смело оттерла плечом могучую яранию от рассудительного мужика. И своего соратника в деле урегулирования никому не нужного скандала.

— Альсор, я удержу её от расправы.

— Ты не... — тотчас набычилась тигрица.

— Посмею, — отмахнулась Руана, чувствуя себя на коне. — А ты мне уступишь. На этот раз. И не спорь. Буг-Яр прав: я та ещё заноза.

Она очень рассчитывала на здравомыслие ярании. И не прогадала: та не стала лезть в бутылку. Напряглась и задумалась.

— Что требуется от меня? — терпеливо уточнил таар.

— Кстати, почему Таа-Жайгер не спасается бегством? — машинально бросив взгляд на кучку сородичей, поинтересовалась Руана.

— А смысл? — удивился Альсор тупому вопросу.

— Надеется, что ты поможешь? — догадалась она и выдвинула свои условия: — Ты притащишь его сюда, ко мне. И заставишь со мной поговорить. Тогда мы обе, — многозначительно зыркнула на подругу, — посчитаем себя удовлетворёнными.

— Согласна, — заинтересовалась её затеей тигрица.

Минуты не прошло, как переговорщик подтащил к ним упирившегося дебила. Тот всё ещё прикрывал пах ладонями, а без рук не слишком-то повоюешь. Альсор удалился, а Багена для начала произвела на папашу малютки Бли психологическое давление. Так даванула, что бедолага побледнел не только в лице.

— У меня один вопрос, — объявила Руана и честно предупредила: — Ценой которому твоя жизнь.

Так всеобъемлюще её ненавидели впервые. Пламенно, с полной отдачей душевных сил.

— А для начала, — продолжила она с иезуитской лаской в голосе, — открою тебе один секрет. Свой. У меня есть любовник. И это не таар. Он, видишь ли, назл.

Теперь он побелел. Весь. Губы затряслись. Плечи, которые гордый аристократ упорно держал развёрнутыми, повисли крыльями дохлой моли.

— Да, ты прав, мой милый назл будет недоволен. И когда вернётся в цитадель, захочет тебя кое о чём спросить. Так, может, лучше спрошу я? А ему тогда мы ничего не расскажем. Ты не молчи, — для контраста, перешла Руана на ледяной тон судьбы, что вот-вот увлечёт его в адские вертепы. — Уговоров не будет. Считаю до трёх, разворачиваюсь и ухожу.

— И на Бруста можешь не рассчитывать, — презрительно добавила Багена, терроризируя трусливого подонка алкающим его крови взглядом. — Ему пока неизвестно о твоей проделке. Но я с удовольствием...

— Что... ты хочешь знать? — прохрипел Таа-Жайгер, с трудом выталкивая слова из растрескавшейся от страха глотки.

Руана одобрительно кивнула и спросила:

— Кто тебе сказал, что я скоро стану новой императрицей? И выброшу из цитадели всех шлюх императора.

— Убьёшь, — еле слышно поправил её папаша малютки Бли.

— Даже так? — удивилась Багена и проворчала: — Совсем сдурели.

— Откуда ты... — дошло до подследственного, что таария знает больше, чем он предполагал.

— Знаю, — досадливо бросила Руана. — Не тяни время. Кто это был?

Благочестивица

Интересная штука страх. Он никогда не бывает статичным: нахлобучил и сидит на больной головушке ледяной шапкой снега. Страх пребывает в бесконечном движении, меняя приоритеты.

Вот стоишь ты перед парочкой мегер, одна из которых может тебя размазать, как плевок по тротуару. Да и вторая лошадка тёмная. Тебе страшно, тебе очень хочется жить. Однако тут тебя извещают, что у второй фурии любовник ещё страшней. И ты вдруг перестаёшь бояться первую.

Но и это не предел совершенства. Вопрос заходит о каком-то неизвестном участнике всей этой трагикомедии, и для тебя уже назлы не угроза. Иначе, с чего бы отъявленный трус Таа-Жайгер вдруг заартачился? Вновь задрал подбородок и вздумал выдвигать условия:

— Скажу только тебе.

Руана спорить не стала: ей, так ей. Во-первых, им в любой момент могли помешать — по законам, так сказать, жанра. Во-вторых, тошно было смотреть на это ничтожество. И немного стыдно. Угроза жизни его дочери — дело иное. Она бы тоже отравила того, кто угрожает её ребёнку.

Багена отошла без споров. Таа-Жайгер потянулся к уху таарии и шепнул имя. Без комментариев. Руана обомлела и шумно сглотнула. Затем развернулась и потопала прочь. С неё на сегодня хватит!

— А мне ты не скажешь? — нагнала яrania целеустремлённо отступавшую таарию.

— Скажу, — легко согласилась обладательница поганенького секрета, не сбавляя шаг. — Если ты готова принять на себя все последствия такого знания.

— Выходит, ты в опасности? — по-своему поняла суть проблемы Багена, стреляя глазками по сторонам.

— Кто предупреждён, тот вооружён, — машинально пробормотала Руана любимую присказку, которую знала даже на латыни.

— Откуда ты знаешь новый девиз Яр-Туранов?

— Уже прикарманили! — восхитилась дочь иного народа, мира и времени.

— Так и подумала, что у тебя переняли, — удовлетворённо хмыкнула Багена и выдала решение: — Нет. Я не хочу знать имя твоего врага. Пускай с ним Туран разбирается. В конце концов, это их дело: старика и его сына. Кстати, ты ничего не слышишь?

— Нет, — озадаченно протянула Руана, наострив уши, ибо почуяла подвох.

— Единственный орёт. Тебя призывает.

— Ищет, — вздрогнула Руана и с деланной робостью пролепетала: — Иному проще дать, чем объяснять, почему ты его не хочешь.

— Ну, прямо храмовая прислужница, — восхитилась тигрица. — Не рановато?

В этом мире не существовало монастырей в том смысле, к которому Руана привыкла. Тем более, не принято посвящать себя Создателю в молодые годы: молодые должны трудиться, служить и размножаться. А вот старые вдовы или вдовцы могли поселиться при храме, прислуживая на богослужениях. И обихаживая храм, чтобы общаться с Создателем в чистоте и красоте.

— Ты собираешься меня спасти? — осведомилась Руана, не представляя, куда бежать.

Куда не кинься, в таком платье отовсюду увидят: в здешнем парке деревьев меньше, чем людей — на то он и парк.

— Туда, — ткнула пальцем Багена в сторону ещё одного импровизированного ринга.

Где затевалась очередная схватка с тотализатором. Яраны катастрофически не способны развлекаться на благородный манер: не танцуются им, не красуются.

— Если Бруст тебя там и поймает, — на ходу поясняя успешно развивавшаяся лазутчица, — не устоит. Обязательно сделает ставку. Он страшно азартный.

Император их заметил, когда беглянки успешно добрались до круга болельщиков. Пока не слишком плотного, что и позволило разглядеть их экзотические наряды. Призывные вопли монарха они проигнорировали, сделав вид, будто поглощены схваткой. Как бы в поисках лучшего места «на трибунах» обогнули ринг, оказавшись на противоположной стороне.

Когда венценосный добрался до орущих болельщиков, его добыча благополучно отгородилась от его взора широкими спинами яранов. Мужикам даже не пришлось ничего объяснять. Раз дамы пристроились за их спинами, значит, это им для чего-то надо.

Словом, натуральная военная операция, которую Багена провернула с непринуждённостью играющего в волнах дельфина. Да и монарх не подвёл: намертво застрял у ринга.

— Теперь можно? — нетерпеливо уточнила Руана, выглядывая из-за бугристого плеча матёрого тигра.

— Ещё немного подождём, — оценила обстановку Багена, с интересом поглядывая на ринг.

— Если ты хочешь полюбоваться на драку...

— Нет. Не хочу. Чем плотней толпа, тем меньше шансов заметить, как отсюда улепётывает твоё платье. Слишком яркое и необычное. А пока толпа не соберётся, я полюбуюсь на драку.

— Что ещё за драка? — обиделось могучее укрытие Руаны, покосившись на неё с неодобрением.

— Чего ты от неё хочешь? — показушно удивилась Багена. — Она же таария.

— Ага, — поддакнула Руана. — Мозг птичий, язык змеиный.

Яран хмыкнул и удовлетворённо кивнул башкой.

А она всё так же из-за его плеча шпионила за своим обожателем. Императора нисколько не пугало его место в первых рядах болельщиков. Где, между прочим, могло и прилететь. Вон самые рафинированные его прихлебатели чего-то не полезли в самую гущу событий. Отирались снаружи уплотнившегося митингующего кольца фанатов лёгкого заработка.

А он не трус — с уважением отметила Руана, заметив, как нога одного из бойцов чуть не съездила монарха по физиономии. Тот легко увернулся и продолжил подначивать своего фаворита. Который в одних штанах с распатланной шевелюрой скручивал соперника в бараний рог. Прямо древний бог войны: сплошные бугры мышц и зверский оскал донельзя довольной морды

— Багена, наш единственный болеет за того, кого оседлали?

— За того, что сверху, — вновь хмыкнуло её убежище.

— Значит, он вот-вот примется делить выигрыш с прочими счастливыми, — правильно поняла Руана.

— А мы улизнём, — похвалила её тигрица за успехи в военной тактике.

— Я горда, что наш властитель видит людей насквозь, — благочестиво вознесла хвалу верноподданная таария.

— В смысле? — не понял укрывавший её тигр.

— Он безошибочно делает ставку на будущего победителя. Уже второй раз.

Внезапно Багена подобралась, изящно выставила ногу в разрез и картинно обернулась. За спиной тотчас послышалось:

— Вот вы где! Так и выпендриваетесь в своих срамных тряпках?

Насколько Руана могла судить, лично её «тряпка» Викрата несколько не заботила. Зато внешний вид жены приводил ревнивца в бешенство. Даже в пылу азарта яраны то и дело бросали на двух бесстыдниц заинтересованные взгляды. Обтянутые тканью женские тела волновали их больше, чем вообще ни чем не прикрытые.

— Ты нас искал? — невинным тоном уточнила Багена.

— Тебя, — ткнул таар пальцем в Руану. — Возвращайся домой. Твой отец прибыл, — сообщил он и с неизъяснимым удовольствием добавил: — Он будет рад увидеть тебя в этом наряде. Не терпится оценить гордость на его лице за свою целомудренную дочь.

— Ати с ним? — не стала отвечать на издёвку Руана.

— Естественно.

— Тогда пошли, — пригласила она тигрицу познакомиться с господином Таа-Лейгардом.

Ну, и на всякий случай подстраховать. Если тот распустит руки, она может позабыть, что он её отец.

— Маруш тебя не тронет, — насмешливо пообещал Викрат, цапнув её за локоть, и потащил тусовщицу прочь от места увеселения: — Он помнит, сколько тебе лет.

— Я извинюсь за тебя перед императором! — пообещала в спину тигрица.

Тоже не без ехидцы. Что тут скажешь? Два сапога пара!

Маруш Таа-Лейгард сидел в гостиной за столом и обедал. В компании младшей дочери и её будущего мужа. Появление старшенькой не выбило мужика из колеи и не испортило аппетит. Он внимательно оглядел её платье-перчатку и всех удивил:

— Хорошее платье. Терпеть не могу, когда заголяют грудь. Стыдно смотреть.

— Желаю здравствовать и процветать, — подошла к нему Руана, обняла отца за шею и поцеловала в висок, пробубнив: — Я соскучилась. И мне здесь не нравится.

Он похлопал её по нежному девичьему плечу, что передавило ему шею:

— Я тоже соскучился. Сядь.

Послушная дочь слезла с родителя и уселась по левую руку от него — напротив восседал начисто обалдевший Юбейн. Мальчишка покраснел и старался не пялиться на отменную женскую фигуру с обалденной грудью — у Ати с этим всё гораздо скромней.

А вот она во все глаза таращилась на сестру. С таким восторгом, что Руана поняла: моральное падение малышки не за горами. Придётся и ей соорудить нечто подобное. И вообще — пригляделась она к прекрасному личику сестрицы — в ней что-то изменилось.

В глазах появилась непривычная искра... внутренней раскованности что ли? Девочка не сидела, привычно потупившись, а держала нос пистолетом. А ещё она широко улыбалась, а не вздёргивала, стесняясь, уголки губ. Короче, во всём облике Ати сквозило чувство откуда-то свалившейся свободы и безграничного жизнелюбия.

— А где Катталора? — спохватилась Руана.

Всё думала: чего не хватает? Мачехи! Некрасиво получилось: не заметь она дивных перемен в сестре, не вспомнила бы о её матери.

— Ушла повидаться с подругой, — поморщился отец, покосившись на падчерицу.

Дальше разговор закрутился вокруг «как доехали» и «как дела». Руана не понимала что с ней: вроде и не собиралась ломать комедию, и всё равно выламывалась перед отцом. Потупленные глазки, предписанные добропорядочным девицам манеры. Прямо воспитанница Смольного — как тех изображали в кино. И какой лично ей не стать никогда.

Тем не менее, из неё это пёрло, не зная берегов. А отец, казалось, не замечал кривляний дочери.

Наконец, обед подошёл к концу — хотя Руана не съела ни кусочка.

— Вы идите к себе, — задумчиво повелел дочерям господин Таа-Лейгард и попросил хозяина дома: — Викрат, мне нужно с тобой поговорить.

Этот прохиндей молчал, как рыба, явно тяготясь присутствием человека, дочь которого он таки не уберёт. В том смысле, в каком это подразумевалось: её девственность. На которую — положила руку на сердце — ему плевать. У бедняги своих матримониальных проблем выше крыши.

Впрочем, Руана подозревала, что Викрат тоже додумался до идеи, что нужно дождаться огласки выкрутасов таарии. Тогда их брак с яранией уйдёт на второй план — если вообще будет кому-то интересен. Вот и затаился.

Поднявшись на второй этаж, Руана намеревалась затащить к себе Ати. Выпытать причину осчастлививших ту перемен. Однако на пороге её светёлки сестёр перехватила кормилица. С ворохом платьев, делавших её похожей на стог сена.

— Ати, пойдём-ка в твою спальню, — вторглась Урпах в планы девиц непререкаемо командным тоном. — Хочу дать тебе кое-что примерить, — моментально пресекла опытная старуха возможные пререкания. — А ты, — одарила она любимицу неповторимо убийственным взглядом Медузы Горгоны. — Пойди-ка да приберись там... у себя.

— Не надо прибираться, — рискнула-таки пискнуть Ати, жалобно взглянув на сестру.

Которая стояла с дурацким видом чем-то озарённого человека — рот до ушей, хоть завязочки пришей.

— А ну, марш к себе! — подпихнула кормилица мелкую капризницу по направлению к её двери. — Будет она мне тут ещё!

Дальнейшее потеряло для Руаны всякую информационную ценность. Она приоткрыла свою дверь и юркнула в щель, тотчас её ликвидировав. Чтобы Ати не успела заметить то, чего ей показывать не следует. Хотя оно бесстыже выставило себя на обозрение. И смотрело на хозяйку спальни ироничным взглядом всё понимающего человека, которому дела нет до её сестринских переживаний.

— Ты сбрендил! — шёпотом проорала Руана.

Задвинула щеколду и с разбега атаковала мерзавца, едва не растоптавшего её репутацию в глазах семьи.

Радо-Яр поймал далеко не лёгкое девичье тело и повалил на себя. Запечатал не до конца высказавшийся рот поцелуем. Припечатал её к груди пудовыми лапами: не вздохнуть, не пнуть паразита. А закончил поцелуй виртуозным переворотом на сто восемьдесят.

— Задавишь! — простонала Руана, оказавшись погребённой под тяжело дышавшей могильной плитой.

— Ни за что, — выдохнул он в лицо горячим паром, пытаясь задрать на ней подол.

Тот не задирался, и пылкий влюблённый чуток пришёл в себя. Сполз с уже полумёртвой девицы. Сел и по-хозяйски обозрел поле деятельности:

— Что на тебе надето?

— Платье, — не смогла удержаться от ехидства Руана, вздохнув полной грудью.

— Ты в этом развлекала Бруста? — дошло до назла.

Отчего его лицо принялось наливаться дурной твёрдостью скул, губ, подбородка и взгляда.

— Может, потом это обсудим? — уселась и Руана, подтягивая юбку и поворачиваясь к нему спиной: — Расшнуруй. И быстрее. На первом этаже мой отец. И ему ничего не стоит подняться на второй.

Вся её тщательно впитанная в себя аура благочестия перед лицом родных, превратилась в мыльный пузырь. Который моментально лопнул, едва его придавило исполинской силой мужского желания. Да и собственное не поскупилось.

— Зачем? — ляпнул могучий пентюх, ковыряясь в шнуровке.

— Чтобы прикончить моего соблазнителя, — как само собой разумеющееся, пояснила развращённая им девственница.

— Понятно, — буркнул Яр-Туран.

И рванул несчастный шнурок. А после и платье, едва не содрав его с плеч вместе с кожей. Несмотря на незнакомый фасон, этот бабник моментально справился с подготовкой к чему-то более приятному, чем скандал. А потом долго и пылко справлялся со всем остальным.

Мысль о том, что она сошла с ума, посетила Руану лишь однажды. Когда затопленные горячим вездесущим наслаждением полу придушенные мозги вынырнули из этого марева дабы глотнуть воздуха. Но Радо-Яр решил, что не вполне удовлетворён содеянным. И его губы опять утопили её рассудочность — безжалостно, как бессердечный хозяин приговорённого щеночка.

Она и не подозревала, что так отчаянно стосковалась по этому мужчине. Так бесповоротно удручающе. Руану посетило психованное желание вцепиться в него и не отпускать от себя. Хоть бы тут собрались все таары империи — пускай даже со всеми своими верещицами бабами.

— Что с тобой? — оторвавшись от развратных манипуляций губами в районе женского пупка, поднял голову назл.

Его взгляд из рассеянного моментально превратился в колюще-режущий.

— Не уходи, — ляпнула Руана вовсе не то, что хотела.

Не успела собраться с мыслями, дабы отшутиться. Вот и выплеснула нечто подноготное, чем вообще не стоит слишком баловать мужчин. Ради сохранения пресловутой женской гордости. И повышения самооценки — будь она неладна!

Радо-Яр уставился немигающим взглядом на оставленный в покое пупок. И глухо поинтересовался:

— Не уходить сейчас? Или вообще?

— Не могу сказать, — спохватившись, взялась придуриваться Руана.

— Почему? — уловив перемену, усмехнулся яран.

Он принял условия намечавшегося баловства и готовился дать отпор.

— Нельзя же тебе позволить думать, будто ты прибрал меня к рукам окончательно, —

нарочито назидательно пояснила она.

Назл подтянул тело так, чтобы их глаза оказались рядом. Отвёл пальцем прядь волос, что закрыла левый глаз Руаны. Заглянул поочерёдно в оба и весьма издевательски осведомился:

— А, если я поднатужусь и не стану так думать? Буду завоёвывать тебя каждый раз, прежде чем уложить в постель.

Тут настроение Руаны сделало кульбит — с ним вечно не угадаешь, чего ждать в очередной момент.

— Яр-Туран, а как у тебя самого с «вообще»?

Он и тут не оплошал: подстроился, став серьёзным:

— Поясни.

— Ну-у-у...

Она всё никак не могла выудить из каши в голове более-менее осмысленное уточнение. Стало неловко выпрашивать о его дальнейших намерениях. У некоторых идиотов с этим вечная проблема. Им всё кажется, что выпрашивая, они будто бы выпрашивают. Столько глупостей на этой ниве могут наворотить — только держись.

— Я не думаю, что у меня это пройдёт, — внезапно холодно усмехнулся он и резко сел: — Будь оно так, я бы вёл себя, как привык.

— Я же не знаю, как ты привык, — испугавшись, проблеяла Руана.

И таки вцепилась обеими руками в его талию.

— Я бы вёл себя, как свинья, — без малейшего намёка на сожаления или нечто подобное, расшифровал этот негодяй. — Получил, что хочу, и забыл о тебе. Может, через какое-то время. Может, сразу.

Видимо, это был комплимент — пыталась разгадать она подброшенную шараду. На полноценное признание в любви вроде не тянет — если нарочно не натягивать.

— Ты женщина, без которой мне стало трудно жить, — лишь капельку потеплел его голос.

А пальцы безжалостно впились в хрупкие кисти рук, выдавливая женские когти из своей плоти.

— Больно, — поморщилась Руана, погрузившись в осмысление признания, больше похожего на признание в любви.

— Мне тоже, — сухо бросил Радо-Яр, зажав её ладони в своих.

— Ой! Прости, — спохватилась эгоистка, думающая лишь о трескучих пустяках.

Он посмотрел на неё, как на идиотку. И тут до неё дошло: больно не там, где остались лунки от её когтей. Больно где-то глубже в нематериальном. Руана замерла, боясь всё испортить. Пошуровала в голове — в поисках нужных слов. Не нашла и схватилась за первое, что в ту голову пришло:

— Для меня это не пустой каприз. И не головокружение от близости мужчины. Ты... что-то большое... и очень серьёзное.

— Да? — иронично выгнулась его бровь.

Прозвучало и вправду по-дурацки — скуксилась Руана. Ну, что поделать, если в башке запустение? Ни единого стоящего слова признания.

Но он всё понял — как всегда, абсолютно правильно. Его глаза брызнули не ледяной, а летней жаркой синевой. И он улыбнулся. Почти вправду. Почти полноценной улыбкой.

— Я хочу тебя, — жалобно поклянчила женщина, с ужасом ожидавшая очередного

расставания.

Невесть, на какой срок.

Он склонился к ней, выпустив зашкрябавшие в кулаках нетерпеливые женские пальцы. Которые побежали по его телу, нежно касаясь горячей кожи. Их переполняла нежность и мучительная надежда на отклик.

Они впервые были осторожны и ласковы друг с другом, открывая для себя иной мир желаний. Мир, лишённый оголтелой жажды обладания, но манящий какой-то невнятной надеждой на что-то... большое. И очень серьёзное.

Явление заботливого отца назл почуял загодя. Как и полагается супер лазутчику. Он подлетел с перевёрнутого вверх дном ложа любви. В единый миг натянул штаны и нырнул в рубаху. Затем сапоги, в руки колет, пояс, ещё что-то — Руана не разглядела, хлопая в недоумении глазами. И лишь когда он перевалил через подоконник, она услышала за дверью шаги.

Теперь пришёл её черед полетать. Поправить постель, залезть в рубаху, путаясь в ней, как в силках. Сделать вид, будто она спросонья такая лохматая. Успела тика в тикую! Щеколду отодвигала, сдержанно зевая.

— Ты спишь? — удивился отец, переступая порог и оглядываясь.

— С непривычки, — пожаловалась благочестиво кутавшаяся в покрывало дочь. — Эти императорские праздники просто ужасны. Шум, драки яранов, толкотня тааров. Их дурацкие шуточки, — вспомнила она о своей репутации колючки и брезгливо поморщилась. — Ой! — тут же спохватилась и выдернула из ближайшего кресла комок красного платья: — Садись, пожалуйста.

— Я мог бы сесть и туда, — усмехнувшись, махнул рукой Таа-Лейгард.

— Туда нельзя, — предостерегла его благовоспитанная девица. — Это кресло Урпахи.

— Тогда точно нельзя, — согласился отец, усевшись и уставившись на дочь чересчур внимательным взглядом.

Она присела на край постели и спросила:

— Хочешь сказать мне что-то важное?

— Так заметно? — забарабанил он пальцами по подлокотникам, стараясь казаться невозмутимым, как всегда.

— В глаза бросается, — вздохнула Руана и предложила: — Давай начистоту.

— Давай, — согласился отец, не без труда выдерживая её взгляд.

— Ты тоже хочешь видеть меня императрицей?

— Что? — почти и не удивился господин Таа-Лейгард, явно ожидавший чего-то подобного.

Врать он сроду не умел — во всяком случае, прежде не давал Руане повода в себе усомниться. И теперь у него ни черта не вышло. Видимо, прочитав это в её глазах, отец помрачнел. Его лицо стало почти чужим.

— Кто тебя на это подбивает? — таким же чужим был и голос.

— Со мной говорил Таа-Варуг, — не стала скрывать Руана, машинально усевшись на край стола.

Отец поморщился, однако не стал критиковать вульгарную выходку ещё недавно такой благочестивой дочери.

— Что ты об этом думаешь? — уточнил он как-то буднично, по-деловому.

И этим уничтожил все её благие ожидания. Все надежды на то, что он лично не

причастен к заговору амбициозный дебилов. Надежды не порывать со своим племенем, которое её вырастило в любви и заботе. И которое ни разу не сделало ей ничего худого.

— Я думаю, что он сбрендил, — холодно прокомментировала возможная кандидатка на императорский трон.

— То есть, — принялся давить отец, — сама ты не намерена этого делать?

— Мне казалось, ты хорошо меня знаешь, — даже слегка обиделась Руана.

Он прочёл в её глазах и это. Однако не помрачнел ещё больше, а стал каким-то... задумчивым, что ли.

— Думаю, да, знаю, — бесстрастно бросил господин Таа-Лейгард, поднимаясь.

И — что самое паршивое — больше не глядя ей в глаза. Просто встал и просто направился на выход. Будто у доктора побывал, с которым ему детей не крестить.

Нянька

Едва отец закрыл за собой дверь, на подоконнике нарисовалась Нала-Яри. Будто нарочно висела под окном на плюще, ожидая своей очереди. Сумасшедшая девчонка спрыгнула на пол, остро зыря по сторонам. А следующим прыжком приземлилась в кресло Урпахи.

Предупреждать её о последствиях бесполезно: всё равно не слезет, пока не получит скрученной тряпкой по сусалам.

— За что мне такое счастье? — проворчала Руана, не сумев скрыть улыбку.

— Не хочешь поохотиться? — интригуяюще понизив голос, прочирикала чумовая девчонка.

— Точно нет, — даже чуток испугалась лишь немного не дорафинированная до ручки таария, залезая обратно в постель.

— А ночью? — добила её маленькая паршивка.

— Ну, это же другое дело! — с фальшивой восторженностью проверещала Руана.

— Правда? — обрадовалась эта бестолочь.

— Нет! — отрезала перегнувшая юмористка.

— Тебя не поймёшь: чего ты хочешь, — на этот раз проворчала юная волчица.

— Хочу дожить до бракосочетания сестры, — честно призналась решившая не рисковать таария. — А потом бежать отсюда, куда глаза глядят.

— Урх расстроится, — предупредила Нала-Яри, пригрозив ей пальчиком. — А где твоё платье?

— Которое?

— Которое сегодня всех убило.

— Ты на нём сидишь.

— Ой! — задрала ноги беспардонная девчонка, лишь теперь заметив под собой нечто красное и скомканное.

После чего замерла, наострив уши и косясь на дверь. Куда почти сразу поскреблись.

— Заходи, — разрешила Руана, опознав своеобразный приём.

— Это ещё кто? — придиричиво пролаяла волчица, когда в приоткрытую дверь проскользнуло ещё одно юное создание.

Прекрасное, темноволосое и черноглазое — полная противоположность северной белокурой голубоглазой прелестницы, за которой носится сам император.

— Это моя сестра Ати, — призывно помахав рукой, строго уведомила Руана. — И не смей её обижать.

— Я и не собиралась, — насмешливо пообещала ярания.

— Иди ко мне, — ласково выдохнула Руана, протянув руки к своей малышке.

Та осторожно обтекла кресло с гостьей и забралась на кровать старшей сестры. Приткнулась в её объятия и замерла, облегчённо выдохнув.

— Я тоже соскучилась, — целуя Ати в висок и чистый лобик, призналась Руана.

— А кто это был? — внезапно оглушила вопросом сестричка, хитренько покосившись на неё безо всякого присущего ей смущения.

— Где? — принялась валять дурака начинающая развратница, сочиняя более-менее

правдоподобную отговорку.

— Мой отец, — не менее оглушительно прозвучал ответ развратницы опытной.

— Твой отец? — округлились и без того огромные глазищи Ати.

— А твоя сестра скоро станет моей мачехой, — решила не останавливаться на достигнутом Нала-Яри.

— Ты станешь супругой ярана? — удивилась Ати.

Именно так: удивилась. Не замерла, поражённая в самое сердце, не завопила, как резанная, не упала в обморок — всего-навсего слегка удивилась. Чудны дела твои, Господи — мысленно укорила Создателя Руана, внимательно разглядывая всю такую невинную моську сестрички. Ну, может, лишь слегка хитренькую. И явно ожидавшую ответной реакции.

Руана ощутила себя сорокалетней пожившей и нажившей геморроя тёткой. То ли оттого, что захотелось выдрать поганку яранию. То ли оттого, что захотелось вытрясти из второй паршивки: что же такое с ней стряслось?

И ведь, что характерно: обе мартышки, переглянувшись, хихикнули. Будто сто лет друг друга знают и пытаются перещеголять в баловстве.

— Хочешь на охоту? — благосклонно предложила благовоспитанной южанке разбитная северянка.

— Очень! — прямо таки задохнулась от восторга Ати.

Напряглась-напружинилась, будто готова прямо вот так сразу сигануть вслед за волчицей в окошко. Но воспитание на то и воспитание, чтобы вовремя воткнуть свою палку в раскручивающееся колесо недозволенной инициативы. Малышка ступевалась и виновато стрельнула из-под опущенных ресниц на старшую сестру. Тихонько пискнула виноватым голоском:

— Можно?

— Ну, ты и зараза, — ласково оценила Руана результаты разрушительной деятельности ярании.

— Хотела отвлечь её, — пожалала та плечиком, вспомнив о платье под задницей и попытавшись его вытянуть, не вставая. — Чтобы не расспрашивала тебя о шашнях с моим отцом.

— О шашнях? — просто изумительно простодушно переспросила Ати, не сумев скрыть насмешливое любопытство.

То ли по неопытности, то ли нарочно — Руана не разобрала. Зато поняла окончательно: её малышку испортили. И, кажется, именно старшая сестра. Дурной пример потому и заразителен, что соблазнителен. А свобода самовыражения страшно манящая штука — если ты не конченный дурак.

— Ты понимаешь, что Катиалора будет не в восторге? — попыталась она привести в чувство Ати.

Та ответила сестре абсолютно спокойным взглядом человека, достоверно знающего: ему ничего не грозит.

— Кто такая эта Катиалора? — встряла Нала-Яри, натянувшая легендарное красное платье прямо на колет и штаны.

— Моя матушка, — пояснила Ати, критически оглядывая чумичку в красном. — Ужасно сидит. Нужно было снять своё. Впрочем, это никак не спасёт дело, — вынесла вердикт подкованная в таких вещах аристократка. — Платье на тебе сидит просто ужасно.

— Почему это? — без малейшей обиды уточнила волчица, закрутившись в попытке увидеть себя сзади.

— Для него нужны рост, бёдра и грудь, — категорично заявила Ати, сползая с кровати. — А у тебя ни того, ни другого, ни третьего. Лучше сними его и пошли ко мне.

— Зачем? — удивилась Нала-Яри.

— Поможешь мне выбрать наряд для охоты. А я подарю тебе замечательное платье.

— А оно мне пойдёт?

— Конечно. У меня тоже ни роста, ни груди. Будет в самый раз.

И две юные трещотки выскользнули из комнаты ставшей им неинтересной пожилой тётки. Брошенное на подлокотник красное платье на миг задумалось: стоит или нет? Решилось и медленно сползло с кресла на пол.

Почти до полуночи Руана читала то, что выдал ей в императорской библиотеке папаша Туран. И радовалась, что никто её не тревожил. Правда, заглянула мачеха, но задержалась ненадолго. Они перекинулись несколькими фразами о житейских проблемах, после чего Катиалора ушла.

А падчерица пожелала ей вслед, чтобы мачеха застала свою родную дочурку за непотребным занятием: подготовкой к ночному шабашу. После чего долго прислушивалась к различным звукам за дверью. Судя по тому, что беготни и воплей не последовало, у Ати с маскировкой всё в порядке.

Ближе к полуночи вернулась где-то загостившаяся кормилица. Обругала Руану шалавой и улеглась спать на своём узком топчанчике: никак не желала сменить его на постель воспитанницы. Которая быстренько обмылась и оделась — едва успела к прибытию подруги. И вниз к стоявшей под окном Багене спустилась самостоятельно.

— О сестре можешь не беспокоиться, — насмешливо уведомила тигрица, когда Руана уставилась на тёмное окошко Ати.

— Нала-Яри её уже уволокла? — догадалась исключительно хреновая нянька.

— Я их встретила по пути сюда, — подтвердила Багена, поспешая уже знакомым путём к крепостной стене.

Где Руану ожидала горячая встреча. Радость Ярая сгребла её в объятия на глазах у десятка северян — хоть от поцелуев удалось увернуться, а то совсем уж срамотища. Она в той-то жизни терпеть не могла выставлять интимную жизнь напоказ — в этой и вовсе не собиралась делать из неё шоу за стеклом.

Тем более что краем глаза зацепила личико сестры. Ни малейшего смущения или возмущения безобразным поведением Руаны — ни капельки. Задумчивый восторг, переходящий в опять-таки неприсущую Ати зависть. Что же это делается, люди добрые?! Не виделись всего-то месяц, а малышку не узнать ни с какого бока!

— Что случилось? — не терпящим возражения тоном приказал отчитаться Радо-Яр.

И как Руана не старалась вырваться, не желал отпускать свою погрязшую в размышлениях зазнобу. Она взяла в захват его нестигаемую шею и потянула на себя. Он поддался, понятливо подставляя ухо.

— Как ты находишь мою сестру?

— Милая девочка, — удивился он пустому для него вопросу. — А что?

— Она изменилась.

— Мы все постоянно меняемся, — честно пытался сообразить назл, к чему клонит

взбалмошная таария.

— Её изменения особые! — раздражённо прошипела Руана, с трудом избежав соблазна укусить его за ухо. — Совсем другой человек.

— И что? — иронично осведомился Радо-Яр, после чего прошёлся губами по её подбородку.

Руана забилась в протестующих конвульсиях с элементами кулачного боя. Ей осточертело ловить на себе насмешливые взгляды постепенно ныряющих за стену яранов. Он понял. Как всегда. Разжал руки и предложил:

— Не хочешь проехаться вниз на спине назла?

— Конечно, хочу, — моментально улетучилась её пустяшная обида. — А моя сестра? Ей в одиночку не спуститься.

— Я помогу, — заверил строгую няньку Вели-Яр.

Последний из оставшихся на стене яранов. Даже Нала-Яри с Багеной уже смылись, пока таария тискалась со своим ухажёром.

— Прыгай, — предложил Ати Вели-Яр, развернувшись к ней спиной.

— Как? — не могла сообразить домашняя девочка, решительно подходя к ужасному смертоносному назлу, как к обычному быку.

— Вот так, — объявила Руана, хлопнув Радо-Яра по плечу.

Тот хмыкнул и послушно развернулся. Она запрыгнула к нему на спину, накрепко обвив шею руками. А ногами талию. Радо-Яр слегка распустил ремень, затянув под него её ступни — зафиксировал от греха подальше.

— Поняла?! — уже на ходу крикнула Руана, заворачивая до отказа шею.

— Конечно, — покладисто отозвалась из-за спины Ати.

И когда Радо-Яр начал спуск, развернувшись к оставленной парочке лицом, она заметила, что малышка тика в тикую собезьянничала за старшей сестрой. А так же не могла не уловить тень задорного удовольствия на личике Ати.

Радо-Яр буквально рухнул вниз оборвавшимся лифтом — аж перчатки задымились. Зато его младший братец спускался в стиле начинающего альпиниста, обременённого страхом высоты. Буквально в час по чайной ложке. При этом наглец что-то тихонько жужжал в ухо юной красавицы, головка которой лежала на его плече.

— Он что, соблазняет её? — не поверила глазам Руана.

— Тебе померещилось, — невозмутимо солгал Радо-Яр, распуская пояс.

Она спрыгнула на землю и задрала голову:

— А я говорю: соблазняет!

— Пошли, — потянул он её за руку.

— Я дождусь Ати, — упёрлась Руана, пытаюсь выкрутить руку из его лапы.

Уговорами он пренебрёг. Подхватил на руки брыкавшуюся капризницу и поволок вглубь парка. Верещать бесполезно — поняла Руана, что меньше всего желает выставлять себя душой. И потому затихла, старательно высматривая между деревьями всё ещё спускавшуюся парочку.

— Твоя сестра выходит замуж, — между тем увещевал её назл, коварно пользуясь превосходством в физической силе. — Никто её и пальцем не коснётся против воли.

— Знаю, — буркнула Руана, уткнувшись носом в его тщательно выбритую, но всё равно колючую щёку. — Ты прекрасно знаешь, что я лишена высокомерия сородичей.

— Знаю, — согласился он. — И это в тебе поразило меня больше всего остального.

Иначе я бы не рискнул поддаться чувствам.

— Бросил бы меня? — притворно ужаснулась Руана, оставив бесплодные попытки разглядеть за деревьями сестру. — После того, как вероломно обесчестил?

— Отец прав, — укоризненно проворчал он. — Ты сделаешь из меня подкаблучника.

— Это вряд ли, — насмешливо возразила Руана, внутренне напрягаясь. — Потому что бессмысленно.

— Почему бессмысленно? — весьма серьёзно переспросил Радо-Яр.

Подобные родительские наставления вызывали в ней стойкое злое отторжение. Какого чёрта старый хрен вбивает между ними клин? Впрочем — привычно одёрнула она себя — это его дело. Предотвратить подобные нападки ей не по силам. Зато по силам вовремя разрушать козни шибко умных старпёров.

— Потому что я терпеть не могу подкаблучников. Они вызывают во меня тошнотворное презрение. Как можно оставаться рядом с мужчиной, от которого тебя воротит? Придётся его бросить. А раз так, какого демона его превращать в подкаблучника?

— Бессмысленно, — усмехнувшись, согласился он.

— Впрочем, всё это пустая болтовня, — поморщилась Руана, изображая сдержанную досаду. — Из тебя всё равно не выйдет стоящего подкаблучника. Сколько не бейся. А твоему отцу я ноги выдерну, если будет настраивать тебя против меня.

— Ты? — восхитился потомственный назл бахвальством букашки, пригрозившей смертью носорогу.

— А что вы там затеваете? — насторожилась букашка, перед которой открылась одна из любимых полян яранов. — Вроде на охоту приглашали.

— Сейчас подкрепимся и начнём, — пообещал Радо-Яр, поставив её на землю. —

Только не вздумай бояться. Здесь никто не сделает вам худого.

— Это понятно, — отмахнулась она и потребовала конкретики: — Не пудри мне мозги!

Что услышали почти все присутствовавшие, облепившие широкоформатную кошму, заставленную яствами и напитками. Верней, заваленную.

— Не пудри мозги! — весело протрубил один из тигров, поднимая в приветствие кубок величиной с бочку. — Отменно сказано! Раздери меня демоны!

Дальше последовал многоголосый трескучий поток комментариев. Вперемешку с комплиментами языкатой таарии, ставшей притчей во языцех.

— Что вы разорались? — распиная на стороны парочку волков, протиснулась между ними Руана и плюхнулась на задницу: — Какая теперь охота? Всю дичь распугали.

— Нас так просто не распугать, — проворковала рядом Багена.

Оказывается, Руана весьма удачно приземлилась: почти рядом с подругой... и её благоверным. Единственным благородным тааром в этой банде грубых чумазных северных простолюдинов.

— Викрат, — ласково улыбнулась она предателю, — ты свинья!

— Почему? — с ленивой барственностью в голосе осведомился тот.

Он лежал на краю кошмы, уложив голову на колени супруги. И буквально запихивал ей в рот виноградину. Багена озаряла его сиянием счастливых глаз и сжимала губы. Остальным было глубоко фиолетово, что в их ряды затесался природный и политический враг. Таа-Дайбер был здесь своим в доску. Наверняка все яраны уже знали о бракосочетании ребят. Знали, и будут молчать, как рыбы.

— Тебе известно, почему, — с нажимом бросила Руана.

И с дичайшим удовольствием вытянула ноги, оперевшись спиной о подставленное колено Радо-Яра. Тот полулежал, облокотившись на левую руку. А правой катал по блюду виноград, выискивая ягоды покрупней. Видимо, ему понравился тааров способ поухаживать за дамой. Интересно — мелькнуло в голове Руаны — как давно он мыл руки? Не подцепить бы с таких ласковостей дизентерию.

— Это ваше дело, — так же с нажимом попытался отбрезаться Викрат, демонстративно не глядя на обвинительницу. — Твоё и твоего отца. И лучше нам пока забыть об этом.

— Намного лучше, — поддакнула мужу Багена. — Мы отдыхаем и... м-м-м

Супруг воспользовался тем, что она открыла рот, и впихнул в него виноградину. Получилось не слишком сексуально. Его рука навевала мысли о хлопотливой белке, торопящейся забить до отказа своё дупло.

Естественно, Руана невольно хмыкнула. Так же естественно Радо-Яр отреагировал на её хмыканье — правда, неверно угадав его смысл:

— Я тоже удивлён. Ты так суетилась вокруг грядущего бесчестья сестры. Я думал, что её ранимость не знает пределов.

Руана спохватилась и нашла взглядом Ати. Та приземлилась с противоположного края «скатёрки». Не разлеглась, конечно — ещё не хватало — но сидела вполне себе вольно. С обеих сторон её зажали братцы Яр-Тураны. И лезли из шкуры, дабы произвести впечатление на прекрасную деву.

Реально прекрасную — залюбовалась сестрой Руана. Сегодня та была восхитительно хороша. Обычно её пресный вид скрадывал чуть ли не половину впечатления от красоты. А нынче блестящие глазки, зарумянившиеся щёчки и улыбочки той красоты добавляли.

Кстати, Руане понравилось, что Пере-Яр налил девчонке вина в самую маленькую серебряную стопку. Да и то плеснул на доньшко. А Вели-Яр тут же поднёс на закуску спелую сливу.

— Твоим братьям ничего не светит, — авторитетно заявила Руана старшему Яр-Турану.

Тот мазнул равнодушным взглядом по обоим ловеласам и буркнул:

— Почему?

— Наша малютка выходит замуж, — с явно прозвучавшим подтекстом съязвил Викрат, отирая лицо салфеткой.

За подлую выходку с виноградиной Багена размазала на лице супруга переспелую сливу. Женившись на тигрице, следует быть осторожней — одарила его Руана многозначительным взглядом.

И пир покатило своим чередом. Они пили, болтали, всюю подначивали друг друга и смеялись. Какой русский не любит быстрой езды и пикники? Яраны точно русские — всё больше убеждалась переселенка из другого мира. Их переполняла знакомая ей бесшабашность щедрых и сердечных людей. На которых смотришь и не веришь, что они разорвут любого, кто покусится на их мир.

Впрочем, яранам как раз трудно не поверить. Даже самые юные особи их породы излучали особую почти физически ощущаемую силу. И пускай ты желанный для них гость на особом положении, невозможно не думать о том, что в гневе они ужасны. А безмятежное веселье северян в любой момент может нарушить...

К примеру, такой вот хмурый ублюдок, что присел на корточки рядом с братцами Туранчиками. Поначалу Руана лишь мельком отметила нового мужика рядом с Ати. Только с третьего взгляда заподозрила неладное.

— Радость моя, — пихнула она кулачком своего назла, который уже минут десять строил глазки какой-то незнакомой тигрице.

Примерно его одногодке — плюс-минус. Не сказать, что с такой уж выдающейся внешностью: серединка на половинку. Она даже не пыталась прикрыть волосами пару небольших шрамов на лбу. Хотя в её глазах — не могла не признать Руана — бездна ума. Наверняка интересная штучка — прислушивалась она к себе, оценивая степень проклюнувшейся ревности. Не зверь зубастый, но и не мелкая шавка.

Только бы не затыкала — старалась она не обращать внимания на заигрывания Радо-Яра. Во-первых, категорически не хотелось выставлять себя мелочной дурой. Во-вторых, их отношения могли оказаться вовсе не интимными — тем более нет повода выставляться ревнивой идиоткой. Однако взгляд то и дело цеплял приметную тигрицу.

Наконец, та соизволила обратить на Руану внимание:

— Хочешь мне что-то сказать?

Насмешка в её голосе была просто насмешкой: ни пренебрежения, ни раздражения, ни тем более злости. Скорей, лёгкий интерес к дивной зверушке таарии, выбравшей в полюбовники назла.

— Никак не могу вспомнить, — призналась Руана, — где я могла тебя видеть?

— Нигде, — вновь усмехнулась тигрица. — Я только этим вечером прибыла в цитадель.

— Но твоё лицо мне чем-то знакомо, — озадаченно пробормотала Руана, ища взглядом помощи у Радо-Яра.

— Это мать Нала-Яри, — просто проинформировал тот. — Налата-Яри.

— Да, ладно! — брякнула невоспитанная таария, выпучившись на собеседницу по-новому. — Ты знаешь, что у тебя невероятная дочь?

— Которая в восторге от тебя, — вернула ей комплимент мать реально невероятно раскованной для её возраста девчонки. — Все только и кудахчут о твоём неженском остроумии. Но ты какая-то скучная.

Тут взгляд Руаны опять вернулся к сестричке. И она резко села, процедив:

— Какого демона?

Радо-Яр с Налата-Яри проследили за её взглядом и переглянулись.

Присоединившийся к Туранчикам назл — которого Руана окрестила хмурым ублюдком — видимо, что-то ляпнул Ати. Явно резкое и малоприятное, отчего малышка вспыхнула. Задрала подбородок, офигительно зло сощурила свои прекрасные глазки и гневно выдала:

— А я и не приглашала тебя присоединиться! Здесь полно места, где моя рожица не будет тебя злить. А если ты ещё раз скажешь гадость о моей сестре, я... я...

— Что? — саркастически ухмыльнулся и впрямь натуральный ублюдок.

— Я тебя убью! — чётко по слогам отчеканила Ати в моментально наступившей тишине.

— Откуда она этого понахваталась? — в полнейшем обалдении пожаловалась друзьям Руана.

— Да уж, — поддакнул озадаченный Викрат. — Чтобы так разозлить нашу тихоню, нужно иметь талант.

Руана уже набухла гневом, шаря по закоулкам воспламенившегося мозга в поисках наказания. Уже отбросила умиротворяющую руку любимого, что легла ей на затылок. Уже подобрала ноги, чтобы вскочить...

Как ублюдок назл сделал это первым. Буквально взвился с земли, нависнув над злобно

дышащей Ати. Рука Радо-Яра пригвоздила Руану к земле, что слегка поохладило её пыл: он знает, что делает. Оно тут же и нашло подтверждение.

Обидевший Ати назл рухнул перед ней на колени. И на полном серьёзе выдал:

— Я признаю нанесённое оскорбление. И готов заплатить за него кровью.

Ну, да — машинально согласилась с засранцем Руана, прижавшись щекой к руке Радо-Яра. Тот уже сидел за её спиной, прижимая закипевшую таарию к груди. И целуя её в лохматый затылок — накрутить причёску она так и не удосужилась.

— Неужели сделает? — растерянно пробормотала Руана под нос, пристально вглядываясь в назла.

Тот смотрел прямо в глаза Ати. И она отвечала на этот пронзительный взгляд своим невероятно твёрдым. Тишина стояла гробовая. Только в ухо Руаны повеяло:

— Сделает. Телом Раст слабее каждого из нас. Но духом мы впятером его не пересилим.

— Кого «нас»? — не поняла Руана, хотя что-то такое уже промелькнуло в сознании.

Этот назл и впрямь невысок да худощав для признанного богатыря. И всё-таки он реально назл — не могло ошибиться её волшебное зрение. К тому же кого-то ей напоминает.

— Это Горди-Яр, — невозмутимо просветила её Налата-Яри. — По прозвищу Раст. Самый младший из Яр-Туранов. Ты что, не знала?

— Их точно не шестеро, — выдохнула Руана, покачав головой. — Я так и знала: этих братьев вдесятеро больше. Нескончаемая семейка.

На что мать крошки Налы ответила мелодичным смехом, похожим на урчание кошки.

Ворона

Разумеется, она его простила — Ати очень добрая девочка. Хотя Руана бы на её месте казнила этого упыря Горди-Ярку раз десять. Впрочем, тот бы сам перерезал себе глотку, следуя миленькому обычаю яранов. Придурок с какого-то перепуга оскорбил женщину старшего брата. Любимую женщину. За которую тот порвёт в клочья стадо танков и косяк подводных лодок.

Руану так и подмывало крикнуть малышке через весь «стол»: ату его, ату! Но её коварно отвлекли провоцирующими поцелуями в шею. От которых по всему телу разбежались мириады мурашек. Пока давила их, Ати его простила. А после усадила надувшегося назла рядом с собой и о чём-то с ним чирикала.

Словом, пир шёл своим чередом. И тем же чередом добрался до главного мероприятия этой ночи. До пресловутой охоты, которая оказалась...

— Жмурки, — удивлённо буркнула под нос Руана, когда Вели-Яру завязали глаза.

— Что? — не расслышал Радо-Яр, склонив ухо к её губам.

И, не дождавшись ответа, зарылся наглой мордой в расстёгнутый ворот колета.

— Пре...кра...ти, — отбивалась Руана, реально, а не понарошку стесняясь ухмылявшихся со всех сторон северян.

— Ты сегодня ко мне чересчур строга, — с неповторимой иронией пожурил её распоясавшийся назл. — Я провинился?

— Просила же, — пыталась Руана аккуратно выскрестись из его объятий. — Не делай это на людях.

— Почему?

— Оставь девчонку в покое, — дала ему тычка проходившая мимо Налата-Яри.

И вырвала нежную таарию из лап людоеда. После чего потащила её в круг играющих, пытаясь извиниться за возможного отца своей дочери:

— Он ведёт себя так, словно ты одна из нас. Не понимает, что ты другая.

— Чужая? — не смогла не кольнуть тигрицу подленькая ревность.

— Ты чувствуешь себя чужой среди нас? — удивилась взрослая умная женщина.

И Руане стало стыдно за прорвавшуюся наружу мелочность.

— Я чувствую себя среди своих. Вот среди своих я точно чужая, — призналась она, занимая место в кольце вокруг Вели-Яра.

Налата-Яри просто кивнула и взялась объяснять правила охоты:

— Сейчас он назовёт имя той, кого должен поймать. А после должен её поймать.

— Я понимаю: глаза, — озадаченно поделилась сомнениями Руана. — А зачем ему уши завязали.

— Он же назл, — чирикнула под боком прискакавшая к ним дочурка. — Лучший из лазутчиков. Конечно, он быстренько найдёт твою сестру.

— Ати? — насторожилась Руана и вкрадчиво уточнила: — Зачем?

— Будут целоваться, — захлопала себя по ляжкам пылкая ярания. — Хотя он подлец. Врал, будто любит меня.

— Да? — притворно удивилась её мать, подмигнув Руане, которую явно почитала за взрослую женщину.

— Даже больше жизни, — похвасталась Нала-Яри. — А тут приехала Ати, и у неё вскипело. Хотя она ему никогда не достанется.

— Потому и вскипело, — машинально ляпнула Руана.

— Точно, — хмыкнула Налата-Яри, подталкивая дочь в спину: — Иди отсюда. Поторопись.

— Ой! — спохватилась шалопутка и унеслась.

— Зачем ты её прогнала? — удивилась Руана.

— Не прогнала, а напонила.

— О чём?

— О том, что нам с тобой поцелуи точно не достанутся. Поэтому в нашу сторону не пойдут.

— Ну, мне-то понятно, почему, — ещё больше удивилась Руана. — А тебе-то... — Ой! — спопугайничала она за волчицей. — Кажется, я опять ляпнула глупость. Ты замужем?

— Уже пять лет, — с притворной печалью во взоре вздохнула тигрица и махнула рукой: — Видишь того назла с бритым черепом?

— Того гиганта, на которой повисла твоя дочь?

— Это и есть мой супруг, — лишь слегка прихвастнула тигрица вспыхнувшим взглядом, брошенным на двухметрового амбала.

Их беседу прервала завертевшаяся охота. В принципе, и вправду обычные жмурки. С той лишь разницей, что водящий не стал бродить по поляне с вытянутыми руками. Он застыл, прислушиваясь завязанными ушами и всюду приносиваясь. Потом сделал пару прыжков в сторону разлетевшихся игроков. Снова застыл и так далее. Руана с Налата-Яри отошли в сторону, любуясь нечеловеческой ловкостью назла. И болтая обо всём подряд.

Вопреки упадническому заявлению малютки Нала-Яри, охота шла именно за ней. И Вели-Яр довольно быстро нагнал заявленную добычу. После чего долго и смачно лобызал обалдевшую девчонку, продемонстрировав той технику французского поцелуя.

После третьего кона Руане стало скучно. Она вернулась к «столу», где и разлеглась рядом с бутылкой классного вина. Вскоре к ней присоединились обе замужние дамы: Багена с Налата-Яри. Завязался интересный разговор. Он так поглотил любознательную таарию, что та не сразу заметила, как проворонила сестру.

— Да, охота на неё, — подтвердила Багена, проследив за неверящим взглядом вытаращенных глаз подруги. — Надеюсь, ты не станешь портить девочке праздник? Я понимаю: у неё жених и всё такое...

— Причём тут Юбейн? — непонимающе уставилась на неё Руана. — Ты посмотри, кто охотник.

— Горди-Яр, — подтвердила Багена, что глаза ей не врут. — И что?

— Он же её обидел. А теперь она с удовольствием носится, спасаясь от этого мерзавца. Вместо того чтобы оскорбиться и выйти из игры.

— Почему она должна оскорбиться? — довольно прохладно осведомилась Налата-Яри. — Он прощён. И Ати, по всей видимости, не держит на него зла.

— Руана, злишься ты, — согласилась с ней Багена. — Хотя тебя он ничем не задел. Так что угомонись и не вмешивайся.

Горди-Яр с виду похлипче братьев. Того же Радо-Яра ниже почти на голову и уже в плечах. Но его репутация в народе та ещё. Да и братья почитают младшенького самым умным. Что ж? Может быть.

Во всяком случае, этот паразит поймал Ати в три присеста. Хотя ту довольно успешно прятали в толпе не менее опытных игроков. Парень сорвал повязки и уставился на добычу фирменным прищуром Туранов. Ати же смотрела на него с подозрительной сосредоточенностью равнодушного человека.

Нет, назл её не кинулся лапаты — даже опущенных рук не приподнял. Просто эти двое малолеток — в сердцах обозвала их Руана — медленно-медленно пошли на сближение. А когда соприкоснулись их тела, вновь замерли, вглядываясь друг в друга вытаращенными глазами.

— Мне это не нравится, — прохрипела она вмиг пересохшим ртом.

У неё в животе предательски затеплело и заныло от увиденного — настолько это было... провокационно сексуально. Глаза сами собой зашарили по поляне в поисках Радо-Яра. Просто наваждение какое-то — с трудом встряхнулась Руана, возвращаясь к действительности.

— Да, — задумчиво поддакнула Багена. — Это уже не игра.

— Может, судьба? — безмятежно мяукнула Налата-Яри.

— Послезавтра она предстанет перед императором со своим мужем, — раздражённо проскрипела Руана, порываясь вскочить.

Обе тигрицы пригвоздили её к месту.

— Юбейн ещё не муж, — напомнила Багена.

— А сегодня ещё не послезавтра, — поддакнула Налата-Яри.

— А, ну вас! — обиделась Руана.

И присосалась к бокалу с вином.

В целом, как говорится, отдохнули неплохо. И охота в исполнении северян оказалась занятной. И потрепались от души. И домой вернулись без эксцессов. Горди-Яр сразу после поцелуя с добычей куда-то пропал. Ати с виду не слишком огорчилась, напропалую кокетничая с остальными молодчиками. Словом, пронесло.

Домой их вернули перед рассветом. Через окно в спальне Руаны. Где, сидя в кресле, их подждал верховный советник Таа-Дайбер. Что примечательно, Ати, даже потупив глазки, приняла самый независимый вид. Таария же вообще не видела причин перед кем-то извиняться за неподобающие благородной девице вольности.

— Марш к себе, — нарочито строго приказал советник младшей из сестёр.

В его глазах мелькнул отблеск сердечной привязанности. Ати набычилась, но Руана попросила:

— Иди.

— Но я... — попыталась учинить бунт малышка, гневно вытаращившись на Таа-Дайбера.

— Ничего он мне не сделает, — устало пообещала Руана, подталкивая малышку к двери. — Поторопись. А то мама зайдёт и не обнаружит тебя на месте. Вот тогда нам точно не поздоровится.

Ати жалобно вздохнула, но подчинилась.

— На меня ты так не смотришь, — усмехнувшись, заметила Руана, когда за ней закрылась дверь.

Советник подпёр локтем подбородок и возразил:

— Я отношусь к тебе лучше, чем ты того заслуживаешь.

— Поэтому затеял интригу с водворением таарии на императорский трон.

— Ты отказала Таа-Варугу? — сухо уточнил он.

Чем удивил доморощенного аналитика, давно и прочно записавшего его в число главных злодеев.

— Отвечай! — негромко, но веско скомандовал верховник.

— Я отказала, — нагнулась Руана стаскивать сапожок и проворчала: — В грубой манере.

— Хорошо, — внезапно расслабился Таа-Дайбер. — Надо же, — укоризненно покачал головой мудрый старик. — А я-то понадеялся, что этот негодяй одумался.

— Ты прислал меня сюда, зная, что я откажусь? — уточнила многообещающая невеста, как минимум, для пары женихов.

И при этом испытала оглушительное облегчение. Если этот интриган не врёт, он оказался тем, за кого она его принимала: разумным человеком. На его здравомыслие она как-то безотчётно рассчитывала.

— Не зная, — поправил её советник. — Надеюсь. Ты показалась мне слишком умной девочкой. Занятой исключительно своим будущим.

— Да, я страшная эгоистка, — согласилась Руана, стаскивая второй сапог.

Она пошевелила задохнувшимися в тесной обуви пальцами. И вежливо поинтересовалась:

— Если это всё, может, тебе пора?

— У меня ещё один вопрос, — уведомил он, что выставить его не получится.

— У меня тоже есть вопрос, — многозначительно заявила таария, стараясь оставаться вежливой. — И теперь моя очередь.

— Слушаю.

— Если ты действительно против этой дурацкой затеи, почему не остановил отца?

Советник удивлённо вздёрнул седые брови. Что-то там у себя в башке скумекал и спросил:

— Тебе сказали, что он примкнул?

— Намекнули.

— Всё-таки я ошибался, — с иезуитской лаской в голосе посетовал Таа-Дайбер. — Ты дура.

— Не спорю, — вздохнула Руана, забираясь на кровать и с наслаждением вытягиваясь. — Значит, отец к ним не присоединился? Если не хочешь говорить правды, вообще не трудись открывать рот.

Бац! Старик таар с неожиданной сноровкой нагнулся, подцепил её сапог и запустил им в нахалку. Руана, естественно удара не отразила. Однако неотразимостью воспитательных методов старика восхитилась. Потёрла лоб и признала со всей искренностью:

— Я обнаглела. Прости, но здесь это было единственной моей защитой. Вот и втянулась.

— Не ври, — поморщился Таа-Дайбер, бессовестно вытирая руки о прославленное красное платье. — Ты всегда была наглой. И весьма скверно это скрывала.

— Значит, отец не желает подсаживать меня на трон? — решила Руана добиться правды в принципиальном для неё вопросе.

Ибо сердце подсказывало: господин Таа-Лейгард не так чист, как его пытаются тут выставить. И повисшая пауза говорила в пользу её сомнений. Советник немного помолчал,

задумчиво пялясь на окно, которое одна пустоголовая ворона забыла закрыть. Потом явно принял нелёгкое для себя решение и объявил:

— Маруш был бы не против этого. Твой отец не самый горячий поклонник яранов. Но давить на тебя отказался наотрез. Сколько его не уговаривали.

— Почему? — разочарованно спросила она, хотя частности её уже не интересовали.

— Он сказал, что не желает делать из своей единственной дочери врага.

— Разумно, — буркнула Руана и уточнила: — Ты точно не желаешь видеть меня императрицей?

— Этому не бывать, — досадливо отмахнулся верховник и вдруг просто непревзойдённо уел молодую нахалку: — Поэтому я рад, что ты совратила Яр-Турана. Причём, именно старшего.

— Я? — обалдела Руана. — Совратила?

— Конечно ты, — мягко съязвил старый негодяй. — Яран никогда бы не осмелился тебя коснуться. Даже имея над тобой полную власть. Так что бессмысленно изображать из себя соблазнённую жертву.

В принципе, он даже не передёрнул. Так оно всё и было. С одной поправкой: Радо-Яр хотел её. Иначе такого эгоцентричного циника не соблазнить даже канканом в кружевных труселях.

— Тебе Викрат наябедничал? — неожиданно для себя смутившись, проворчала Руана.

— Яр-Нат.

— Папаша Туран?

— И не наябедничал, а хотел поговорить о... Впрочем, — резко осадил себя верховник, — тебя это не касается.

— Знаешь, — задумчиво пробормотала Руана, — Мне бы очень хотелось тебе верить.

— Как ты думаешь, — сухо прокаркал старик, — почему Викрат не помешал твоим... твоей связи с назлом?

— Он хороший друг, — невольно улыбнулась Руана, заложив руки за голову и пялясь в потолок, по которому уже елозили первые солнечные лучи.

— Не обольщайся, — посоветовал верховник. — Прежде всего, он мой сын.

— Нарочно не мешал? — догадалась она, хотя это уже не имело никакого значения.

— И даже готов был перезнакомить тебя с самыми красивыми таарами...

Руана прыснула. Тотчас зажала рот ладонями и прогундосила:

— Прости. Расслабилась. Потеряла контроль.

— Спать хочешь, — понятиливо кивнул старик. — Сейчас я уйду. Но прежде хочу знать: чьё имя назвал тебе этот идиот Таа-Жайбер.

— Ты и это знаешь, — вздохнула Руана. — Так, может, и ответ тебе известен?

— Мне да.

— И мне да.

— Я должен знать, как ты намерена поступить.

— Не хочу ли выболтать всё Турану?

Руана посмотрела в глаза человеку, который — в отличие от неё — тащил на своих плечах невероятный груз. Из шкуры вон лез, чтобы хранить свою страну, свою землю от ненужных бед.

— Клянусь своей честью и кровью: от меня этого никто не узнает. Никогда. Я не возьму на себя вину за гражданскую войну на своей земле. За кровь многих. Это для меня чересчур.

Этого мне просто не выдержать.

Он снова помолчал, переваривая, и встал. Поправил камзол и бесстрастно молвил:

— Мне трудно верить чужим клятвам. Но твоей хочется.

— Как только император благословит Ати, я тут же покину цитадель, — пообещала Руана и улыбнулась: — Теперь у меня новая жизнь. В которую война совершенно не вписывается.

— Могу предоставить тебе на первое время неплохой домишко у моря, — дрогнув уголок губ у старого уставшего человека, который наверняка ей так и не поверил.

Да, и с чего бы? Сколько он таких клятв переслушал — не сосчитать. Что ж, когда она сдержит свою, у него на сердце полегчает. А домиком у моря она обязательно воспользуется.

Продрыхла Руана аж до обеда. А когда продрала глаза, у неё все были дома. Кормилица сидела в своём кресле и колбала иглой какую-то очередную тряпку. Между прочим, из дорогой серебряной парчи, которая накрыла швею почти целиком.

— Мамушка, как я рада тебя видеть, — сонно проворковала Руана, улыбнувшись от всей широты души.

— Не подлизывайся, — проворчала Урпах и неожиданно спросила о явно наболевшем: — Ты точно не полезешь в императрицы?

— Создатель! — сев, закатила глаза к потолку замордованная кандидатка. — Ты-то откуда знаешь?

— Слышала, как вы тут с советником ворковали. Дельный мужик, — искренно похвалила старуха, что большая редкость.

— Сидела за перегородкой? — догадалась Руана.

— А то ж.

— Значит, слышала и всё остальное, — подвела она черту под пустым разговором. — Ати ещё спит?

— Ати? — так язвительно переспросила кормилица, что Руане мигом поплохело.

— Вот-вот, — злорадно проскрипела Урпах, оценив её насупленную физиономию. — Будешь знать, как совращать малышку на эти ваши безобразия. Да ночами таскать её по непотребным развлечениям.

— Катиалора сердится?

— Эта вертихвостка, — неодобрительно покачала головой вредная старуха, — ещё с утра унеслась по гостям. У неё дочь невеста, а она тоже таскается по вертепам будто молодая.

Руана хмыкнула и тут же опомнилась:

— Так, что с Ати?

— Гуляет, — с неопишуемым сарказмом поведала кормилица.

— Где гуляет? — опешила Руана, смутно надеясь, что её всего лишь дразнят.

— А я почём знаю? К ней заявила эта ваша свиристелка Нала-Яри. И паршивки куда-то унеслись.

У неё слегка отлегло. Раз Ати с волчицей, к ней никто не станет ввязаться. Никто из тааров — яраны и без того не позволят себе лишнего. Только бы малышка не попалась на глаза императору.

Последняя мысль заставила мобилизоваться. Желание чуток поваляться в безделье и неге моментально улетучилось. Руана подорвалась с постели и бросилась мыться. После чего уже внаглую залезла в штаны с колетом — а пусть знают!

— Сядь, хоть волосню приберу, — неожиданным образом согласилась на этокое непотребство Урпахы. — Хватит бегать лахудрой.

Здесь кормилица так же проявила невиданный прежде либерализм. Не стала вертеть на затылке привычный тяжёлый пук, который Руану просто вымораживал. Лишь забрала волосы с висков и закрепила сзади. А всё остальное оставила болтаться вольно. Чесала спутанные пряди и бухтела:

— Хоть бы уж скорей тебя замуж взяли. А то ж вовсе разбалуеться.

— И пойду по рукам? — машинально сморозила глупость Руаны.

За что немедля поймала оплеуху:

— Поговори мне ещё! Совсем обнаглела!

— Прости, мамушка, — потирая черепушку, искренне покаялась Руана.

— То-то же!

Вскоре она уже неслась по плацу, выискивая глазами знакомые фигурки. Жаль, забыла спросить, во что одета сестрёнка. Это усложняло поиски. Тем более, что спрашивать о ней у нескольких подвернувшихся по пути тааров не хотелось. Паче того у придворных дамочек. При виде тарии в штанах у бабёнок перекашивало мордени — аж искры из глаз. Их ответы были прогнозируемы и в информативном плане бесполезны.

Руана не сразу сообразила, что Нала-Яри вряд ли устроит новой приятельнице экскурсию по замку. Скорей всего потащит бедного ребёнка куда-нибудь в свои любимые места обитания. А путь к большинству таких лежал через загоны для быков.

— Эт, Нала-Яри, что ль? — степенно переспросил пожилой скотник, первым попавшись на пути запыхавшейся, как собака, таарии.

— Да, она! — раздражённо пропыхтела Руана, стараясь унять дыхание.

— Так, верхом куда-то отъехала.

— Одна?

— Да нет, с молодой госпожой.

— Такой совсем юной и очень красивой? Не с яранией?

— Не, эта нормальная, — выдал скотник неожиданную оценку.

— Мне нужен мой бык, — нетерпеливо потребовала таария, едва ли не подпрыгивая на месте.

— Эт, который?

— Мордатый.

— Так, он, поди, на пастбище, — озадаченно поскрёб в затылке всезнайка. — Вашего-то злодея тут почитай каждый знает. Уж больно лют. Вот и стараемся вытурить его за стену первым. Прямо спозаранку.

— Он просто соскучился, — внезапно вспомнила Руана, как давно не навещала своего любимца.

Свинство, вообще-то — корила она себя за эгоизм, поспешая к восточным воротам. Бедолага Мордатый не зря лютует. Она бы на его месте вообще забодала себялюбивую поганку.

Место выпаса нашла быстро: там громче всего вопили. После оперативного расследования причины шумного столпотворения, выяснилось, что под словом «лютует», скотник подразумевал не совсем то, что Руана поняла.

Мордатого посетил местный Купидон, загнав в быка сразу пучок своих стрел. И теперь её пострел пытался вскочить на всё, что шевелится. Пылкого осеменителя пытались держать

подальше от коров, но иногда программа ограничения сбоила. И теперь Мордатый весело миловался с пойманной им коровой, терпеливо сносившей — в прямом смысле слова — взгромоздившегося на неё сиюминутного супруга. Прямо посреди дороги.

Где, любвеобильный повеса заставил остановиться на полпути кучку всадников. Несколько покинувших цитадель молодых тааров с девицами. Которые пытались развернуть своих страшно заинтересованных происходящим быков. Те, само собой, артачились: они же тоже не промах. И тоже имеют право.

Руана прошла бы мимо, проигнорировав ругавшихся и брыкавшихся всадников, если бы...

— Юбейн?! — не поверила она своим глазам.

Которыми моментально пробежалась по девицам: Ати среди них не наблюдалось. То есть, жених куда-то намылился в весёлой компании, а судьба невесты его не колышет. Однако — даже немного обиделась Руана, подходя к младшему Таа-Дайберу.

— Желаю!.. — крикнул ей раскрасневшийся Юбейн, чертыхаясь и лупя пятками в бычьего бока.

— И тебе процветать! — не стала она дожидаться конца приветствия. — А где Ати?!

— Гуляет где-то! — без малейших признаков заинтересованности в предмете, оповестил этот паразит.

— А ты куда?! — постаралась казаться равнодушной Руана.

— Да... мы тут!.. — вдруг смешался и ещё больше покраснел юный таар.

Стрельнув глазами в одну из девиц, быка которой слуги уже уводили под уздцы от греха подальше. Между прочим, весьма привлекательную. Да что там: красавицу не хуже Ати. Только более разбитную — оценила Руана брошенный на неё насмешливый взгляд паршивки.

Вот, значит, как — развернувшись обратно к воротам, озадаченно вертела в голове старшая и безответственная сестра невесты. Каждый гуляет сам по себе. Несмотря на то, что завтра они предстанут перед императором. После чего должны прожить долго и счастливо, умерев в один день.

И почему всё происходящее так ей не нравится?

Муха

Дальнейшие поиски сестры Руана решила продолжить в вотчине скота и скотников. Где учинила допрос: куда направлялась Нала-Яри, с кем, почему все молчат и как смеют врать высокородной таарии. Нет, понятно, что мелкая паразитка — даже ещё не волчица, а волчонок — могла угрожать членовредительством. Но и Руана в этом смысле не монашка.

Однако белый огонь в глазницах таарии скотников не впечатлил. То ли действительно не знали, то ли им угрожал кто-то посолидней Нала-Яри — закралась в голову нехорошее подозрение. И кто же это у нас такой угрожаемый? Если в дело замешана мамаша ненормального волчонка, она этой тигрице все усы повиыдержит.

И не каприза ради. Просто вскоре Катиалора может вспомнить о завтрашнем великом для её дочери событии. Вернуться в дом Таа-Дайберов и учинить падчерице разнос. А что она скажет? Что таскала невинного ребёнка на шабаш яранов? Где Ати внезапно испортили — буквально на глазах.

Что же касается погони, её осуществить так и не вышло. Ибо на место стычки таарии со скотниками внезапно явился Ягди-Яр. Одноглазый Яр-Туран моментально урегулировал конфликт, заявив, что пропавшие девчонки никуда и не уезжали. То есть, пытались. Однако серьёзная и ответственная дама Налата-Яри не позволила им смыться из цитадели. Поскольку у Ати завтра и вправду знаменательное событие.

Так что у свиристелок отняли быков прямо за восточными воротами. После чего они уползли обижаться в парк за стену.

— Что они там забыли? — с подозрением осведомилась Руана, решая: велеть оседлать ей императорского быка или сначала проверить парк?

— Да, мы с Виром решили чуток порыбачить, — благодушно поделился планами Ягди-Яр, пока его единственный глаз насмешливо ощупывая таарию за двоих.

— С кем? — чисто машинально переспросила она безо всякого интереса.

— С Вели-Яром. Ты что, не знаешь его прозвища?

— И не смотря на это, как-то выживаю! — съязвила Руана. — Ты говорил о девчонках.

— Так, о них и речь, — невозмутимо продолжил добродушный великан. — Мы себе устроили палатку с костерком. Чтобы спокойно посидеть. А то дня через три придётся отбыть. Но эти поганки выгнали нас прочь. Им де больше надо: их обидели. Ну, мы и ушли. Всю рыбалку нам заразы испоганили. Так что успокойся и ступай домой. Ничего с твоей сестрой не случится. Погуляет и явится.

У Руаны отлегло: всё-таки девчонки тут, дома. Здесь с ними точно ничего не случится. Остаётся надеяться, что с Юбейном тоже. Понятно, что мальчик нервничает перед столь важным и бесповоротным шагом — даже те мужики, что хотят жениться, не слишком любят это делать. Но лечить нервы увеселительными прогулками с девочками — это перебор.

Впрочем, кое-кто, кажется, становится ханжой — высмеяла Руана невесть откуда взявшуюся в ней гадость. Нужно изживать — твёрдо решила она, вновь топая к восточным воротам. Лучше обойти стену — заодно и подышать свежим воздухом — чем спускаться с неё по верёвке. Которую, возможно, ей вообще не предложат.

Парк за стеной лишь величали таковым. В отличие от парка внутреннего деревьев и кустов здесь куда больше, чем людей. К тому же вся эта поросль пребывает в первобытном

состоянии: что выросло, то выросло. И садовники со своими хирургическими инструментами для обрезания тут не приветствуются.

Руана выбрала тропу, которая вроде бы уходила в сторону реки. Стада яранов натоптали не так уж много тропинок, дабы не превращать свои персональные уголья в места прогулок для тааров. Но те в большинстве своём вели именно к реке, пересекая немногочисленные поляны.

На первой же такой — квадратов девять, не больше — её путь преградил Пере-яр. Верней, он лежал на расстеленном камзоле пузом вниз. Абсолютно голый. На его заднице восседала верхом матёрая тигрица. В одной рубахе. Её мускулистые ноги были отмечены шрамами: и старыми и совсем свежими. Что впрочем, не удивительно для превосходно прокаченного атакующего.

Отчаянная бабёнка — между прочим, довольно красивая — мяла бугристую спину назла кулаками. Тот постанывал и что-то ей втирал урчащим кошачьим баритоном. Не слишком длинные, но густящие золотистые волосы северянки были спутаны — красавицу явно заваливали на спину. Отчего сейчас она выглядела умеренно довольной и безмерно свободной от любых ненужных проблем.

— Не хотела вам мешать, — проходя мимо, извиняющимся тоном пробормотала Руана. — Но рада за вас.

Тигрица обернулась. Улыбнулась, обнажив превосходные для этого мира зубы, и предложила:

— Выпить хочешь?

— Хочу, — брякнула душа таарии, не дожидаясь губительного вмешательства мозгов.

— Садись, — кивнула тигрица на валявшийся неподалёку колет.

И сползла с недовольно заворчавшего назла.

— Заткнись, — велела ему женщина, знавшая себе цену, и кивнула Руане: — Подтаскивай ближе и падай.

Та исполнила повеление: бросила колет рядом с голым мужиком и плюхнулась на него, вытягивая ноги.

— Вы были правы, — вытаскивая из кустов корзину, заметила ярания. — Она совершенно не похожа на своих. Кстати, меня зовут Лура.

— А меня...

— Знаю, — хмыкнула тигрица, выуживая из корзины стеклянную бутылку с красным вином.

Как я люблю — отчего-то промелькнуло в башке Руаны. Но тут же было затёрто любопытством, что всегда поднимает голову при встрече с интересными людьми. А Лура была очень интересна. Во-первых, видно, что не дура. Во-вторых, ярании не слишком часто выбирают стезю нападающего — чаще сражаются в защите. Так сказать, за спинами своих мужчин — что обусловлено прагматическими реалиями: женщин должно выживать больше.

А тут такой бутерброд: атакующий и лазутчик. К тому же — судя по шрамам — только с войны. Не то, чтобы Руану привлекали подобные занятия. Но всё равно интересно.

— О женщине Урха едва ли не саги слагают, — ободряюще усмехнувшись, поведала ярания.

— О том, как я прекрасна? — не удержавшись, съязвила Руана, принимая обшарпанный деревянный походный бокальчик.

Лура хрипло рассмеялась, отмахиваясь от шутницы обветренной мозолистой рукой. После чего одобрительно кивнула и пояснила:

— О том, как ты их провела. Когда сбежала. Да, Грах? — шлёпнула она по заднице демонстративно молчавшего Яр-Турана.

— Отвали! — рыкнул тот, дёрнув ногой.

— Злится, — удовлетворённо хмыкнула тигрица и подняла бокал: — За тебя... красotka.

Они выпили. И закусили. Перекинулись схожими мнениями о мужиках и ещё выпили. И снова закусили.

— Ты что, голодная? — стало понятно Луре при виде запихивавшейся таарии.

— Знаешь, — удивилась Руана, — я, кажется, сегодня ещё не ела. Так что ты меня спасла.

— Меньше по кустам бегать нужно, — прогундосил Пере-Яр, уткнувшись носом в бугор на руке.

— Я же не мешаю тебе под ними валяться, — съехидничала Руана. — Поэтому не лезь: сколько захочу, столько и буду бегать. Ой, Лура, — вспомнила она о деле, — вы не видали здесь Нала-Яри с такой... очень красивой черноглазой малышкой.

— С твоей сестрой? — переспросила ярания. — Да, малышка и впрямь прелестна. И воспитана прямо на зависть. Чудная девочка.

— Значит, вы их видели, — поняла Руана. — Давно?

— Издеваешься? — удивилась Лура. — Мне этого не вспомнить, хоть режь меня.

— Тогда мне пора, — поднимаясь, вздохнула тетеря, проворонившая единственную сестру.

— Давай, — благословила её тигрица, вновь усевшись на своего «конька».

— Спасибо, что накормила, — покидая уют могучей парочки, не забыла о благодарности разочарованная таария.

— Хватит тут шастать! — вдруг напомнил о себе Пере-Яр, отрывая башку от земли. — Никуда твоя сестра не денется. Иди домой. Иди в гости. Иди... ещё куда-нибудь.

— Иди к демонам, — вежливо послала его Руана.

— Пошла вон! — взорвался Пере-Яр.

Лура подскочила на нём, как ковбой на беснующемся быке, и заржала на весь парк.

На берегу, куда Руана с грехом пополам доплелась, было пустынно. Она огляделась, прошлась туда-сюда вдоль кромки воды: никаких следов пребывания двух девчонок. Хотя, какие она ожидала увидеть следы? Мандаринные корки? Забытый купальщицами лифчик? Который тут ещё не изобрели.

Незадачливая старшая сестра вошла в воду и с наслаждением умылась. Подставила мокрое лицо ветерку и попыталась сосредоточиться на проблеме. Куда ещё могло занести этих паразиток? Никаких праздников вроде не намечалось. В парке тишина — не считая каких-нибудь охов-ахов ещё нескольких парочек.

Возвращаясь в цитадель с дежурных битв, яраны отвязывались по полной. Имеют право — искренно полагала не нюхавшая порошу таария. Даже хорошо, что эти вечные бойцы умеют релаксировать — беда наступит, когда перестанут.

— Собираешься утопиться? — раздался за спиной насмешливый мужской голос.

До боли знакомый и до чёртиков надоевший.

— Иди, куда шёл, — проворчала Руана, решив даже не оборачиваться.

Много чести! Ему только дай повод: прицепится и не отстанет.

— Сюда и шёл, — с весёлой развязностью объявил Вели-Яр. — Мы тут, вообще-то рыбу прикормили. А ты ногами впёрлась. Вылезай и топай отсюда. У нас рыбалка.

Руана удивлённо посмотрела под ноги и уточнила:

— На мелководье? У берега?

— Чего ты с ней церемонишься? — удивлённо осведомился незнакомый голос. — Вытащим и выбросим.

Такое остроумное заявление не могло оставить её равнодушной. Руана обернулась и слегка обомлела. Рядом с Вели-Яром стоял Ягди-Яр. С полным комплектом глаз.

— Вроде немного и выпила, — шурясь, припомнила она.

— Уже? — иронично ухмыльнулся Вели-Яр. — Где успела?

— Лура угостила, — озадаченно пробормотала Руана и уточнила: — Вир, мне это мерещится?

— Ты в порядке, — заверил он, входя в воду.

Хоп! Могучий назл подхватил, как пушинку, далеко не миниатюрную таарию. Пару раз качнул, словно ребёнка, и потащил на берег:

— Это не Мах.

— Кто? — машинально квакнула она.

— Не Ягди-Яр. Они с Лахом близнецы. Хотя теперь их легко отличить.

— И что Урх нашёл в этой гордычке? — между тем оценил прелести таарии последний из братьев Яр-Туранов, не попадавшийся прежде на глаза.

— Подойди ближе, — почувствовав прилив обычной самоуверенности, попросила Руана.

— Зачем? — не понял этот Лах.

Хотя на язык так и просилось: Лох.

— Пну тебя в рожу, — ласково пообещала таария. — Вели-Яр! Хватит меня лапать. Опустит!

— Не отпущу, — принялся кокетничать этот амбал, вновь покачивая попавшуюся в руки добычу.

Стало интересно: к чему сей неожиданный кобеляж? Она для него не кандидат и даже не в мечтах. Женщина старшего брата — это вам не предмет для внутривидовой борьбы двух мужиков. Табу для всех прочих яранов любого возраста и военной специальности. Пока Радо-Яр Яр-Туран не даст понять, что его женщина свободна. И вольна делать, что ей заблагорассудится.

— Что с тобой? — всё так же ласково поинтересовалась таария у своего носильщика. — Моча в голову ударила?

Грубить ей тоже можно. Пока. За всё отвечает её мужчина. Если у него кто-то отважится потребовать ответа.

Однако хамство ершистой таарии с самого начала превратилось в развлечение для непритязательных в юморе северян. Вели-Яр опустил её на землю, хохоча во всю глотку. Махов близнец тоже хохотнул. Хотя в отличие от Ягди-Яра он был довольно мрачной персоной. Или же просто хотел таким казаться.

— Ну, ты как скажешь! — качал головой Вели-Яр, расстилая на песке свой дорогой, но уже порядком потрёпанный камзол.

Ещё бы! При таком-то обращении.

— Садись, — пригласил он даму. — Выпить хочешь?

— Хочу, — брякнула Руана прежде, чем удивилась.

Что это за новая притча? Она что, успела прослыть здесь алкоголичкой? Не было печали.

— Вы случайно, не находили в кустах своего голого братца?

— Которого из них? — снял Вели-Яр с пояса небольшой походный бурдючок.

— Если её угощала сама Лура, — проворчал насупленный Лах, — значит, Граха.

— У тебя имя-то есть? — спросила у него Руана.

Чуть не ляпнув: убогий. Здесь такие шутки не поймут. Культ физической силы и всё такое.

— Жести-Яр, — процедил он, покривившись.

— Тебе что, бабы не дают? — пошла она ещё дальше в своём хамстве.

Почему? Руане вдруг начало чудиться... нечто подозрительное.

— С чего ты взяла? — вовсе не взорвался, а наоборот опешил парень.

— Злой больно, — пробормотала она, потеряв интерес к идее его разозлить.

Такие вот молодые да горячие в пылу страсти способны выболтать многое. А её вдруг страшно заинтересовало происходящее.

— Вир, — принимая у него маленькую серебряную стопку, изобразила Руана фирменный прищур Яр-Туранов. — Не подскажешь, с чего это сегодня я всё время на вас натываюсь?

— На кого «на вас»? — замахнув винца, забрал он у брата какой-то замусоленный финик и протянул его даме: — Хочешь?

— Сам ешь, — поморщилась она. — И не виляй. Кстати, где ваш старший брат?

— А ты уже соскучилась? — многозначительно подмигнул ей этот прохиндей.

— Вир, не наглей, — с ненавязчивой угрозой в голосе попросила таария.

— А то что? — уже более благосклонно принялся задираться Жести-Яр.

— Вы давно не бегали по цитадели голыми? — деловито осведомилась мастерица превращать всё в пыль.

— Можно, конечно попробовать, — с деланной задумчивостью оценил угрозу Вели-Яр.

— Урх куда-то уехал, — не стал рисковать его более бесхитростный брат. — Нам, само собой, отчёта не давал.

— Поэтому вы все бегаєте за мной? Сторожите что ли? — напрямую спросила Руана.

Туранчики переглянулись с честным-пречестным недоумением. Лукавили паршивцы безо всякого вдохновения. Вели-Яр поинтересовался:

— А тебя что, нужно сторожить? Ты у нас вроде не потаскуха.

— Не потаскуха, — поддакнула заинтригованная женщина.

— Из рук в руки не прыгаешь, — продолжил он. — Зачем, в таком случае, тебя сторожить?

— Получается, что незачем, — согласилась Руана. — Однако, видишь ли, какое дело: куда я не пойду, везде вы. Каждый раз ловите, можно сказать, на лету. Прямо, как нарочно.

— Тебя кто-то держит? — нарочито участливо осведомился Вели-Яр. — Домой не отпускает? Так, иди. На лету её ловят! — передразнил он высокопарное заявление.

Отменно врёт — похвалила его Руана — что-то здесь не так. Чуеться подвох, а суть уловить никак не выходит. Её действительно никто за руки не хватает, к дереву не привязывает. Крылья не обрывает. Только странная получается штука. Едва она куда-то

полетит, как её мухобойкой: шмяк! И всё: полёт, как говорят у неё на Родине, окончен. Выпей и домой.

— Приятно оставаться, — язвительно пробурчала так и не достигшая цели женщина.

— Давай-давай, — досадливо напутствовал её Жести-Яр.

— Чтоб вы провалились! — в сердцах пролаяла она, поднимаясь.

— Даже не надейся.

У восточных ворот её поджидала Багена. Сидела на деревянной рогатке, которыми перегораживали распахнутый настезь проход во избежание несанкционированной миграции скота. Чтобы рогатые не шастали туда-сюда.

— Что? — не понравилось Руане лицо подруги.

Оно было виноватым. Впервые за месяц их знакомства. Значит, беда. Значит, случилось нечто, способное разрушить её жизнь. Как минимум, испоганить.

— Ищешь Ати? — буркнула тигрица, не глядя ей в глаза.

— Что с ней?

— Её нет в цитадели.

— Тоже похитили?

— Не похитили, — успокоила её тигрица и тут же убила наповал: — Твоя сестра сбежала.

Вопрос «куда» в башке даже мельком не возник. Почему-то всё сразу стало понятно.

— С кем? — устало выдохнула Руана, истово желая, чтобы этот день закончился ещё вчера.

— С Яр-Тураном.

У неё вырвался нервический смешок: а с кем ещё-то? Руану бы удивило, если бы в этом деле был замешан любой другой северянин.

— С которым из них? — спросила она и тут же сообразила: — С младшим. С этим поганцем Растом.

— Как ты догадалась? — удивилась, было, подруга, но тоже включила соображалку: — Ну да, они же целовались.

— Не поэтому, — уже почти равнодушно отмахнулась Руана, задирая голову к небесам.

Которые сегодня просто дивно хороши. Такие чистые и невинные. Наполовину голубые, а на вторую нежно розовые в лучах заходящего солнца.

— Ну? — пихнула её в плечо тигрица. — Не тяни.

— Всё просто, — вздохнула Руана, провожая взглядом парящего орла. — Остальные братья Яр-Тураны крутились вокруг меня. Куда не пойдёшь, всюду они. И каждый пытался прихлопнуть меня, как муху. Чтобы не носилась вокруг и не жужжала. Ничего с твоей сестрой не случится! — передразнила она одного Яр-Турана. — Никуда твоя сестра не денется! — передразнила второго. — Врут в глаза и не краснеют. Сволочи. Даже вино подсунули любимое: красное.

— А Радо-Яр? — встревожилась Багена и не пыталась этого скрывать.

Руана невольно улыбнулась:

— Этот не лгал. Он тоже пропал. Думаю, как раз сейчас помогает брату увозить мою Ати.

— Конечно, помогает, — несколько сухо вато подтвердила Багена. — Он же старший. Остальным братьям, как отец. Даже при живом родителе. Урх первый. И будущий вожак клана.

Ярания раздражённо вздёрнула подбородок и холодно осведомилась:

— Что ты собираешься делать?

— Отправиться, куда послали, — обходя рогатку, у которой они застряли, объявила Руана. — Домой.

— Речь не об этом! — буквально рыкнула ей вслед тигрица. — Твой отец поднял на поиски кучу народа!

— Я тебя люблю! — не оборачиваясь, крикнула Руана.

Махнула на прощание рукой и прибавила шаг.

— Где ты была? — сухо осведомился господин Таа- Лейгард, не глядя на любимицу.

Сердится — поняла Руана — и очень сильно. Его лицо стало совсем чужим. Зато Катиалора выглядела более чем странно. Мачеха была бледновата, однако пребывала в какой-то отстранённой задумчивости. Глаза её остановились на какой-то точке далеко за окном. Только вот сжатые кулачки холёных рук на коленях казались пудовыми.

— Искала Ати, — максимально спокойно ответила Руана, пытая взглядом Катиалору.

— Мы тоже искали, — отстранённо пробормотала та.

— Ати в цитадели нет, — ледяным голосом констатировал отец. — Мы всё обыскали. Она пропала.

— А Юбейн? — вспомнила Руана ещё одного участника завтрашних событий.

— Он уехал на прогулку, — с невыразимым презрением процедил отец.

— Знаю. Встретила его у восточных ворот. И он прятал от меня глаза, — неизвестно для чего добавила она.

— Я поторопился отдать ему свою дочь, — всё с тем же презрением констатировал отец и этот прискорбный факт.

— Значит, к лучшему, что он гуляет! — разозлилась Руана. — Пускай гуляет и дальше! Лучше раз пережить разочарование, чем испоганить Ати всю жизнь.

— Да, — внезапно весьма твёрдо поддержала её мачеха и совсем уж удивила, мягко молвив падчерице: — Спасибо, милая.

— Пойдём ко мне, — подошла к ней Руана, обняла за плечи и буквально силой подняла из кресла.

— Зачем? — покосившись на мужа, спросила Катиалора.

— Выпьем, — подавив желание орать во весь голос, объявила таария. — За здоровье нашей малышки. Потому что ничего дурного с ней случиться не может. Ни-ког-да.

Она посмотрела на отца. Тот пялился в пустоту горящим взглядом человека, способного разрушить весь мир. И останавливать дочь не стал.

Бутылочку красного ей презентовал Викрат. Завалившись в спальню, Руана первым делом полезла в один из сундуков, где прятала записку.

— На столе, — недовольно проскрипела кормилица.

Она сидела в своём кресле и тоже пялилась в окно — мёдом им там намазано, что ли? Однако своих аристократок Урпаху явно ждала. На столе помимо бутылки стояли три серебряных бокала и корзина с фруктами.

— Мамушка, не волнуйся, — начала Руана, прикидывая, какие слова подобрать для утешения.

— А мне-то чего волноваться? — саркастически осведомилась кормилица, даже не взглянув на утешительницу. — Не я дитё угробила.

— Перестань, — устало поморщилась Катиалора, опускаясь во второе кресло. — Никто

её не гробил. Сама свою судьбу выбрала.

— Погодите, — почувствовала Руана настоятельное желание отогнать наваждение. — Вы что, знаете, где Ати?

— Откуда? — почти зло каркнула вредная старуха.

— Нам известно, что она сбежала, — пояснила мачеха.

И посмотрела на падчерицу с каким-то дичайшим непереносимым внутренним напряжением.

— Отец знает? — сглотнув, сипло прошептала Руана, покосившись на дверь.

— Нет, — медленно покачала головой мачеха. — Мы решили не говорить.

— А вы-то откуда узнали?

— Она оставила мне записку.

И её глаза невольно уставились на окно. Куда Урпаха продолжала таращиться с каким-то нарочитым упорством.

— Катиалора, я к этому непричастна, — стало совсем уж неуютно Руане рядом с этими женщинами.

Она и впрямь почувствовала себя мухой, что с дурацким упорством кружила вокруг паутину и, в конце концов, влипла в неё.

— Знаю, — ни с того ни с сего мягко улыбнулась мачеха. — Ати просила, чтобы ты её простила.

— Хочешь, я попрошу её найти, — вспомнила таария о своих связях среди северян. — Думаю, у меня получится.

— Зачем? — с почти непереносимой безнадегой в голосе, осведомилась кормилица. — Чтобы наша деточка тебя возненавидела? Пускай у неё хоть сестра останется. Всё какая-никакая защита.

— Она влюбилась, — прошептала Катиалора и заплакала.

Тихо так, без рыданий и заламывания рук. Слезы текли по щекам женщины, что так и не стала для падчерицы матерью. Но родным человеком всё же была. И сейчас Руана это почувствовала особенно остро.

Она подошла к её креслу. Обняла Катиалору за плечи. И уставилась в окно.

Упрямица

Не будь кормилицы, они с мачехой просидели бы до утра. И усидели бы не только одну заначенную бутылку: отправились бы на поиски добавки. Потому что разговор по душам заладилась.

Катиалору прорвало. Впервые на памяти Руаны. Мачеха ударилась в воспоминания о том периоде детства Ати, в котором сестра участия не принимала. Оказалось, что первый муж Катиалоры был законченной скотиной. Свою жену терпеть не мог, изменяя направо и налево. Только в родовой крепости проживали пять его любовниц. За пределами их количество не поддавалось исчислению.

Ладно бы изменял — мерзавец обожал куражиться над женой, позволяя своим подстилкам вести себя с госпожой неподобающе хамски. И управы на него не было никакой: Катиалора-то, оказывается, сирота. Опекуны вырастили девчонку и сбагрили побыстрей замуж. Руана чуть не обрыдалась, слушая эту обычно застёгнутую на все пуговицы женщину. И периодически принималась грязно ругаться, обещая всему миру страшное отмщение. Хотя сам ублюдок давно сдох.

Так что от природы Ати вовсе не робкая лань: бедняжку просто зашугали. Она и новому-то отцу всё никак не могла довериться: ждала от него... всякого. Хотя Таа-Лейгард ни разу даже голоса на приёмную дочь не повысил. Но и к себе малышку не приближал. Растёт себе, и пускай растёт. Одета, обута, накормлена, а остальное дело супруги.

Поэтому её мать и не сразил, что называется, насмерть, факт побега. Катиалора знала свою дочь. И, как показалось Руане, ожидала от неё чего-то подобного. А вот старшая сестра — проклятая кукушка, занятая исключительно собой — так до конца и не узнала. За что ругала себя последними словами под провоцирующее кряхтенье кормилицы, не скупившейся на обвинения.

Зато мачеха заверяла, что, мол, для Ати она стала настоящей сестрой. И любящей, и заботливой. За что Катиалора безмерно благодарна. Ведь, случись ей помереть, у малышки всегда будет опора и защита.

— Тебе совсем не жаль, что у них с Юбейном ничего не вышло? — не сразу, но всё-таки осмелилась выпрашивать Руана. — Мне перед отъездом из дома показалось, будто у них всё замечательно.

— Начиналось, — отдала паршивцу должное никому не верившая мать. — Он был обходителен и красноречив. Я рада, что Ати не успела в него влюбиться. Потому что вскоре я обнаружила его на собственной служанке. Как ты понимаешь, в пикантный момент.

— Выгнала?

— Служанку?

— Ну, да.

— За что? — укоризненно покачала головой подлинная, в отличие от некоторых, аристократка. — Девчонка совсем. С ней он тоже был обходителен и красноречив. И бедная дурочка влюбилась в прекрасного доброго господина. Такое случалось, случается и будет случаться. А ты когда выйдешь замуж? — внезапно спросила она.

И, в общем-то, первой реакцией Руаны было отшутиться. Мол, женилка у неё пока не выросла — и всё в таком же духе. Но раскочегаренная ими атмосфера доверительности

сделала своё дело. И неожиданно для себя Руана призналась:

— Знаешь, я боюсь.

— Терять свободу? — понимающе кивнула Катиалора.

— Не только, — пробормотала она, решая, в чём стоит довериться, а о чём лучше умолчать.

— Тебя пугают некоторые... традиции яранов?

Этим вопросом мачеха её, будто кувалдой по башке жажнула.

— Ты знаешь? — насупилась предательница своего рода-племени.

— Я знаю, — строго подтвердила Катиалора и добила: — Но это не имеет значения.

Хуже, что о твоём возлюбленном знает отец.

— Приплыли, — опешив, ляпнула Руана.

— Видимо, да, — согласилась мачеха, голос которой вновь потеплел.

— Думаешь, он злится?

— Он в ярости, — весьма серьёзно предупредила мачеха. — Поэтому и стал тебя избегать. Я уговорила его не ссориться с тобой, пока всё не прояснится. Вдруг это злые сплетни?

— Да уж! — саркастически проквакала злобная старуха.

Она взялась за шитьё, молча слушая задушевные излияния в ожидании более конструктивного разговора. Урпахе все эти дворянские нежности до лампы. Её всегда интересовали только конкретные вещи: физическое и моральное здоровье подопечных.

— Значит, — помолчав, отважилась спросить Катиалора, — у тебя действительно... связь с назлом?

— Ещё какая, — язвительно поддакнула Урпаха. — Быками не растащишь.

— Ты меня осуждаешь? — уточнила Руана, для которой нежданно-негаданно мнение мачехи стало значимым.

Та как-то грустно улыбнулась и медленно покачала головой. Потискала в руках пустой бокал и нехотя призналась:

— Я тебе завидую.

— А поздно завидовать, — не унималась вредная старуха, разглядывая проложенную иглой строчку. — Коли не сбежала, так не сильно и любила. Это всё глупости ваши поэтические. Налепят складных плаксивых стишат про небесную любовь, а после маются.

— Кто не сбежала? — наконец-то, дошло до Руаны. — Куда не сбежала?

— Я, — криво усмехнулась мачеха. — Из дома. Когда влюбилась в одного молодого нахального волка. Испугалась и дала согласие выйти за таара. А ты вот не испугалась.

— Ну-у, — задумчиво протянула Руана, переваривая очередную порцию открытий, — я пока что никуда бежать не собираюсь. Да и замуж не тороплюсь. Чего я там не видела?

Тем более — мысленно добавила она — что разводов здесь пока не изобрели.

— А ничего и не видала, — продолжала зудеть неугомонная старуха. — К тому ж валяться с милёнком под кустами тоже бесследно не выходит. Пузо надует, куда побежишь прятаться? Безмужняя шалава.

— Урпаха, — укоризненно вытаращилась на неё госпожа Таа-Лейгард.

— Пузо вовсе не повод связывать себя на всю жизнь, — упрямо набычилась Руана.

Будь она чистокровным продуктом этого мира, подобные резоны её, может, и пугали бы. Но в сознании просвещённой женщины из мира смартфонов и прокладок с крылышками мать-одиночка вполне себе вариант. Тем более таария, что и вовсе тут на особом

положении. И сама по себе социально значимая величина, и профессия имеется. Если кому-то что-то надо разнести в труху, пожалуйста к нам! Работаем быстро и качественно!

Словом, они бы просидели до утра, но Урпах дала унылым пьянчужкам разгон, как только показалось доньшко бутылки. Выгнала Катиалору спать и утолкала в кровать брыкавшуюся, качавшую права любимицу.

Которая продрала свои бесстыжие очи лишь к полудню. С одним единственным желанием: немедля сдохнуть. Причём, треск и ломота под черепушкой с дичайшим сушняком были меньшими из зол.

— Вставай, задрюга! — перетянула её скрученной тряпкой кормилица.

Не будь сверху покрывала, остался бы шикарный синяк.

— Зачем? — изумилась Руана, пытаясь понять, какого чёрта её разбудили.

— Буду приводить тебя в надлежащий вид, — строго уведомила кормилица, вновь оттянув воспитанницу поперёк спины.

— Зачем? — нырнув под покрывало с головой, прогундосила Руана. — Ати же нет. Церемонии благословения не будет. Я могу дрыхнуть, сколько угодно. Имею право!

— Ати нет, — сурово подтвердила Урпах, срывая с неё защитный покров. — Но ритуал никуда не денется. Женишок-то на него явится. А ну, как начнёт требовать невесту обратно? Землица-то за ней обещана ого-го какая. Целое поместье.

Руана села. Руана прозрела. Руана всей душой возмутилась: этот поганец бы ещё права качал!

— А рожа не треснет? — машинально пробормотала она.

— Рожа-то? — чуть отмякнув, хмыкнула критически настроенная старуха. — У этого не треснет. И у папаши его не треснет. Зря он, что ли, сынку такую выгодную невесту сосватал? Много ли на свете девиц, за которыми целые поместья отваливают?

— Отвалили бы, — сползая с кровати, поправила её Руана. — Сложись всё иначе. Я была готова отказаться от своих прав только ради Ати. Не ради этого щенка. Так что поместье по закону моё. Таа-Дайберы обойдутся.

— А кто им о том заявит? — издевательски осведомилась кормилица, помогая стаскивать ночную рубаху. — Твой отец нынче кругом виноват. Это его дочь сбежала. Император его накажет, и слова против не скажешь.

— Император? — задумчиво пробубнила под нос Руана.

Получилось зловеще. Не нарочно, но уж, как вышло.

— Ты чего задумала? — тотчас насторожилась Урпах.

— Потом узнаешь, — отмахнулась она. — Давай мыться. А то и вправду опоздаем.

— А ну, говори! — топнула ногой кормилица, ища взглядом что потяжелей.

— Потом! — набычилась Руана, уперев руки в боки.

— Упрямица, — покачала головой мудрая старух, знавшая, когда лучше не спорить.

Мылась она тщательно: будто собиралась на приём к врачу, где её разденут и станут мять в разных местах. И где благоухать «нечистотами» как-то стыдно.

Затем Руана уселась за стол и подставила кормилице голову. До чего уж терпеть не могла, когда её волосы туго скручивают и заворачивают во всякие кренделя, но сидела, не пикнув.

— Горюшко ты моё, — запричитала под нос Урпах с какой-то показной театральщиной в голосе.

— Мамушка, ты чего? — удивилась Руана.

— Не мешай! — рыкнула та, закрепляя свёрнутую прядь длинной шпилькой с серебряной блямбой на конце. — Как положено, так тебя и провожаю.

— Куда? Так провожают замуж. А я не туда собираюсь. Меня там скорей выпорют, чем обласкают.

— Кто знает? — туманно пообещала всяческие неожиданности всевидящая старуха.

Накаркай ещё — мысленно окрысилась на неё Руана, не осмеливаясь делать это вслух. Тоже придумала: замуж! Когда-нибудь наверняка — все там будем. Но сегодня мы не договаривались. Она ещё не нагулялась.

К подставке с платьем кормилица подходила, как смертник с гранатой к рычащему танку.

— Ну, вот, — язвительно объявила мастерица, сдёрав с обновлённого наряда покров. — Как просила. Готово твоё позорище. Девки в три управились. Я им сверх обещанного уплатила. Вчера последние швы сама подбирала. Вроде получилось, — с виду недовольно, но всё же любовалась она отменной работой.

Серебряная парча штука вредная: чуть где шов вильнёт, сразу встанет колом. Пышные юбки из неё выходят деревянными. При ходьбе ходят ходуном единым монолитом. Может, кому-то и нравится щеголять в несгибаемой бочке, но у Руаны это вызывает чувство, будто она селёдкапряного посола.

А вот облегающее платье из парчи вполне себе ничего. С умеренно расклешённой книзу юбкой и такими же рукавами. Только в него приходится буквально заходить. Что называется, ногами вперёд. Она и вошла, после чего Урпах осторожно натянула платье на тело. Руана ловко попала руками в проймы и поморщилась: жёсткая ткань мелко щипалась и кололась.

— Стой спокойно! — нагавкала на егозу кормилица, затягивая на спине шнуровку.

— Колется, — пожаловалась Руана, елозя в жёсткой обнове.

— Сама нормальную рубаху поддевать отказалась, — резонно заметила Урпах. — Может, всё-таки наденешь?

— Ни за что!

— Тогда умолкни и терпи!

Когда со шнуровкой покончили, остался последний штрих.

— Вот, — кормилица с трепетной осторожностью развернула на столе какой-то свёрток из тяжёлого малинового бархата. — Мачеха твоя принесла. Пока ты спала. Велела обязательно надеть. Это де её покойной матушки. От сердца предложила. Чтобы в лад с парчой легло.

Руана не без труда присела на край кресла в плохо гнущемся платье. Старуха уложила ей на грудь тяжёлое широкое ожерелье с алмазами. Потом защёлкнула на запястьях такие же широкие браслеты, моментально оттянувшие руки.

— Мамушка, я в них, будто в кандалах. Сними.

— Не помрёшь.

— Помру.

— Вставай! Будет она мне ещё упираться!

Руана встала и отошла от стола, чтобы поместиться в небольшом зеркале по максимуму. Поместилась, пригляделась, поняла, что толком ни черта не видать, и плюнула: и так сойдёт!

— Ну как? — спросила она у кормилицы.

Та отошла, как можно, дальше и критически оглядела воспитанницу с ног до головы. Вздохнула и вынесла вердикт:

— Позорище, — после чего с присущей ей логикой уточнила: — Но ты хороша!

С чем Руана и покинула спальню, начав свой путь на Голгофу.

Облегающее платье заканчивалось небольшим шуршащим по полу шлейфом. За который развернулась натуральная борьба не на жизнь, а на смерть. Волочить супер дорогую ткань по земле Урпахе виделось страшным кощунством. Но рачительная старуха уступила.

А зря. Потому что теперь Руана была занята единственной проблемой: как бы не свалиться с лестницы и не расквасить физиономию из-за проклятого шлейфа. Который сползал за ней по ступеням и норовил попасть под ноги. Лишь выйдя на площадь, она выдохнула с облегчением: жёсткий парчовый хвост следовал за платьем чинно, не комкаясь и не мешая.

На пороге знакомого зала для приёмов Руану поймал Викрат. Вид у него был не оскорблённый — чего она страшно боялась — а неуместно деловой.

— Сердишься? — с трудом глядя ему прямо в глаза, осторожно поинтересовалась непричастная участница событий.

— На что? — опять-таки деловито уточнил Таа-Дайбер.

— Из-за Ати.

— А ты тут причём? — удивился он, подпихивая таарию к распахнутым парадным дверям. — Давай, не тяни.

— Раз не сердишься, — приободрилась Руана, — помоги прошмыгнуть как-нибудь незаметно.

— В таком платье? — иронично осведомился Викрат, демонстративно оглядев новое произведение её извращённой фантазии. — Топай прямо по проходу. Император лично ожидает оборзевшую таарию. Уже спрашивал, где тебя носит.

— Меня что, казнить собираются? — не веря в такой результат, всё-таки невольно поёжилась она.

— Иди уже, — перестал деликатничать этот подлец, резко втолкнув её в двери.

Влетев в зал, Руана на миг остановилась, расправляя плечи. И отшвырнув ногой скомкавшийся у ног шлейф. Дальше она поплыла с высоко поднятой головой. Хотя взглядов на себя насобираала! Как липкая лента в сенокосный для мух месяц.

Вокруг, естественно, и шипели, и юродствовали, и прочее всякое. Ещё бы! Кто мог столкнуть приличную девочку с пути истинного? Конечно, её старшая сестра хабалка. Казнить, закопать, откопать и выдрать.

Нынешний приём — с первого взгляда поняла виновница всех бед — здорово отличался от предыдущего. Тогда зал был забит исключительно таарами. Лишь в зоне «заседания» монархов имелась относительная концентрация яранов. Теперь же северян значительно поприбавилось. Возможно, явились все, кто сейчас отдыхал в цитадели от ратных дел.

И едва Руана миновала первую пару колонн, к ней тотчас присоединились две тигрицы. Багена с Налата-Яри пристроились по бокам, отчего публика рефлекторно принялась расширять проход. Передние теснили недовольно ворчавших задних. Но открыто взбухать никто не решался. Поскольку тигрицы были в полном боевом снаряжении.

Как и Лура, чуть позже присоединившаяся к эскорту сзади, и ещё парочка незнакомых яраний.

— Вы не перегибаете? — на всякий случай поинтересовалась у подружки Руана.

Хотя в принципе такой поворот дел её вполне устраивал. Лишь одно исподволь царапало психику: во благо ей такая помощь, или наоборот? Чем она заслужила или — хуже того — чем придётся расплачиваться? Судя по тому, как многозначительно тигрицы держали в руках весьма опасные железки, они вполне способны пустить их в дело.

И что? Устроят резню? Прямо тут? Да, за такой произвол бедной таарии вовек не расплатиться. Разве что сразу башку оттяпают. У императора там, впереди по курсу рожа надута до предела. Мрачен, аки пресловутый демон, который у аборигенов что-то вроде Сатаны: никто не видал, но все трепещут и поминают в проклятьях.

А вот императрица вроде ничего — внимательно изучала Руана лица-маски венценосной четы. Бесстрастна и только. Хотя именно из-за её братца нынче такой тарарам. Это он украл невесту практически из-под венца. Мстира будет его защищать даже с применением оружия — к бабке не ходи. И все остальные пять братьев, что обступили трон сестры каменными статуями беспредела и милитаризма.

Их знаменитый папаша стоял поодаль, о чём-то перешёптываясь... Кто бы мог подумать? С самым верховным советником Таа-Дайбером. Какая прелесть! Прямо-таки закадычные дружки, что обсуждают вчерашнюю сауну с девочками. Спокойны, как собственные портреты. Хотя Юбейн за спиной отца красен, как варёный рак.

И такой же варёный. Сутулится и пялится в пол. Ибо за жертву его никто здесь не держит. Он просрал невесту — пентюх малахольный. Такой же виновник, как более резвый и решительный похититель. Но правда — насколько это понимала Руана — юридически на его стороне.

Вообще странно — зрело в ней недопонимание — что она каким-то образом попала в центр разразившегося скандала с похищением. Случки не устраивала, вещички молодым в дорогу не собирала. Её первую со всех соторон надули и обесчестили. Но шипят и чуть ли не плюются таары именно в неё. Впрочем, далеко не все. Тут она безбожно передёргивает.

— Наконец-то, — хмуро буркнул император, едва она остановилась в пяти шагах от подиума с тронами и склонила голову. — Не объяснишь, почему я должен тебя ждать?

— Наверно потому, единственный, что я вам нужней, чем этот приём мне самой.

Это была фантастическая наглость. Во всяком случае, так показалось Руане, которая внезапно вспомнила, что нападение — это лучшая защита.

— Не поспоришь, — невозмутимо оценила её выходку Мстира. — Хотя за подобную дерзость тебя бы следовало наказать.

— За что? — в тон ей осведомилась таария, упрямо стоя на своём. — Я не получала приглашения на этот приём. А являться в гости без приглашения, по меньшей мере, неприлично.

Тут её будто толкнули. Она повернула голову вправо и напоролась на взгляд отца. Пустой и и ледяной, как вакуум. Но сейчас это не имело значения. Только судьба Ати. Девчонки, которой никто не испоганит жизнь из-за каких-то там гектаров, замков, виноградников и прочего хозяйства.

В конце концов, отец может их передать, кому угодно — пускай подавятся. Они с Ати как-нибудь проживут и без подобных престижных, но обременительных благ. Во всяком случае, Горди-Яра трудно представить в роли землевладельца и налогоплательщика. Да и саму Руану — положила руку на сердце — тоже. Ну, какая из неё помещица? Курам на смех!

— И с этим не поспоришь, — согласилась императрица, демонстративно уставившись

на супруга.

— Я не знаю, что там с этим приглашением, — раздражённо проворчал тот. — Явилась и ладно. И закончим на этом. Итак, — многозначительно открыл он прения, обведя глазами всех участников мелодрамы с побегом невесты.

Таа-Дайбер с Тураном бросили трепаться. И верноподданнически уставились на господина: дескать, они оба сплошное внимание. Господин Таа-Лейгард вышел из толпы, подойдя к своему монарху. Но встав на максимально возможном отдалении от дочери. Между ними тотчас заняли место Багена с Налата-Яри.

Император при виде этой демонстрации поморщился. Но ругаться на чересчур инициативных тигриц не стал. Зато вперил весьма недружелюбный взгляд в непоколебимо спокойную таарию и сурово осведомился:

— Что ты можешь сказать?

— О чём? — ровным голосом уточнила та.

Он скрипнул зубами и процедил:

— О побеге сестры.

Она пожала плечами:

— Атиалора сбежала. Это всё, что я знаю, — легко выдержала Руана порцию запущенных в неё громов и молний из гневно горящих монарших очей. — Меня в свои намерения сестра не посвящала. В подготовке побега я не участвовала.

— Можешь это доказать? — даже не поинтересовался он, а скорей уже заранее вынес приговор.

— Могу дать слово, что это правда.

За спиной, естественно зафыркали. В том смысле, что верить на слово подобной особе всё равно, что верить грянувшей буре: мол, она тут чуть-чуть побушует и отвалит восвосяси. Вы подождите, и жизнь наладится.

— И чего стоит твоё слово? — с весьма оскорбительной иронией в голосе осведомился император.

Как мило — восхитилась Руана. Стоило изображать из себя пылко влюблённого — впрочем, довольно бездарно. Какая нормальная баба поверит, будто по уши втюрившийся в неё мужик предпочтёт возлюбленной шанс сделать ставку?

Зачем же он тогда устроил бездарный спектакль на глазах изумлённой публики? Не тайна: господин Таа-Жайбер одним словом распахнул перед таарией перспективы её счастливого будущего.

— Чего стоит? — в притворной задумчивости протянула она. — Ну, я же сдержала слово: не предала огласке имя человека, натравившего на меня убийцу. Не тех дурачков с ядом, а настоящего монстра. Кстати, господин Яр-Нат, я ещё не имела случая поблагодарить вас за спасение.

И гордая аристократка в бог знает, каком поколении, поклонилась назлу в пояс. Чего ни один таар не делал даже перед императором. Который с каждым брошенным ею словом каменел всё больше.

Давай-давай — злорадно благословила его Руана — лёгкой тебе дорожки к инфаркту. Борьба с заговорами, ведущими к гражданской войне, конечно, дело благое. И вообще твоя основная профессиональная обязанность. Но почему ради этого на жертвенник нужно бросить именно её? Она что, больше всех суетилась в стремлении вскарабкаться на трон?

А вы, господин монарх — говорили устремлённые на него глаза разумной, но упёртой

женщины — могли бы просто удалить таарию из цитадели. В конце концов, приказать срочно выдать её замуж. Нет! Вы предпочли натравить на неё убийцу. И этого она тебе, свинья, никогда не простит!

Цитадель, понятное дело, покинет. Сегодня же. Но лучше тебе, твоё величество, на глаза ей больше не попадаться. Никогда.

Бомба

Император всё верно прочитал в её глазах — просто мастер физиогномики. И заметно расслабился: прежде сидел с прямой спиной, будто рельсу проглотил, а теперь вольготно разлёгся на своём троне. Ещё бы: раз выдавать его никто не собирается, жизнь продолжается.

Потому что здешний правитель вовсе не продукт абсолютизма. Всего лишь подходящая — в силу особого таланта — нейтральная сторона. Ни то, ни сё: ни таар, ни яран. И просто так убивать аристократов ему не позволено. Сегодня девчонка, а завтра кто? Верховный советник?

Кстати, верховник Таа-Варуг пялился на поганку таарию ледяным взглядом. Мог бы — самолично бы прикончил. Всё, до чего дотянулась, мужику изгадила и сломала. Прямо жизнь под откос — юродствовала Руана, одаривая прохиндея миленькой сладенькой улыбочкой.

Верховник Таа-Дайбер — на которого отважилась взглянуть лишь мельком — одобрительно качнул головой. Еле заметно, но она успела зафиксировать. И тут уже расплылась в улыбке от всей широты души. Безмятежно, как человек с кристально чистой совестью.

— Ну, — между тем, глубокомысленно протянул папаша Туран, — благодарить особо не за что. Ты сама себя спасла. А мои олухи чуть не опоздали.

— Старались, как надо, чтобы получилось, как попало? — подкусила оплошавших охранничков зловредная таария.

Чтобы на этот раз в её сторону зафыркали яраны. Она просто мастер заводить друзей — ничего не скажешь.

— Точно, — усмехнувшись, согласился вожак Яр-Наг. — Умеешь ты ударить прямо в цель.

— Вернёмся к возникшей распре, — впервые проявила нетерпение императрица.

Которую, в отличие от супруга больше волновала судьба не империи, а собственной проштрафившейся семейки. Дело-то в самой, что ни на есть, кровной вражде с господином Таа-Лейгардом. Где расчёт пойдёт не в металле любого достоинства.

Таа-Дайберы наверняка удовольствуются какими-нибудь отступными. Деньжат им подкинут или налоговых льгот. А то и кусок императорских владений пожалуют — не посядутся. Если уже не пожаловали: что-то у господина верховника больно рожа довольная. Впрочем, у него всего лишь мальчика обокрали — невелика важность.

А вот у Таа-Лейгарда украли самого ребёнка. И отец Руаны с полным правом может потребовать смерти любого из родичей похитителя — если не найдёт самого преступника. А того отыскать стопроцентно не выйдет. Кто ж отдаст на съедение мальчонку, отнявшего у тааров девку? Это дело принципа — понимала Руана, чуя грядущую беду.

И досадуя на тот факт, что сама оказалась в центре событий. Ати хоть приятный приз за это получит: свободу и мужа. А её сестра лишь геморрой. Где справедливость?

Император повозился на троне, с неохотой принимая тот факт, что пора приступать к главному. Он глянул исподлобья на отца похищенной невесты и постарался принять располагающий к собеседнику вид:

— Маруш, мы с тобой старые приятели. И давай без обвиняков: мне бы не хотелось раздувать из этого дела кровавую распрю. Понимаю, что оскорбление нанесено. Однако позволю себе напомнить: твою дочь увезли вовсе не силой. Её не похитили. Так что хорошо подумай, прежде чем сказать своё слово. Какова твоя цена за оскорбление?

— Кровь, — хмуро и, как показалось Руане, не слишком твёрдо потребовал расплаты отец.

Она ожидала открытого возмущения, но северяне молчали, как рыбы. Хотя все, кого она видела перед собой, буквально пожирала глазами таара, замахнувшегося на жизнь одного из них. Даже братья Яр-Тураны — на которых Руана старалась не смотреть — проявили недюжинную выдержку. А их отец вообще являл собой образец всем довольного человека.

— Чья кровь? — тотчас открыла торги императрица.

Как лицо — в отличие от мужа — лично заинтересованное.

Император протянул к ней руку и накрыл ею угрожающе сжатый кулак супруги. Дескать, как бы не решилось дело, он будет стоять за свою собственную семью. За жену, родившую ему сыновей. Даже мерзавец может быть настоящим мужиком — мельком одобрила Руана его намерения. И постаралась сохранить на лице хотя бы видимость бесстрастного ожидания того, как решится судьба её семьи.

— Похитителя, — заявил о своём праве господин Таа-Лейгард.

Руана довольно сносно знала писанные законы империи. Оттого и тревожилась: по какому пути пойдут эти проклятые торги за жизнь? Как тут же выяснилось: не зря тревожилась. Закон подлости, преследовавший Ольгу дома, нашёл её и здесь.

Вели-Яр — как пятый по старшинству брат — покинул своё место у трона сестры. Вышел вперёд и холодно предложил:

— Возьми мою кровь.

Господин Таа-Лейгард дёрнулся, как от удара. Это было достойное предложение замены. Кровь более старшего и сильного брата в иерархии северных родов считается важней. В смысле соблюдения законов чести такая замена тянула на десять баллов из десяти. Отец это знал, но к удивлению и возмущению Руаны буркнул:

— Нет,

Брови императрицы сошлись на переносице. В глазах вспыхнуло, но тотчас погасло алое пламя — супруг сжал её руку так, что побелели пальцы. А к пятому сыну Яр-Ната присоединились близнецы. Сразу двое — что уж и вовсе нечто запредельное.

— Возьми и мою кровь, — слаженно и довольно спокойно предложили себя Ягди-Яр с Жести-Яром, встав плечом к плечу с братом.

Это был перебор. Во всех смыслах. Руана покосилась на отца и заметила в его глазах огонёк несгибаемого упрямства.

— Нет, — чётко и непоколебимо отверг он сумму выкупа за жизнь похитителя дочери.

Пере-Яр присоединился к братьям подозрительно вкрадчивой походкой, какую Руана заметила у бойцов на ринге. И хотя за меч назл не хватался, ей стало не по себе.

— Возьми и мою кровь, — с плохо скрытой угрозой в голосе повторил второй по старшинству сын вождя Яр-Ната.

— Нет! — как и предчувствовала Руана, отчаянно каркнул отец.

Она неприкрыто пробежалась взглядом по лицам главных участников судилища. Таа-Варуг торжествовал и даже не скрывал этого. Без своих братьев императрица становилась более доступной мишенью. Во всяком случае, её сыновья уж точно. Таа-Дайбер задумчиво

хмурился, явно не одобряя происходящее. Но, пока не вмешиваясь в несправедливый торг сорвавшегося с катушек собрата.

На лицах предложивших себя в качестве жертвы Яр-Туранов опять ничего не прочесть. У Радо-Яра тем более — чурка деревянная! И он ещё смеет обижаться, когда не слышит от неё слов любви. У самого-то с этим не очень: не может даже мимолётным взглядом поддержать свою — как они все изволят выражаться — женщину. Ну, погоди же — мысленно пообещала ему Руана кучу проблем, вернувшись к анализу.

Итак, на лице Мстиры необоримое желание, несмотря на последствия, уничтожить на месте зарвавшегося таара. На лице самого императора напряжённое ожидание развязки, которую ему предстоит разруливать. Однако никаких предпочтений любой из сторон на нём пока не читалось.

Наконец, лицо Турана Яр-Ната оставалось бесстрастным. Хотя угрожающий гул голосов набухающих злобой яранов затопил зал под самый потолок. Казалось, ещё немного, и гражданская война начнётся прямо здесь. С кучи трупов, в принципе, предусмотрительно помалкивавших тааров.

Те, до кого Руана смогла дотянуться взглядом скошенных глаз, выглядели по-разному. Кто-то обалдел от чудовищных требований сбрендившего собрата. Кто-то неодобрительно хмурился. Кто-то трусил, то и дело косясь на выход из зала.

И тут её посетила оглушительная догадка. Которую Руана тотчас попыталась выпихнуть прочь из головы. Но та вылетела в одно ухо, покружилась вокруг её замордованной головушки и влетела в другое. А дальнейшие события поспешили доказать, что преданная анафеме догадка пострадала безвинно.

Радо-Яр стронулся с места и медленно подошёл к братьям. Махнул им рукой: дескать, прочь отсюда. Те упрямо набычились и даже подались в сторону, однако не ушли.

— Тебе ведь нужна моя кровь? Да? — негромко поинтересовался старший из братьев Яр-Туранов.

Но в наступившей абсолютной тишине каждое слово падало на головы людей с оглушительным грохотом. Все сразу всё поняли. Руане даже показалось, что выдохнули в едином порыве людей, избежавших колоссальной опасности.

— Да, — так же негромко и неожиданно спокойно подтвердил Таа-Лейгард.

— Только время потеряли, — проворчал император, ободряюще улыбнувшись супруге.

После чего иронично ухмыльнулся в ответ на ошарашенный взгляд таарии.

— Ну что? — спросил у неё монарх. — Допрыгалась?

Руана опомнилась и поспешно развернула повисшие плечи. Напустила в глаза побольше испарившейся решимости и максимально невозмутимо согласилась:

— Видимо, да. Хотя можно и поспорить. Последнее слово, как я понимаю, не сказано.

— Так, скажи его! — внезапно зло проорал Викрат из-за спины отца.

Посмотрев в его сторону, Руана зацепила краем глаза и лицо Багены. На котором было написано: ну же, ну! Да и господин верховный советник Таа-Дайбер пялился на неё откровенно выжидательно. Зато его коллега готов был сожрать поганку, которая вполне может отчебучить что-нибудь несусветное. Того и гляди, опять сунет в колёса его замечательных планов целое бревно.

Вообще-то на задиравшую подбородок таарию в этом зале не тарацились только колонны. Каждой сволочи интересно: скатится голова старшего Яр-Турана с богатырских плеч, или пронесёт?

— Вот же гадство, — выскочило из Руаны по-русски.

Хотя до сих пор ни разу не возникало желания вспомнить родную речь.

— Что?! — вылетело из большинства глоток вокруг неё.

Как интересно — светилося на мордах Таа-Дайбера и папаша Турана. Эта парочка манипуляторов разглядывала превосходно знакомую им девицу так, словно та вылупилась буквально на их глазах. Вылупилась, и её тут же поставили перед выбором: или замуж, или будет хуже.

Руана прислушалась к себе: замуж ей не хотелось. То есть, абсолютно. Ни под каким предлогом. Тем более на условиях людоедских традиций северян. Которые буквально во всём перегибают палку.

Нет, Радо-Яр ей дорог. И даже очень. А уж виновницей его смерти стать... вообще... Это просто ужасно!

— Что ж, — чудовищно деловым тоном подвёл черту император. — Наконец-то, мы пришли к соглашению. Таа-Лейграду предложено искупление вины рода Драх-Нат-Туранов. И он его...

— Руана! — прозвенело под сводами так звонко, что виновница «всего и везде» чуть не подпрыгнула.

Она обернулась на голос: Катиалора смотрела на неё с холодной непреклонностью хирурга, объявившего, что сгнившую ногу надо резать. В голове тут же взвихрился целый рой возмущённых воплей, сводившихся к одному: почему за всё должна платить она одна?! А не те подлецы, что спровоцировали тарарам, требуя теперь от бедной ни в чём не повинной девушки искупительной жертвы. Норовя бросить её на алтарь, хотя она даже не девственница.

Один гадёныш соблазнил её сестру — юную неопытную девочку — и сманил в побег. Наплевав на то, что она вообще-то чужая невеста. Другой гад — не удержавшись, одарила она Радо-Яра злым взглядом — помог паршивцу всё перевернуть. Пока остальные гоняли её с места на место, на голубом глазу раздавая советы угомониться и топать домой.

Папаша Туран был в курсе и не остановил отпрысков — и не пойте ей баллад о его неосведомлённости! А Таа-Дайбер? Почему у Руаны такое чувство, будто эта парочка интриганов заранее договорилась разойтись по-хорошему? Только отчего-то не взяла в расчёт возможную реакцию Таа-Лейгарда.

Который, узнав, что его единственную и взаправду горячо любимую дочь прибрал к рукам один из назлов, взбеленился. И теперь требует именно его крови. Радо-Яр — и никто другой — в глазах отца единственный и навеки проклятый им оскорбитель. Катиалора права: плевать ему на Ати. Уметелила, и хрен с ней. А вот его драгоценную Руанайну никто не смеет у него отнимать.

Ну? И что ей делать? Нет, она реально должна выбирать? Здесь и сейчас? Это же не выбор между отцом и парнем. Которые сначала поцапаются, набьют друг другу морду, а после сядут пить мировую. Это выбор между целыми мирами...

Так — дойдя в своих громогласных витийствованиях до этого момента, неожиданно успокоилась Руана. А вот здесь она принялась беззастенчиво кривить душой. Потому что выбор уже сделан. Потому что таары ей чужды во всём, чего не коснись. Их с виду благопристойное криводушье приводит её в уныние. И вечно провоцирует кусаться — иногда даже подзуживает распускать руки.

Яраны же... Эти ребята ей нравятся. Не только свободолобием — чёрт бы с ним. Нет,

они сумели доказать весьма требовательной представительнице иного мира, что умеют расставлять приоритеты. Способны, наступив себе на горло, жертвовать собственными хотелками. И даже глобальными интересами ради чего-то большого. Общего и безгранично серьёзного.

Одна Мстира чего стоит — невольно взглянула Руана на императрицу. Вот, Катиалора понукнула падчерицу принять справедливое решение. Спасти голову назла, наплевав на непереносимость мысли о спонтанном и необратимом шаге: замужестве, к которому она абсолютно не готова. Даже толком не знает: Радо-Яр действительно ей нужен? На всю жизнь? Такой, как есть?

А императрица смотрела на девицу, в руках которой его жизнь, бесстрастным взглядом. Скрутила себя в жгут, завязала узлом и ждёт решения свободного в своём праве выбирать человека.

Сам же виновник «торжества» не удостоил таарию даже мимолётным взглядом. Этот уж точно ни о чём не попросит. И отец его не попросит, и братья. Чёртовы гордецы!

Казалось, столько успела передумать, пережить, а на деле полминуты не прошло. Потому что за это время произошло всего два события. Отец велел своей супруге заткнуться и не вмешиваться. А император дал тот же совет ему — будто откуда-то издалека долетело до сознания Руаны. И вывело из ступора.

Она встряхнулась. Оглядела, как говорится, присутствующих и брякнула:

— Мне вообще-то уже двадцать.

— Да, ты что! — раздражённо восхитился император, нарочито выкатив глаза из орбит. — А я-то думаю: что с тобой не так?

— То, что я родилась, — возомнив, будто сейчас ей можно всё, съязвила таария. — Такое ощущение, что всем мешаю. Целой империи. Как вы мне все надоели! — вырвалось у неё из самых глубин замордованной души.

Что вызвало кучу недоумённых взглядов у всех, кроме непосредственных участников событий.

— Отец, — повернулась к нему Руана. — Прости, но я...

Он резко отмахнулся. Молча склонил голову перед императорской четой, развернулся и помаршировал на выход. Именно помаршировал, демонстрируя несгибаемую волю в намерении, как можно, дольше не прощать неблагодарную дочь.

Катиалора вышла из толпы, подошла к ней и обняла. Заглянула падчерице в глаза и тихо молвила:

— У вас всё получится. Ты сумеешь.

Затем почтительно кивнула монархам и легкой походкой аристократки поплыла вслед за мужем.

Руана же поймала направленный на себя прищур Радо-Яра и проворчала:

— Получится, как же. Он прямо горит желанием постараться.

— Мне ты не нужна! — ледяным тоном отчеканил этот гордый, етить-колотить, римлянин.

Цезарь, прущийся в Сенат без бронезилета и огневой поддержки.

— Значит, я со спокойной душой могу выйти за другого, — безмятежно отозвалась Руана. — Вели-Яр, ты, кажется, имел на меня виды? Я согласна.

Вообще-то особенно на его смекалку не рассчитывала. Но умничка Вир не подвёл. Тряхнул башкой и голосом, преисполненным победного торжества, изрёк:

— Ты сделаешь меня счастливым на всю оставшуюся жизнь.

Развод так себе. А для такого умника, как Радо-Яр, и вовсе шито белыми нитками. Но этот Цезарь внезапно доказал простейшую истину: и на старуху бывает поруха. Руана не учла размеры и насыщенность его ревности. Он дико сверкнул синими глазами и ляпнул:

— Нет!

— А другой твой брат? — с видом привередливой покупательницы осведомилась она.

— Хватит! — выдохнул назл, сообразив, что эта зараза с него не слезет.

И что уж ей-то категорически точно плевать на их заморочки с честью и традициями северян.

— Так! — рявкнул император, притопнув ногой. — Мне всё это надоело! Или вы оба принимаете окончательное решение, или я...

— Мы вступаем в брак! — пришлось повысить голос Руане, дабы переорать разбушевавшееся величество.

— Точно? — моментально утихомирился монарх.

— Да. Мы тут подумали, и я решила: пора, — припомнилась ей хохма, широко распространённая на её Родине.

А здесь вызвавшая уже приевшуюся реакцию: кто-то захмыкал, а кто-то и беззастенчиво заржал.

— Бедный мальчик! — демонстративно посетовал во весь голос верховный советник Таа-Дайбер. — Надо ж было свалиться такому счастью.

— Прекрати! — досадливо оборвала его издевательства императрица.

После чего подалась вперёд всем телом — едва из платья не выпрыгнула. Уставилась на невесту взглядом всё той же Горгоны и холодно уточнила:

— Ты уверена? Понимаешь, что будет, если ты встретишь того, от кого не сможешь отказаться?

— Тогда вы меня закопаете, — пожала плечами Руана, не сдержав усмешки. — И у всех на душе сразу полегчает. Нет тела, нет проблем.

Эта сомнительная хохма почти никого не развеселила. Зато столкнула с места жениха. Он подошёл к невесте и хмуро посмотрел этой балаболке в глаза:

— Ты уверена? Пока я жив, ты не будешь принадлежать никому другому.

Остановился, между прочим, спиной к монаршей чете. Ужасно неприлично даже для брата императрицы.

— Пока ты жив? — тихонько, чтобы никто не услышал, съязвила Руана. — Меня это устраивает.

Он вдруг расслабился и бросил хмуриться. Развернулся лицом к императору и взял её за руку:

— Я, Радо-Яр, старший по праву рождения Яр-Туран из рода Драх-Нат-Тураное объявляю, что эта женщина моя жена!

— Аллилуйя, — буркнула под нос Руана.

— Попались, — потёр руки папаша Туран, благосклонно взирая на свою вторую невестку, заполученную в рекордные сроки.

Что при склонности его мальчиков кобелировать на свободе колоссальный прогресс.

— И пропали, — с деланной, но весьма трагичной безнадёгой Кассандры махнул рукой Таа-Дайбер.

— Посмотрим, — задумчиво пробормотала Мстира.

Взгляд которой Руана расценила, как благодарный и многое обещающий. Оставалось надеяться, что в смысле императорских благодеяний, а не контроля за её нравственностью.

— Итак! — громыхнуло на весь зал хорошо поставленным императорским баритоном.

Руана сразу отключилась, игнорируя его программное выступление по поводу знаменательного события, призванного укрепить, олицетворять и так далее.

Она пошевелила в громадном кулаке затёкшими пальцами, и прошипела:

— Больно!

— Потерпишь, — мстительно прошипел в ответ её без пяти минут супруг.

— Рискуешь, — процедила она сквозь сжатые губы.

Так они цедили и шипели всё время, покуда высокие собравшиеся господа то ли благословляли их, то ли проклинали, требуя высылки паразитов за пределы империи. Их Руана тоже не слушала. У неё занятие поважней: она ругалась с мужем.

— Поклянись, что мы сегодня же уедем.

— Я не даю клятв женщинам, — прямо-таки на глазах борзел северянин.

— С Ати всё в порядке?

— С ними, — подчеркнул он, что та уже не одна, — всё хорошо.

— Кто из вас станет новым хозяином Лейгарда?

— Что? — опешил от неожиданности назл.

Даже брови задрал, что с его каменной рожей случалось редко.

— Ты что, даже не думал об этом? — реально обалдела Руана.

— В голову бы не пришло, — досадливо нахмурился Радо-Яр. — Мне-то уж точно такое счастье ни к чему. Я не стану возиться с вашим поместьем.

— Создатель! — закатила глаза невеста и вздрогнула.

Над их головами как раз съехались клинки мечей. Ритуальный знак того, что теперь-то ей не удрать.

— Я вышла за болвана, — нарочито горестно пожаловалась она сверкавшим клинкам.

Те холодно звякнули: мол, сама допросилась.

— У него ещё пять братьев, — ядовито процедил невесте Пере-Яр.

— Ты прав, — машинально отгавкалась та, — паршивое приданое.

Яр-Тураны захмыкали и развели по сторонам мечи. Ритуал закончен. Теперь любой, кто поднимет на таарию хвост, огребёт в кровники весь их клан с императором в довесок.

Надо отдать новообретённому супругу должное: тот всегда относился серьёзно к её желаниям. И теперь, едва церемония была окончена, тотчас увёл молодую из зала. Прямо на императорскую верхотуру замка, где клан Драх-Нат-Туранов занимал целое крыло.

В центре которого располагался небольшой мрачный холл без окон. В центре которого возвышались три знакомых Руане сундука. На одном из которых восседала Урпах и что-то ковыряла в потёмках иглой.

— Мамушка, темно же, — шмыгнула к ней Руана.

И прижалась так, словно её оторвали от груди кормилицы на долгих двадцать лет.

— Сгодится, — фыркнула та и придиричливо осведомилась: — Ну? Сладили, наконец-то?

— Вот, — махнула рукой Руана, небрежно указав на подошедшего назла. — Мой муж. А ты что, ушла из дома?

— А мне что, — ядовито проквакала кормилица, — дожидаться, покуда меня оттуда выгонят?

— Для матери моей жены, — встрял Радо-Яр, — всегда будет лучшее место у нашего

очага.

— Досталось же дуре такое счастье, — благосклонно кивнула ему Урпах.

Он склонился над предательницей и заговорщически процедил:

— Почаще ей об этом напоминай.

Затем разогнулся и велел подоспевшему слуге устроить госпожу Урпаху со всем старанием. А сам всё подпихивал Руану в сторону одной из выходящих в холл дверей.

— Когда мы уезжаем? — уточнила она, с показной неохотой пяясь в заданном направлении.

— Утром.

Это было сказано тоном человека, обещавшего только один раз.

— Ты к нему несправедлива, — отмёл Радо-Яр все обвинения, что потоком изливались из ядовитых уст жены. — Он сделал то, что должен был. Иначе бы не досчитался двух из трёх своих верховников. А эти мерзавцы здорово полезны для империи.

— Не рассказывай мне о его святой обязанности сохранять целостность империи, — попросила Руана, так и не сумев вытравить из голоса сарказм. — И о моём священном праве сдохнуть во имя её же. Для этого у нас есть вы. А я рождена для собственных удовольствий.

— Мму-у, — поддакнул под хозяйкой Мордатый, ревниво косясь на чёрного гиганта рядом. Бык назла был едва ли не на голову выше. Зато в ширине грудины и длине рогов они могли бы поспорить. Что явно не давало покоя Мордату, ибо первая же попытка это проверить вызвала отпор всадников.

— Ты смотри! — издевательски восхитился трусящий по другую сторону от Руаны Пере-Яр. — А я-то думал, ты рождена для того, чтобы во всём угодить моему брату.

— Это сколько угодно, — максимально серьёзно пообещала она и деловито уточнила: — Когда начинать? Прямо руки чешутся.

— Отстань от неё, — усмехнувшись, посоветовал невозмутимый молодожён, удерживая пытавшегося разогнаться и вырваться вперёд быка. — А то не поздоровится.

— Кстати, — припомнился Руане один из советов Багены. — Мне тут растолковали, что жена старшего брата остальным братьям что-то вроде матери.

— Только попробуй, — зловеще оскалился Пере-Яр, косясь на неё смеющимися синими, как небо, глазами. — Я тебе не верховник.

— Дашь отпор?

— Сбегу!

Радо-Яр покосился на супругу и спросил:

— Ты долго собираешься дуться на Бруста?

— Я должна обдумать это прямо сейчас? — тотчас надулась Руана, не понимая, к чему ей вообще напоминать о коварном монархе.

Познакомилась, не сошлись характерами, попрощались и забыли.

— Дней через десять он явится в нашу крепость, — посерьёзнев, предупредил Пере-Яр.

— Не надо, — машинально лягнула она, моментально поверив в угрозу новой встречи.

— Надо, — принялся хмуриться её муж.

— Зачем?

— Запад зашевелился.

Вроде недавно знакомы, но Руана уже могла растолковать все вздувавшиеся на его лице желваки, надбровья и прочие бугры. Он так это сказал, что стало страшно. По-настоящему.

— Будет война? — разом испортилось её такое замечательно с самого утра настроение.

Она отправлялась в новую жизнь. Которая после первой брачной ночи рисовалась исключительно замечательной. Не оттого, что ночь проистекала бурно и приятно. А потому что Радо-Яр пообещал ей сногшибательную вещь. Не для неё, а для собственных сородичей, которые сроду подобного не практиковали.

Если поймёшь, что не хочешь со мной оставаться, я тебя отпущу — сказал он. На полном серьёзе. Категорически не желая такое обещать, но в очередной раз переступив через себя. Ну, как не полюбить такого лапусю?

— Большая война, — в тон старшему брату подтвердил Пере-Яр. — Потому Бруст и решил разругать проблему с заговором верховников одним махом. Умри таария, и у засранцев пропал бы смысл затеваться.

Радо-Яр покосился на жену и пояснил:

— Тогда он ещё не знал о нас. А когда узнал, расстроился.

— Да, что ты! — восхитилась жертва неудавшегося покушения. — Мне его пожалеть?!

— Не шуми, — спокойно попросил её муж не выкаблучиваться.

И Руане тотчас расхотелось это делать. В самом деле: чего разошлась? Так сильно обиделась? Прямо, невыносимо, забываемо и непрощаемо? Чуть! У них тут, оказывается, на носу большая война, а она кочевряжится.

При том, что в её новой семье, куда не плюнь, попадётся в назла. А те — по их военной иерархии — в каждой бочке затычка. Жутко даже думать, сколько сыновей папаши Турана доживут до капитуляции. Если он сам до неё дотянет. Отсутствие руки у северян не повод косить от мобилизации.

А войны с притащившимися из-за Срединных гор магами ни разу не заканчивались в сжатые сроки. Вечно растягивались на годы — если не на десятилетия. Фееричное начало семейной жизни — просто закачаешься!

— Не буду, — улыбнулась она мужу и вдруг машинально выдала: — Плюнули и забыли.

Вполне себе привычная, ни к чему не обязывающая формула из прошлого. Которая моментально раздраконила любопытство Пере-Яра:

— Всё-таки отец прав: ты странная. Не похожа ни на ваших баб, ни на наших. Будто выросла в каком-то незнакомом месте среди чужаков.

Она бы отшутилась, кабы Радо-Яр не бросил на неё мучительно испытующий взгляд. Прямо все своим видом подзуживая: ну, давай, колись, если не хочешь, чтобы между нами встала какая-то опасная ложь. Он всё время об этом думает — неохотно признала Руана. И будет думать. Только теперь у него появилась возможность ещё и доставать: она ж теперь под боком.

И тут её посетило особое состояние русских, протекающее под несмываемым водкой или кровью девизом: а гори оно!..

— Вы не поверите, — предупредила бывалых воинов домашняя девочка.

— Мы постараемся, — демонстративно покосился на брата Радо-Яр.

Дескать, если не хочешь говорить при нём...

— Словом, — ухнула она в признание, будто в ледяную воду, — я не из вашего мира.

— Ну, и что? — нетерпеливо понукнул её Пере-Яр конкретизировать.

— Грах! — посмотрела на него Руана, как на дебила, но тут же до неё дошло: — Да нет! Речь не о таарах. Я вообще не из этого мира, где живёте вы. А теперь и я.

Братцы Тураны помолчали. Быки помычали, приветствуя несущихся навстречу яранов. Когда они разминулись с четвёркой несущихся куда-то тигров, Пере-Яр осторожно уточнил:

— Ты ведь не свихнулась от счастья? Потому что, если ты из мира демонов, тогда тебя...

— Каких демонов? — опешила махровая атеистка, вновь не сразу уловив ход его мыслей. — Создатель! Не городи чуть, — она с досадой возвела очи к небу и проворчала: — Жаль время к полудню. Звёзд не видать.

— А зачем они тебе? — спросил Радо-Яр, уставившись туда же с таким интересом, словно впервые обнаружил над головой что-то непонятное.

— Так, — решила Руана начать с самого начала. — Что вы знаете о вселенной?

— О вселенной? — озадаченно переспросил Пере-Яр.

— Придётся вас кое в чём просветить, — деловито объявила сверх образованная для аборигенов таария.

Почему бы и нет? Погода отличная, дорога дальняя. Быки шли ровной спокойной иноходью, и могут так шпарить долго. Самое время для небольшой лекции.

Которая оказалась бесконечной. На каждую новость об устройстве небес назлы набрасывались, как собаки на волка. Приходилось растолковывать кучу побочных и вообще посторонних вещей. Руана возопрела, с каждой минутой всё больше страшась, что не справится с ролью педагога.

Однако она вновь их недооценила. Ребята и поняли — в общих чертах — и поверили. В связи с чем здорово напряглись. Особенно муженёк, спохватившийся, что женился на ком попало. На весьма подозрительной захватчице тела бедной девушки, чудом выжившей после скачки на Мордатом. Который пыхтел под ней и довольно похрюкивал в предвкушении скорого отдыха.

Наконец, Пере-Яр первым отважился ознакомить лектора со своим просвещённым мнением:

— Так, ты что же можешь в любой момент так же улетучиться? И мой брат останется с этим безмозглым телом? Ничего себе женился! — вдруг возмутился он открывшейся аферой с телами и мутными инопланетянками.

— Улетучиться я могу только привычным для вас способом, — устало прокомментировала Руана идиотский вывод назла.

Которого, видимо, слишком часто лупят по башке чем-то тяжёлым.

— Умереть? — правильно понял её самый умный и непробиваемый муж.

— Точно.

— Тогда всё в порядке, — удовлетворённо кивнул он и заметил: — Думаю, другим не обязательно об этом знать. Разве только отцу? Грах, что думаешь?

— Думаю, — нахмурился тот, — и ему не стоит. А то отнимет у тебя жену. И станет её целыми днями трясти: что там у вас, да как там? А дети от этого у тебя не появятся.

— Пожалуй, — согласился Радо-Яр и чуть подавшись вперёд, заглянул в глаза скакавшей рядом жены: — Хорошо, что я тебя встретил. Мне понравилось то, что ты рассказала. Расскажешь ещё?

— Сразу же после победы, — пообещала Руана максимально твёрдым голосом.

— Ты что, собираешься со мной? — тут же помрачнел он, приготовившись препираться.

Но внезапно передумал. Сощурился на какую-то далёкую точку над горизонтом. Помолчал и нехотя проворчал:

— Со мной, так со мной.

— Да уж, попался ты, брат, — не одобрил его решение Грах.

— И пропал, — пожал тот плечами.

Покосился на жену и усмехнулся.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net